В. Н. Виноградов

Очерки общественно-политической мысли в Румынии

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

В. Н. ВИНОГРАДОВ

Очерки общественно-политической мысли в Румынии

Вторая половина XIX — начало XX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1975

В монографии дана широкая картина развития общественно-политической мысли в Румынии второй половины XIX и начала XX в. Автор показывает кризис буржуазной идеологии, анализирует различные оттенки консервативной мысли, а также особенности буржуазного национализма в Румынии. Большое внимание в работе уделено революционным течениям, борьбе левых в румынской социал-демократии. Заключительные разделы книги содержат анализ специфических черт реформизма в социалистическом движении Румынии.

В $\frac{10601\text{-}336}{042(02)\text{-}75}$ 68-75

© Издательство «Наука», 1975 г.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ 1848 г.

Вторая половина XIX — начало XX в.— важная веха в истории Румынии, эпоха создания единого национального государства, торжества капиталистических отношений, время зарождения и нарастания классовой борьбы пролетариата, взаимодействовавшей с унаследованным от феодализма движением крестьян против помещиков. Все это определяло теснейшие связи идеологии и политики — социальная мысль быстро облекалась в политические программы. Поэтому на страницах этой книги будут фигурировать как теоретики, так и политики, не говоря уже о том, что зачастую между ними трудно провести грань.

В переломные эпохи,— а охватываемый работой период является таковым в истории Румынии,— с особой отчетливостью видно, что «...действительная история есть база, основа, бытие; *за коим* идет сознание»[1]. Объективно существующая зависимость общественных идей от определенных классовых интересов выражалась в формировании общественно-политических течений в виде либерализма, консерватизма, разного рода националистических концепций. В борьбе с идеологией буржуазно-помещичьих кругов крепли и развивались течения, выражавшие в идеологической сфере интересы и потребности трудящихся масс — революционный демократизм, а затем и марксизм, опиравшийся в Румынии, как и повсеместно, на традиции национальной прогрессивной общественной мысли, впитавший и критически переработавший все то ценное и жизнеспособное, что содержало ее наследие. Поэтому анализ социальных и политиче-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 237.

ских идей позволяет воссоздать картину духовной жизни страны в той ее части, которая ближе всего стоит к социально-экономической действительности и теснее всего переплетается с классовой борьбой.

Нельзя сказать, что история общественно-политической мысли в Румынии — малоисследованный сюжет. В СРР создано много трудов, посвященных мировоззрению видных ее представителей [2]. Появились подобные работы и в СССР, хотя еще и в небольшом числе. Что касается трудов обобщающего характера, они пока исчисляются единицами. Можно назвать выпущенную более десяти лет назад в Бухаресте «Историю общественной и философской мысли в Румынии» и посвященную другой эпохе книгу Влада Джорджеску «Политические идеи и просветительство в Румынских княжествах. 1750—1831» [3]. Следует отметить докторскую диссертацию Ю. Я. Баскина, посвященную развитию общественно-политической мысли в Молдавии и Валахии во второй четверти XIX в.[4]

Все указанные труды отличает широта постановки проблем, охват большого числа направлений, солидная источниковедческая и историографическая основа.

Но принцип построения упомянутых книг вызывает известное возражение.

Так, В. Джорджеску пишет, что он следует «концепционному, а не монографическому, по писателям», методу анализа, делает упор на теоретические аспекты, а не практическую политику [5].

Однако создается впечатление, что он создал свой труд на основе проблемного, а не концепционного метода. В самом деле, вот темы отдельных глав исследования: «Критический дух»; «Европейский динамизм»; «Юго-восточноевропейские элементы»; «Теории о человеке и обществе». Такая структура работы позволяет собрать воедино высказывания мыслителей самых разнообразных оттенков по определенному вопросу; но она же

---

[2] Литература приведена в соответствующих очерках.

[3] «Istoria gîndirii sociale şi filozofice în România». Buc., 1964; *Vl. Georgescu.* Ideile politice şi iluminismul în Principatele române. 1750—1831. Buc., 1972.

[4] *Ю. Я. Баскин.* Развитие общественно-политической мысли в Молдавии и Валахии во второй четверти XIX в. Л., 1964. Докт. дисс.

[5] *Vl. Georgescu.* Op. cit., p. 13.

мешает воссозданию и анализу системы их мировоззрения. Концепция выступает лишь при исследовании совокупности взглядов того или иного лица или течения общественно-политической мысли. Структура же, избранная Вл. Джорджеску, приводит к тому, что течения и направления с их классовой обусловленностью, разложенные «по полочкам» отдельных глав, оказываются разорванными на куски. Так, в главе «Критический дух» соседствуют высказывания руководителя валашского восстания 1821 г. Тудора Владимиреску и Михаила Стурдзы, будущего молдавского господаря и душителя революции 1848 г.[6] Подобная структура оказывает влияние и на содержание работы. На первый план выступает то, что объединяло мыслителей, т. е. проблемы национального освобождения,— и отступает то, что их разделяло, а именно, размежевание по социально-политическим проблемам и путям их разрешения.

По иной схеме построен труд «История общественной и философской мысли в Румынии». Каждый раздел в нем начинается краткой характеристикой соответствующего периода в развитии страны. Затем идут сгруппированные по течениям небольшие по объему очерки, посвященные отдельным мыслителям. Стремясь дать читателю как можно более полное представление о процессе, авторы ввели в свой труд множество персоналий. Но большое число коротеньких эссе оставляет в целом несколько мозаичное впечатление.

При написании настоящих очерков автор не ставил перед собой цели осветить историю общественных идей в широком смысле слова — историю философии, социологии, права, эстетики, т. е. «совокупность всех идеологических форм в их единстве и целостности»[7], стремясь показать существовавшие в Дунайских княжествах, а затем в Румынии представления о путях ее социального, экономического и политического развития в тесной связи с историей страны в целом.

---

[6] Диссертация Ю. Я. Баскина построена по тому же проблемному методу, однако в ней четче прослежены идеологические направления. Надо сказать, что по отношению к 20—30-м годам XIX в. в связи с дифференциацией течений в идеологии и политике это сделать легче.

[7] *А. И. Новиков.* Ленинизм и прогрессивные традиции русской общественной мысли. Л., 1965, стр. 22.

Автор сознательно ограничил рамки исследования важнейшими проблемами эпохи, волновавшими современников. Поэтому в книге не существует какого-либо перечня вопросов, единого для всех очерков, а предпринята попытка показать основные течения общественно-политической мысли и выделить наиболее ярких ее представителей. Отсюда — проблемно-хронологический принцип подхода к материалу.

Отдельные очерки посвящены сравнительно немногим лицам. Объясняется это, между прочим, следующим: буржуазная идеология в Румынии пережила стремительный подъем и вскоре вступила в полосу упадка. Осуществление классовых целей капитала пагубно сказалось на творческом потенциале его духовных выразителей. «Социальная мысль,— указывал акад. Г. П. Францев,— может возникнуть и развиваться лишь в том случае, если настоящее представляется людям не как вечное и неизменное. Когда же явления общественной жизни воспринимаются как застывшее, путь для размышлений о них закрыт» [8].

Разумеется, было бы неверным утверждать, что в конце XIX столетия буржуазная мысль в Румынии исчерпала себя; но несомненно, что ее поразила бацилла социальной удовлетворенности, сузив сферу идеологических поисков, усилив оправдательные и охранительные тенденции.

Наконец, в «Очерки» не включен ряд деятелей, оставивших определенный след в области общественно-политической мысли, но прославившихся в иных сферах человеческого духа. Поэтому читатель не найдет на страницах книги, скажем, выдающегося поэта Михаила Эминеску, хотя, будучи редактором консервативной газеты «Тимпул», он немало писал по социальным и политическим вопросам. Отсутствует в ней и видный философ Василе Конта, «фундаментальные проблемы социальной жизни не составляли объекта» его исследований, а в политике он «занимал в некоторых случаях реакционные позиции, продиктованные экономическими интересами классов, с которыми он был связан» [9].

---

[8] *Г. П. Францев.* Исторические пути социальной мысли. М., 1965, стр. 5.

[9] «Istoria gîndirii sociale şi filozofice în România». Buc., 1964, p. 286, 288.

* * *

Общественно-политическая мысль в Румынии второй половины XIX в. впитала в себя достижения предыдущих эпох и отражала в опосредованном виде, в сфере идеологии, социальные и политические реалии Дунайских княжеств. Она опиралась на богатое идеологическое наследие, оставленное революцией 1848 г.

Дунайские княжества в течение нескольких веков входили в состав Османской империи. Их экономика была привязана к архаичной системе турецкого феодального государства; национальная культура подавлялась — вплоть до XIX в. в княжествах не существовало даже школ на родном языке. Однако уже первые признаки надвигавшегося кризиса феодального строя сказались и в сфере мысли. В XVIII в. в княжествах становятся известны труды западноевропейских, главным образом французских, просветителей — Монтескье, Вольтера, Фенелона, Руссо и других. Показателен выбор первых переводов на родной язык. Ими стали две ныне почти забытые работы Вольтера — «Набат королей к суверенам Европы» и «Перевод поэмы Иоганна Плокова, гольштинского советника, о делах нынешних». В них Вольтер прославлял Екатерину II как «освободительницу» христианского Востока. Появились они в 70-е годы, когда велась русско-турецкая война, завершившаяся Кючук-кайнарджийским миром, пробившим важную брешь в системе турецкого владычества на Балканах. Так в княжествах причудливо переплеталось идеологическое влияние передового Запада с сознанием того, что реальный путь национального освобождения лежит в опоре на Россию.

Просветительная идеология стала знамением времени.

Религиозное мышление отходило в прошлое. Место веры в провидение занял рационализм; разум стал считаться движущей силой общества, которое никто из тогдашних мыслителей не рассматривал как нечто незыблемое и неизменное. Педагоги и юристы облекали в одежды естественного права еще туманные контуры новых общественных отношений. «Ни один закон,— провозглашал в 1814 г. молдавский правовед Андронаки Донич,— не должен укреплять то, что противоречит естествен-

ному ходу вещей и справедливому суждению»; цель законов — «служить родине и охранять ее права» [10]. Политические идеи развивались и давали о себе знать в проявлениях, объяснявшихся исторически конкретной обстановкой в княжествах. Турецкое иго преломлялось в умах мыслителей в понятие азиатчины, ему противопоставлялось требование европеизации, приобщения к достижениям европейской цивилизации и культуры. Прозябание на окраине Османской империи порождало дух критики. Последние могикане молдо-валашского летописания Дионисие Еклезиархул и Зилет Ромынул мрачными красками рисовали жизнь на родине, «к которой присосалось множество пиявок», ограбление крестьянства, интриги, царившие при господарских дворах.

Происходившие почти постоянно русско-турецкие войны ставили в повестку дня самые животрепещущие вопросы национального и государственного существования и давали выход мысли, воплощавшейся не только в трудах «книжников», но и в конкретных программах общественного переустройства — составление первой такой программы относится к 1760 г. Перспектива падения Османской империи рождала множество проблем — что будут представлять из себя новые государственные образования, каковы будут формы власти и кто будет управлять? Наиболее однозначный ответ давался по вопросу о том, кому должна принадлежать власть.

Просвещение в княжествах носило дворянский характер, его виднейшие представители в XVIII в. принадлежали, как правило, к крупному боярству, которое стремилось реформировать, но отнюдь не ликвидировать феодализм. Боярство, по их мнению, и должно управлять страной. Бóльшие вариации отмечались в вопросе о форме власти. Единодушным было осуждение деспотизма — отношение к турецкому господству предопределяло эту позицию; сторонники «естественного права» относили деспотизм к явлениям противоестественным. Республиканцев можно было пересчитать по пальцам, и мечтали они о правлении аристократии из «великих родов». Течение в пользу просвещенного абсолютизма было преобладающим.

Социальное развитие Дунайских княжеств не только в

[10] Цит. по: «Istoria gîndirii sociale şi filozofice în România», p. 112

XVIII, но даже в начале XIX в. еще не достигло ступени, необходимой, чтобы выделить буржуазно-демократическую струю в общественной мысли. Даже в тех случаях, когда «книжники» принадлежали к разночинцам (Д. Фотино, Г. Лазэр, монах Наум Рымничану), они представляли мелкое боярство и торговцев, тесно связанных с крупным землевладением. Отсюда — сугубая осторожность в подходе к аграрному вопросу, отсутствие в их трудах даже теоретического обоснования необходимости сокрушения феодализма.

Сказанное выше объясняет и противоречивое отношение к Великой французской буржуазной революции. Она вызвала большой интерес в передовых кругах Дунайских княжеств. Однако нельзя сказать, что ее программа попала здесь на подготовленную почву. Если идеи национального суверенитета встретили здесь понимание, то социальные требования отклика не вызвали [11], а гильотина вызывала осуждение мыслителей, слывших радикальными (Н. Рымничану, Д. Фотино).

Лишь через полстолетия молдо-валашское общество созрело для принятия лозунгов 1789 г.— их влияние на революцию 1848 г. в княжествах велико и несомненно.

Первым крупным свидетельством кризиса феодального строя явилось валашское восстание 1821 г. под водительством Тудора Владимиреску. В своей знаменитой Падешской прокламации Тудор писал: «Ни один закон не препятствует человеку на зло отвечать злом: когда змея подползает, ударь ее камнем, чтобы защитить свою жизнь...

Так не мешкайте, торопитесь, приходите все: у кого есть оружие — с оружием; у кого нет — с железными вилами и копьями; спешите туда, где, как вы услышите, находится собрание, созванное для добра и пользы всей страны. И что вам посоветует Великое собрание, тому и следуйте, и куда оно вас позовет, туда и идите. Хватит с нас, братья, тех времен, когда слезы не высыхали на наших лицах.

И знайте, что никто из вас не волен во время этого Собрания, полезного народу, взять крупицу добра, тронуть дом купца, горожанина или крестьянина или дру-

[11] Не случайно сочинения греческого революционера-демократа Ригаса Велестинлиса, поклонника и последователя Французской революции, не были переведены ни на один из балканских языков.

гого жителя, а только злодейством скопленное добро и имущество тиранов-бояр» [12].

Мы привели этот отрывок, свидетельствующий как о величии движения, так и о недостаточной четкости его социальных требований. Повстанцы не сумели выработать сколько-нибудь ясной программы. Иначе и быть не могло в условиях, когда в экономической жизни еще лишь робко пробивались ростки новых отношений.

И после потопленного турецкими карателями в крови восстания Тудора Владимиреску власть в Яссах и Бухаресте сохранили крупные бояре. Слабость немногочисленной буржуазии, представленной главным образом купцами (промышленники тогда насчитывались единицами), ее тесная связь с помещичьим землевладением проявились в том, что она не возражала против стремления феодалов добиться расширения производства на несколько видоизмененной феодальной основе.

В 1829 году миром, подписанным в Адрианополе, закончилась русско-турецкая война. Важные статьи договора относились к положению Дунайских княжеств в составе Османской империи. Их можно считать завершением серии актов, вырванных у Турции в результате войн и способствовавших ослаблению зависимости от нее Молдовы и Валахии [13].

Эта страница румынской истории, являющаяся в то же время важной вехой русско-румынских отношений, заслуживает особого внимания.

В Адрианополе было постановлено: «Оным княжествам предоставляется свобода богослужения, совершенная безопасность, народное независимое правление и право беспрепятственной торговли» [14]. Молдова и Валахия должны были пользоваться полным внутренним самоуправлением. Османским пашам запрещалось в какой-либо форме и под любым предлогом вмешиваться в их дела. Турецкие крепости на левом берегу Дуная подлежали срытию. После более чем столетнего перерыва в

---

[12] «Documente privind istoria Romanie. Răscoala din 1821», v. I. Buc., 1959, p. 207—208.

[13] Кючук-кайнарджийский договор 1774 г., Ясский договор 1791 г., хатт-и-шериф 1802 г., Бухарестский договор 1812 г., Аккерманская конвенция 1826 г.

[14] *Т. Юзефович.* Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869, стр. 74.

княжествах возродились национальные вооруженные силы (армия). Ликвидировалась существовавшая прежде (хотя и неполная) турецкая монополия на их внешнюю торговлю. Это положение договора имело особое значение: Молдова и Валахия, прежде отрезанные от внешних рынков, приобщались к ним и вскоре стали одной из житниц Западной Европы.

С 1829 г. начался период быстрого экономического и культурного подъема Валахии и Молдовы. В «Статистическом описании Княжества валашского», составленном всего через четыре года, говорилось: «С тех пор как Адрианопольским трактатом край сей обеспечен от алчности турок, торговля края объявлена свободной, Браиловский порт открыт, и отсель более 400 кораблей отплыли, наполненные хлебом, и цена оного возвысилась вдвое и даже втрое против прежнего, а с тех пор валахи начали чувствовать, сколько выгодно для них будет, если улучшить хлебопашество в крае...» [15]

Имеющиеся сведения, несмотря на их неполноту, позволяют составить представление об этом процессе. Так, посевные площади под зерновыми и только что начавшим внедряться картофелем возросли в 1829—1838 гг. в Молдове вдвое, а под основной экспортной культурой — пшеницей — даже вчетверо. В Валахии рост шел еще быстрее и, по некоторым данным, за 10 лет (1830—1840 гг.) площадь пшеничных полей увеличилась в десять раз. Внешняя торговля переживала крутой взлет: вывоз из княжеств всего за два года (1831—1833) увеличился с 25,5 до 81,5 млн. леи [16].

Возникает вопрос: каким путем был достигнут столь значительный подъем? Происходил ли рост только вширь, либо он сопровождался значительными изменениями в характере аграрных отношений, в самом государственном устройстве княжеств?

В начале 30-х годов XIX в. русская администрация княжеств (в которых русские войска стояли до 1834 г.) во главе с генералом П. Д. Киселевым при участии комиссий, состоявших из крупных бояр, выработала для

---

[15] Цит. по: *В. Я. Гросул.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия. М., 1966, стр. 338.

[16] *Z. Orenstein.* Gîndirea social-economica inaintata din Ţările Româneşti la mijlocul secolului XIX.— «Probleme economice», 1956, N 7, p. 120.

Валахии и Молдовы конституции, известные под именем Органических регламентов.

Создатели этих документов явно стремились упорядочить государственное устройство княжеств, где до того царил произвол, и в какой-то степени привести его в соответствие с потребностями времени. Регламенты несколько упорядочили административную, судебную и таможенную систему. В княжествах была введена медицинская и санитарная служба, созданы национальные вооруженные силы. Был провозглашен чисто буржуазный принцип равенства жителей перед законом. Торговля, говорилось в регламентах, является «подлинным источником общественного благополучия» [17]. И это не было пустой декларацией — наступивший после Адрианопольского мира экономический подъем приносил молдо-валашской буржуазии вполне ощутимые выгоды.

Но регламенты — глубоко противоречивые документы. П. Д. Киселев и его сотрудники сознавали необходимость нововведений, но, будучи выразителями интересов царизма, они опирались в княжествах на крупное боярство. Поэтому регламенты отражали взгляды прежде всего этой прослойки тогдашнего молдо-валашского общества, в них проявилось стремление способствовать развитию производительных сил, не меняя основ существовавших производственных отношений. И это совершенно явно проявилось в важнейших разделах регламентов, посвященных аграрному вопросу.

После заключения Адрианопольского мира и последовавшего за ним быстрого роста земледелия боярство стремится до минимума ограничить площадь предоставляемых крестьянам участков с тем, чтобы на остальной земле развивать собственное хозяйство, либо сдавать ее тем же крестьянам в аренду по «добровольному» соглашению, условия которого диктовал, разумеется, земельный собственник. Поскольку вырабатывавшие регламенты комиссии состояли из крупных бояр, их усилия увенчались полным успехом. Крестьяне могли получить у помещика (в зависимости от количества числившегося в хозяйстве рабочего скота) в Молдове — 3,4—7,7 га, в Валахии — и того меньше — 2,2—4,4 га. Сюда входили

[17] Статья 154 Органического регламента для Валахии.— Архив внешней политики России (АВПР), ф. Главный архив V-А2, 1854, д. 176.

и пашня, и луга, и пастбища, и приусадебный участок.

Крестьяне были обязаны «в обмен» на предоставленную землю нести на помещика повинности. Феодальное общество — общество обычая; поэтому законодатели «сохранили» в регламентах существовавшие и ранее 12 барщинных дней в году. Цифра, на первый взгляд, скромная. Однако средний «дневной урок» по разного рода сельскохозяйственным работам был составлен таким образом, что, по выражению К. Маркса, внимательно изучавшего аграрные отношения в Дунайских княжествах, «ни один циклоп не справился бы с ним в сутки» [18]. В результате в 40-е годы крестьянин работал на помещика в Молдове 60—70 дней в году, в Валахии — около 56 дней, значительно больше, чем прежде. Маркс с полным основанием охарактеризовал регламент, как «кодекс барщинных работ», который «был, конечно, продиктован самими боярами» [19].

Еще в одном отношении положение крестьян по Органическим регламентам ухудшилось. Регламенты подтвердили личную свободу крестьянина — формально крепостного права в княжествах не существовало с середины XVIII в. Однако признание права «свободного переезда» сопровождалось перечнем столь тяжелых условий, что подавляющее большинство крестьян было прочно прикреплено к «своему» помещику: переселенец обязан был предупредить о своем намерении боярина и власти за шесть месяцев до Юрьева дня; оплатить за год вперед барщину и прочие повинности в пользу землевладельца и государства; оставить (безвозмездно) помещику свой дом, сад и огород; внести поголовную подать за все годы вплоть до следующей переписи (налоговые переписи производились раз в семь лет).

Нельзя пройти мимо еще одной особенности аграрных отношений по Органическим регламентам, которая долгое время не привлекала к себе внимания исследователей; сильно увеличив повинности крестьян помещикам, регламенты сократили существовавшие ранее поборы в пользу государства [20]. По подсчетам советского

---

[18] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 249.

[19] Там же.

[20] Исторической особенностью молдо-валашского феодализма являлось преобладание именно второго рода повинностей. Фундаментальное исследование типологических особенностей молдо-ва-

исследователя В. Я. Гросула, работа на бояр выросла в Молдове в 1,3 раза, в Валахии — в 2,5 раза. Государственные же налоги, вносимые крестьянами, уменьшились в 1,4—1,7 раза [21]. Таким образом, регламенты изменили формы, но не сущность феодальных отношений в сельском хозяйстве Дунайских княжеств, зафиксировав стремление крупных землевладельцев добиться расширения производства на старой феодальной основе, усиливая эксплуатацию крестьян и осваивая новые земли на базе старой рутинной техники.

Но возможности развития производительных сил на феодальной основе были незначительны и скоро исчерпали себя. Запас «свободных» земель был израсходован. Уже в 40-е годы освоение новых площадей сократилось, а в 60-е деревня задыхалась в тисках земельного голода. Феодализм с его экстенсивными методами обработки земли и слабой заинтересованностью основного производителя — крестьянина в результатах своего труда тормозил рост сельскохозяйственной продукции.

Среди румынской буржуазии скоро наступило разочарование регламентами. Дух этих документов явно противоречил их букве. Утопичной была надежда на проведение буржуазных реформ руками феодалов — крупных бояр. Аграрные разделы регламентов потянули за собой на феодальное дно все прочие.

Внешнеторговый рывок принес торговой буржуазии и втянувшимся в коммерцию помещикам солидные прибыли. Но как их использовать? Несмотря на благие намерения составителей Органических регламентов, вопреки расточаемым ими по адресу промышленников и торговцев комплиментам, условий для развития промышленности в маленьких феодальных государствах не существовало. Деревня жила замкнутым натуральным хозяйством и поглощала минимум промышленных товаров. Внутренний рынок оставался узким. Фактическое прикрепление крестьян к земле делало острой проблему свободных рабочих рук, необходимых для развития национальной индустрии. Иностранные товары почти беспрепятственно проникали в княжества; стоявшие у кормила правления крупные бояре мало интересовались

лашского феодализма см. *П. В. Советов.* Исследования по истории феодализма в Молдавии. Кишинев, 1972.

[21] *В. Я. Гросул.* Указ. соч., стр. 309.

развитием местного производства, да и не имели формальных прав на его защиту: на Молдову и Валахию распространялась турецкая таможенная система. Княжества постепенно превращались в аграрный придаток развитых стран Западной Европы. Налаженной кредитной системы не существовало. Банки отсутствовали. Ростовщичество процветало. О введении в Молдове и Валахии национальной денежной системы в Стамбуле и слышать не желали. Пути сообщения находились в жалком состоянии. Коррупция, злоупотребления разъедали государственный аппарат сверху донизу.

Передовые общественные силы Дунайских княжеств стали смотреть на регламенты, на страже которых стояли дворы — сюзеренный, турецкий и, покровительствующий, царский,— как на символ феодального застоя. Крестьянство требовало освобождения от «клаки» (барщины). В 1847 г. княжества поразило двойное бедствие — засуха и нашествие саранчи. Отказ от работ на помещиков, выступления против них, бегство из родных мест с осени 1847 г. не прекращались.

Городская торговая и ремесленная буржуазия выражала протест в связи с такими средневековыми привилегиями бояр, как освобождение от налогов и право основывать в имениях предприятия, не платя при этом за патент.

Были причины для недовольства и у довольно многочисленной прослойки мелкого и среднего боярства. От государственных дел оно было фактически отстранено и выступало против самоуправства нескольких семей «великих бояр», сосредоточивших в своих руках власть и управление. Сравнительно небольшие имения давали, в условиях феодальной эксплуатации крестьян, низкие доходы. Именно эта прослойка оказалась наиболее восприимчивой к капиталистическим формам сельского хозяйства. Знакомство с опытом Франции, Англии и Германии, стран с гораздо менее плодородными землями, с которых снимали урожаи в 2—3 раза выше румынских [22], приводили этих представителей помещичьего класса к мысли о необходимости экономических и политических перемен. И то, что поверхностному наблюдате-

---

[22] *A. G. Golesco.* De l'abolition du servage dans les principautés Danubiennes. Paris, 1856, p. 108.

лю казалось абстрактным увлечением идеями свободы, равенства и братства, на самом деле было стремлением к буржуазным преобразованиям существующего социально-экономического уклада страны. Поэтому значительная часть мелкого и среднего боярства и в Молдове и в Валахии, составляя один лагерь с буржуазией, при слабости и малочисленности последней явилась в нем ведущей силой.

В условиях таких крутых экономических, социальных и политических перемен развивалась общественная мысль в княжествах в 20—40-е годы XIX в. Время широких политических акций еще не наступило. Тем интенсивнее и плодотворнее шли идеологические поиски. Осуждение феодализма, разочарование в Органических регламентах способствовали процессу дифференциации течений в общественно-политической мысли. На развитие общественного сознания продолжали оказывать сильнейшее воздействие идеологические формы, сложившиеся в странах Запада, прежде всего во Франции и Германии; причем если идеи Французской революции становятся знаменем демократических и либеральных группировок, то постепенно оформляющиеся консервативные течения обращаются к реакционным сторонам классической немецкой философии эпохи реставрации, к осуждению демократии и прославлению королевского абсолютизма. Политический деятель и ученый СРР Лукрециу Пэтрашкану так характеризует общественное движение в Дунайских княжествах в 20—40-е годы: «Социальные силы, действовавшие на поверхности, еще туманные и разрозненные в 1821 г., обретают сознание, возникают группы, объединяющие эти силы, начинают оформляться требования, составляться программы, складывается идеологическая база» [23].

В общественной мысли продолжает доминировать просветительство. Но оно все более расчленяется, наряду с чисто критическим его направлением, которое ограничивается осуждением феодальных порядков с позиций разума и естественного права, не предлагая взамен ничего конкретного, отчетливее, чем раньше, выступают более действенные его формы, вооруженные той или иной программой борьбы.

[23] *L. Pătrăşcanu.* Un veac de frămîntări sociale. 1821—1907. Buc., 1969, p. 115.

В 20-е годы один из образованнейших людей Румынии боярин Динику Голеску, совершив путешествие по Западной Европе, был потрясен контрастом между порядками там и у себя на родине: «Ум человеческий содрогается, когда вспоминаешь, что творенье божье, человек, наш брат... повергнут наземь...» [24] Он обличал роскошь и расточительство того класса, из которого вышел, боярства, жившего за счет труда барщинников, и был деятельным борцом за национальную культуру, одним из основателей литературного общества (1827 г.). Но в области социальной Д. Голеску не шел дальше столь же благонамеренной, сколь и туманной формулы «объединение ради общей пользы».

Тогда же на ниве просвещения подвизался Ефросин Потека, в воззрениях которого протест против зол феодализма проявлялся боевитее и ярче. Он писал о бесчеловечности рабства любого рода, требовал отмены боярских привилегий, ликвидации всех социальных несправедливостей. «Доколе будем мы посмешищем и позорищем для просвещенных народов Европы? До коих пор мы будем прозябать во мраке невежества?» [25],— восклицал Потека. Но выход он видел в просвещенном абсолютизме.

Веху в культурном развитии Дунайских княжеств составила деятельность Иона Элиаде-Рэдулеску. Он сочетал дар педагога, писателя, ученого и журналиста. Продолжатель дела Георге Лазэра, основателя первой румынской школы Св. Саввы, издатель первых в Валахии газет, основатель (вместе с Динику Голеску) «Литературного общества», видный деятель театра, он являлся также создателем научной грамматики румынского языка.

В публицистике Элиаде просветительские черты проявлялись вполне отчетливо. Он верил в безграничную силу разума: «Преодолеем все преграды, укротим моря, переместим горы, превратив их в долины: победоносная мощь ваших орудий одержит верх в битве против сил природы» [26]. И. Элиаде-Рэдулеску пережил увлечение утопическим социализмом Шарля Фурье. Однако оно

[24] *D. Golescu.* Insemnari a călătoriei mele. Buc., 1955, p. 72.
[25] «Istoria gîndirii sociale şi filozofice în România». Buc., 1964, p. 135—136.
[26] Ibid., p. 141.

было чисто созерцательным и никак не проявилось на практике — политиком Элиаде был крайне умеренным.

Утопический социализм, принесенный из Франции, оказал влияние, помимо И. Элиаде, и на некоторых других мыслителей в княжествах. Ему отдали дань Теодор Диамант, Ион Иопеску де ла Брад, Чезарь Боллиак. Диамант не ограничился его пропагандой, а попытался претворить идеал в жизнь, учредив (1835 г.) в Скэени фурьеристский фаланстер, один из первых в Европе, существовавший недолго.

Значительные социально-экономические и политические сдвиги в Дунайских княжествах привели к своего рода «политизации» общественной мысли. Идеологи 20—40-х годов, спустившись с высот философских и социологических обобщений, занялись проблемами социального и государственного переустройства. Идея просвещенного абсолютизма переживала кризис, чему немало способствовало правление в Молдавии Михаила Стурдзы, а в Валахии Григория IV Гики, которые в теории принадлежали к ее сторонникам, а не практике показали образец абсолютистского произвола. Большинство молдо-валашских мыслителей той поры принадлежало к поклонникам конституционной монархии. Голос оппозиции крупнобоярскому правлению звучал все громче. И. Росетти-Розновану предлагал распространить политические права на мелких бояр, ограничить финансовые прерогативы князя, ввести принцип разделения властей. Его сын Николае в «Важном трактате» (1822 г.) высказывался в пользу системы законов, ограничивающих права монарха и строго регламентирующих его функции. Ион Тэуту в «Карбонарской конституции» (1822 г.) выступал за то, чтобы наделить широкими полномочиями «Общественный совет», превратив князя в хранителя законов и почти номинального главу администрации. Он же в 1829 г. разработал положение о выборах господаря, допуская к ним всех, кто имел доход свыше 1 тыс. лей в год, либо земельную собственность в сто фалч [27]. Так совершился переход — пока в идеологии — от средневекового критерия сословного представительства к чисто буржуазному, имущественному.

---

[27] «Texte privind dezvoltarea gîndirii social-politice în România», v. I. Buc., 1954, p. 114—115. Фалча=1,42 га.

Но, выступая против самодержавия, провозвестники буржуазной общественно-политической мысли в княжествах давали отпор идее народовластия, представлявшейся им в виде анархии. По словам того же Тэуту, «деспотизм одного лица, тирания аристократии, анархия толпы суть три зла, одинаково смертельно опасные для общества и для государства, и никто не может сказать, какое из них хуже» [28]. Подобного же мнения придерживались И. Фотино и Н. Рымничану.

История Молдовы и Валахии в 30-е годы XIX в. знала немало заговоров, т. е. движений узких, охватывавших единицы, что отражало неразвитость новых, заинтересованных в буржуазном строе сил. Участниками их были и крупные, и мелкие бояре, и буржуазия. Цели заговорщиков были столь же сложны и противоречивы, как и их состав. Иногда в них проявлялась борьба между различными группировками боярства за власть и влияние. Но возникали и кружки, выставлявшие важные требования — национального освобождения, равенства граждан перед законом, свободы печати, ликвидации крепостного состояния цыган, отмены протектората, фактически установленного царской Россией над княжествами после Адрианопольского мира. О ликвидации феодальной общественно-экономической системы, о замене ее новым, буржуазным строем «путчисты» 30-х годов еще не помышляли.

В 40-х годах общественное движение вступило в качественно новый этап, связанный с кризисом системы Органических регламентов и растущим пониманием необходимости слома феодализма снизу доверху, от аграрных отношений до государственного аппарата. В октябре 1840 г. в Бухаресте было раскрыто тайное общество Димитрие Филипеску, отличавшееся от прежних числом членов и размахом требований. Хоть сам Филипеску принадлежал к старому боярскому роду, все прочие участники были выходцами из разночинцев, небогатыми офицерами, мелкими помещиками, служащими. В конспирации участвовали и совсем юный Николае Бэлческу, тогда юнкер валашской милиции, и ученый из Трансильвании Ефтимие Мургу. Выработанная обществом программа предусматривала установление респуб-

[28] *Vl. Georgescu.* Op. cit., p. 100.

лики, отмену института боярства, ликвидацию феодальной системы, превращение крестьян в наследственных свободных арендаторов. Его участники рассчитывали на поддержку армии и крестьян[29] и по сути дела ориентировались на революцию.

Заговор был раскрыт, его руководители, после допросов с применением пыток, брошены в тюрьму, кроме Бэлческу, которого, по несовершеннолетию, поместили в монастырь. Выйдя оттуда по амнистии в 1843 г., молодой революционер вместе с Ионом Гикой и Христианом Теллем создает общество «Фрэция» («Братство»), стремившееся вовлечь в движение массы — мелкую буржуазию, крестьянство и городские низы.

Взрыв европейской революции послужил сигналом к выступлениям в Молдове и Валахии, подготовленным всем ходом их предшествующего развития. По выражению Фридриха Энгельса, Варшава, Дебрецен и Бухарест стали последними рубежами революции[30]. В эти решающие моменты истории общественно-политическая мысль не выливалась в объемистые фолианты, а чеканилась в программы и овеществлялась в конкретных акциях. В них подводились итоги, к которым подошло сознание.

* * *

При анализе расстановки классовых сил в 1848 г. в Молдове надо учитывать, что в самой правящей верхушке здесь царили глубокие разногласия. Даже часть крупного боярства была недовольна деспотическими методами правления и самовластием господаря Михаила Стурдзы, «слава» о казнокрадстве и административных злоупотреблениях которого перешагнула пределы страны. Революционное движение снизу сочеталось в Молдове с оппозиционными тенденциями в «верхах».

Известия о революции во Франции, Германии и Австрии, восстание 3 (15) марта в венгерской столице Пеште привели в волнение всю страну. 27 марта в ясской гостинице «Петербург» состоялось собрание с участием более тысячи человек бояр, как мелких, так и

---

[29] *Э. А. Джапаридзе.* Заговор Д. Филипеску (из предыстории революции 1848 г. в Валахии).— В кн. «Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время». М., 1974.

[30] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 9, стр. 33.

крупных, купцов и ремесленников, не только столичных, но и прибывших из провинции. Оно обсудило требования, которые затем были сформулированы в виде «петиции-прокламации» особым, избранным для этой цели комитетом и вручены господарю.

Начинался документ с призыва к строгому соблюдению Органического регламента. Далее шли требования гарантии неприкосновенности личности, отмены телесных наказаний и цензуры, преобразования школы, введения ответственного министерства, освобождения политических заключенных, роспуска отрядов иноземных наемников, создания национальной гвардии и т. д.[31] Главный вопрос в жизни Молдовы, аграрный, в петиции был сформулирован в общих выражениях: высказывалось пожелание срочно улучшить положение крестьян, урегулировав их отношения как с помещиками, так и с правительством. Об отмене барщины и наделении крестьян землей ни в одном из 35 пунктов петиции не говорилось.

В целом петиция носила явно компромиссный характер и отражала разнородный состав сил, выступивших против господаря. Она содержала ряд важных буржуазно-демократических положений. И в то же время взгляды оппозиционного Стурдзе, но по существу своему консервативного крупного боярства ощущаются в этом документе вполне определенно. Радикально настроенные буржуазные круги пошли на значительные уступки умеренным. Объяснялось это тем, что в Молдове их стремление произвести желательные преобразования, не прибегая к помощи масс, проявилось особенно отчетливо. Объяснялось это не только слабостью буржуазии, но и таким специфическим обстоятельством, как наличие в ее среде большого числа иностранцев. Каждый второй торговец и владелец мастерской был здесь иностранным (чаще всего — австрийским) подданным и, в соответствии с неравноправными договорами Турецкой империи, находился под консульской юрисдикцией, пользовался освобождением от налогов и другими привилегиями. Буржуазная струя в движении была поэтому здесь слабее, чем в соседней Валахии. Вовлеченные же в него

---

[31] «Anul 1848 in Principatele Române», t. I. Buc., 1902, p. 176—179.

мелкие и средние бояре опасались, что участие в революции крестьян приведет к захвату помещичьих земель. Живым примером являлась соседняя Галиция: в 1846 г. восставшие крепостные кровью панов написали свою программу аграрных преобразований [32].

Некоторые решительные деятели, например, Захария Молдовану, призывали провозгласить республику. Отмечались и попытки вовлечь в движение крестьян обещаниями улучшить их участь. Но без четкой программы сокрушения феодализма, в первую очередь в деревне, буржуазные революционеры не могли повести за собой ни городских низов, ни тем более крестьянства.

Слабость движения, глубокие противоречия между его участниками использовал господарь. Оправившись от первоначального испуга, Михаил Стурдзе перешел к репрессиям. Было произведено около 300 арестов [33]. Главных «зачинщиков», 13 человек, отправили через Галац в Турцию. По пути некоторым удалось бежать и пробраться в Трансильванию.

Стурдза объявил после этого, что «недостойные люди с мятежным складом ума» утихомирены, коварные козни заговорщиков пресечены и «порядок» восстановлен. Но он поторопился. Движение перебросилось в деревню, где ширились волнения. Господарю доносили, что в селах началась «политическая эпидемия» и крестьяне решили, что настало время делить боярские земли. Стурдза направил в села отряды войск и обратился к Николаю I о помощи. Царские войска вступили в Молдову. Их присутствие прервало естественное развитие событий. Революционная ситуация так и не переросла в княжестве в революцию. Движение здесь имело ограниченно революционный характер, определявшийся слабостью буржуазии, боязнью революционной энергии масс и соглашательской позицией в аграрном вопросе.

Все это не означает, что в Молдове не существовало решительно настроенного буржуазно-демократического течения. Оно было, но вследствие быстрого по-

---

[32] *G. Colescu-Vartic.* 1848. Zilele revoluţionare. Buc., 1898, p. 94, 114.
[33] *C. Căzănişteanu, D. Berindei, M. Florescu, V. Niculae.* Revoluţia română din 1848. Buc., 1969, p. 157; «Anul 1848 în Principatele Române», t. I, p. 180.

давления движения не успело организационно выделиться и выдвинуть свою собственную программу требований [34].

* * *

События 1848 г. в Валахии по своему размаху, по степени участия в них народных масс, по глубине выдвинутых требований значительно превзошли молдавские. Надо учитывать, что буржуазия здесь была многочисленнее, что значительные слои боярства были вовлечены в торговлю, в первую очередь в экспорт зерна. В крестьянстве были живы воспоминания о восстании Тудора Владимиреску. Наконец, организация движения стояла на несравненно более высоком уровне.

Весной 1848 г. Ион Гика и К. А. Росетти возобновили деятельность тайного общества «Фрэция» в Бухаресте. В апреле в столицу из Парижа прибыли Н. Бэлческу и другие валашские революционеры.

Однако первые же совещания выявили расхождения о методах и сроках выступления, в которых отразились, как это быстро выявилось, разногласия в оценке характера предстоявших преобразований, в степени вовлечения и роли в них народных масс. На секретном заседании валашского революционного комитета 8 апреля Н. Бэлческу настаивал на участии в нем армии и предлагал выступить через три дня, на пасху. Однако большинство участников не согласилось с его смелыми планами. Советовали подождать, посмотреть, как развернется европейская революция, получить помощь из Франции.

Тем временем вспыхнувшее в Молдове движение было подавлено; французское правительство отделывалось туманными обещаниями [35]. В мае в революционный комитет вступила группа представителей умеренной буржуазии и боярства во главе с братьями Голеску и Ионом Элиаде-Рэдулеску. База комитета расширилась. Но это

---

[34] О взглядах буржуазно-демократически настроенных молдавских деятелей см. в очерке, посвященном Михаилу Когэлничану.

[35] *L. Pătrăşcanu.* Adevăratul 1848.— «Analele», 1968, N 2—3, p. 90. Надо сказать, что тогда же французский министр иностранных дел Ламартин «самым любезным образом» принял царского посла Н. Д. Киселева и говорил о желательности союза между Францией и Россией (*А. С. Нифонтов.* Россия в 1848 г. М., 1949, стр. 259).

имело и свои минусы. Политические взгляды Элиаде, сторонника компромисса с боярством, его протурецкая ориентация затрудняли подготовку революции. 8 апреля 1848 г. его газета «Курьер» вышла под лозунгом: «Ненавижу тиранию, боюсь анархии!» [36] Сам Элиаде впоследствии с полной откровенностью разъяснил мотивы своего сотрудничества с комитетом: он стремился «воспрепятствовать подстрекательским призывам, ультрарадикальным реформам и воинственному энтузиазму «Фрэции» [37].

Выработка программы происходила в обстановке глубоких расхождений. Два противоположных полюса олицетворяли Н. Бэлческу и Й. Элиаде. По настоянию первого в программу был внесен 13-й пункт, предусматривавший отмену феодальных повинностей крестьян и наделение землей за выкуп. Какое важное значение Бэлческу придавал этому требованию, видно из его позднейшего свидетельства: «Данная статья представляет особую и главную черту революции 1848 г.» [38]

Н. Бэлческу пришлось выдержать в комитете нелегкую борьбу за 13-й пункт программы. Его поддержали лишь А. Г. Голеску и Йон Гика. Ни радикально настроенный К. А. Росетти, ни братья И. и Д. Брэтиану, будущие руководители либеральной партии Румынии, не оказали Бэлческу помощи. Выступая в пользу довольно широкого круга реформ, эти выразители интересов городской буржуазии обращали сравнительно мало внимания на решение аграрного вопроса.

Так, уже в ходе дебатов по программе революции обрисовались три течения: либерально-радикальное; умеренное, а по существу капитулянтское; третье, революционно-демократическое, представлял по сути один Бэлческу, ибо А. Г. Голеску особым влиянием не пользовался, для знатного же боярина Йона Гики, вскоре посланного с дипломатическим поручением в Константинополь, выступление в пользу крестьян явилось случайным эпизодом. В дальнейшем он превратился в одного из столпов буржуазно-помещичьей Румынии. В этих условиях включение 13-го пункта в программу (хотя в

---

[36] *V. Netea.* C. A. Rosetti. Buc., 1970, p. 132.
[37] Ibid., p. 144.
[38] *N. Bălcescu.* Opere, v. I. Buc., 1953, p. 275.

нем ничего не говорилось ни о величине участков, ни о размерах выкупа) было значительной победой Бэлческу.

Выработанная комитетом программа выдвигала требования «административной и законодательной независимости румынского народа» (т. е. автономии), провозглашала равенство всех граждан перед законом, отмену титулов и рангов, создание ответственного министерства, образование национальной гвардии, свободу слова, собраний, печати, введение прогрессивно-подоходного налогообложения, всеобщее обучение всех детей до 12 лет; отмену рабства цыган. Предусматривалось проведение «прямых, свободных, широких выборов» в учредительное собрание, чтобы только «способности, добродетели, поведение и общественное доверие» могли привести человека в парламент страны. Господарь по сути дела превращался в президента республики (говорилось об его избрании на пять лет). Программа высказывалась против смертной казни и телесных наказаний, унижающих человеческое достоинство [39].

Несмотря на некоторые недомолвки (например, по вопросу о том, будут ли всеобщими «широкие выборы»), документ содержал широкую программу буржуазно-демократических преобразований.

Изложению конкретных положений программы предшествовала прокламация, написанная Й. Элиаде в присущем ему торжественном и даже высокопарном стиле, со ссылками на бога и небесное провидение и с призывами к миру и любви между классами. Не сохранилось свидетельств, почему Бэлческу согласился на эту последнюю декларацию, столь противоречившую его убеждениям. Возможно, он должен был «расплачиваться» таким образом за принятие 13-го пункта. Может быть, дело обстояло проще: известно, что Элиаде, прежде, чем отпечатать текст прокламации в принадлежавшей ему типографии, единолично ее отредактировал и внес поправки. Наверняка можно сказать, что обе стороны, и Элиаде и Бэлческу, надеялись, что в ходе событий восторжествует та линия, которую они проводили.

---

[39] «Anul 1848», t. I, p. 490—501. Русский перевод программы и прокламации см. *Н. Попеску-Доряну.* Революция 1848 г. в Румынии и Николай Бэлческу. М., 1950, стр. 151—162.

* * *

Поднять народ одновременно в разных местах страны не удалось. За Н. Бэлческу, отправившемся в уезд Прахова, полиция следовала по пятам. Выступление произошло в селении Ислаз (Олтения) 9 июня 1848 г. Через два дня зазвучал набат в Бухаресте. Из всех предместий толпы жителей хлынули ко дворцу. Здесь были ремесленники, торговцы, рабочие мануфактур, чиновники. Чуть позже к городским заставам стали стекаться крестьяне окрестных сел. Ни войска, ни полиция не оказали сопротивления.

Депутация во главе с Н. Голеску отправилась во дворец с текстом революционной программы, получившей название Ислазской прокламации. Господарь Георге Бибеску сопротивлялся недолго. Вид огромной толпы, запрудившей площадь, испугал князя и он, сидя между двумя членами революционного комитета, подписал прокламацию, присовокупив, что делает это по настоянию народа [40]. Тут же было образовано правительство.

Н. Бэлческу (еще не вернувшийся в столицу из Праховы) был введен в него на правах государственного секретаря с поручением заниматься внешними делами. Но ключевые посты в кабинете заняли умеренные (Н. и Шт. Голеску, Й. Элиаде). На посту военного министра был сохранен занимавший эту должность и ранее полковник И. Одобеску. Умеренные давали тем самым понять, что считают революцию законченной и готовы к компромиссу с боярством. С ними смыкались и представители либерально-радикальной группировки. На другой день после восстания в столице Константин Росетти в газете «Прункул ромын» («Румынский младенец») восторженно славил господаря, митрополита, игумена, духовенство и юношество: «Бояре, священники, торговцы, ремесленники — все обнимаются, кричат и плачут от радости, и нет человека в Бухаресте, который не участвовал бы в общей радости». И все это происходит «в обстановке глубокого спокойствия», «собственность священна для всех» [41].

Увы, это были лишь мечты прекраснодушного Росет-

---

[40] *C. Colescu-Vartic.* Op. cit., p. 150—153.
[41] *C. A. Rosetti.* Gînditorul. Omul. Buc., 1969, p. 90.

ти. Радовались далеко не все. Через два дня князь уехал из страны. Реакционные бояре учинили два заговора, подавленные лишь благодаря энергичному вмешательству народа.

В таких нелегких условиях оказалось правительство. В первые же дни своего существования оно освободило политических заключенных, предоставило гражданские права евреям и прочим «иноверцам», отменило смертную казнь и телесные наказания, боярские звания и связанные с ними привилегии, ликвидировало цензуру, провозгласило свободу слова, собраний и печати. Трехцветное, голубое, желтое и красное, знамя с девизом «Справедливость и братство» стало государственным. Было принято решение о создании национальной гвардии. Правительство отменило рабство цыган (с возмещением «убытков» их владельцам), образовало комиссии для подготовки реформ в области просвещения, финансов, администрации, налоговой системы, сельского хозяйства и промышленности, торговли и судоустройства.

По инициативе Бэлческу в уезды были направлены комиссары для пропаганды и разъяснения новых законов, идеи народовластия, для устранения из административного аппарата реакционеров.

В столицу в свою очередь прибывали представители уездов и волостей. На поле Свободы, окруженные тысячами бухарестцев, под звон колоколов они целовали крест и на евангелии клялись в верности новой власти.

В самом правительстве не прекращалась острая борьба. Н. Бэлческу при реорганизации кабинета, произведенной после бегства князя Бибеску, т. е. всего через три дня после выступления в столице, перевели на второстепенный пост одного из 4 секретарей (с правом совещательного голоса) и загружали командировками в провинцию, стараясь держать подальше от Бухареста.

Два важнейших вопроса ждали своего решения: выборы в Учредительное собрание и, главное, аграрный. Элиаде и его сторонники настаивали на создании сословного органа, в котором боярство и склонная к соглашению с ним буржуазия имели бы прочное большинство. По их проекту бояре, купечество и крестьяне должны были послать по 100 представителей в собрание. Эту программу поддержали и радикалы во главе с К. А. Росетти.

Бэлческу резко выступил против проекта. Революционная самодеятельность масс так ярко проявилась в критические для судеб страны дни, что загнать ее в сословно-представительные рамки было невозможно. После четырех заседаний Бэлческу удалось привлечь большинство министров на свою сторону [42]. 14 июля был опубликован декрет о созыве Учредительного собрания путем всеобщих двустепенных (а не прямых, как предлагал Бэлческу) выборов [43].

Однако крестьяне не хотели ждать, пока собрание приступит к работе. Они требовали немедленного улучшения своей участи. Из всех вопросов революции их прежде всего и больше всего волновал вопрос о земле и воле — ликвидации феодальных повинностей и получении в собственность земельных наделов. Только кардинальное решение аграрной проблемы могло породить тот революционный энтузиазм сбросившего феодальные путы народа, который был нужен для того, чтобы дать отпор внутренней реакции и развеять сгущавшиеся на границах тучи иноземного нашествия.

Между тем руководители движения вступили на путь уступок помещикам. 16 июня правительство издало постановление о незыблемости принципа частной собственности и заявило, что аграрный вопрос может быть решен лишь учредительным собранием. Оно уверяло, что бояре не являются врагами крестьян, что в тяжких бедствиях последних повинны дурные законы и административные злоупотребления, и призывало «братьев-крестьян» еще три месяца выполнять все причитавшиеся повинности [44]. Одновременно правительство обратилось к «братьям-помещикам», уговаривая их признать за крестьянами право на «маленький клочок земли, необходимый для пропитания» [45], и заверяя их, что государство позаботится о возмещении.

Константин Росетти уверял: «Пусть помещики не верят лживым выдумкам, будто у них отберут имения. Пусть будут уверены, что их имущество не тронут, пока не соберется, не обдумает вопроса и не примет решения

---

[42] *Gh. Georgescu-Buzău.* N. Bălcescu. Buc., 1956, p. 160.

[43] Декрет о выборах см. «Anul 1848», t. II, p. 495—500. Здесь же опубликован проект Н. Бэлческу.

[44] «Anul 1848», t. I, p. 615—616.

[45] Ibid., p. 620—621.

общественное собрание... Родина, наша общая мать, одинаково любит всех своих сыновей и позаботится о том, чтобы не пострадал крестьянин, стонавший до сих пор под гнетом, лишенный самых святых человеческих прав, чтобы он не оставался в униженном состоянии, и чтобы не пострадал также помещик, лишившись своего имущества» [46].

Однако призывы умеренного большинства правительства не имели шансов на успех. Крестьяне не понимали и не принимали «свободы», сохранявшей, пусть даже временно, феодальные цепи. Помещики в громадном большинстве не желали расставаться хотя бы с частью принадлежавших им угодий.

Деревня волновалась. Отказ от выполнения барщины принял массовый характер, причем крестьяне ссылались на Ислазскую прокламацию. «Разъяснений», сводившихся к тому, что временно надо работы продолжать, они не принимали. Иногда дело доходило до захвата боярского хлеба, покоса трав на помещичьих лугах. В отдельных случаях совершались нападения на усадьбы.

Н. Бэлческу с глубокой тревогой наблюдал за политикой своих коллег. Ему были одинаково чужды как сознательный курс Элиаде на примирение (фактически — на капитуляцию перед помещиками), так и иллюзии Росетти. Он видел положение в деревне таким, каким оно было на самом деле, и требовал решительных мер. Он писал своему другу А. Г. Голеску: «Крестьяне не верят обещаниям и спрашивают, почему им не дают землю сейчас. Мы совершили ошибку, надо было использовать победу и уничтожить пока хотя бы барщину. Иначе наша революция, являющаяся политической и социальной, будет проиграна наполовину, если не целиком» [47]. Понимали это и его немногочисленные единомышленники: «Румынская революция укрепится,— писал Йон Ионеску де ла Брад,— когда будет решен сложный вопрос о собственности [48].

Только 9 августа, когда валашская революция доживала последние недели, приступила к работе комиссия

---

[46] *C. A. Rosetti.* Gînditorul. Omul, p. 94—95.
[47] *N. Bălcescu.* Opere, v. I, p. 233—234.
[48] *D. Berindei.* L'idéologie politique de l'année 1848. In: «Nouvelles études d'histoire». Buc., 1970, p. 212.

из помещиков и крестьян для подготовки аграрной реформы. К. А. Росетти приветствовал ее восторженной речью: «Одна лишь туча затемняла небо нашей свободы — это был вопрос о собственности. Но отныне мы ничего не боимся: не боимся потому, что созвано это собрание, в котором сидят рядом богач и бедняк, счастливец и несчастный, бывший господин и бывший раб» [49].

Нечего и говорить, что призывы Росетти оказались гласом вопиющего в пустыне. Заседания комиссии вскрыли такую пропасть противоречий, что поиски компромисса оказались безнадежным делом. Саботируя ее работу, некоторые из делегатов-бояр прикинулись больными, другие вообще уехали из Бухареста. Девятое заседание комиссии оказалось последним — ее распустили. Надежды крестьянства на немедленное получение земли хотя бы за выкуп были развеяны в прах, решение аграрного вопроса отложено в долгий ящик. Случилось это, когда над Валахией нависла угроза турецкого вторжения.

* * *

Валашской революции с самого начала пришлось столкнуться с крайне сложной и неблагоприятной международной обстановкой. С севера надвигалась царская армия. На юге располагались войска сюзеренной Турции, внимательно и настороженно следившей за развитием событий в княжестве. Надежды на поддержку Парижа оказались иллюзорными.

Существовал крупный очаг революционного движения в Восточной Европе. Вспыхнувшие в Венгрии события по своему размаху, глубине и вовлечению в движение народных масс стали значительнейшим явлением общеевропейской революции. Они быстро распространились на Трансильванию, где, наряду с румынским населением, составлявшим большинство, компактными массами проживали венгры и немцы. Однако здесь ошибочная политика венгерского правительства в национальном вопросе, его отказ признать национальные права невенгерских народов, быстро привели к расколу единого на первых порах революционного движения румын,

[49] *C. A. Rosetti.* Gînditorul. Omul, p. 118.

венгров и немцев, обернувшегося трагической братоубийственной войной. Мало кто из видных румынских деятелей сумел подняться над разногласиями и понять, что интересы революции требуют упорной работы по их преодолению. Это были Ефтимиу Мургу, Николае Бэлческу, Чезар Боллиак, отчасти — Аврам Янку и некоторые другие.

Большинство же валашских руководителей устремило свои надежды в ином направлении. Исходя из бесспорного факта соперничества между Петербургом и Стамбулом, они решили сыграть на противоречиях между «покровительствующим» и сюзеренным дворами. Их действия нельзя считать только тактическим ходом. Несомненно, в них находила отражение позиция умеренного большинства валашского правительства, которое даже не помышляло об объединенных действиях с венграми. Если добавить робость в аграрном вопросе, что сужало социальную базу движения и подрывало его авторитет среди крестьян,— станет понятно, почему валашский кабинет попытался вступить на зыбкую почву комбинаций с Портой.

Действительно, в Стамбуле испытывали сильнейшие опасения, как бы царь Николай не воспользовался «смутой» в Валахии для того, чтобы усилить в княжестве позиции России, и на первых порах заняли выжидательную позицию [50]. В Петербурге же предпочитали, чтобы движение в Валахии подавили турки. Сказывалось тяжелое внутреннее положение в России: неурожай, эпидемия холеры, крестьянские волнения. Немалые «заботы» доставляли царизму и революции в других странах. Поэтому царь и вице-канцлер Нессельроде неоднократно выражали готовность возложить на султана восстановление «законного порядка» [51]. Стамбул, однако, не спешил воспользоваться предложенной «честью». Там рассчитывали использовать революцию для подрыва позиций царской России. Поэтому первые предложения Нессельроде были восприняты «холодно и с недовольством» [52]. Царские сановники, хотя и после колебаний, предприняли интервенцию в Молдове единолично.

---

[50] АВПР, ф. Главный архив V-А4, 1848, д. 1, л. 94.
[51] Там же, лл. 94—95, 100.
[52] Там же, л. 99.

Все эти обстоятельства учитывали валашские революционеры. Однако они допустили крупнейший просчет, считая, что русско-турецкие противоречия непримиримы. Они не учли того обстоятельства, что, сколь бы ни были значительны разногласия между Петербургом и Стамбулом, как бы ни были велики царившие подозрительность и недоверие, все это отступало на второй план перед общей задачей подавления революции. Поэтому замысел валашских руководителей — столкнуть царизм и султанскую Турцию и, заручившись поддержкой турецкого дивана, обезопасить себя от вторжения с севера — был бесперспективен.

План «умиротворить» турок и побудить их признать новые законы был не только утопичен, но и наносил определенный ущерб престижу временного правительства. Заверения в верности самой деспотической монархии в Европе невозможно было примирить с провозглашенными революцией принципами свободы.

Взятый правительством курс лишил его возможности использовать официально такое мощное оружие, как лозунг объединения Дунайских княжеств, создания единого румынского государства, к которому турецкие власти относились непримиримо. В княжестве было множество сторонников этой назревшей меры. Самым убежденным из них был Бэлческу. Горячим пропагандистом совместных действий революционных сил Молдовы и Валахии выступил К. А. Росетти. В первом же номере своей газеты «Прункул ромын» он обратился с призывом к жителям Молдавского княжества: «Объединяйтесь с нами, гоните тирана, чье имя останется навсегда покрытым позором в истории страны, поднимите знамя свободы и завоюйте священные права» [53].

Но в программных документах валашской революции требование объединения княжеств не фигурировало. «Политическая обстановка не позволила нам с самого начала вписать в программу вопрос национального объединения» [54],— писал Бэлческу. И это было, несомненно, слабостью движения в Валахии.

Заблуждения стремившихся к соглашению с Портой членов валашского правительства длились недолго. Ту-

---

[53] *C. A. Rosetti.* Gînditorul. Omul., p. 91.
[54] *N. Bălcescu.* Opere, v. I, part. 2. Buc., 1940, p. 130.

рецкий диван действительно направил в Валахию своего комиссара Сулеймана-пашу, способного дипломата, вполне пригодного для затеянной с валахами игры. Тем временем турки договаривались с царским послом в Стамбуле о совместных действиях в княжествах [55] и подготовили вторжение. 13 сентября турецкие каратели ворвались в Бухарест. Начался террор и грабежи. Руководители революции были арестованы.

15 сентября валашскую границу перешли русские войска; царизм стремился как можно скорее задушить движение. Кроме того, он опасался, как бы Турция, воспользовавшись оккупацией, не установила здесь своего единоличного влияния. Революционная Россия резко осудила жандармские акции царизма. Н. Г. Чернышевский писал впоследствии: в 1848 г. «без австрийского и русского охранения султан переехал бы жить в Эрзерум или Бруссу» [56].

* * *

Революция в Валахии закончилась поражением. Слабость буржуазии, ее страх перед народным восстанием и склонность уже в эти времена к компромиссу с реакцией, нежелание и неумение объединить силы с венгерской революцией явились внутренней причиной этой неудачи. Она не оторвалась от боярской пуповины и слишком тесно была связана с крупным землевладением, чтобы радикально решить аграрный вопрос и повести за собой крестьянство.

Буржуазия княжества, подобно немецкой, слишком поздно вышла на политическую арену, чтобы действовать с решимостью якобинцев 1793 г. Она была свидетельницей грозных классовых битв французского пролетариата.

Исключительно неблагоприятная международная обстановка, когда Валахия оказалась зажатой в клещах между двумя бастионами реакции в Европе, царской Россией и султанской Турцией, предопределила ее поражение.

И все же 1848 год навсегда останется в истории румынского народа. Народные массы, крестьяне и город-

[55] АВПР, ф. Главный архив V-А4, 1848, д. 1, л. 122.
[56] *Н. Г. Чернышевский.* Полн. собр. соч., т. X, стр. 302.

ская беднота, ремесленники, мелкие торговцы и интеллигенция сыграли в революции решающую роль, определили буржуазно-демократический характер движения.

1848 год явился значительным рубежом в истории общественно-политической мысли Дунайских княжеств. Существовавшие представления о путях общественного развития, государственного устройства, социальной структуры, экономических преобразований прошли горнило практики, в ходе которого произошла заметная поправка на опыт революции. Революция поставила вопрос, как воплотить в жизнь мечты о создании справедливого, демократического, прогрессивного общества. В какие формы государственных и социальных преобразований облечь, каким экономическим содержанием их наполнить?

1848 год в гораздо более четкой, чем прежде, степени показал, что различные слои и группировки смотрят на все эти понятия разными глазами, преломляя их сквозь призму своих классовых интересов.

Можно констатировать, что относительная самостоятельность идеологии в ходе самой революции и в последующие годы уменьшилась, а ее привязанность к социальным явлениям возросла. Важнейший итог революции — отход молдо-валашской буржуазии и тесно связанных с нею помещичьих слоев от революции, их переход на реформистские позиции, разумеется, отразился в идеологической сфере. Осуждение феодальных порядков, защита естественных прав человека, отстаивание принципов гуманизма — все эти общие положения, составлявшие багаж просветительства, сочетались с выработкой планов конкретных буржуазных или буржуазно-демократических реформ — и раздумьями над путями их осуществления. Социальный идеал, обретя более зримые формы, воплощался в той или иной разновидности буржуазного государства. Такой элемент социальной идеологии, как средства достижения цели, очень слабо проявлявшийся в начале XIX столетия, занял в общественно-политической мысли послереволюционной эпохи первостепенное место, превратившись в различные планы реформ. Произошла своего рода перегруппировка задач. Проблемы национального освобождения, звучавшие по причинам, упомянутым выше, несколько приглушенно в документах революции, хотя и не переставшие

занимать общественную мысль, выдвинулись как непосредственная цель борьбы, как ближайший общественный идеал.

Это был важнейший из уроков 1848 г., извлеченный всеми участвовавшими в нем течениями, от умеренных до революционных демократов. Борьба против внутренней контрреволюции и внешней реакции требовала сплочения всех антифеодальных сил, преодоления раздробленности, связанной с раздельным существованием двух княжеств, Молдавии и Валахии. Лозунг их объединения был поставлен в повестку дня. Его осуществление создало бы более благоприятные условия для формирования румынской буржуазной нации в рамках единого государства, способствовало бы решению антифеодальных задач, развитию по капиталистическому пути.

Образование нации — сложный процесс, включающий этнические, социально-экономические и историко-культурные факторы. Первичной, как всегда, является материальная сфера, определяющая мировоззрение вовлеченных в национальное строительство социальных слоев. При этом, однако, субъективное начало активно проявляет себя в культуре, идеологии, влияет на языковые процессы и экономику. Идеология играет столь важную роль, что в умах современников и участников процесса именно явления идеологического порядка нередко затмевают все остальные, а в их ряду на первый план выдвигаются те, которые связаны с пробуждением национального самосознания, достижением национальной свободы, созданием условий для национального развития. Это происходит отчасти неосознанно, но отчасти и сознательно, с явной целью не выводить на поверхность идеологические явления, порожденные классовой борьбой, растворить их в общенациональных требованиях.

Так, Н. Бэлческу характеризовал 1848 год в Валахии как «революцию демократическую и социальную». А руководитель умеренного, примиренческого крыла валашской буржуазии И. Элиаде-Рэдулеску писал: «...Я решил принять участие в движении для того, чтобы превратить его в национальное и легальное... чтобы придать ему принципы и порядок, и таким образом спасти от анархии» [57].

---

[57] Цит. по: *L. Pătrăşcanu.* Un veac de frămîntări sociale, p. 192.

Два курса здесь выражены вполне отчетливо. Выдвижение со стороны Элиаде национальных задач на первый план, стремление представить их как нечто самодовлеющее преследует вполне определенную цель — снизить социальный накал движения.

Приобщившись к власти, превратившись в реакционную силу, румынская буржуазия преисполнилась ненавистью к самой идее свержения власти. Отсюда — критическое отношение к собственному прошлому и стремление «подправить» его в духе изменившихся настроений. Это вполне явственно прослеживается в румынской буржуазной историографии событий 1848 г. в Дунайских княжествах. Она обнаруживает тенденцию выпятить национально-освободительные черты и скрыть социальные «излишества», затушевать революционную сущность и историческую правомерность принципов, под знаменем которых выступила буржуазия в 1848 г., представить ее всегда законопослушной силой [58]. К. Колеску-Вартик, румынский историк конца прошлого века, писал: «Великая проблема, занимавшая патриотов, особенно в Валахии, заключалась в том, как предотвратить взрыв революции, которая могла вылиться в насилия под влиянием страстей народа, прежде всего угнетенного крестьянства» [59]. Итак, недостатки движения возводились в ранг добродетели, робость и непоследовательность руководителей 1848 г., их склонность к примирению с реакционными силами расценивались как проявление патриотизма.

В общем русле умаления 1848 г. следовали и патриархи старой исторической науки, А. Д. Ксенопол и Н. Йорга. Внеся весомый вклад в раскрытие хода революции, оба они, тем не менее, отрицали ее закономерность, приписывая движение агитации молодежи, обучавшейся в Париже и других европейских столицах: «Революция 1848 г. в румынских землях была делом либеральной партии..., которая оторвала от почвы идеи французской революции» [60],— писал А. Д. Ксенопол. Н. Йорга

[58] Следует сказать, что было сделано немало в области публикации источников и воссоздания фактического хода событий. Можно указать на публикацию «Anul 1848 în Principatele Române», v. 1—6. Buc., 1902—1910.

[59] *C. Colescu-Vartic.* 1848. Zilele revoluționare. Buc., 1898, p. 93.

[60] *A. D. Xenopol.* Istoria românilor din Dacia Traiană, ed. III, v. XII, p. 48.

категорически утверждал: «Не существовало ни внутренней, ни внешней базы для нового порядка вещей», во всем повинна студенческая молодежь, подвергшаяся «революционной заразе, которая повсюду носилась в воздухе» [61].

В социалистической Румынии идейное наследие революции 1848 г. подвергается внимательному анализу. Этому служат и публикации документов, и труды о революции, и исследования о ее деятелях [62].

Однако в статьях и книгах, появившихся в последние годы, внимание сосредоточено преимущественно на проблемах национально-освободительного движения.

Национальный вопрос, являющийся продуктом определенной стадии социально-экономического развития, стоит по отношению к нему в подчиненном положении. Национальное движение в Дунайских княжествах складывалось в результате взаимодействия сложных и находившихся в антагонизме классовых сил, в итоге их упорной борьбы. Это обстоятельство в какой-то мере затушевывается, когда центр тяжести в исследованиях переносится на итог процесса, а не на компоненты, его составляющие.

В докладе, представленном III Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы, Вл. Джорджеску пишет: «В румынской политической мысли начиная с XVIII в. господствует национальная идея. Но нам представляется важным подчеркнуть, что эта идея рассматривается не как самоцель, а в плане создания благоприятных условий для возникновения нового, буржуазного, европейского общества» [63]. Как вид-

---

[61] *N. Iorga.* Istoria românilor, v. IX. Buc., 1939, p. 164, 131.

[62] «Anul revoluţionar 1848», v. I. Buc., 1950; *P. Cornea, M. Zamfir.* Gîndirea românească în epóca păşoptistă. Buc., 1969; *Г. Джорджеску-Буззу.* Революция 1848 г. в румынских землях. Бухарест, 1965; *Н. Попеску-Доряну.* Революция 1848 г. и Николай Бальческу. М., 1950 (*N. Popescu-Doreanu.* Nicolae Bălcescu şi revoluţia de la 1848. Buc., 1949); *L. Pătrăşcanu.* Un veac de frămîntări sociale. Buc.. 1969; *M. Roller.* Anul revoluţionar 1848. Buc., 1948; *C. Căzănisteanu, D. Berindei, M. Florescu, V. Niculae.* Revoluţia română din 1848. Buc., 1969; *D. Berindei.* L'idéologie politique de l'année 1848.— «Nouvelles études d'histoire». Buc., 1970.

[63] *Vl. Georgescu, D. Hurezeanu.* Le développement de la pensée sociale et politique chez les roumains à l'époque moderne et contemporaine. Buc., 1974, p. 21.

но, здесь подчеркнута связь национальных явлений, но не их дифференцированность, не определявшие их классовые противоречия, отраженные в политических акциях, социальных и национальных программах. Так в 1848 г. совершенно по-разному представили себе новое европейское общество Бэлческу и Элиаде, Барбу Катарджи и Когэлничану. Наконец, в последние годы в СРР мало внимания уделяется реакционным оттенкам общественно-политических воззрений, без соотношения с которыми трудно установить и критерии прогрессивной мысли [64]. Только исследование социальных идей тех или иных деятелей и группировок, отражавшиеся и в их национальных программах, позволяет определить их место в истории общественно-политической мысли.

---

[64] См., например, «Istoria filozofiei româneşti», v. I. Buc., 1972.

ЧАСТЬ I

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ЭПОХУ ОБЪЕДИНЕНИЯ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ И ЗАВОЕВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

Революция в Дунайских княжествах осталась незавершенной. Ни одна из стоявших перед нею задач не была решена, ни одно из требований буржуазии, даже самое умеренное, не было претворено в жизнь. По конвенции, заключенной между царским и султанским правительствами в мае 1849 г. в Балта-Лимане, автономия княжеств была нарушена; им навязали господарей по выбору дворов; даже обычные боярские собрания прекратили существование. Органические регламенты, освящавшие феодальные порядки, были восстановлены, в них внесли лишь небольшие изменения. Царизм, напуганный событиями 1848 г., пожертвовал значительной частью прав княжеств, завоеванных при решающей помощи России, и пошел на укрепление влияния султана.

Однако вернувшиеся к власти в Бухаресте и Яссах бояре и их высокие покровители в Петербурге и Стамбуле ошибались, воображая, что надолго искоренили «крамолу». Наступивший после 1848 г. период не был временем общественного застоя в княжествах. Все классы, прослойки и группировки, сознательно или неосознанно, обобщали опыт происшедших событий и старались извлечь из них уроки.

Первый, очевидный для всех, вывод заключался в пагубности продолжающегося раздельного существования двух Дунайских княжеств. 1848 год показал это с очевидностью. В немалой степени вследствие еще недостаточной связи между этими небольшими государствами интервентам удалось сравнительно быстро и легко справиться с движением. Как писал Н. Бэлческу, одна из причин неудачи революции заключалась в том, что она была «провинциальным движением» [1].

[1] *N. Bălcescu.* Opere, v. I. Buc., 1953, p. 327.

Борьба против феодальной реакции в самих княжествах, противодействие явно проявлявшемуся стремлению Турции подчинить себе Молдову и Валахию и сохранить в них старые порядки требовал и объединенных усилий двух государств.

Не решенные 1848 г. задачи буржуазных преобразований предстояло осуществить в новых условиях. Жизнь требовала смены феодального строя, превратившегося в тормоз производительных сил. В. И. Ленин указывал, что для широкого и быстрого роста этих сил необходимы «большие, государственно-сплоченные и объединенные, территории, на которых только и может сплотиться, уничтожая все старые, средневековые, сословные, узкоместные, мелконациональные, вероисповедные и прочие перегородки, класс буржуазии,— а вместе с ним и его неизбежный антипод — класс пролетариев» [2].

Общественная энергия, не имея возможности вылиться в конкретные политические акции, устремилась в сферу мысли. Отсюда — интенсивное ее развитие в послереволюционные годы, напряженные поиски форм и средств воплощения в жизнь социальных идеалов.

Еще одна особенность этой эпохи — благоприятные внешние условия, постепенно складывавшиеся для воплощения в жизнь этих идеалов. Крымская война на какое-то время вывела из строя царизм и султанскую Турцию как активных противников социальных и государственных преобразований в княжествах. Близость цели в свою очередь заставляла обращать особое внимание на средства ее достижения. Этот компонент идеологии выступал особенно рельефно в послереволюционные годы и был не только тесно связан, но и оказывал определенное влияние на формы ее проявления, ибо глубина и размах преобразований зависели от масштабности движения, от сил, вовлеченных в него, от их классовых интересов и требований. Эпоха борьбы за объединение богата проявлениями творческой мысли, выражавшей интересы прежде всего передового тогда класса, буржуазии. В то время теоретически ставились, а потом практически решались кардинальные проблемы исторических судеб княжеств, общественной структуры, принципов го-

---

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 143—144.

сударственного устройства, форм управления, экономического развития.

Объединение княжеств — это требование зрело и крепло в те годы. Его осуществление привело бы к образованию сравнительно крупного государства на юго-востоке Европы, способного оказать серьезное сопротивление внешней реакции, восстановить и расширить автономию княжеств, а в дальнейшем привести и к их полной независимости, создать условия для развития капитализма.

Поэтому движение за объединение приняло широкий размах. Но это не должно заслонять от нас то важное обстоятельство, что каждый класс и каждая общественная прослойка связывали с объединением осуществление своих стремлений и чаяний. Никто не представлял унию как механическое слияние двух безнадежно отсталых маленьких феодальных государств. Все понимали, что на другой день после объединения и даже в ходе борьбы за него встанут сложные задачи по преобразованию хозяйственного и политического строя, по проведению социальных, политических и административных реформ. Выдвижение на первый план национального вопроса вовсе не означало, что он перестал быть подчиненным по отношению к социальным. Даже в годы, когда национальные требования, казалось, царили в общественной жизни, они основывались на вполне определенных социальных предпосылках.

Крестьянство, самый многочисленный и самый угнетенный класс в княжествах, считало, что должна быть, наконец, решена жизненно важная проблема наделения его землей.

Вопрос о земле был той осью, вокруг которой вращалось все прочее. Аграрная проблема нависла над планами экономических и социальных преобразований. Она незримо присутствовала на политических совещаниях, повестка дня которых, казалось бы, не имела с ней ничего общего. От времени и способа ее решения зависела расстановка сил в ходе борьбы за объединение, ибо, как справедливо писал историк А. Д. Ксенопол, «помещики были готовы утопить в болоте и объединение, и все связанное с ним, если их достижение влекло за собой то, что они считали своим разорением» [3].

[3] *A. D. Xenopol.* Kogălniceanu, 1912, p. 41.

По замечанию румынского политического деятеля Лукрециу Пэтрашкану: «Все экономические интересы, политические концепции, социальное поведение различных прослоек, групп и классов вплоть до отдельных лиц имели своей отправной точкой борьбу крупного землевладения и барщинного крестьянства. Идейные течения, идеологические конфликты, политические столкновения — все они исходили, независимо от сферы их проявления — из того, как понималось ими решение о взаимоотношении помещиков и барщинников»[4].

Даже пресловутая «фигура умолчания», к которой часто прибегали в те времена в связи с важными социальными вопросами, служила показателем определенной позиции. За патетическими призывами забыть об эгоистических классовых интересах, посвятить себя служению нации скрывалось стремление отложить решение аграрной и прочих столь же не терпящих отлагательства проблем на более поздние и, главное, более «спокойные» времена, после упрочения власти буржуазии и помещиков.

Сам способ объединения — произойдет ли оно путем революционно-демократической борьбы «снизу» или дело ограничится верхушечными комбинациями, дипломатическими маневрами, стремлением заручиться благосклонностью той или иной державы, зависел от позиции буржуазии, руководителя движения, от ее решимости посягнуть на феодальные основы собственности и государства в княжествах, от ее готовности пойти навстречу требованиям народных масс и опереться на них.

Румынская буржуазия выбрала второй путь, и 1848 год явился своего рода репетицией выработки генеральной линии румынского капитала на целое столетие. Размах выступлений крестьянства и городских низов, их стремление осуществить свои требования отшатнули от них буржуазию и усилили ее тягу к союзу с мелким и средним боярством на почве умеренных реформ.

Промышленная буржуазия — наиболее решительный противник феодализма — в княжествах еще только зарождалась. Тон в буржуазных кругах задавали торговцы, тесно связанные с помещичьим землевладением. Они

---

[4] *L. Pătrăşeanu.* Un veac de frămîntări sociale. 1821—1907. Buc., 1969, p. 233.

развернули «борьбу против феодализма, выступая под лозунгом гражданского и политического равноправия, не устранения боярства, а участия, наряду с ним, в управлении общественными делами и государством». Эта социальная прослойка, «укрепив свои позиции с помощью коммерции, аренды поместий и покупки должностей, связанная тысячью нитей с крупным землевладением, не была заинтересована в насильственном, революционном изменении соотношения классов. Основа ее экономического могущества заключалась не в развитии промышленности, а в трансформации помещичьего хозяйства в производителя товарного зерна»[5]. Неудивительно, что при создавшемся положении не только значительную, но даже руководящую роль в унионистском руководстве играли мелкие и средние бояре, убедившиеся в невыгодности стародедовских форм и методов ведения хозяйства, но цеплявшиеся за каждый погон «своей» земли.

При всей умеренности позиции, занятой боярско-буржуазными руководителями валашского движения в 1848 г., это была та социальная вершина, после которой начался спуск (а порой и скатывание вниз).

Эмигранты из Валахии и Молдовы прибыли в Западную Европу, окруженные ореолом революционеров, хотя в действительности участие в событиях 1848 г. явилось для многих из них первым и последним революционным актом. Ион Страт, один из этих молодых изгнанников, в будущем видный экономист, финансист и дипломат, с жаром протестовал против попыток представить его товарищей как потрясателей основ «с томиком Прудона в кармане и революционными идеями в голове»: «Это бесцельная клевета! — восклицал он.— Все это люди чести, вынужденные покинуть свою страну, ибо хотели, чтобы закон пришел на смену феодальной системе... Так называемые революционеры не были революционерами в том смысле, который придают этому слову в большинстве стран Европы. Их требования не выходили за рамки самых скромных условий, существующих в каждом государстве, где закон не является химе-

---

[5] *P. Cornea.* Contribuţii la definirea profilului ideologic şi artistic al lui Ion Eliade-Rădulescu.— «Viaţa românească», 1961, N 8, p. 89—90.

рой, а положение, когда все перевернуто вверх дном, не составляет нормального порядка вещей» [6].

Революционность румынской буржуазии завяла, не успев расцвести. Она перешла в лагерь реформаторов, хотя и тут держалась осторожно, боясь ущемить «чрезмерно» помещичьи интересы. Судьба Михаила Когэлничану предупреждала против «увлечения» реформами. Социальная база радикалов сужалась; им предоставляли полную возможность бороться за национальные требования, что же касается политических — то им недвусмысленно предлагалось умерить пыл. Революционно-демократическое течение после смерти Бэлческу не выдвинуло ни одного видного представителя и возродилось в 70-х годах в иной обстановке, под новым, социалистическим знаменем.

Николае Бэлческу в изгнании

13 сентября 1848 г. Николае Бэлческу вместе с другими руководителями валашской революции был арестован турками и заключен в монастырь Котрочени. Затем всех под конвоем пригнали в дунайский порт Джурджу, погрузили на баржи и отправили вверх по реке. Три недели продолжалось плавание. В Банате Бэлческу обретает свободу: турки удовлетворились его высылкой из Валахии в Австрийскую империю.

Начался последний, самый краткий — всего четыре года, самый насыщенный событиями и самый плодотворный период его жизни.

В разных областях Австрийской империи того времени проживало многочисленное румынское население.

Положение в них, особенно в Трансильвании, перед революцией 1848 г. было сложным и противоречивым. Понять его невозможно без учета национального гнета, которому подвергались румыны, лишенные политических прав. В администрации и суде они не могли пользоваться родным языком. Слабой румынской буржуазии было трудно конкурировать с немецкой, австрийской и венгерской. Поэтому она надеялась, добившись национального равноправия, как представительница наиболее

[6] *I. Strat.* Un coup d'oeil sur la question roumain. Paris, 1858, p. 12.

многочисленной общины, не только обеспечить свои интересы, но и установить в Трансильвании свою экономическую и политическую гегемонию. Идеологи румынской буржуазии Трансильвании, не связанной с помещичьим землевладением (в отличие от молдавской и валашской), выдвигали программу демократических реформ, включавших отмену феодальных повинностей и наделение крестьян землей без выкупа.

Положение трансильванского крестьянства, в основном румынского, а также венгерского и немецкого, становилось год от года хуже. Помещики, венгры по национальности, не только взваливали на него бремя все новых и новых повинностей, но и стремились всеми правдами и неправдами урезать дедовские наделы, включив их в собственную запашку. Переделы земли превратились для деревни в бедствие. Крестьянство составляло готовую к выступлению революционную армию. Переплетение социального и национального гнета в Трансильвании до крайности обостряло положение и открывало перед венским двором возможность игры на противоречиях между национальностями, населявшими империю.

Весть о мартовской революции 1848 г. в Венгрии встретила в трансильванских городах и селах, в том числе и среди румын, горячий отклик. Крестьянское движение за захват помещичьей земли сразу же приняло широкий размах.

Однако отказ венгерского революционного правительства признать принцип национального равноправия, его требование присоединения Трансильвании к Венгрии и половинчатая программа в аграрном вопросе [1] быстро накалили обстановку и привели к размежеванию, а затем столкновению венгерских революционных сил и национального движения румын и славян.

3—5 (15—17) мая 1848 г. в Блаже состоялось народное собрание трансильванских румын. Оно высказалось за представительство в Государственном собрании Трансильвании всех национальностей в соответствии с их численностью; открытие румынских школ (включая

[1] «Мартовские законы» 1848 г. в Венгрии предусматривали отмену феодальных повинностей; но землю получали лишь крестьяне, сохранившие свои участки. Многочисленные безземельные крестьяне превращались в арендаторов.

высшие); назначение чиновников-румын в органы управления и юстиции и использование в администрации румынского языка. Блажское собрание потребовало немедленной отмены барщины и всех повинностей в пользу помещиков без всякого выкупа и пересмотра решений о передаче помещикам крестьянских земель, пастбищ и лесов. Интересы буржуазии выражал пункт о беспрепятственной коммерческой и предпринимательской деятельности и отмене таможенной границы с соседними странами (т. е. с Молдовой и Валахией). Собрание провозгласило свободу слова и печати и личную неприкосновенность граждан. Завершалась Блажская программа протестом против подготавливавшегося присоединения Трансильвании к Венгрии без совета с румынским населением этой области, без гарантии его национальных прав.

Государственное собрание Трансильвании не посчиталось с выработанными в Блаже пожеланиями и проголосовало за унию с Венгрией. Осенью началась братоубийственная гражданская война. Сформированные из румынских крестьян легионы присоединились к императорским австрийским войскам. Крестьяне-мадьяры поддержали венгерскую революционную армию. Военные действия велись с обеих сторон с большой жестокостью, сжигались села и усадьбы, предавались смерти ни в чем не повинные люди.

Вот в такой накаленной атмосфере очутился Н. Бэлческу.

С глубокой тревогой пишет он о трагическом обороте, который приняли здесь события: «Румыны в Банате и Трансильвании знают, что взяли в руки оружие против венгров... Большое несчастье, что венгерское безумие привело к разрыву между румынами, славянами и мадьярами, и австрийская империя выбирается из кризиса, в котором находилась и который угрожал ей распадом» [2].

«К несчастью, движение румын, справедливое, поскольку венгры их угнетали и отказывались признать их национальность, принесло пользу императорской реакции». И Бэлческу горестно восклицает: «О! Сколько страданий принесли национальные чувства в эти края.

---

[2] *N. Bălcescu.* Opere, v. IV. Buc., 1964, p. 116.

Война между венграми и румынами — война варварская, какой и в средние века не вели» [3].

Бэлческу понимает, что только в единении национальностей — залог их успеха в борьбе с царской и габсбургской реакцией.

Однако его пребывание в Трансильвании на этот раз оказалось коротким; из родной Валахии поступали, как казалось, ободряющие вести: «Страна верна революции и готова выступить» [4]. Он рвется домой: «Ничего мне не кажется ужаснее этой жизни; и нет ничего слаще, чем с помощью божьей, провозгласив принцип перед своей страной и перед миром, иметь возможность пожертвовать ради нее жизнью. Но, видно, господь не счел нас достойными такого счастья и осудил нас нести крест страданий вдали от любимой страны. Не знаю ноши более тяжелой, но нужно быть мужественным, работать и верить в будущее» [5]. Он еще надеется воспользоваться противоречиями между султаном и царским двором, и отправляется в Константинополь: «Прогнившая Турецкая империя может продолжать существование, лишь делая крупные уступки христианам, т. е. пойти на большие преобразования».

В Стамбуле его, разумеется, постигла неудача. Он застал апатию и глубокие раздоры в эмиграции, споры и дрязги (в том числе денежные). Чтобы покончить с этим, Бэлческу, чуждый личного честолюбия, предлагает избрать единого главу молдо-валашской эмиграции и выдвигает кандидатуру Костаке Негри [6]. Но этот план проваливается.

В конце марта в Константинополь приходит весть об успехах в Трансильвании отважного венгерского генерала Юзефа Бема. Бэлческу снова загорается надеждой. Он спешит в Трансильванию, к месту битв: «Предпочитаю разбойничью жизнь в наших Карпатах презренному существованию или смерти на чужбине» [7].

Он делится своими мыслями с А. Г. Голеску: «Нет больше никакого сомнения, что правительства Европы строят заговоры против народов и что лишь венгерская

[3] Ibid., p. 118—119.
[4] Ibid., p. 120.
[5] Ibid., p. 131.
[6] Ibid., p. 136.
[7] Ibid., p. 148.

армия сражается за свободу. У меня сердце разрывается, видя, какую прекрасную роль играют наши соперники венгры, роль, которую, как мы надеялись, сыграют румыны. Хоть бы мы приняли в этом какое-то участие, хоть бы один румынский стяг развевался на полях битв, где решается судьба свободы в Европе. Не надеюсь и на это. Если б наши эмигранты не бежали в Париж и Константинополь, где сидят взаперти как дети... можно было бы создать румынский легион» [8].

10 мая 1849 г. Бэлческу сообщает И. Гике из Панчовы: «Со вчерашнего дня я — среди венгров, которые приняли нас очень хорошо» [9]. Интересно, что при подходе к бивуаку часовые встретили его возгласами по-сербски. Бэлческу приободрился: не одни мадьяры бьются за свободу.

Из лагеря генерала Перцеля он отправляется к Бему, а оттуда — в Дебрецен, где пребывало тогда венгерское правительство. Нелегкую задачу по прекращению междоусобицы принял на себя валашский посланец.

Происходившее вокруг кровопролитие делало его миссию еще труднее.

Участие румын в военных действиях на стороне Габсбургов Бэлческу переживал мучительно.

«Правда, и я сам, краснея от стыда, наблюдал, как румыны сражались за свободу под знаменем самого подлого, страшного и обветшалого деспотизма. Правда, что румыны позволили обмануть себя австрийцам, которые воспользовались их героизмом и их средствами. Неверно, однако, что румыны не вдохновлялись и не одушевлялись в этой жестокой войне национальными чувствами и любовью к свободе» [10].

Николае Бэлческу проявил громадное упорство, обнаружил немалый дипломатический такт, выказал большое личное мужество при осуществлении своей благородной миссии.

Первая встреча с вождем венгерской революции Кошутом ободрила его. Это просвещенный, доброжелательный и исключительный человек, писал Бэлческу.

---

[8] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 168.
[9] Ibid., p. 165.
[10] *N. Bălcescu.* Mişcarea românilor din Ardeal la 1848.— Opere, vol. I. Buc., 1953, p. 333.

Но переход к конкретным деловым переговорам с венгерскими должностными лицами сразу вскрыл острые разногласия. Эти переговоры совпадали с успехами революционной армии на фронтах. Правительство вновь перебралось в Пешт, громче зазвучали голоса тех, кто не желал идти на уступки национальностям. Венгерское дворянство понимало, что превращение страны, в которой славяне и румыны составляли большинство населения, в федерацию равноправных народов положит конец его господствующему положению. Этим опасениям не был чужд и Кошут. Еще недавно «Газета Кошута» писала: «Разве могут румыны и славяне чувствовать себя уязвленными, если мадьяр, тысячелетний владелец этой страны, считает себя первым среди тех, чьим господином он некогда являлся...?» Лишь отдельные руководители венгерской революции сознавали пагубность, даже самоубийственность отказа предоставить населявшим Венгрию народам всю полноту национальных прав. К ним относились знаменитый поэт Шандор Петефи, представитель мадьярского правительства в Париже граф Телеки, генерал Юзеф Бем. Бэлческу использует сочувствие определенных кругов к его миссии.

Однако первые сообщения Бэлческу из Пешта безрадостны: ему предложили почти то же, что румыны имели и что не помешало им выступить на стороне Габсбургов. Не говорилось о румынской администрации, суде и национальной гвардии; сам термин — румынская национальность — не фигурировал во врученных ему предложениях. Как перетянуть румын на сторону венгерской революции в подобных условиях? «С тревогой думаю о будущем. Если Венгрия падет, пропадем и мы, и надолго» [11].

Он изливает душу в письмах И. Гике: «...Надо оставаться рядом с венграми даже на второстепенных ролях; будущее — за ними» [12]. Венгры и румыны должны поддерживать друг друга; в этом — единственная надежда на успех в сложившихся невероятно трудных условиях. А тут прибыли неприятные для Бэлческу вести: «В Трансильвании румыны поголовно восстали против

---

[11] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 194.
[12] Ibid., p. 186; *I. Ghica.* Amintiri din pribegia după 1848. Buc., 1890, p. 287.

венгров. Бем — в критическом положении»[13]. Временами Бэлческу овладевает чувство безнадежности. «Я прихожу в отчаяние и не верю уже, что есть способ примирить эти два народа. Не могу справиться с ненавистью, местью, фанатизмом, национальной гордостью и яростью тех и других; для этого нужно время, и много времени. Основная вина падает на венгров. А сейчас слишком поздно»[14].

Между тем военные действия принимают неблагоприятный для венгерской революции оборот. Правительство переезжает в Сегедин и становится уступчивее. Здесь Бэлческу добивается своей ближайшей цели. Подписаны два документа: «Проект примирения», в котором «буржуазная Венгрия государственным актом в первый и последний раз в своей жизни официально признавала права румын как нации»[15]. В «Проекте примирения» говорилось об использовании родного языка в администрации и судах комитатов с преобладающим румынским населением, о преподавании на этом языке в румынских школах, о прекращении дискриминации при приеме на государственную службу, об амнистии повстанцам, об отмене навязанных дворянами крестьянам договоров о сельскохозяйственных работах. Второй документ предусматривал создание румынского легиона. Заканчивалось это соглашение следующими словами: «Легион поклянется в верности Румынии и Венгрии. Он берет на себя обязательство бороться за свободу и независимость, но ни в коем случае не против национальных прав какого-либо народа, т. е. бороться за принципы, которые для него так же дороги, как и для храброго и великодушного венгерского народа»[16].

Эта договоренность с Кошутом — венец интернационалистской деятельности Бэлческу, убежденного сторонника сотрудничества народов против внешней и внутренней реакции. Но она была достигнута слишком поздно — венгерская революция доживала последние дни. В лагерь румынских повстанцев для практической реализации соглашения Бэлческу прибыл 3 августа, всего за десять дней до капитуляции мадьярских войск под

[13] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 198.
[14] Ibid., p. 203—204.
[15] «История Румынии. 1848—1917». М., 1971, стр. 88.
[16] «Din istoria Transilvaniei», vol. II. Buc., 1961, p. 122.

Ширией (Виллагошем). Время для совместных действий было упущено.

В горах Бэлческу заболевает — «от тоски и безделья». Ему приходится бежать. Бэлческу сопровождает обоз с деревянными ковшами, которые он и его спутники продают по деревням.

Питаются они плохо; мокнут под дождем; ночуют в стогах сена — и от этой «собачьей жйзни» Бэлческу выздоровел [17]. В Панчове он торговался на базаре по часу из-за каждого крейцера, чтобы сойти за заправского торговца.

Через Дунай Бэлческу переправился в Землине, а оттуда — вверх по реке поплыл в Вену. Путешествовал он уже более комфортабельно, с паспортом на имя Ал. Ионеску.

В октябре 1849 г. он прибыл в Париж. В эмиграции он пишет свои самые зрелые, самые глубокие работы. Эрудиция исследователя, пытливый ум мыслителя обогащены опытом практика-революционера. Бэлческу оттачивает свою теорию революции, соотношение в ее ходе социальных и национальных аспектов, вырабатывает концепцию объединения Дунайских княжеств «снизу» и создания румынского государства путем революционного сотрудничества народов, рассматривает основные вопросы социальной и экономической структуры.

* * *

Важнейший урок, который Бэлческу извлекает из горького опыта 1848 г.,— необходимость объединения Дунайских княжеств. Он пишет со свойственной ему категоричностью: «Революция потерпела поражение, ибо выступила в узкой сфере как провинциальное движение. Восстание не приняло всеобщего характера, не стало движением всех румын» [18]. Дипломатические маневры, связанные с преувеличенными надеждами на возможность разжечь противоречия между Стамбулом и Петербургом, и явно нереальные упования на турецкую поддержку помешали валашским революционерам выдвинуть в 1848 г. лозунг унии Дунайских княжеств: «Политиче-

[17] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 227.
[18] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I. Buc., 1953, p. 327.

ская обстановка не позволила... с самого начала вписать в программу вопрос национального объединения» [19]. Теперь это препятствие отпало. К прежнему девизу борцов 1848 г.— «справедливость, братство» — Бэлческу добавил — «единство» [20]. Более того, он выдвинул его на первый план. Однако Бэлческу никогда не ставил вопрос так, как, например, в эмиграции его друг А. Г. Голеску: «...Перед вопросом национальным не существует вопроса о демократии» [21]. Бэлческу пришел к выводу, что в сложившейся в Европе конкретной обстановке объединение создает определенные гарантии внешней безопасности, будет способствовать разрешению назревших внутренних проблем: «Лишь после того как священная война спасет нацию от ига чужеземцев и восстановит ее свободу и единство, собрание народа, конституанта, сможет мирно осуществить все необходимые политические и социальные реформы и установить демократическое управление...» [22]

Уже в марте 1849 г. он обращается к «братьям-эмигрантам» с воззванием, в котором пишет: «Не может быть счастья без свободы, не может быть свободы без силы, а мы, румыны, не сможем стать сильными до тех пор, пока не объединимся в единый политический организм. Национальное объединение поэтому для нас единственный жизненный принцип, единственный способ спасения» [23].

А что происходило в 1848 г.? Мы, пишет Бэлческу, «не действовали совместно, не достигли соглашения и не восстали все вместе с возгласом: «Требуем национального объединения и свободы». Наши следовавшие друг за другом изолированные, слабые усилия были задушены или повернуты в другом направлении [24], и враги нации попирают священную землю родины» [25].

Бэлческу, пожалуй, сгущает краски. Между участниками событий в Молдове, Валахии и Трансильвании су-

---

[19] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, part 2. Buc., 1940, p. 130.
[20] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, p. 312.
[21] *I. Ghica.* Op. cit., p. 210.
[22] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, p. 312.
[23] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 135.
[24] Намек на то, что Габсбургам удалось использовать движение румын в своих интересах.
[25] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 135.

ществовали тесные идейные и организационные связи. Сам валашский революционер был их живым олицетворением. Но главного — одновременного и совместного выступления — достичь не удалось. И Бэлческу в своей критике берется именно за это основное слабое звено; он беспощаден в оценках, если это нужно для исправления недостатков.

Бэлческу — последовательный и убежденный сторонник лозунга «В единстве — сила». Но в понятие единства он вкладывает вполне определенное социальное и политическое содержание — для него оно предполагает необходимость демократических преобразований.

В декабре 1849 г. он сообщает И. Гике из Парижа о планах основать журнал «для защиты нашей революции и для подготовки новой». Он собирается написать статью, выдвинув в ней следующие положения: а) Прогресс — закон истории. О действии этого закона на примере своей родины. б) «Каков наш дальнейший путь. Три различные цели, к которым стремятся нации: 1) Цель национальная, самая главная, включающая вопрос национального объединения, вопрос жизни и силы, внутренней и внешней, который позволит нам выполнить нашу миссию по отношению к человечеству. Что ныне практически возможно в этом направлении? Пока что объединение княжеств и т. д. 2) Наша социальная цель сводится к вопросу о собственности, с которым связаны вопросы о налогах, о кредите и его организации. 3) Цели политические или формы внутренней организации. Личная свобода и равноправие. Суверенитет народа. Печать. Ассоциации. Палата. Господарь. Суды и законы. Вооруженные силы. Образование, обучение и т. д.» [26].

Бэлческу тут же высказывает чрезвычайно важную мысль, что такой журнал мог бы, не навязывая никому централизма, стать центром движения, подлинным его руководителем и главой, и покончить с теми разногласиями, которые так мешали и так беспокоили его [27].

[26] Ibid., p. 248.

[27] Созданный Н. Бэлческу в декабре 1849 г. «Объединенный комитет по руководству румынской эмиграцией» такого руководства обеспечить не смог. (см. *Ю. Я. Баскин.* Общественно-политические и правовые взгляды Н. Бэлческу.— «Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та», т. 59, вып. 2, 1961, стр. 45). Да и сам Бэлческу вскоре убедился, что нельзя соединить несоединимое, что в эмиграции разногласия слишком велики.

Журнал основать не удалось — Бэлческу до самой смерти бился в тисках нужды, а на то, чтобы «подзанять» денег у кого-либо из богатых эмигрантов, нечего было и рассчитывать: кто стал бы в сильно поправевшей эмигрантской среде давать деньги на пропаганду революционно-демократических взглядов Бэлческу? Не удалось обнаружить и статьи, планом которой он делился с Ионом Гикой. Но во всей своей публицистической, научной и практической деятельности Бэлческу с достойной восхищения настойчивостью и целеустремленностью, борясь со страшным недугом — туберкулезом, стремился осуществить те идеалы, к которым он стремился, претворить в жизнь задачи, которые бегло, начерно, были обрисованы в письме.

* * *

Прежде всего ему приходится выступать... в защиту революции, ибо Бэлческу видел, что многие его коллеги от нее отходят и прошлое отражается в их сознании в кривом зеркале изменившихся настроений. Он подчеркивает социальную (а не только национально-освободительную) сущность провозглашенных ею лозунгов и ее глубокую закономерность: «Румынская революция не была чем-то нерегулируемым, эфемерным, без прошлого и будущего, без иных причин, помимо случайной воли меньшинства, либо общего европейского движения. Общая революция явилась поводом, а не причиной румынской революции. Причины ее скрываются в веках»[28],— такими словами открывается его статья «Ход революции в истории румын», в которой он «вписывает» 1848 год как явление глубоко закономерное в летопись своей страны.

Он повторяет ту же мысль в письме А. К. Голеску «Июньская революция не была изобретена или сотворена ни мною, ни вами, ни г-м Элиадом, ни каким-либо другим революционером. Она лишь венец той непрестанной, провиденциальной деятельности, которая началась в нашем обществе, как и во всех других, после его рождения»; он доказывает тесные связи 1848 г. с валашским восстанием 1821 г. под водительством Тудора

[28] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, p. 307.

Владимиреску, ибо одинаковыми были причины, их породившие. Задачи революции — «организация демократии, освобождение крестьян и превращение их в собственников. Говоря коротко, надо было произвести революцию *демократическую и социальную*» [29].

История, в представлении Н. Бэлческу,— диалектический процесс постоянного развития и совершенствования: «через все преграды, войны, кровопролития и мучения» она идет «по пути всемирного закона исторического развития наций: возвышения плебейства к власти». Он призывает обратиться к «свидетельству веков», проникнуть в философию истории и убедиться, что народ всегда шел вперед [30].

Идея классовой борьбы вполне четко проступает в мировоззрении Бэлческу: «История человечества,— пишет он,— являет нам нескончаемую борьбу лишенного прав класса против узурпаторов, борьбы пламенной, переходящей часто в мщение, бесконечной, продолжающейся и в наши времена, и так до тех пор, пока не останется и тени от тирании, пока народы не утвердятся в своих правах и равенство не воцарится в мире» [31]. В духе своей общей идеалистической концепции он пишет о «непрестанной борьбе за торжество добра над злом, духа над материей, права над силой», конечной целью которой является воцарение «справедливости и братства, этих двух столпов абсолютного, совершенного, божественного порядка» [32]. Его работы изобилуют обращениями к божественному провидению. Бэлческу пишет: человечество «движется вперед безостановочно, устраняя все препятствия на пути к цели, указанной перстом божьим. Ныне мало кто отрицает подобное движение. Но если кто и остался,— пусть он обратится к прошлому; какие изменения, какие превращения как в мире моральном, так и материальном!» [33] Но если отвлечься от терминологии, убеждаешься, что провидение у Бэлческу, указав людям прекрасную цель справедливости и братства, развязывало их творческую энергию и толкало их по пути прогресса, который Бэлческу опять-

[29] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 227.
[30] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, p. 310.
[31] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, part, 2, p. 118.
[32] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, p. 310.
[33] *N. Bălcescu.* Opere alese, vol. I. Buc., 1967, p. 248.

таки облекал в идеалистические одежды, утверждая, что мир идет «к своему совершенству, к абсолюту, к безграничному, к богу»[34].

Бэлческу был известен лишь механистический, метафизический материализм XVIII в., видевший действительность только в форме объекта. Он был склонен отождествлять материалистические теории с «практикой еды и питья». Это удерживало его в рамках идеализма, представлявшегося ему более действенным учением, воплощающем в себе веру в силу и благородство человеческого ума[35].

Идеалистические шоры, несомненно, сужали кругозор Н. Бэлческу. За пределы казавшегося ему идеальным строя, который он именовал то «божественным», то «румынским», то «демократическим» и который на поверку оказывался буржуазно-демократической республикой, он даже не заглядывал, и в этом сказывалась ограниченность его понятий о диалектике истории. Но эта ограниченность относилась прежде всего к его философским взглядам. Что же касается представлений о прошлом, то идея прогресса доминировала здесь полностью; ненависть к феодальному строю бьет в произведениях Н. Бэлческу ключом, он осуждает его не только и даже не столько с точки зрения «вечных категорий» добра и зла. Н. Бэлческу, историк, экономист и политик, с цифрами в руках показывает угнетение крестьян, и из этих данных исходит при конструировании своей программы свержения феодализма. В его трудах неоднократно подчеркивается, что формы собственности являются основой общественного развития. Бэлческу прозорливо связывал с ее изменениями положение крестьян.

Материалистические элементы в его мировоззрении несомненны, и проявлялись они прежде всего в анализе конкретной истории. Революция 1848 г. должна была,

---

[34] *N. Bălcescu.* Opere alese. Buc., 1969, p. 5.

[35] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I. Buc., 1953, p. 233, 250. В румынской историографии в первые годы народной власти допускалось преувеличение материалистических элементов в мировоззрении Н. Бэлческу. Таким нам представляется утверждение П. Апостола: историческая концепция Бэлческу, пишет он, «помимо элементов диалектической и материалистической интерпретации обнаруживает и скольжение к идеалистическим позициям» («Studii», 1949, N 3, p. 77).

по его словам, покончить с нищетой народа, преобразовав формы собственности. Она должна была «демократизировать» не только государство, но и землевладение, превратив крестьян в собственников земли и организовав сеть доступных им кредитных учреждений. Отсюда — «демократический и социальный характер» [36] этой революции. Отсюда — ее глубокая закономерность.

Бэлческу не сводит причины гибели революции к иностранному вторжению; он пишет о неспособности ее руководителей разрешить главный, аграрный вопрос. Отказ временного правительства от немедленного претворения в жизнь 13-го пункта Ислазской прокламации [37] (об отмене феодальных повинностей и наделении крестьян землей) он считает крупнейшей ошибкой этого правительства (расценивая ее как подлость): тем самым аграрный вопрос был «оставлен, вычеркнут и отложен до Генеральной ассамблеи; это означало уступку плодов победы нашим побежденным врагам» [38].

В ходе испытаний 1848 г. и после революции антифеодальная революционно-демократическая концепция Бэлческу развивается и обогащается. Его мировоззрение почти совершенно теряет присущий ему раньше оттенок просветительства. Бэлческу не уговаривает, а обличает бояр. Нежелание руководителей движения в 1848 г. удовлетворить крестьянские требования он справедливо считает внутренней причиной его поражения. Он устремляет все свои силы на решение нелегкого аграрного вопроса — «самого важного в нашей революции» [39]; он пишет два исследования — «Социальная реформа у румын» и особенно значительное «Экономические проблемы Дунайских княжеств» [40] (1850 г.), в которых в развернутом виде излагает свои взгляды.

Трудно определить жанр последней работы. Это, несомненно, экономический трактат. Но не только. Это и яростный политический памфлет, направленный против боярства, и песнь любви и преданности родине изгнанника.

---

[36] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, p. 310.
[37] См. стр. 26 настоящей книги.
[38] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 281.
[39] Ibid., p. 288.
[40] Поскольку первое исследование послужило как бы черновым наброском для второго, мы останавливаемся на этом последнем,

«Какой путник, пересекающий долины Нижнего Дуная, не остановится в восхищении?» — пишет Бэлческу. Перед ним расстилаются плодородные поля, орошаемые быстрыми реками, над ним — небо ослепительной голубизны и удивительной прозрачности; а вдали громоздятся горы... И путник в восторге восклицает: «Счастливая страна! Счастлив народ, которого господь бог сподобил поселиться в этом цветущем саду!»

Но вот перед ним другое видение: «... из подземной норы появляется тощее, оборванное, босое, грязное существо...» Так выглядит крестьянин.

Контраст между городом и деревней поразителен. В селах — нищета загнана под землю, в землянки. В городах — «величественные, ослепительные дворцы, красивые экипажи, утонченная роскошь чаруют взор» [41].

И Бэлческу обрушивается на главное противоречие феодального общества в Дунайских княжествах, антагонизм боярства и барщинного крестьянства, породивший эти уродливые, возмущающие ум и сердце контрасты.

Боярство он именует «гангреной», свирепствующей в дни мира и войны. Силой, обманом, с помощью юридического крючкотворства захватило оно земли некогда свободного крестьянина: «Раскройте старые и новые судебные архивы... там вы обнаружите происхождение крупной земледельческой собственности», «самые одиозные процессы и ныне происходят в трибуналах двух княжеств; похитить у крестьянина его парцеллу считается делом чести...» [42]

В результате длительного процесса «каста священников и военачальников» поработила касту «солдат и тружеников»; все население «стало жертвой нескольких личностей»; «крестьянство деградирует и деморализуется в результате неволи и нищеты; боярство — от богатства и произвола» [43].

Сильную черту Бэлческу — исследователя и критика феодального общества — составляет выявление им классового характера государства. Вот некоторые его высказывания: «В нашей стране администрация и бояре едины суть в двух лицах; и судить администрацию — значит

---

[41] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, part 2. Buc., 1940, p. 5—6.
[42] Ibid., p. 13.
[43] Ibid., p. 15, 17.

судить собственность»[44]. Бэлческу продолжает: «Из кого состоит администрация во главе с князем?— Из помещиков! Кто заседает в трибуналах, из кого набирают невежественных и бесчестных судей? — Из помещиков! Кто служит префектами и субпрефектами? — Помещики! Кто составляет законы? — Помещики! Из кого состоит собрание?— Из помещиков! Кто контролирует действия правительства? — Помещики! Кто покрывает злоупотребления, кто толкует вкривь и вкось постановления, кто выносит благодарность администрации? — Помещики!» Это они превратили управление страной в «клоаку несправедливости, тупости и хищений»[45].

И вывод резок: собственность — «источник всех зол, свирепствующих в этом обществе с его порочной основой»[46].

Бэлческу последователен в осуждении и критике феодального строя. Здесь источник его революционно-демократических взглядов. Он возвысился до понимания того, что все социальные проблемы его времени группировались вокруг одной — феодального аграрного строя, и боролся за их революционное решение. Бэлческу — проповедник классовой борьбы и выразитель интересов и требований крестьянства в антифеодальной революции. Более того, Бэлческу выходит за границы, очерченные интересами крестьянства. Он считает не только его, но и городские «низы», предпролетариат движущей силой 1848 г. и отмечает слабость, колебания, нерешительность и склонность к сговору с реакцией «высших классов»: «...Полагаю, что народные низы, прежде всего в Бухаресте, исполнили свой революционный и национальный долг, проявив, хотя уже и было поздно, готовность защищать революцию с саблей в руке,— а высшие классы, правительство, бояре, торговцы, молодежь вели себя гораздо хуже и оказались недостойными ни своей миссии, ни народа, которым руководили»[47].

Но все это относится к прошлому и настоящему. Что же касается будущего, то тут вырисовывается известная ограниченность и представлений Бэлческу об историческом прогрессе, и элементов диалектики в его

[44] Ibid., p. 47.
[45] Ibidem.
[46] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, p. 299 («Reforma socială la români»).
[47] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, part 2, p. 229.

мировоззрении. Здесь идеалистическая основа его взглядов сказывается в полной мере и мешает ему заглянуть за пределы воспеваемого им общества мелких собственников.

Приведенное выше резкое осуждение собственности относится лишь к одной ее форме — феодальной. Бэлческу, спохватившись, как бы его критику не отнесли к принципу собственности вообще, поспешно разъясняет, что все то зло, которое он вскрыл, проистекает не из самой собственности, а от неправильного пользования ею: «Если нарушение принципа привело к несчастьям, вскрытым нами в этом историческом очерке, разве из этого следует необходимость отвергнуть сам принцип и объявить об уничтожении собственности? Нет! Ибо собственность породила сельское хозяйство, торговлю, промышленность, общество и все чудеса цивилизации».

Он полагал, что зло проистекало не из собственности как таковой, а из дурных законов, управляющих обществом. Достаточно поэтому привести закон в соответствие с требованиями прогресса, и все в обществе, основанном на собственности, пойдет хорошо. Он пишет: «Долг хорошо организованного общества — предоставить каждому из своих членов прежде всего землю, а затем капитал, необходимый для ее обработки»[48]. По его представлениям, достаточно запретить продажу земли за пределы общины, создать национальный земельный фонд — и возможность новой экспроприации будет исключена. Бэлческу полагал, что подобная организация воплотит рай на земле — каким-то образом исчезнет даже «эксплуатация человека человеком».

Налицо типичная эгалитаристская концепция, одна из тех, которые порождались мечтами мелкого собственника освободиться от гнета с помощью равномерного распределения средств производства. В VII в. до нашей эры подобные планы вынашивал Гесиод; в XVIII столетии в предреволюционной Франции Жан-Жак Руссо разрабатывал их в своем трактате «Об общественном договоре», в середине XIX в. в Дунайских княжествах Николае Бэлческу выступает как революционный демократ эгалитаристского типа. Его социальный идеал не только ограничен, но и утопичен, ибо ни-

[48] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, part 2, p. 58.

какими мерами государственного поощрения и охранения нельзя отгородиться от законов экономического развития и законсервировать крестьянскую парцеллу.

Бэлческу не представлял себе, что на смену грубому и откровенному феодальному гнету придет утонченный, прикрытый всевозможными «свободами», капиталистический. Он отразил думы и чаяния румынской деревни. Общинное землевладение и землепользование здесь исчезло [49]. Крестьянин жаждал получить землю в свою полную и безраздельную собственность. Об этом он мечтал и за это боролся. Величие борьбы и узость целей крестьянства и отразились в мировоззрении Н. Бэлческу: «...с точки зрения политической Бэлческу не перешагнул крестьянского требования раздела земли» [50]. И когда революционер переходил к выработке конкретных планов аграрных преобразований, он превращался в дюжинного реформатора.

В Дунайских княжествах поместье по традиции делилось на три части: на двух из них хозяйствовали крестьяне, выплачивая за это боярину оброк (десятину, дижму); третья обрабатывалась барщинным трудом тех же крестьян. Так велось из поколения в поколение. Крестьянин «от отцов и дедов» обрабатывал один и тот же участок земли. Поэтому, по мнению Бэлческу, следовало просто-напросто заменить реальное право владения номинальным правом собственности с помощью выкупа ренты [51].

Из этих рассуждений Бэлческу вытекает, что он соглашался на только на сохранение помещичьего землевладения, но и предусматривал выкуп,— точнее, откуп, известную компенсацию, ибо аргументирует он не справедливостью этой меры, а ее социальной целесообразностью. Он ссылался при этом на мнение самих крестьян. Он писал: «В 1848 г. румынский народ не сказал боярину: «Я выплачивал тебе в течение веков удесятеренную ренту за землю, которую мне предоставляли, я не должен ничего»,— а сказал: «Забудем прошлое, я

---

[49] Остатки его сохранились у свободных крестьян (мошненов в Валахии, резешей в Молдове). Но и эти категории крестьян стремились получить землю в собственность.

[50] *C. I. Gulian.* Gîndirea social-politică a lui Nicolae Bălcescu. Buc., 1954, p. 72.

[51] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, part 2, p. 55.

хочу выкупить землю; я дам тебе цену, чтобы избавиться от ренты, с помощью которой меня угнетают» [52].

Ссылаясь на тот же опыт революции 1848 г., Бэлческу проявлял готовность идти на еще бóльшие уступки помещикам, т. е. оставить за ними свыше трети земли. Действительно, крестьянские представители в аграрной комиссии, заседавшей в Бухаресте в августе 1848 г., проявили крайнюю умеренность в определении потребной крестьянам земли — от 8 до 16 погонов (4—8 га). Из этой площади Бэлческу исходит и при определении путей и способов выкупа. Он учитывает наличие в княжествах казенных и монастырских земель. Пустив их в продажу и добавив к этим площадям часть помещичьих угодий, можно будет произвести наделение на необременительных для крестьян условиях. По расчетам Бэлческу, им придется платить в среднем по 120 пиастров в течение 15 лет [53].

Бэлческу искренне и глубоко верил, что, после того как феодальные отношения падут и каждый крестьянин получит свой участок земли, наступит царство справедливости и братства, о котором он грезил. В этом — ограниченность и узость его социального идеала. Буржуазной эксплуатации у себя на родине (правда, еще только зарождавшейся) он не замечал. Бэлческу посетил много стран. Капиталистическая действительность Англии его возмутила: «В Англии насчитывается 6 миллионов бедняков и шестьсот семей собственников; разве может быть счастлива страна.... столь пристрастная к одним и столь суровая к другим?» [54]

Но увидеть в этом прообраз будущего, ожидающего Румынию, он не сумел. Он, правда, говорил о пагубности чрезмерного дробления участков; но Румынии-де подобная опасность не угрожает: здесь «мелкая собственность может распространяться, не разрушая крупной» [55]. Размеры ее должны соответствовать средствам произ-

---

[52] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, p. 276.
[53] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, part 2, p. 77.
[54] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, p. 243.
[55] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, part 2, p. 59. Мы считаем возможным отнести Н. Бэлческу, несмотря на его известную непоследовательность, что выражалось в допущении существования поместий, к эгалитаристам, ибо в основе производства у него лежала мелкая крестьянская собственность.

водства. Выиграют все. Крестьянин станет трудиться много, хорошо и плодотворно, зная, что ему принадлежит урожай. Помещик только выгадает от уменьшения своих владений; общее положение в стране улучшится; возрастет население; рынок будет процветать; стоимость земли повысится; выкуп позволит помещику освободиться от ипотечной задолженности; он волен вкладывать средства куда хочет — то ли в агрикультуру, то ли в индустрию.

Одним словом, и овцы целы и волки сыты: «Бояре и крестьяне нуждаются друг в друге; спрос и предложение уравниваются в результате подлинной свободы сделок; обмен услугами будет вестись на основе равноправия; труд станет вознаграждаться соответствующим образом» [56].

Н. Бэлческу не только не представлял себе острейшей конкуренции мелкого и крупного производства; он ошибался, полагая, что обладание своей полоской спасет крестьянина от эксплуатации, сделает его независимым и позволит разговаривать с помещиком «на равных» при найме на работу. История свидетельствует о противоположном: нет более забитого, покорного и низкооплачиваемого работника, чем владелец парцеллы. Будь его «свобода» хоть десять раз подтверждена и освящена законом, привязанность к «своему» клочку, необходимость найти работу у «своего» помещика превращают его в самый подходящий и выгодный объект для эксплуатации.

Закончив «Экономические проблемы Дунайских княжеств», Бэлческу с удовлетворением замечает: «Полагаю, что я исчерпал вопрос и нанес удар бердышом регламенту и боярам» [57]. Но послышались и возражения слева: «Наши коммунисты здесь недовольны, что я не потребовал уничтожения собственности, ренты и т. д. Нам, которые воевали против привилегий и монополии на собственность, придется со временем защищать собственность от коммунизма» [58].

Эти высказывания позволяют сделать некоторые выводы. Бэлческу в своих экономических воззрениях оказался не способен выйти за пределы крестьянско-эгали-

[56] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, part 2, p. 64.
[57] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 298.
[58] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 301.

таристских представлений. Более того, даже в этом он непоследователен и допускает отступление от принципа, признавая возможность сохранения в определенных пределах помещичьей собственности.

Конечно, он не перестает быть революционным демократом. В советской историографии имеется основанная на высказываниях В. И. Ленина точка зрения о существовании революционной демократии различных оттенков [59]. В зависимости от поставленной социальной цели она могла быть в XIX в. эгалитаристской или утопически-социалистической. Это не отражалось на ее главной черте — требовании свержения феодализма революционным путем. Бэлческу принадлежал к революционным демократам первого типа. Социалистические идеи даже в форме утопии оказались для него недоступны [60].

---

[59] В советской литературе эта точка зрения подробнее всего разработана А. В. Носовым («Утопический социализм и революционный демократизм». Харьков, 1972). Применительно к Балканам об этом писала Д. Ф. Поплыко («О социальных идеалах балканской революционной демократии в период перехода от феодализма к капитализму». М., 1974). В румынской историографии (например, еще в 1958 г. Мирчей Иоанидом — *M. Ioanid.* Particularităţile ideologiei democrat-revoluţionare din România.— «Cercetări filozofice», 1958, N 1) подчеркивалось, что идеология революционного демократизма (в XIX в.) не обязательно должна включать в себя материализм и утопический социализм в качестве неотъемлемых компонентов. Это нимало не противоречит тому обстоятельству, что исторические условия России сделали революционных демократов здесь материалистами и утопическими социалистами. Замечание В. И. Ленина: «В XX веке, в капиталистической стране нельзя быть революционным демократом, ежели бояться идти к социализму» (Полн. собр. соч., т. 34, стр. 140) относится к иной эпохе и к странам утвердившегося капитализма.

[60] Нет свидетельств того, что в Дунайских княжествах среди молдавской или валашской эмиграции существовало сколько-нибудь оформившееся социалистическое течение. Не следует преувеличивать значения «наших коммунистов», о которых упоминал Бэлческу. Можно найти много свидетельств знакомства и интереса здесь к домарксистскому социализму, главным образом к работам французских утопистов и представителям различных оттенков мелкобуржуазного социализма. Об этом писали И. Ионеску де ла Брад, А. Г. Голеску, К. А. Росетти, И. Элиаде и некоторые другие. Всех их привлекала критика феодализма и гуманные лозунги утопистов. Ионеску де ла Брад писал, например: «...Сенсимонисты, фурьеристы, оуэнисты, икарийцы пытаются придать миру организацию, при которой человек не убивал бы человека, на что его толкает собственность». Однако румынские мыслите-

Таковы особенности взглядов и заблуждения Бэлческу, объяснявшиеся историческими условиями. И революционер, всю жизнь стоявший на позициях классовой борьбы, преисполнен такой незыблемой веры в сконструированную им социальную утопию, что считает нужным воззвать... «к чувству братства и солидарности различных классов общества, что необходимо для предотвращения в будущем революций и социальных потрясений» [61].

«Провиденциальное» начало заводит его в тупик. В самом деле, божество, ведающее историческим прогрессом, должно было остановиться у врат царства добра и справедливости. Не слишком далеко продвигается человечество «под взорами провидения, по законам и к цели, предрешенной последним заранее...» [62]

Несмотря на эти слабости, программа Бэлческу — наделение крестьян землей, сокрушение феодальных латифундий, оплота средневековья не только в земледелии, но и в общественно-политической жизни страны,— означала огромный шаг вперед и в экономической, и в социальной областях. В. И. Ленин подчеркивал возможность «широкого и свободного развития капитализма на почве обновленного мелкого хозяйства» [63]. К нему-то и сводилось объективное значение призывов Бэлческу. Его отрицательное отношение к социализму тоже имело кор-

---

ли не были последовательны, и румынский исследователь Г. Зане справедливо замечает: «...Все румынские идеологи революции единодушны в отвержении основного социалистического тезиса: коллективной собственности» (*G. Zane.* L'ideologie revolutionnaire dans les Principautés roumains et le socialisme prémarxiste à l'époque de 1848.— «Revue des sciences sociales», 1962, N 2, p. 198, 192).

Не существовало среди них и четкого представления, что же такое социализм. Поэтому К. А. Росетти, никогда не поднимавшийся выше буржуазного демократизма, выражал уверенность в триумфе социализма, считая его торжеством гуманистических идеалов. В трактовке взглядов утопистов и мелкобуржуазных социалистов царила путаница. Так, Прудона, сочинениями которого увлекались, одни считали коммунистом, другие — нет. Наконец, нет никаких сведений о том, что предпринимались попытки связать почерпнутые в трудах зарубежных мыслителей идеи с задачами развития Дунайских княжеств, воплотить их в конкретный и развернутый план.

[61] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, part 2, p. 66.

[62] *N. Bălcescu.* Opere, vol. II. Buc., 1953, p. 10.

[63] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 269—270.

ни в румынской действительности той поры. Городского пролетариата он у себя на родине не видел. Деревня же Дунайских княжеств и тогда и позже требовала землю в собственность; призыв к обобществлению земли не имел здесь шансов на понимание. Отказ Бэлческу от социализма как цели объясняется и его общей идеалистической концепцией, и конкретной стадией исторического развития Дунайских княжеств.

Детальных схем политического устройства он, будучи в изгнании, не разрабатывал, ограничиваясь общими принципами: «господство демократии», «управление народом с помощью народа». Его политические взгляды были широко известны и изложены в Ислазской прокламации 1848 г.: равенство граждан перед законом, отмена титулов и рангов, ответственное министерство, образование национальной гвардии, прогрессивно-подоходное налогообложение, всеобщее и бесплатное образование[64]. Некоторые вопросы, туманно сформулированные в прокламации (например, о порядке выборов в народное собрание), в дальнейшем прояснились. Во временном правительстве летом 1848 г. Бэлческу боролся за всеобщее избирательное право.

Н. Бэлческу был убежденным республиканцем и мечтал о строе, при котором «люди, объединившись, будут сами определять свою судьбу и каждый румын, достигнув возраста, определенного законом, получит голос при избрании общественного собрания страны»[65].

В интереснейшем пропагандистском документе «Руководство для доброго румына», откуда мы взяли приведенные выше высказывания, составленном Бэлческу еще летом 1848 г. и написанном в форме диалога между горожанином и представителем правительства — комиссаром, автор пишет:

«Горожанин: ...Несомненно, и румынский народ, когда с помощью божьей снова добьется свободы, учредит демократическую республику.

Комиссар: Конечно, иначе не сохранишь свободы. Самой большой глупостью для румын было бы, завоевав кровью свободу,— иначе свободу не завоевывают,— добровольно посадить наследственного или пожизненно-

---

[64] «Anul 1848 în Principatele Române», t. I. Buc., 1902, p. 490—501.
[65] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, p. 350—351.

го князя, короля или императора, который забавлялся бы ими, мучил и грабил их как ему вздумается...» [66]

Хотя ограниченности и фальши буржуазной демократии Н. Бэлческу не замечал и не мог заметить, в его политических взглядах основное — не идеализация буржуазной республики, а стремление к революционному свержению феодальной надстройки.

Анализ идей Бэлческу позволяет утверждать, что он не абсолютизировал разграничение революционного процесса в Дунайских княжествах на два этапа и выдвижение на первый план объединения. Антибоярское острие его взглядов выступает одинаково четко и здесь и там. Бояр он вообще исключает из национальности (а стало быть — и из национальной борьбы): «Бояре — не румыны; бояре — и не русские; они бояре — и это все» [67]. Их власть, по мнению Бэлческу, объяснялась иноземной поддержкой; они держались на чужестранных штыках. Поэтому национальная революция была и антибоярским движением, и имела антифеодальное социальное содержание.

С негодованием отвергал он поиски иных, помимо революции, путей демократических преобразований: «...Наша революция еще не кончилась, чтобы судить о ней, она лишь началась» [68]. Он отметает рассуждения о преждевременности реформ, поскольку народ-де столь темен и сер, что рано приобщать его к благам цивилизации: «румынский народ достаточно зрел для того, чтобы жить самому без господ и пользоваться всеми гражданскими правами» [69].

Его вера в революционные потенции крестьянства и городских низов, его убежденность в том, что они одни способны сокрушить путы феодализма, безграничны: «Кто же может свергнуть этот отступнический класс, который, выйдя из недр народных, поработил своих братьев и отцов и покрыл позором человечество?» «Народом освободить народ» [70] — в этой крылатой фразе квинтэссенция социальных взглядов Николае Бэлческу.

Правда, и в эмиграции у него какое-то время еще теп-

---

[66] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, p. 351.
[67] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, part 2, p. 88.
[68] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 276.
[69] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, p. 352.
[70] Ibid., p. 309.

лится надежда, что в национальной борьбе можно будет, наряду с опорой на народ, воспользоваться и противоречиями среди держав. Что он мыслил это как вспомогательный маневр, видно из письма А. К. Голеску (март 1850 г.): «Я верю, что одни и те же люди могут выступать и перед кабинетами с целью извлечь определенную выгоду из ситуации, и в то же время работать втайне и готовить элементы той будущей национальной революции, о которой мы мечтаем» [71]. В январе 1850 г. Бэлческу совершает паломничество в Лондон; две недели ждет аудиенции у могущественного министра иностранных дел Г. Д. Пальмерстона. Наконец, тот принимает его, ласково с ним беседует, но ничего не делает. Огорченный Бэлческу пишет: «Вижу, что нам нечего ждать от правительства» [72].

Во французских правителях Бэлческу разочаровался еще раньше. Он сообщает из Парижа: «Здесь ничего не делается, здесь нечего ожидать, со здешним министерством не о чем говорить...» [73]

Оставались турки, имевшие в лице Иона Гики верного сторонника и красноречивого адвоката. Н. Бэлческу делится с ним своими мыслями: если говорить о создании двух Румыний, одной под австрийским и другой под турецким сюзеренитетом,— то никто не поверит, что революционеры собираются удовольствоваться подобной комбинацией. Так стоит ли валяться у турок в ногах, получая в то же время удары коленкой? [74]

Убеждение Бэлческу в бесплодности заигрываний со Стамбулом со временем крепло все больше: «С 48 года и по сию пору... они говорили и обещали одно, а делали совсем другое. Факты доказали всю их подлость...» «Когда румыны будут содействовать революционному движению в Турции или возглавят его, над Портой, несомненно, нависнет большая опасность» [75]. Не такие простаки сидят в Стамбуле, чтобы не видеть этого: «Твоя ошибка,— пишет он Гике,— состоит в том, что ты считаешь дипломатов глупцами, которых легко провести» [76].

[71] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 283.
[72] Ibid., p. 272.
[73] Из письма И. Гике от 26.XII 1849 г.— *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 253.
[74] Ibid., p. 334.
[75] Ibid., p. 370.
[76] Ibid., p. 348.

Сам Бэлческу верит в одно: «...Лишь европейская катастрофа может решить нашу судьбу и спасти нас. Никто ныне не считает, что империи что-либо для нас сделают, а только всеобщая революция. И пусть кабинеты смотрят на нас как на анархистов... Нужно ли обманывать народ, заявляя, как в 1848 г., что Порта принимает революцию и предоставляет конституцию, когда она была против?

Так не лучше ли действовать откровенно и сказать народу, что короли дают лишь то, что у них вырывают... Не надо рассчитывать, что мы сможем обмануть дипломатов и что они ясно не представляют себе, кто мы такие и чего хотим» [77]. И Бэлческу заключает: «Напрасно вы будете вставать на колени у императорских ворот и у дверей их министров и взывать к ним. Они вам ничего не дадут, они этого не хотят и не сделают. Будьте готовы взять все сами, ибо императоры, господари и местные бояре предоставляют лишь то, что у них вырывают народы. Будьте готовы отважно бороться, так как только трудами, жертвами и пролитой кровью народ добивается признания своих прав...» [78]

Бэлческу, подобно многим другим представителям европейской эмиграции, не избежал и иллюзий. Ему кажется, что европейская революция на пороге: «Я узнал наверняка,— пишет он Гике из Парижа в феврале 1850 г.,— что через месяц вся Италия восстанет. В Париже также назначен день революции. Не принимай это за пустые слова...» [79] Проходит немного времени, и он возвращается к этой теме в письме из столицы Франции 16 мая 1850 г.: «Страсти накалены до предела. Обе партии только и думают о том, чтобы вырезать одна другую. Это будет война на уничтожение, беспримерная в анналах человечества» [80].

После 1849 г. в Европе наступила эпоха бурного развития производительных сил, и буржуазия, окунувшись с головой в материальные интересы, напуганная пролетарскими выступлениями, стала относиться враждебно к революционным опытам. Эра буржуазных революций в

---

[77] Ibid., p. 336.
[78] Ibid., p. 312.
[79] Ibid., p. 259.
[80] Ibid., p. 298.

Западной и Центральной Европе миновала; заря революций пролетарских еще только занималась, чтобы вспыхнуть пламенем на баррикадах Парижской Коммуны.

Бэлческу и Росетти устанавливают контакты с созданным Джузеппе Мадзини «Центральным комитетом европейской демократии» [81], который Маркс и Энгельс подвергли резкой критике [82] за легкомысленную игру в восстание: «Новая революция возможна только вслед за новым кризисом» [83].

Однако надежды на близкий взрыв, сколь бы несбыточны они ни были сами по себе, рождали стремление сплотить революционные силы разных стран, образовать союз народов против ненавистных для Бэлческу империй. Трансильванская эпопея 1849 г. явилась лишь первой страницей в деятельности Бэлческу-интернационалиста. «Федерация — вот единственный путь спасения угнетенных народов»,— пишет он [84].

Он вынашивает план создания «Дунайских соединенных штатов» из трех государств: румынского, венгерского и югославянского. План предусматривал раздел территории в зависимости от национальной принадлежности большинства жителей, создание центрального федерального совета (по 50 представителей от каждой нации) и правительства (сменяемого ежегодно) из трех министров: военного, иностранных дел, торговли и промышленности. Все прочие вопросы румыны, мадьяры и югославяне могут решать вполне самостоятельно [85].

Он показывает бесперспективность и историческую бессмысленность попыток сохранить политическое единство Венгрии в ее тогдашних границах. Это может повлечь за собой национальные конфликты (которые уже не раз использовала реакция в своих интересах) и гражданскую войну. Бэлческу предостерегает против злоупотребления так называемыми историческими правами: «Это право, опирающееся на силу, на вторжение и захват, а мы стремимся к освобождению на основе незыблемого права — справедливости» [86]. Он напоминает

[81] См. *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 272, 285, 549—550.
[82] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 307, 310, 317.
[83] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 467.
[84] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 310—311.
[85] Ibid., p. 291—292.
[86] Ibid., p. 313.

о глубокой ошибке революционного пештского правительства, которое вместо того, чтобы выступить «посредником и примирителем» конфликтующих национальностей, населявших Австрийскую империю, ввязалось в спор, стало его участником, причем враждебным по отношению к румынам и славянам, и превратилось в их глазах «только в венгерское правительство». Это способствовало его гибели.

Населяющим Венгрию народам надо заниматься не препирательствами, изыскивая свои права в истории,— а обратиться к естественному праву и «жить как братья на общей родине» [87].

В молдо-валашской эмиграции не было другого человека, который с такой силой и убежденностью проповедовал бы сплочение народов в грядущей национальной и социальной революции, как это делал Бэлческу. Его расхождения с былыми соратниками 1848 г., шедшими вправо, становились все глубже. Он все больше чувствует себя белой вороной среди эмигрантов, не находя с ними общего языка. Он остро ощущает это уже в 1849 г., когда из революционной Венгрии призывает тех, кого считает друзьями, приехать к нему, чтобы бороться за сплочение румынских и мадьярских революционных сил. Он взывает к Иону Гике [88], пишет А. Г. Голеску: «Прошу тебя, попытайся воздействовать на Магеру [89] и всю молдо-румынскую молодежь и всех наших офицеров, чтобы приехали сюда» [90].

Никто не приехал.

Бэлческу разочарован в бывших своих коллегах по временному правительству и дает им нелестные характеристики. И. Элиаде, вождь умеренных в 1848 г., для него враг: «Система Элиаде заключалась в том, чтобы повсюду видеть великие интриги России, и он только один оказывался способным разглядеть их, за что и воздавал себе неумеренную хвалу...» [91] «У него нет ни сердца, ни благородных порывов. Он слишком занят своей лично-

---

[87] Ibid., p. 315.
[88] Ibid., p. 187.
[89] Г. Магеру — командующий валашскими нерегулярными силами в 1848 г.
[90] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 169.
[91] Ibid., p. 271.

стью»[92]. Д. Брэтиану, К. Росетти и их товарищей он характеризует как «тесно сплоченную клику. Они честолюбивы, сверх всякой меры склонны к интриге, безразличны к средствам и в высшей степени безрассудны».

Он делает известное исключение для Росетти: «Руссет, я верю, любит родину и предан ей, но он, во-первых, сумасшедший, затем аристократ по преимуществу, восторгающийся и уважающий прежде всего старшего Брэтиану, затем самого себя и, наконец, Брэтиану-младшего. Это троица, в которой Руссет есть отец, Д. Брэтиану — дух святой и И. Брэтиану — сын»[93].

На этой оценке лежит, несомненно, печать неудачи революции, горечи жизни на чужбине и раздоров в эмигрантской среде. Но она отражает тот несомненный факт, что революцию сгубили не только И. Элиаде и Х. Телль, два руководителя временного правительства Валахии в 1848 г., начавшие с компромисса с боярской реакцией и кончившие отказом от противодействия турецкому вторжению, но и радикальная фраза: «Росетти, подчинившись благородным порывам своего сердца, хотел превратить революцию в сентиментальную эпопею, воображая, что с помощью речей и патетических прокламаций все противоречия, оппозиция и ненависть партий исчезнут и растворятся в бесконечном братском поцелуе»[94]. Бэлческу прозорливо и справедливо усмотрел в радикализме тенденцию к компромиссу с ненавистной для него реакцией.

Однако бросается в глаза, что Бэлческу обращает свою критику прежде всего против личностей и проходит мимо их общественных связей. Он не обусловливает их действия определенной классовой позицией. Его идеалистическая концепция помешала ему произвести необходимый анализ. С высоты прекрасных, но абстрактных принципов свободы и справедливости порой нелегко разглядеть маневры людей, определяемые материальными интересами представляемых ими слоев. Валашское общество предстает перед Бэлческу в антагонизме двух классов — помещиков и крестьян. Нарождающейся буржуазии, ее сложных отношений соперничества — сотруд-

---

[92] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 279.
[93] Ibid., p. 137.
[94] Ibid., p. 280.

ничества с боярством (в чем заключался ключ к пониманию политической линии упоминаемых им деятелей), размежевания самого боярства и перехода части его на позиции буржуазии — всего этого Бэлческу не учитывал.

Но даже из этой несколько односторонней критики мыслитель делает чрезвычайной важности вывод. Он клянет себя и своих единомышленников за недостаточную, по его мнению, настойчивость в отстаивании своей линии в 1848 г: «...Мы дали много доказательств своих способностей, но, к несчастью, слишком мало признаков честолюбия. Наше безразличие к власти явилось причиной падения революции» [95].

Опять знакомая нам беспощадность в оценке собственных действительных или даже мнимых ошибок.

Напрашивается вопрос: а что бы произошло, если бы Бэлческу проявил «честолюбие»? Изменился бы в действительности ход событий? Очевидно, нет. Он находился в правительстве в безнадежном меньшинстве; конкретная расстановка классовых сил в Валахии выдвигала на авансцену умеренных. Однако гораздо важнее этого просчета в анализе прошлого — правильный и устремленный в будущее вывод, который делает Н. Бэлческу, о необходимости борьбы за власть, о важности для революционера возглавить движение и биться за торжество своей линии, о решительном, непримиримом к врагам курсе революционного правительства: «С некоторого времени мой политический бог — это власть»,— пишет он. «Революция не должна вступать в сделку с врагами. Она должна или победить, или пасть, но пасть по крайней мере с достоинством и величием» [96]. Короче, правительство должно действовать, а не предаваться бесконечным дискуссиям, как это делал валашский кабинет в 1848 г. Он, не колеблясь, характеризует отдельные его акции как «глупые, если не сказать, позорные и предательские» [97].

Бэлческу понимает, что общего языка с основной массой молдо-валашской эмиграции ему не найти. Он советует своему другу А. Г. Голеску бросить попытки

---

[95] Ibid., p. 279.
[96] Ibid., p. 280.
[97] Ibid.. p. 281.

создать общеэмигрантский комитет: «Мнения разошлись слишком далеко, а страсти чересчур накалились» [98].

Но, понимая значение организации, он хлопочет о создании узкого центра единомышленников. И здесь его постигает неудача.

В сентябре 1850 г. в Париже создается комиссия для пропаганды из трех человек. Бэлческу считал ее ступенью к секретному обществу, наподобие «Фрэции», которая подготовила июньское восстание 1848 г. в Валахии. Через два месяца комиссия распалась. Интриги, толкование вкривь и вкось ее задач, неуемное стремление к составлению все новых и новых планов — таковы были, по мнению Бэлческу, причины, заведшие ее в тупик. Он заявил своим коллегам: «Не питая иллюзий относительно работы господ и не считая их серьезными людьми, я отказываюсь от всякого вмешательства и встреч...» [99] Бэлческу «сыт по горло прокламациями и протестами» [100], а дела нет.

В отношениях с Росетти и радикалами наступило охлаждение. Что касается валашских эмигрантов из числа умеренных, то Бэлческу о них отзывался следующим образом: «Париж полон румынскими реакционерами; но все они выдают себя за революционеров» [101].

Наконец, настала пора и для объяснения с Йоном Гикой, который проживал на берегах Босфора, сблизился с турецкой чиновной знатью и выступал за проведение на родине реформ «по возможности». Бэлческу пишет своему бывшему соратнику: «Я не понимаю, чего же ты хочешь, Гика. Разве не ты во многих печатных изданиях пропагандировал объединение всех румын? Разве не ты изобрел само слово — панрумынизм? Неужели ты веришь, что нас спасет дипломатия, а не революция? Неужели ты боишься, что кабинеты сочтут нас революционерами? А за кого нас принимали до сих пор даже турки, разве они не относились к нам как к революционерам и анархистам?» И Бэлческу заключает: «Политическая партия должна иметь свое знамя и

---

[98] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 272.
[99] Ibid., p. 331, 346.
[100] Ibid., p. 372.
[101] Ibid., p. 374.

защищать его открыто и откровенно»[102]; лишь в средствах достижения цели допустима секретность.

Переписка с Гикой продолжалась, но былой близости не было и не могло быть между революционером и пребывавшим в милости султана Гикой.

Для Бэлческу, тяжело больного, наступила пора одиночества. Он занимается историческими исследованиями, завершает свой труд о Михае Храбром: «Я по уши закопался в ужасающие фолианты и собираю в них примеры отваги предков; а подлых современников я послал к черту»[103].

Бэлческу не был просто исследователем-историком. Талант литератора и публициста позволял ему создавать работы, которые и сейчас действуют не только на ум, но и на сердце читателя. Что же говорить о прошлом веке, когда Бэлческу писал о сражениях с той самой Османской империей, освобождение от гнета которой оставалось задачей задач для его современников? Звон мечей в далекой битве при Кэлугарени они воспринимали как призыв к новым сражениям.

Горьки последние месяцы жизни Бэлческу. Он верит, что революция близится; «надо готовить страну к участию в ожидаемом движении, не заботясь о том, что подумают турки, и не теряя времени, стоя перед ними на коленях и понапрасну выпрашивая как милостыню свои права»[104] (Из письма И. Гике от 16 октября 1851 г.).

«У меня разрывается сердце, когда я думаю, что может наступить желанное время, а я не смогу послужить родине ни саблей, ни пером, ни словом. Присутствовать при сем как идиот. Тоскливо мне здесь в моем одиночестве»[105] (Из письма К. А. Росетти от 6 ноября 1851 г.).

Парижский климат для него губителен. Месяцами он прикован к постели. В феврале 1851 г. Бэлческу пишет, что начал систематический курс лечения. «Бог знает, каков будет результат»[106]. К страданиям физическим добавляются нравственные. Бэлческу снедает тоска по

---

[102] Ibid., p. 348.
[103] Ibid., p. 353.
[104] Ibid., p. 382—383.
[105] Ibid., p. 384.
[106] Ibid., p. 358.

родине. Он рвется домой и предпринимает безнадежную попытку посетить Валахию. Он обращается к Гике — может быть, ему удастся раздобыть пропуск?

В апреле месяце 1852 г. Бэлческу отправился в путь В Марселе с ним повстречался член валашского правительства 1848 г. Штефан Голеску. Он был потрясен встречей: перед ним был старик. Состояние Бэлческу «не оставляет ни малейшей надежды, что он протянет долго. Ему дашь пятьдесят, а не тридцать» [107].

Бэлческу добрался только до границы. Он увидел мать и бросил последний взгляд на валашский берег Дуная.

Не оставалось ни здоровья, ни денег. Бэлческу поселился на острове Сицилия, в Палермо, в гостинице «Тринакрия».

Средств не было совсем, он задолжал хозяину. Тот заставил умирающего составить завещание, в котором содержалась просьба к Иону Гике — уплатить его долги: за проживание в отеле, за еду, за вещи, которыми пользовался больной и которые были сожжены, врачу, слуге... Бэлческу поставил подпись под этим документом за месяц до смерти. Угас он 16(29) ноября 1852 г., всего 33 лет от роду. Бэлческу похоронили в братской могиле на кладбище капуцинов. Обнаружить его останки не удалось...

Смерть его вызвала многочисленные отклики. О нем писали тепло и сердечно как о человеке высоких моральных качеств, большой души и широкого кругозора. О его бескомпромиссной борьбе против феодализма, о его жизненном пути, озаренном верой в революцию, вспоминали редко. Бэлческу умер не только в личном одиночестве, но и в глубокой духовной изоляции. Соратники его молодости в лучшем случае сохранили либеральные убеждения, в худшем отказались и от них. Теоретическое наследие Бэлческу использовали и умножили не они, а участники социалистических кружков 70—80-х годов. Оно вошло в сокровищницу общественной мысли демократической Румынии.

---

[107] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 590.

Михаил Когэлничану

В лице Михаила Когэлничану поднимающаяся буржуазия княжеств выдвинула человека выдающихся дарований. Государственный и общественный деятель, видный дипломат, мыслитель и историк, публицист и оратор — таким вошел в историю Михаил Когэлничану. Этот выходец из старой боярской семьи как бы символизировал тесные связи помещиков и буржуазии. Его кипучей и неуемной натуре не хватало деятельности на государственном и общественном поприще. Он сам «хозяйствует» в своих поместьях, арендует другие, строит суконную фабрику, одну из первых в Дунайских княжествах, и входит в ряды промышленников.

В детстве, казалось, ничего не предвещало Когэлничану судьбу реформатора и борца. Его отец Илие занимал важные посты в феодальном Молдавском княжестве; мать была другом детства господаря Михаила Стурдзы. Когэлничану получил блестящее образование, сперва домашнее, а затем в университетах Франции и Германии. За границей он учился вместе с детьми князя и за счет последнего. Ему не надо было карабкаться по крутым ступеням феодальной иерархической лестницы, судьба легко вознесла молодого Когэлничану на самую ее вершину. В двадцать лет юный Когэлничану, еще студент, посвящает в духе времени свой первый крупный труд «в знак признательности и почтительной преданности» князю Михаилу Стурдзе; в двадцать один год становится его адъютантом. В двадцать шесть лет Когэлничану — профессор национальной истории, а в тридцать — вынужден скрываться от ищеек того же Михаила Стурдзы.

В творчестве Когэлничану-ученого поражает отсутствие какого-либо периода ученичества. Двадцатилетний автор «Истории Валахии, Молдовы и трансдунайских валахов» (Берлин, 1837 г.), за плечами которого уже два других исследования — «Очерк истории, нравов и языка цыган» и «Румынский или валашский язык и литература», выступает как зрелый ученый и исследователь. Эти его труды, к которым никак не применим эпитет юношеские, составили заметную веху в румынской историографии. Школа Леопольда фон Ранке с ее требованием тщательного исследования источников,

пройденная М. Когэлничану в Берлине, благотворно сказалась на исследовательском методе молодого ученого. Когэлничану решительно порвал с летописными традициями; поэтому его по праву можно назвать, наряду с Н. Бэлческу,— основоположником румынской историографии в современном смысле этого слова.

Во вступительном слове к курсу лекций, прочитанных в так называемой Михайловской академии в Яссах (1843 г.), Когэлничану говорил: «До сих пор все, кто занимался национальной историей, имели в виду лишь жизнеописания господарей и не упоминали о народе, источнике всех движений и деяний, без которого владыки — ничто. Я буду остерегаться этой капитальной ошибки; и, помимо политической истории страны, попытаюсь, поскольку позволяют документы и старые традиции,— дать ясное представление о социальном и моральном состоянии, обычаях, предрассудках, культуре, торговле и литературе древних румын» [1].

В этом высказывании Когэлничану — главное, что он сделал для исторической науки Румынии: вместе и почти одновременно с Бэлческу он углубился в изучение движений народных масс. Они сотрудничают в первом в Дунайских княжествах историко-архивном издании — «Магазинул историк пентру Дачия». В 1852 г. Когэлничану издает сборник молдавских летописей; через двадцать лет, вновь обратившись к летописям, он выпускает «Хроники Румынии».

Когэлничану никогда не был кабинетным ученым; история для него — учебник жизни, «главная книга народов и каждого человека в отдельности, ибо любое состояние, любая профессия находит в ней руководство к поведению, совет в делах, поучение в незнании, призыв к славе и добрым делам» [2]. Когэлничану столь же тесно, как и Н. Бэлческу, связывает историю с жизнью,

---

[1] *M. Kogălniceanu.* Opere. Buc., 1946, t. I, p. 648. Исследователи обратили внимание на хорошее знакомство Когэлничану с «Историей государства Российского» Карамзина. В своем выступлении Когэлничану повторил некоторые мысли и даже отдельные выражения Карамзина. Но привлекал его, конечно, патриотизм русского историка, а не его консервативные взгляды (*Е. М. Двойченко-Маркова.* Русско-румынские литературные связи. М., 1966, стр. 241).

[2] Цит. по: *A. Oţetea.* Kogălniceanu istoric. In: *M. Kogălniceanu.* Opere, t. I. Buc., 1946, p. 18.

с современностью, с жгучими проблемами сегодняшнего дня. Документы поставляют ему обильную пищу для критики феодализма. Обагренными кровью войн, освещенными заревом пожарищ, пропитанными слезами и потом крестьянским предстают перед его взором пожелтевшие страницы летописей. Его критика основательна, сильна, беспощадна. Но угол ее иной, нежели у Н. Бэлческу. Для идеолога крестьянской демократии основа истории — революционный процесс; выразитель родившейся с запозданием буржуазии дунайских княжеств Михаил Когэлничану ищет в истории другое, идею прогресса он преломляет иначе, ставя во главе угла веру в разум человечества. В истории он ищет и обретает уверенность в необратимости поступательного хода социального и национального развития: «Прогресс,— провозглашает он,— является законом человечества и, что бы ни случилось, страна не может повернуть вспять». Влияние на него идей просветительства несомненно и значительно. Когэлничану — за «мирную, бескровную революцию, которую совершает на пользу человечества и возрождения нашего народа пар и печатный станок — самые могущественные проповедники цивилизации».

На мировоззрении Когэлничану лежит отпечаток его исторических изысканий. Не только жизнь, но и хроники, и широкое знакомство с зарубежной историографией того времени, прежде всего французской и немецкой, научили его ненавидеть феодализм. Но революционный путь его свержения отвергается.

Когэлничану пишет в «Предисловии к летописям Молдовы» (1852 г.): «Надеюсь, что публикация молдавских хроник, содействуя развитию патриотизма, будет способствовать также отказу от утопий, которые многих до сих пор вводили в заблуждение, внушая веру, будто триумф национальности обусловлен насильственными действиями; на самом деле я убежден, эти меры могут ее погубить или по меньшей мере скомпрометировать. Страну нашу можно поднять не с помощью стремительных и шумных изменений. Доброжелательные и постепенные реформы, серьезные улучшения, распространение просвещения в обществе, уважение прав всех классов[3],

[3] Последняя фраза взята из подцензурного издания 1852 г. В рукописи М. Когэлничану было: «Одинаковые права для всех классов нации».

улучшение семейных нравов, укрепление, упрочение и уважение правящей власти как органа закона — таковы единственные элементы нашего возрождения. Всякое насильственное изменение, всякое внезапное преобразование может быть лишь фатальным. Когда начинается революция, ход цивилизации прекращается; война всегда испепеляла зерна, посеянные в дни мира» [4].

На историю Когэлничану взирает глазами присмиревшего после 1848 г. буржуа Дунайских княжеств.

В философском плане его взгляды представляли защиту идей традиционализма. Когэлничану отрицал возможность полного и резкого перерыва постепенности, разрыва с прошлым, и призывал воспринять из прошлого элементы, пригодные для нового: «Подлинная цивилизация — та, которую мы извлекаем из наших недр, преобразовывая и усовершенствуя учреждения прошлого с помощью идей и развития сегодняшнего дня» [5]. Хотя Когэлничану всегда было чуждо чувство национальной исключительности, он указывал, что никто не может отгородиться от веяний времени и прожить, не заимствуя идеи и институты из-за рубежа, его традиционализм означал не только отказ от революции в пользу реформ, но и прокладывал путь к компромиссу с силами прошлого.

Материалистические и диалектические элементы в философских и социологических взглядах Когэлничану несомненны. Он признает существование природы, развивающейся по определенным законам. Когэлничану принадлежат слова: «...Каждое завоевание науки, промышленности и искусства — это победа над материей, подчинение ее нуждам человека» [6]. «Улучшив материальное положение, мы улучшим и мораль нашего общества»,— писал он. Когэлничану безусловно и безоговорочно признает классовую борьбу в развитии человечества,— здесь влияние на Когэлничану французских историков эпохи реставрации несомненно. М. Когэлничану принадлежат очень интересные и передовые для своего времени мысли о происхождении рабовладельческого общества: «Да, рабство старо, но не так древне, как мир; оно ведет свое начало лишь с тех пор, как производство развилось настолько, что смогло давать

[4] *M. Kogălniceanu.* Opere, t. I, p..675.
[5] Ibid., p. 239.
[6] *M. Kogălniceanu.* Profesie de credinţa. Buc., 1962, p. 101.

человеку больше, чем требовалось для удовлетворения его насущных нужд»[7]. И тут мы видим подход к материалистическому объяснению происхождения формации.

Однако приведенные высказывания не меняли общей идеалистической направленности его миросозерцания и не влияли сколько-нибудь заметно на его взгляды на переустройство общества. Связать классы с формами собственности он не смог. Общество он рассматривал как «свободный и необходимый союз людей, вещей, идей», имеющий в основе своей «мораль, необходимый закон человечества, который отрицает какой-либо произвол». «Законы... решают социальные отношения и вместе с моралью должны выражать волю общества»[8]. Когэлничану изобретает специальное слово «солия», означающее предначертание провиденциального характера для народов, которое они осуществляют, содействуя развитию нации и делу общечеловеческого прогресса, а история постигает его в своих обобщениях[9]. И здесь в полной мере выступает не только исторический оптимизм Когэлничану, но и его идеализм.

Нельзя пройти и мимо отдельных реакционных высказываний мыслителя. Он преувеличивал роль внешнего фактора в процессе классообразования, отдавая дань «теории насилия» и допуская, хотя и в отдельных случаях, оправдание завоеваний: «Война между народами являлась одним из самых мощных элементов цивилизации. Народ, научные элементы которого более развиты, побеждая менее развитый народ, приносит последнему плоды своих трудов». Так идеолог поднимающейся румынской буржуазии оправдывал колониальные захваты.

* * *

Михаила Когэлничану можно по праву назвать одним из духовных отцов событий 1848 г. в Молдове. Но сам он в них непосредственного участия не принимал:

[7] Статья Когэлничану «Рабство, крепостничество и барщина».— В кн. «Передовые румынские мыслители XVIII—XIX вв.». М., 1961, стр. 289. Статья была запрещена цензурой Молдавского княжества из-за ее «мятежного» характера. Интересно, что первый вариант статьи под заголовком «Исторический взгляд на рабство» был напечатан как предисловие к молдавскому переводу романа Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

[8] *M. Kogălniceanu.* Scrieri alese, p. 243.

[9] *M. Kogălniceanu.* Opere, t. I, p. 612.

бывший княжеский адъютант вел тогда жизнь изгнанника в собственной стране, скрываясь от полиции Михаила Стурдзы. Волна реакции, наступившая после разгрома оппозиционных и революционных выступлений, вынудила его эмигрировать в Австрийскую империю.

Здесь, в Буковине и Трансильвании (в г. Брашове), собралось немало соотечественников. События на родине и разгоравшаяся в Трансильвании революция наложили отпечаток на содержание документов, выработанных эмигрантами.

Важнейшее значение имеют два из них. Первый, самый радикальный, озаглавленный «Наши принципы для преобразования родины» (Брашов, май 1848 г.), краток и энергичен по форме и революционен по содержанию. В его пунктах предусматривались следующие меры: отмена барщины и всех видов феодальных повинностей, наделение крестьян землей без всякого выкупа, отмена сословных привилегий, управление страной в духе принципов свободы, равенства и братства, объединение Молдовы и Валахии [10].

В нем молдавские революционеры во главе с Костаке Негри и Захарией Молдовэну впервые после прокламаций Тудора Владимиреску вписали в программный документ пункт об объединении Дунайских княжеств, связав его, как это видно из содержания «Принципов», с решением важнейших социальных вопросов. Первым в ряду своих требований они выдвинули аграрный вопрос, предусмотрев при этом решительную ликвидацию феодальных отношений.

Влияние на авторов «Принципов» буржуазно-демократического крыла национального движения трансильванских румын, стоявшего за предоставление крестьянам земли без всякой компенсации помещикам, несомненно [11]. Однако в молдавских условиях это требование приобретало гораздо более решительный и революционный характер. Румынского помещичьего землевладения в Трансильвании почти не существовало, румынская

---

[10] *Vl. Georgescu.* Mémoires et projects des réformes dans les principautés roumaines 1831—1848. Buc., 1972, p. 142—143.

[11] По некоторым свидетельствам, пункт о наделении крестьян землей без выкупа был включен в программу по настоянию трансильванца Георге Барицию.— См. *V. Ionescu.* Mihail Kogălniceanu. Buc., 1963, p. 189.

буржуазия этой области, не будучи связанной с землей, занимала довольно радикальную позицию в этом вопросе. В Молдавском же княжестве узы, связывавшие бояр с представителями поднимавшегося капитала, были самыми тесными. Во главе движения в 1848 г. стояли либеральные бояре, и требование предоставления крестьянам земли без выкупа ущемляло их интересы.

Интересна судьба брашовского документа. Долгие годы он был известен лишь в рукописи и доступен поэтому ограниченному кругу лиц. Даже в многотомной публикации материалов, выпущенной спустя более чем полвека («Anul 1848 în principatele Române», v. I—VI. Buc., 1902—1910), «Принципы» были опущены: румынская буржуазия не питала теплых чувств к своему революционному прошлому.

Кардинальное решение социальных вопросов, предусматривавшееся «Принципами», разделялась тогда немногими участниками движения из среды помещиков и буржуазии. Впоследствии и сами авторы изменили свою позицию. Не разделял ее и Михаил Когэлничану. Ему, наиболее авторитетному человеку, группа молдавских эмигрантов поручила составить и всесторонне обосновать программу движения. Результатом трудов Когэлничану явилась брошюра «Пожелания национальной партии в Молдове», вышедшая в эмиграции в августе 1848 г.

В этом документе, отражавшем взгляды буржуазно-демократического крыла движения, важно все — и программные положения, и вводная, пояснительная часть; имеет значение сам способ аргументации, к которому прибегал автор для доказательства правомерности выдвинутых им положений.

Начинался он с многозначительного утверждения: «Молдаване — не мятежники, и ни с кем не борются». Подвергнув затем резкой и обоснованной критике Органический регламент, который «не может принести счастья стране, о чем наглядно свидетельствуют испытания семнадцати прошедших лет»[12], Когэлничану изложил широкую программу буржуазно-демократических реформ (равенство гражданских и политических

[12] *P. Cornea, M. Zamfir.* Gîndirea românească în epoca paşoptistă. Buc., 1969, p. 71.

прав, личная свобода, отмена классовых привилегий, бесплатное обучение), предусмотрев и ряд мер для быстрейшего экономического развития страны. Видное место в программе уделено решению аграрного вопроса Когэлничану правдиво рисовал бедственное положение крестьянства. «Ныне все тяготы, все государственные налоги, вопреки всякой справедливости, ложатся на одних бедных, на тех, кто располагает лишь своим телом, а именно, на сельских жителей; они содержат господаря, который и знать их не желает, администраторов, которые их обворовывают, судей, от которых никогда не добиваются справедливости, служителей, которые кнутобойствуют, военных, которым нечего защищать, ибо у крестьянина нет ничего под солнцем, нет даже землянки, чтобы отдохнуло усталое тело». «Бесчеловечно,— пишет он,— когда человек эксплуатирует человека, когда большинство превращено в инструмент труда для меньшинства и целый народ жертвует жизнью в пользу немногих, что противно евангельским принципам и подлинной свободе» [13].

Но в отличие от брашовских «Принципов» Когэлничану ввел в свою программу выкуп за предоставляемую крестьянам землю. Иначе и быть не могло у человека, стремившегося, по его собственным словам, «скрупулезно следовать легальным путем». В «Пожеланиях» нет ни слова осуждения бояр. Когэлничану не упрекает и не изобличает, а уговаривает их: «Собственность — сильнейшее орудие цивилизации». Сильна лишь страна, где собственники многочисленны, ибо лишь там, где существует любовь к земле, есть и любовь к родине. «Сейчас же ради чего крестьянину любить и защищать родину, в которой он лишен всех прав и обременен лишь обязанностями и повинностями?» Распространение крестьянской собственности соответствует и частным интересам помещиков: «свободный труд производительнее подневольного, барщины». Он напоминает упрямым реакционерам, что в соседней Галиции крестьяне в 1846 г. кровью панов записали свои требования. Стремление сохранить боярские угодья в неприкосновенности, не останавливаясь перед силой, «породит семена ненависти к владельцам поместий. Последние не только обязаны, но и заинтересованы в устранении опасности, ... и пусть

[13] *P. Cornea, M. Zamfir.* Op. cit., p. 81, 84.

события в Галиции послужат им ужасным и поучительным уроком» [14]. «Ныне еще легко решить мирным путем вопрос о наделении крестьян; через год это будет сделать труднее, а через два — совсем невозможно. Ныне это зависит от нас; возьмемся же за решение с тем, чтобы оно не свершилось без нас и с пролитием потоков крови» [15].

Мировоззрение Когэлничану отражено в «Положениях» как в зеркале. Он полон сочувствия бедственному положению крестьянства и желания помочь ему. Когэлничану верит в поступательный ход истории, в исторический разум разных общественных прослоек. Ему представляется, что перед доводами здравого смысла склонят свои головы даже самые упрямые из бояр. Представитель поднимающегося класса, Когэлничану полон оптимизма.

Но его программа полна многозначительных умолчаний. Каковы условия проектируемой аграрной реформы? Площадь крестьянских наделов? Размеры и срок выкупа? [16] Неясны принципы будущей избирательной системы [17].

Все это подлежало уточнению. И осторожность, проявленная Когэлничану, показывает, что даже наиболее прогрессивно настроенные слои тогдашней молдо-валашской буржуазии очень и очень прислушивались к голосу помещиков, и как далеко простиралось их «миролюбие».

Когэлничану опирается не только на доводы разума. В «Пожеланиях» он стращает бояр угрозой крестьянского восстания, и в дальнейшем неоднократно прибегает к этому методу убеждения, пожалуй, самому красноречивому в глазах ретроградов.

Интересна аргументация Когэлничану. Этот человек, долго живший во Франции и в Германии, хорошо знакомый с развитием политических учреждений этих

---

[14] Ibid., p. 85.

[15] Ibid., p. 86.

[16] Когэлничану — явно под влиянием умеренного окружения — отказывается в «Пожеланиях» от требования частичной экспроприации латифундий, что он допускал в написанном незадолго до того «Проекте конституции для Молдавии» («Anul 1848 în principatele Române», v. III, N 217).

[17] В «Проекте конституции для Молдавии» предусматривался высокий имущественный ценз; собственность в 100 фалч (143 га) земли либо имущество, оцениваемое в тысячу золотых (ibidem).

стран, нигде не ссылается на западноевропейский опыт и не приводит его в качестве образца для подражания. Нет, Когэлничану, не останавливаясь перед натяжками, «обнаруживает» прообраз создаваемых конституций в истории своей страны и «открывает» истоки планируемых реформ в родной молдо-валашской почве. Равенство гражданских и политических прав всех граждан он рассматривает как возвращение «к старому состоянию». Крепостничество рисуется ему эпизодическим явлением, да и то занесенным из-за рубежа. Выдвигая требование «избрания господаря из всех состояний общества», он добавляет: «по древнему обычаю» [18], хотя в дофанариотский период короной распоряжалось не «общество», а крупнейшее боярство.

Правильный тезис: «Основной закон страны должен быть плодом местных условий, выражением нравов и потребностей нации» — Когэлничану интерпретирует в духе, отвечавшем стремлению либеральных помещиков и буржуазии княжеств преподнести прогрессивные мероприятия в консервативной обертке, чтобы сделать их более приемлемыми для боярства.

Исторической заслугой Когэлничану перед родиной является его борьба за объединение Дунайских княжеств. Он стал ее знаменосцем. В «Пожеланиях» уния Молдовы и Валахии определена как квинтэссенция всех требований, без осуществления которого «рухнет все национальное здание» [19].

Как историк Когэлничану отметал не имевшие ничего общего с действительностью утверждения, будто романскому населению Валахии, Молдовы и Трансильвании испокон веков присуще стремление к единству. На этот процесс он смотрел исторически (хотя и с идеалистических позиций), указывая: «наши предки хотели быть трансильванцами, валахами, банатцами, молдаванами, а не румынами» [20].

Напомним, что «Пожелания» вышли в августе 1848 г., когда Бухарест еще не подвергся турецкому вторжению, а Трансильвания не стала местом кровопролитных столкновений. Михаил Когэлничану сумел в сложных условиях еще не завершенного движения 1848 г. разглядеть

[18] *P. Cornea, M. Zamfir.* Op. cit., p. 73.
[19] Ibid., p. 86.
[20] *M. Kogălniceanu.* Opere, t. I, p. 647.

контуры новой эпохи в жизни своей страны, эпохи борьбы за объединение Дунайских княжеств и образование румынского национального государства, выдвинув продуманную программу экономических, социальных и политических реформ,— недаром он пишет об осуществлении унии «на основе вышеуказанных пунктов».

Если Николае Бэлческу мечтал о том, чтобы в процессе объединения превратить два маленьких отсталых феодальных княжества в демократическую республику мелких собственников, что было осуществимо лишь революционным путем, то идеалы Когэлничану сводились к иному. Он строит планы преобразования Молдовы и Валахии в современное буржуазно-демократическое государство с помощью реформ, проводимых «сверху». Различны не только программы двух мыслителей и политиков; противоположны их основные тактические установки. Для Бэлческу главное — разгром реакционного боярства, сокрушение его экономических и политических позиций; для Когэлничану подобное обращение с боярами неприемлемо, хотя к предлагаемым им реформам феодалы относились враждебно. Курс на мирные преобразования предполагал не раскол, а сплочение возможно более широких слоев буржуазии и помещиков.

Нелегко было найти своего рода модус вивенди в складывающемся блоке этих разнородных сил. Надо было примирить или, по меньшей мере, притушить разногласия, научиться лавировать и ждать. И Когэлничану обнаружил незаурядные тактические способности. Однако не следует забывать, что уступки делались не только консервативно настроенными помещиками, но и либеральной буржуазией. Когэлничану подчинился настойчивому стремлению сторонников унии из среды буржуазии и помещиков отложить решение животрепещущих и взрывоопасных социальных вопросов до более спокойных времен.

Вновь обратиться к широкой программе преобразований Когэлничану удалось в 1855 г., когда вопрос об объединении Дунайских княжеств стоял уже в практической плоскости. Молдавский князь Александр Гика проявлял определенную терпимость в отношении участников событий 1848 г. Когэлничану в числе прочих эмигрантов вернулся на родину, поступил на государственную службу, занимая немаловажные посты (директора

общественных работ, управляющего департаментом внутренних дел).

1 октября 1855 г. начала выходить издаваемая и редактируемая Когэлничану газета «Звезда Дуная» («Стяуа Дунэрий»). Программную статью написал сам издатель. Признательность молдаван и валахов, указывалось в ней, заслужит та страна, «которая в предстоящих переговорах о мире будет защищать с наибольшей энергией, беспристрастностью и незаинтересованностью права нашей родины и предпримет наибольшие усилия с тем, чтобы великий европейский ареопаг решил, наконец, политическую судьбу румын прочно и в соответствии с законами святой справедливости и уважения к национальностям» [21]. Когэлничану, таким образом, вполне разделял общую ориентацию буржуазно-помещичьих кругов на достижение объединения с помощью держав.

Опасение навлечь на себя преследования властей и стремление не бередить разногласий среди унионистов побудило его ограничиться провозглашением необходимости реформ, воздержавшись от развернутой аргументации, как это было сделано в «Пожеланиях». Он пишет о необходимости «приготовиться к тому, чтобы законным путем уподобить наши учреждения институтам цивилизованной Европы, в семью которой мы хотим вступить... и, если нам позволят изменить политическое положение, никто не помешает нам уже сейчас договориться по социальным проблемам, как-то: освобождение рабочих классов [22] и предоставление им прав, отмена рабства [23] ...изменение налоговой системы, распространение начального образования и т. д.» [24]

Когэлничану обещает уделять должное внимание «важнейшим вопросам нашего сельского хозяйства, промышленности и торговли. Если материальные интересы ныне повсеместно занимают первое место в жизни народов, то они в особенности должны привлекать румын, политическое значение которых, по крылатому выражению Иона Гики, измеряется количеством вывезенного за границу зерна». Сколь большое значение Когэлничану

---

[21] «Mărturii despre Unire». Buc., 1959, p. 406.
[22] Подразумеваются крестьяне.
[23] Речь идет о рабах-цыганах.
[24] «Mărturii despre Unire», p. 408.

придает экономике, видно из детального перечисления: «пути сообщения, кредитные учреждения, страхование, сельскохозяйственные общества, общественное питание, средства развития нашей рождающейся промышленности, облегчения, на которые может претендовать торговля»,— все это должно найти отражение на страницах «Стяуа Дунэрий» [25].

С годами еще более укрепилось отрицательное отношение Когэлничану к революционной смене общественной и государственной структуры. «Звезда Дуная»,— пишет он,— орган объединения, но «под этим не следует понимать погоню за утопиями... Наша внутренняя политика должна развертываться под знаком легальности и доброго порядка... Мы убеждены, что в нынешнем переходном состоянии следует относиться к правительству с должной почтительностью и беспристрастием...» Он явно стремится преуменьшить значение революции 1848 г. в княжествах, заверяя, будто «румыны в течение долгого ряда лет, и даже в водовороте 1848 г., уважали добрый порядок. С тех пор и до 1854 г. им пришлось пережить разные формы правления, пройти даже через безвластие, и все же никогда анархия не нарушала общественного спокойствия. Румыны доказали, что достойны свободы» [26].

Надо сказать, что проявленное Когэлничану смирение не спасло его газету от преследований. В начале следующего, 1856 г., она была закрыта и возродилась в далеком Брюсселе, но уже на французском языке («Этуаль дю Данюб»).

* * *

Когэлничану, пожалуй, единственный из видных деятелей объединения, не позволивший политическим страстям увлечь себя в оценке роли России в объединении Дунайских княжеств.

У Маркса и Энгельса есть глубокое замечание, касающееся изменения отношения балканской общественности к России. Развитие цивилизации, рост торговли, проникновение новых идей, писали они, приводили к появлению антирусской прогрессивной партии, «которая неизбежно зарождалась каждый раз после того, как та

[25] Ibid., p. 410.
[26] Ibid., p. 408.

или иная часть этого населения становилась полунезависимой от Турции [27].

В другом месте Энгельс указывал: «Известно, что в каждом государстве, которое возникало на турецкой территории и достигало полной или частичной независимости, образовывалась сильная антирусская партия. И если это имело место тогда, когда русская помощь являлась единственным прибежищем от турецкого гнета, чего же мы можем ожидать, когда страх перед этим гнетом исчезнет?» [28].

Действительно, как только проходила радость, вызванная подрывом турецкого ига и расширением прав, что неизбежно достигалось при поддержке России,— население той или иной области начинало ощущать пагубность влияния царизма. Свои надежды на будущее прогрессивная общественность Балкан, включая Румынию, связывала не с порядками, существовавшими в отсталой крепостнической России, а с более передовым буржуазно-демократическим строем капиталистического Запада.

Вместе с тем те политические деятели и ученые княжеств, которые мыслили реалистически, понимали подлинное значение роли России на Балканах. К ним относился прежде всего Михаил Когэлничану. В самое напряженное время борьбы за образование Румынии он поддерживал сношения с русскими представителями, стремясь заручиться их помощью. Русский дипломат К. М. Базили писал в 1858 г.: «Полковник Когалничано сверх ученых своих трудов имеет в настоящее время значительный вес в княжествах как бывший депутат молдавского дивана и как заступник прав сельского населения. Он принадлежит к числу тех либералов прежней эпохи, которые почитались противниками нашего влияния, но которые достаточно распознали истину и в настоящее время от одной России ждут спасения княжеств» [29].

Когэлничану-ученый, проведший много месяцев за разбором славяно-молдавских и славяно-валашских рукописей, понимал всю благотворность взаимных связей и культурного обогащения романского и славянского населения Балкан. Патриот, влюбленный в свою стра-

[27] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 9, стр. 10.
[28] Там же, стр. 32.
[29] АВПР, ф. Консульства в Яссах, 1858, д. 1065, л. 32.

ну, в свой народ, в родной язык, простодушно признававшийся, что Сучава и Тырговиште ему милее Спарты и Афин,— он был совершенно лишен высокомерия, порожденного ограниченным и тупым национализмом. Его проявления вызывали у Когэлничану глубокую тревогу. Псевдонаучные упражнения некоторых историков, выводивших румын «прямо» от римлян, он считал бессмысленными и вредными. Он высмеял Н. Аристию, который, сочиняя эпическую поэму из древнеримской жизни, назвал центуриона Лонгина румыном. Протесты вызывали у него и заявления ученых и литераторов, принадлежавших к «трансильванской школе», которые, «не подтверждая слов фактами, воображают, будто завоевывают уважение всего мира криками, что они являются римлянами, происходят от римлян, а посему принадлежат к первому в свете народу».

В своем курсе национальной истории, прочитанном в Михайловской академии в Яссах в 1843 г., он предупреждал: «Надо остерегаться, господа, этой мании, которая навлечет на нас смех иностранцев». И добавлял: «Лишь народы-банкроты без конца разглагольствуют о своих предках» [30].

В молодости Когэлничану писал: «Веками в Молдове и Валахии существовала вера, что спасение придет с Севера. Все нас привязывает к России; она — наша мать. Прошли времена, когда мы могли самостоятельно обороняться от турок, поляков, венгров, татар; мы слишком слабы; мы не сможем ничего сделать без России, которая всегда была нашей благодетельницей, которая вернула нам наши права, наши свободы, вновь вписала нас в ряды наций и дала ту небольшую часть цивилизации, которой мы обладаем» [31].

Позднее, даже в то время, когда над отношениями с Россией нависала тень 1848 г., в его работах не раз высказывалось в резкой форме осуждение тех нарушений прав и автономии княжеств, которые совершались царизмом [32]. Но трезвый анализ политической обстановки, учет сложной игры международных сил приводил Когэлничану к выводу, что возможности использования

---

[30] *M. Kogălniceanu.* Opere, t. I. Scrieri istorice, p. 646—647.
[31] Ibid., p. 470.
[32] См., например, *M. Kogălniceanu.* Texte social-politice, p. 180—181.

поддержки России, даже официальной, в деле объединения княжеств, еще далеко не исчерпаны, и он проявлял здесь свойственную ему политическую гибкость и способность к тактическому маневру.

* * *

Когэлничану был наиболее ярким выразителем классовых интересов и антифеодальных устремлений румынской буржуазии времени ее подъема. Экономика, идеология и политика в равной степени привлекали его выдающийся ум. Нельзя сказать, чтобы Когэлничану признавал только прямолинейное движение вперед. Считаясь с прочными связями между буржуазией Дунайских княжеств и крупным землевладением, он не раз шел на компромисс, соглашался на полумеры, откладывал решение важных вопросов, выжидал и лавировал. Но он никогда не свертывал знамени буржуазных реформ, не капитулировал перед боярами, требовал, чтобы даваемые им уступки не переходили определенной грани.

Будучи сторонником эволюционного пути, он хотел, чтобы боярство приспособилось к нему. И в этом был корень будущих разногласий между Когэлничану и основными прослойками крупной румынской буржуазии, которая шла так далеко навстречу пожеланиям помещиков, что сама приспособилась к полуфеодальным порядкам, воцарившимся в сельском хозяйстве страны даже после реформы 1864 г. Когэлничану защищал интересы румынского капитала «в чистом виде» — и не раз приходил с ним в столкновение. Румынская буржуазия отплатила ему «черной неблагодарностью» за верную службу. На закате жизни Когэлничану и в политической жизни, и в либеральной партии, к которой примыкал, оказался в одиночестве.

Но в 50-е годы, в важнейшую эпоху истории своей страны, он сыграл выдающуюся роль в деле объединения Дунайских княжеств и завоевания независимости.

Константин Росетти и радикалы

Колоритнейшим представителем румынской общественно-политической мысли эпохи революции 1848 г. был Константин Росетти (1816—1885 гг.). Выходец из ста-

рой боярской семьи итальянского происхождения, он смолоду вступил в армию и в двадцать лет с небольшим стал адъютантом валашского господаря, потом служил начальником полиции в Питешти и прокурором суда в Бухаресте [1]. Но успешной служебной карьере он предпочел жизнь публициста, борца и изгнанника.

Почти тридцати лет, в 1845 г., он отправился в Париж приобщиться к достижениям передовой западноевропейской мысли. В Сорбонне он слушает курсы лекций знаменитых историков Жюля Мишле и Эдгара Кине. Взгляды этих идеологов французской буржуазии, борцов против засилья католической церкви в духовной жизни, оказали на него большое влияние. Росетти знакомится с Луи Бланом, вступает в масонскую ложу, с сочувствием относится к утопическому социализму Шарля Фурье.

В 1846 г., по возвращении в Бухарест, он заводит типографию. Но он не делец-предприниматель, а просветитель. При типографии он основывает библиотеку и читальню. Росетти вступает в брак с сестрой секретаря британского консульства Мэри Грант, которая стала его верным другом на многие и далеко не всегда безоблачные годы. На квартире молодой четы собираются участники тайного общества «Фрэция», вырабатывающие планы революционного выступления в Валахии.

Активный участник событий 1848 г. у себя на родине, Константин Росетти состоит членом временного правительства всего четыре дня. Он выходит в отставку и целиком отдается публицистике. Политическая полемика — вот его сфера. Его газета «Прункул ромын» («Румынский младенец») сыграла выдающуюся роль в жаркое лето 1848 г. Росетти — горячий, убежденный и красноречивый поборник объединения Дунайских княжеств. Он выступает как стойкий патриот, бичует капитулянтство перед Стамбулом, призывает к вооруженному отпору иностранному нашествию. Значительно меньшую твердость он проявляет в отстаивании социальных преобразований. Росетти — убежденный защитник гражданских свобод, но готов «столковаться» с умеренными по вопросам экономическим.

---

[1] *N. N. Herjeu.* Istoricul partidului naţional-liberal, v. I. Buc., 1915, p. 274.

Этому аристократу по рождению выпало на долю быть выразителем стремлений формирующейся румынской буржуазии, в ряды которой он вступил, занявшись торговлей и предпринимательством. Сложные процессы ее образования, роста, укрепления, расслоения находили отражение в его противоречивых и непоследовательных взглядах. Более того, эти процессы в немалой степени объясняют противоречия и изъяны мировоззрения мыслителя. Радикальная фраза,— а ею, несомненно, грешил знаменитый публицист,— питалась не столько почерпнутыми во Франции идеями свободы, равенства и братства,— сколько реальным соотношением сил в Валахии. Стремление молдо-валашской буржуазии к компромиссу с помещиками, ее отказ от союза с народом, наложили печать на взгляды одного из лучших ее представителей. К. Росетти. В этом — истоки его надежд на христианское единение помещика и крестьянина, его призывов к евангельской любви к ближнему, его пассивности в вопросах аграрных преобразований.

Было бы, однако, ошибкой сводить роль Росетти лишь к фиксации меняющихся политических настроений отдельных буржуазных прослоек. Субъективное «я» мыслителя, идеолога и борца выступало в Росетти ярко и индивидуально. Стремительная эволюция крупной румынской буржуазии, торговой, промышленной, а затем и финансовой, от реформ «по возможности» к политике, по знаменитому выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина, «применительно к подлости»,— отражавшаяся в поведении соратников его молодости,— вызывала с его стороны гневный протест. Он тяжело переживал это, не понимая глубоких классовых корней охлаждения с бывшими друзьями. В определенном смысле трагедия К. А. Росетти сходна с духовной драмой А. И. Герцена. Она тоже «была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела»[2]. Но в отличие от Герцена К. А. Росетти до конца своей жизни не осознал необратимость происходивших процессов и не предпринял попытки опереться на другие общественные силы.

---

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

Современный румынский исследователь Раду Пантази, задавая вопрос,— а был ли Росетти революционером? — затрудняется дать на него однозначный ответ [3]. Сам Росетти употреблял термин «революция» широко и неразборчиво, относя его и к 1789 г. во Франции, и к завоеванию Англии норманнами, и к религиозной реформе Мартина Лютера. Под революцией он понимал борьбу добра и справедливости против сил зла и тьмы. Мыслитель был непримиримым противником феодального строя и участвовал в революционном выступлении против него. Однако вмешательство народа он признавал лишь для защиты родины, а не решения важнейших социальных проблем. Здесь Росетти требовал соблюдения законности и, стало быть, являлся реформатором. Он выступал за отмену боярских привилегий, высказывался за наделение крестьян землей,— но отрицал революционную борьбу за эти цели. С начала политической деятельности и до конца своих дней он был буржуазным демократом.

Росетти принадлежал к революционному крылу национального движения, представители которого отнюдь не придерживались единой точки зрения в социальных, политических и идеологических вопросах. Но, подчеркивает советский исследователь В. И. Фрейдзон, «в разных странах континента — от Греции до Польши — общими для них было: непримиримость к «священному союзу» реакционных сил, отстаивание национального суверенитета, «принципа национальности». «Для этих деятелей характерно подчинение социальных — аграрной и иных проблем — задачам «только национальным» (формулировка Энгельса), которые обычно рассматривались с буржуазной точки зрения (создание лучших условий для развития экономики и т. п.)...» [4].

«Да не преградят путь прогрессу ни привилегии, ни сила, ни даже закон» [5],— эти слова Росетти могут служить девизом его жизни. Его заслуга в том, что он не скатился вслед за друзьями молодости к тому «хо-

---

[3] *R. Pantazi.* Personalitatea lui C. A. Rosetti.— In: *C. A. Rosetti.* Gînditorul. Omul. Buc., 1969, p. 18.

[4] *В. И. Фрейдзон.* Революционность и реформизм в национальных движениях XIX в.— «Советское славяноведение», 1975, № 3, стр. 41.

[5] Цит. по: *R. Pantazi.* C. A. Rosetti, gînditor progressist.— «Revista de filozofie», 1966, N 8, p. 1062.

луйскому, подлому, грязному и зверскому либерализму»[6], который вовсе не был достоянием одной Западной Европы и пышным цветом разросся и в Румынии. Но его ограниченность заключалась в том, что он не понял классовой природы этого явления — перехода буржазии в лагерь реакции, не обратился к поискам иных путей, выходивших за рамки буржуазных реформ, остался последним могиканином 1848 г. в своей стране.

* * *

Почти десять лет после поражения революции 1848 г. Росетти пришлось жить в изгнании во Франции. Он рвался на родину и верил в скорое ее освобождение от пут феодализма и иноземной зависимости. Именно Росетти стоял во главе горячих голов эмиграции, веривших, что вот-вот грянет новая революция. В январе 1849 г. он записывает в дневник: «Я надеюсь, что в скором времени вновь наступит революция. Отсюда, и только отсюда я ожидаю освобождения Румынии». В апреле он пишет Иону Гике: хотя болезни его и одолевают, он не хочет умирать, пока не увидит «всемирную республику»[7]. Он выжидательно и с сочувствием следит за борьбой венгерского народа. «О, венгры, венгры! Скажи мне,— спрашивает он Гику,— услышав это имя, у тебя возникает желание посыпать голову пеплом?» Он проклинает людей, растерявших «славу румынской нации и навлекших на нее страдания и позор рабства» (включая в число этих людей и себя). «... Объединившись с венграми, мы наверняка взяли бы Вену и провозгласили бы республику; а теперь мы дрожим в ожидании крох с венгерского стола». Зная о настроениях адресата, он пишет, что тому ничего не удастся добиться у турок[8].

Он настойчиво повторяет, что надеется на триумф демократии, а не на дипломатические комбинации. По натуре искренний и откровенный человек, Росетти без утайки высказывает своему скрытному корреспонденту такие опасения: «... Подозреваю, что место, где ты обитаешь, люди, с которыми встречаешься и ведешь пере-

[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 257.
[7] *C. A. Rosetti.* Gînditorul. Omul, p. 135.
[8] Ibid., p. 138.

писку, превратили тебя в умеренного и ты больше не веришь в скорый триумф демократии. Один я всегда верил и верю больше, чем когда-либо, что здесь (т. е. во Франции) скоро воцарится демократическая и социальная республика». И тогда он попросит у ее правительства 50 тыс. ружей и 10—15 тыс. французов в помощь. Ждет этого с часу на час. «Безумие? Возможно! Но я готов умереть во власти этого безумия...» [9]

Росетти мечтает о «священной войне» против царизма: «тогда страдающий мир порвет цепи и возникнет Румынская республика, заставив биться сердца» [10]. Он в упоении повторяет: «О! Революция! Великий гений будущего, священная труба жизни!» [11].

Росетти — автор многочисленных и красноречивых манифестов, воззваний, призывов, в которых его республиканские и демократические взгляды нашли свое яркое выражение. Он не раз предпринимал попытки объединить эмиграцию. Росетти — самый деятельный сторонник возглавляемого Джузеппе Мадзини Европейского демократического комитета, он разделяет и сильные черты, и слабости этого выдающегося деятеля. К Росетти полностью относится отзыв Маркса о Мадзини: «Обращая внимание исключительно на политические формы государства, эти люди были неспособны оценить значение организации общества, на которой покоится политическая надстройка. Кичась своим ложным идеализмом, они считали ниже своего достоинства знакомиться с экономической действительностью... Человеку пресыщенному легко насмехаться над материализмом людей голодных, которые требуют обыкновенного хлеба вместо возвышенных идей» [12].

В Лондон к Мадзини в качестве представителя румын отправляется Думитру Брэтиану.

Братья Брэтиану, Думитру и Ион, в то время — признанные участники группы Росетти. Они сочиняют возвышенные обращения, в которых рельефно выступала характерная для радикалов особенность: их передовая политическая программа не опиралась на развернu-

---

[9] Ibid., p. 142.
[10] Ibid., p. 152.
[11] Ibid., p. 162.
[12] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 434—435.

тый план экономических и социальных преобразований. Пример тому — отредактированный Д. Брэтиану Манифест (ноябрь 1851 г.): «Забытые, не признанные западными народами, нашими братьями по крови из латинской семьи, не понятые народами Востока, преследуемые соседями, мы в одиночестве прошли с поднятой головой сквозь годы и бесчисленные бури...»

«Верьте, братья, отныне мы будем едины, будем вместе, венгры, славяне, греки выступят с нами в священном крестовом походе демократии. Ибо мы будем бороться не только за себя, но за всеобщие интересы... Свобода дунайских народов осуществится в нашу эпоху» [13].

Политические взгляды Росетти и Бэлческу во многом сходились. Но у первого отсутствовало то социальное начало, которое пронизывало мировоззрение Бэлческу. Бэлческу неизменно выявлял из бесконечного множества больших и малых проблем революционного процесса на родине — основную, аграрную.

Росетти — пропагандист и критик; его социальная программа служила как бы довеском к политической. Он мыслил планетарными категориями добра и зла, справедливости и насилия, свободы и деспотизма, равенства и угнетения. В конце концов Бэлческу, устав от бесконечного словоизвержения Росетти и не скрывая этого, требовал «дела», конкретной, «будничной» работы по подготовке и объединению Дунайских княжеств «снизу», опираясь на свой народ и в союзе с другими народами.

Этот курс не отвечал политической линии румынской буржуазии. Такая революция, вовлекая в борьбу массы, неизбежно была связана с крупными социальными преобразованиями, что грозило похоронить намечавшийся компромисс с боярством. И идеолог этой буржуазии, Константин Росетти, несмотря на все свои благие порывы, не решался (и не мог решиться) перейти от прекраснодушных призывов к практике.

Противоречия и зигзаги — неотъемлемая черта его взглядов. Опыт 1848 г. многому научил Росетти. Он искренно кается в своих ошибках: «Не имея тогда ясных политических и социальных идей..., не зная ни

---

[13] *P. Cornea, M. Zamfir.* Gîndirea românească în epoca pasoptistă. Buc., 1969, p. 91, 93.

души, ни сил своего народа, ослепленный абсурдным желанием сблизить партии, примирить воду с огнем и смерть с жизнью... я потерялся в бесполезных усилиях одолеть волны хрупким своим веслом». Руководители движения были далеки от народа. «Понапрасну взывали мы каждодневно к братству»; сила врага не учитывалась: «мы верили лишь в дипломатию, в Турцию, а не в одну Румынию», и, «слепо бросившись в объятия Турции, ринулись в пропасть»[14]. Он перечисляет многочисленные ошибки 1848 г.: «Нас победили не штыки, а провинциализм, которому мы предались, неверие в силы нации, отстранение народа от правления, склонность сердец к власти, слепота и слабость правительства, революция застала нас врасплох, доброта народов, веривших в обещания империй, и наше фатальное доверие к иностранцам и к старой дипломатии»[15].

В этом перечне много точек соприкосновения с Н. Бэлческу. Отдельные положения, взятые сами по себе, совпадают. У Росетти встречается даже признание, что революция 1848 г. в Валахии пошла бы иным путем, «если бы правительство, боявшееся наделить крестьян землей, приложило бы ухо к почве и прислушалось бы к голосу народа»[16]. Но подобная пассивная констатация не заменяла действенной антифеодальной программы. Критически следует отнестись и к отдельным высказываниям мыслителя насчет социализма. Во время жаркого спора в эмигрантском кружке он, действительно, призывал к отказу от частной собственности, объявив себя последователем Прудона. Росетти тут же объяснили, что французский философ вовсе не стоит на подобных позициях[17]. Однако главное заключается, конечно, не в том, что Росетти не разобрался во взглядах Прудона, а в том, что эпизодические высказывания в пользу социализма, даже в его утопической форме, не выражали сущности его взглядов. Росетти вел широкую предпринимательскую деятельность, был избран даже первым купеческим старостой Бухареста, в печати и правительстве

---

[14] Призыв ко всем партиям (1850 г.) см. *C. A. Rosetti.* Gînditorul. Omul, p. 168.
[15] Ibidem.
[16] *V. Netea.* C. A. Rosetti. Buc., 1970, p. 170.
[17] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV, p. 339.

содействовал насаждению в Румынии капиталистической промышленности.

Идеолог поднимающейся буржуазии, он выражал не только ее силу, но и слабость, осторожность, склонность к компромиссу с помещиками, стремление избежать революционной ломки феодальных отношений. И его глубоко правильные критические высказывания, не будучи соединены четкой программой экономических и социальных преобразований, теряли действенность, превращались в благие пожелания. Он негодовал как человек и примирял как политик. Осудив слабость правительства 1848 г., бичуя его ошибки, Росетти тут же, в том же документе, «по-братски» укоряет бояр за то, что они помешали установлению справедливости. «Помимо 70 ваших семей,— пишет он,— нет ни хижины, ни дома, где не раздавалось бы вздохов, проклятий и угроз» [18]. Росетти призывает: «Бояре! Поймите закономерное движение природы, и тогда вы познаете, что все народы без исключения склонны к сохранению спокойствия, а не к восстаниям и погромам». Достаточно пойти на разумные уступки — и все будет хорошо.

Столь же внутренне противоречива та часть воззвания, в которой Росетти обращается к молодежи. «...Лишь вы чувствуете, что не в человеческих силах больше остановить революцию»,— и тут же: «Приучите ваши сердца видеть в каждом человеке брата, возлюбленного сына природы» [19]. Спрашивается, против кого же должна быть направлена революция?

Приведем еще один отрывок из этого документа. Воспевая значение возвышенных идеалов, Росетти пишет: под их сенью «каждый становится воином и каждый борец — свободным человеком, защищающим свои естественные права, свою свободу, свой очаг, родину и свою душу от стада рабов, сражающихся за плату, из страха и по нужде, под знаменем неправды» [20]. Сравним эти несколько выспренние строки с трезвым реалистическим подходом Бэлческу: надо решать аграрную проблему, «иначе,— писал он еще в июне 1848 г.,— наша революция, являющаяся политической и социаль-

---

[18] *C. A. Rosetti.* Gînditorul. Omul, p. 170.
[19] Ibid., p. 171.
[20] Ibid., p. 223.

ной, будет проиграна наполовину, если не целиком»[21], и нам станут понятны причины резкого осуждения последним «романтизма» Росетти и нескрываемого раздражения по поводу водопада манифестов и деклараций, который тот извергал, обуреваемый самыми добрыми побуждениями.

В июне 1852 г. друзьям пришлось неделю уговаривать Бэлческу, чтобы он поставил подпись под очередным произведением Константина Росетти, в котором говорилось: «Восставайте лишь тогда, когда восстанут все румыны и все другие народы. И вы почувствуете, как дрожит земля под вашими ногами, увидите, как валятся троны, будто сухие листья деревьев под ураганным ветром, и услышите звуки трубы свободы во всех уголках земли»[22].

* * *

Влияние Росетти на прогрессивную общественно-политическую мысль Румынии, обаяние его личности было значительным. К нему тянулась юность. В эмиграции к Росетти была близка группа «Румынская молодежь», в которую входили видный впоследствии писатель Александру Одобеску, Г. Крецяну, Д. Бериндей, братья Лекка.

Правда, существует и другое мнение: румынская исследовательница К. Бодя полагает, что на первых порах преобладающим в группе было влияние идей Николая Бэлческу[23]. Действительно, связи ее участников с великим революционным демократом несомненны, а воздействие некоторых сторон (подчеркиваем — только некоторых) его учения — очевидно. Известная речь Бэлческу «Ход революции в истории румын» была опубликована на страницах журнала «Румынская молодежь» (1851 г.). Сам Бэлческу с похвалой отзывался о журнале. Отдельные абзацы помещенной в первом номере программной статьи написаны прямо «по Бэлческу»: «...Наше счастье никогда не придет от коронованных голов; никогда иноземцы нам не помогут»[24].

[21] *N. Bălcescu.* Opere, vol. IV. Buc., 1964, p. 89.
[22] *N. Bălcescu.* Opere, vol. I, part 2, p. 286.
[23] *C. Bodea.* Din activitatea revoluționara a Junimii române din Paris între 1851—1853.— «Studii», 1961, N 5, p. 1177.
[24] Ibid., p. 1171.

Ее авторы, Г. Крецяну и Д. Флореску, выдвигают и обосновывают два принципа: «1. Война угнетателям, солидарность с угнетенными. 2. Независимость подлинной демократии» [25]. Первейшее право притесняемой нации — право на восстание против «чудовищ», посягающих на нее. Гнет «рождает принцип солидарности между народами одинаковой судьбы».

Очень важно отметить, что участники кружка отвергают притязания на территории, населенные нерумынами, осуждая распространенные тогда ссылки на «исторические права»: «Было бы абсурдно в эпоху, когда идеи завоевания и наследования осуждены всеми здравомыслящими людьми, претендовать на основание государства в границах Траяновой или Аврелиановой Дакии, но было бы столь же большим упущением позволить чужому государству распространиться там, где преобладает румынский элемент» [26].

Ссылаясь на «общественный договор» Жан-Жака Руссо, Г. Крецяну и Д. Флореску ратуют за равенство, за «братство на практике», за справедливость, без которой «революция останется словно мир без воздуха, словно человек без крови». Но готовности Бэлческу идти на насильственное свержение феодальной собственности они, судя по сохранившимся материалам, не разделяли. А без этого нет революционной демократии!

Включенный в статью призыв к «старцам-румынам» представляется символичным: «О, румынские старцы, о, наши отцы! Не пугайтесь, услышав речи о революции и революционерах! Революция означает царство справедливости, революционеры хотят видеть родину свободной и независимой. Не препятствуйте нам, воодушевляйте ваших сыновей, внушайте им любовь к родине и ненависть к чужеземцу» [27].

Социальная программа в этом обращении решительно отодвигалась на второй план — о ней просто умалчивалось. Не протягивали ли здесь «молодые» руку «старцам» в политике? Не проявлялась ли в этом столь свойственная румынской буржуазии всех возрастов склонность к примирению?

---

[25] *G. Creţeanu, D. Florescu.* Scopul nostru.— «Junimea română», 1851, N 1. Дано по: *P. Cornea, M. Zamfir.* Op. cit., p. 116.
[26] *P. Cornea, M. Zamfir.* Op. cit., p. 116.
[27] Ibid., p. 115.

Мы полагаем поэтому, что «Румынскую молодежь» правильнее отнести к буржуазным демократам, во главе которых стоял К. А. Росетти.

* * *

В 1852—1856 гг. кризис эмиграции углубился. Ушел из жизни Бэлческу; в движении не осталось человека, который мог с его силой и убедительностью представлять и отстаивать революционно-демократическое направление. Смерть Бэлческу совпала с крушением надежд радикалов на быструю революцию в Европе. Мадзинисты, взгляды которых они разделяли, полагали, что эра монархий кончилась. Они надеялись, что истечение срока президентства Луи Наполеона совпадает с восстанием во Франции, примеру которой последуют другие страны. Переворот Луи Бонапарта, растоптавшего республиканские институты и провозгласившего себя императором, явился для них тяжелым ударом, а неудача миланского восстания (февраль 1853 г.) дискредитировала их путчистскую тактику.

«Надклассовый» демократизм не выдерживал испытания жизнью. В рядах радикалов воцарилась растерянность. Соглашательское крыло среди эмигрантов крепло; радикалы уступали им позиции без боя. К. А. Росетти через месяц после «18 брюмера Луи Бонапарта» пишет Иону Гике, предлагая ему руководство эмиграцией. Последний согласен, но «лишь под национальным знаменем, оставив революционное». Только таким путем можно заручиться поддержкой держав, добавляет он [28].

Радикалы отступают дальше. Всплывают старые, провалившиеся в 1848 г. планы «опоры» на Турцию. «Парижане»-эмигранты проявляют готовность «забыть» прошлое и предложить помощь Стамбулу в начавшейся в 1853 г. войне против России.

Восточный кризис привел в возбуждение эмигрантов из Польши, Венгрии и Дунайских княжеств. В ходе войны с царизмом они рассчитывали освободить свою родину. Поляки, мадьяры и валахи потянулись в Стамбул, чтобы с оружием в руках биться, как они считали, за свободу.

[28] *C. Bodea.* Lupta pentru unire a revoluţionarilor exiliaţi de la 1848.— «Studii privind unirea Principatelor». Buc., 1960, p. 162.

Планы валашских радикалов были нереальны с начала до конца. Неосуществим был сам замысел — поднять народ без четкой социально-экономической программы, идущей навстречу требованиям масс, да еще в союзе с турецкими угнетателями. Необоснованны были надежды на поддержку западных держав: Франции и Англии. В Париже и Лондоне прекрасно понимали, что если население Балкан восстанет, то уже никак не в поддержку турецкого полумесяца и не ради сохранения и упрочения угнетавшей их Османской империи, а наоборот, начнет национально-освободительную борьбу против ее ига. Это находилось в полном противоречии с англо-французскими планами. Что же касается турок, то они быстро выпроводили эмиссаров валашской эмиграции из своих владений [29].

В этой незадачливой экспедиции участвовал и К. А. Росетти. В путь он отправился с большими колебаниями: «...Куда я еду? Туркам мы не нужны. Турки стремятся установить в наших землях полное господство. Существует единственное средство: поднять страну и прийти к власти. Надеюсь, что страна восстанет, но для этого нужны оружие и деньги...» [30]

Росетти ошибался, думая, что дело только за винтовками и финансами. Отсутствовала цель — не с лозунгом же национального освобождения было идти на поклон к туркам,— отсутствовали союзники — революционные народы. Посланцы эмиграции сразу же оказались безнадежно скомпрометированными своими связями с «дипломатией». Призывов сотрудничать с Османской империей никто не воспринимал. Росетти вздыхал: «Турция подла и в агонии смерти..., а наши оградились дипломатическими щитами». Он писал из Болгарии: «Купцы объяты страхом, все страдают, все жалуются на турок, на правительство и войско». Сербы встретили их холодно: «Сербы обошлись с нами довольно плохо; могу сказать, что никто не хочет нам помочь и даже оказать гостеприимство» [31]. В самой Валахии призывы восстать в сложившихся условиях не встретили отклика. Росетти, по его собственным словам, «со стыдом» возвращается

---

[29] *C. A. Rosetti.* Amintiri istorice. Buc., 1889, p. 32, 35.
[30] *C. A. Rosetti.* Gînditorul. Omul, p. 274.
[31] *V. Netea.* C. A. Rosetti, p. 217.

во Францию после 8 месяцев отсутствия и не сделав ничего.

Сохранился интересный документ, озаглавленный «Обращение националистов из Парижа к националистам Бухареста» [32], который не предназначался для печати и содержал признание полного провала планов «борьбы за свободу» в сотрудничестве с турками; «...Надо быть полностью откровенными и, в особенности, честными, когда мы изъясняемся в своей среде». Здесь уже нет заявлений о чуть ли не поголовной готовности валахов выступить на защиту «западной цивилизации», к которой какими-то неведомыми путями оказались приобщенными стамбульские правители, о чем говорилось в предназначавшихся для гласности документах эмиграции. Наоборот, письмо выдержано в пессимистических тонах. В нем говорилось, что население вышло навстречу вступившим в княжества в 1853 г. русским войскам с крестом в руках [33]. Когда же последним под давлением превосходящих сил пришлось оставить свои позиции, «румыны не пошевелились, не подали ни малейшего признака жизни... Конечно, можно сказать, что у населения не было оружия. Но этот аргумент никого не обманет: говоря между нами, следует признать, что ни у одного народа к моменту восстания не было ни оружия, ни установленной власти» [34].

В 1853 г. смолкли декларации радикалов об общеевропейской революции. Некоторые из них вступили на путь соглашательства. Изменился и сам Росетти. К середине 50-х годов надежды на близкий революционный подъем рухнули. Росетти теперь более практичен. Республика, конечно, прекрасна. Но «средний класс» ее не воспринимает. И, не отказываясь от республики как идеального строя, Росетти считает, что ее создание — дело детей и внуков.

Румынский историк Василе Нетя пишет: «Росетти начинает отдаляться от республиканской идеи, веря, как и прочие изгнанники, что избрание на престол княжеств иностранного принца одной из западных династий мо-

---

[32] Написан Н. Голеску.
[33] *G. Fotino.* Din vremea renaşterii naţionale a Ţării Româneşti. Boierii Goleşti, v. IV. Buc., 1939, p. 129.
[34] Ibidem.

жет повлечь за собой поддержку идеи объединения со стороны западных держав, в особенности Франции»[35]. Налицо — отказ от планов борьбы за унию Молдавии и Валахии «снизу». Бэлческу, с подозрением относившийся к потоку радикальных «ультрареволюционных» манифестов, оказался провидцем!

Росетти подчинился и другому социальному заказу буржуазии — не поднимать в острые годы борьбы за объединение наболевших экономических проблем. В программной статье первого номера основанной им газеты «Ромынул» от 9 (21) августа 1857 г. он обещает освещать вопросы, связанные со «справедливостью, братством, моралью, честностью; мы будем стараться доказать их силу и их святость, будем бороться со злом, где бы мы с ним ни столкнулись, не обращая внимания на классы и партии...»

«Цель наша — человек, и, следовательно,— хоть кое-кто и будет гневаться на нас,— мы без колебаний заявляем, что не станем заниматься тем, что называют оппозицией, и не станем бороться с властями, правительством или как бы их ни называли...» «В политике,— по мнению Росетти,— как и в земледелии, сперва надо вспахать, потом засеять и лишь потом — собирать урожай...»[36] Сказано хоть и аллегорически, но вполне ясно. Автор остерегался внутренних потрясений и твердо стоял на реформистских позициях.

В том же духе было составлено и обращение Росетти — кандидата в депутаты Чрезвычайного собрания Валахии 1857 г. к избирателям. Он призывал к установлению «доброго порядка, основанного на справедливости, прогресса, опирающегося на науку, примирения с помощью морали и правды, вознаграждения за труд и достоинство, силы, достигнутой путем объединения»[37].

* * *

Рушились революционные мечты молодости Росетти, столкнувшись с сухой расчетливостью, осторожностью и стремлением к сделке с помещиками крупной румынской буржуазии. По мере продвижения к власти эти

---

[35] *V. Netea.* C. A. Rosetti, p. 217.
[36] *C. A. Rosetti.* Gînditorul. Omul, p. 238—240.
[37] *V. Netea.* Op. cit., p. 232.

ее настроения усиливались; исповедуемые К. А. Росетти демократические взгляды, отстаиваемые им гражданские свободы, его борьба за расширение конституционных прав, осуждение деспотизма, противодействие административному произволу встречали с ее стороны все более холодный прием. Возникшая после объединения Дунайских княжеств реальная Румыния была разительно не похожа на государство, о котором грезил Росетти. «Столпами общества» стали в ней не искренние демократы, а те, кто быстро расстался с увлечениями юности и превратился в дюжинных либералов. Именно они явились подлинными выразителями стремлений румынской буржуазии. И им она открыла путь к почету, власти и богатству.

Симион Бэрнуциу

Бэрнуциу (1808—1864 гг.) стоит особняком в ряду румынских мыслителей своего времени. С. Бэрнуциу был фанатиком идеи защиты прав румынского населения Трансильвании. В это дело он вложил свой дар педагога, острое перо публициста, красноречие оратора, не оставлявшее слушателей равнодушными. Его заслуги в пробуждении национального самосознания значительны; его ошибки пагубны, ибо этот человек возглавлял Румынский национальный комитет в Трансильвании, запятнавший себя сотрудничеством с габсбургской реакцией в 1848—1849 гг., когда последней удалось расколоть и противопоставить друг другу венгерскую революцию и национальные движения румын, хорватов и немцев [1].

Семинарист, нотариус, школьный учитель, студент — таковы вехи его жизни. Всего один год бурной политической активности. Потом — переезд в Молдавское княжество; аудитории лицея и университета; лекции и размышления.

Научным наследием Бэрнуциу мы обязаны именно этим последним годам. Его учебные курсы частного, публичного и естественного права были уже после его смерти в 1864 г. изданы в Яссах. Официальная наука от-

[1] Подробнее об этом см. стр. 48 настоящей книги.

неслась к ним пренебрежительно: Титу Майореску [2], используя встречавшиеся в них наивные и неверные положения, подверг их уничижительной критике. Даже биограф Бэрнуциу, А. Богдан-Дуйка, проходил мимо его ученых трудов как не заслуживающих никакого внимания: «Речь 2(14) мая [3] — единственное его творение, которое сохранится. Все прочие писания забыты, и, возможно, по достоинству...» [4],— писал он.

Надо сказать, что работы Симиона Бэрнуциу дают повод для нареканий. Националистическая концепция не раз играла с автором злую шутку, побуждая делать натяжки в системе доказательств, произвольно толковать многие явления истории румынского народа. Но в то же время труды Бэрнуциу содержат интересные мысли о государственном строе и социальной структуре его страны; и в этом заключается их теоретическое и общественно-политическое значение.

Бэрнуциу дерзал выступать в защиту республики в годы, когда румынская буржуазия готова была повергнуть уверения в своей преданности к подножию трона наследственной монархии. Республику он считал государственной формой, соответствующей природе человека. Он шел вслед за Жан-Жаком Руссо в утверждении естественных прав людей. «Сущность республики,— по словам Бэрнуциу,— состоит в подлинном господстве всеобщей воли» [5]. В истории случалось, что люди, сами того не ведая, не отдавая себе отчета, нарушали собственные интересы. Создавая государство, одни племена оставляли власть в руках старейшин, другие подчинялись завоевателю, третьи — военному вождю, полагая в ослеплении своем, что возникшая монархия представляет их совокупную волю. На самом деле подлинной природе людей соответствует одна форма государства — республиканская. Цель румынской республики, по словам Бэрнуциу, состоит в том, «чтобы на всей ее территории господствовали и управляли только право и справедливость, чтобы румынская нация могла жить веч-

---

[2] О Т. Майореску см. в очерке: «Консервативные оттенки общественно-политической мысли».

[3] Имеется в виду речь на Блажском собрании румын Трансильвании (1848 г.). См. стр. 119 настоящей книги.

[4] *A. Bogdan-Duica.* Viaţa şi ideile lui Simion Bărnuţiu, p. 90.

[5] Цит. по: *S. Bărnuţiu.* Dereptulu naturale publicu. Iaşi, 1870, p. 109.

но свободной и независимой, чтобы она могла объяснить и защищать физическую и духовную мысль, чтобы она могла наслаждаться общим миром и благополучием» [6].

Бэрнуциу с жаром выступал против наследственной монархии, считая ее навязыванием последующим поколениям тех принципов, в выработке которых они не участвовали. Он выдвигал самые убедительные доводы против передачи власти от отца к сыну — это приведет к появлению «дурных владык», расцвету фаворитизма, привилегий, роскоши, аморальности. Мыслитель мог бы привести сколько угодно примеров, когда и выборная система давала самые худшие образцы управления. Но, полагал он, «избранник нации, который вырос и жил в народе», дает больше гарантий добросовестного отношения к своим обязанностям, «нежели наследственный принц, выросший вне общения с народом в доме своих предков, в условиях земного рая, где нет людей, которые поведали бы ему о нехватке, нужде, недостатках, которые научили бы его гражданским свободам и добродетелям» [7].

Аристократический строй Бэрнуциу именовал «бесстыдным издевательством над человеческими и гражданскими правами». Демократию он считал «первоначальной формой власти, оправданной не только с точки зрения философии, но и истории» [8].

Не следует, однако, преувеличивать степень свободомыслия Бэрнуциу. Вскоре обнаруживается, что безбрежная демократия не внушает ему доверия. Ее следует поставить в определенные рамки, рассуждает Бэрнуциу, дабы частные интересы не восторжествовали над общими: «...Необходимо определить линию, которую не может переступать власть, чтобы не впасть в злоупотребления». И сделать это следует не только в отношении правителя, но и в отношении самих представителей нации, иными словами, в отношении принципа парламентаризма [9]. Когда «вся власть объединена в руках большинства голосующих, это приводит к ее неограниченности, или к деспотии». Вместо проводимого «в общих

[6] Цит. по: «Передовые румынские мыслители XVIII—XIX вв.». М., 1961, стр. 251.
[7] *S. Bărnuţiu.* Dereptulu publicu alu românilor. Iaşi, 1867, p. 177.
[8] *S. Bărnuţiu.* Dereptulu naturale publicu, p. 107, 110.
[9] Ibid., p. 52.

интересах правления интеллигентных и справедливых граждан» может наступить господство «плебса, или массы, состоящей из пауперов, самых непросвещенных и бестолковых» [10]. Бэрнуциу чудится угроза «развращения демократией» национального представительства, превращения его в выразителя «частной воли» отдельных членов в противовес общественным интересам... А далее Бэрнуциу уже мерещится анархия...

Вот вам и народовластие!

Бэрнуциу — убежденный противник феодализма, хотя и подвергает критике его институты не с экономических позиций, а с высот разума и свободы личности. «Феодальное закрепощение», пишет Бэрнуциу, противоречит природе человека и его естественным правам. «Где господствует рабство,— там нет ни славы, ни чести, ни подлинно человеческих чувств, там человек перестает быть человеком» [11]. Историческое право он противопоставляет естественному, резко критикуя первое, ибо оно внедрило и сохранило «систему каст, разделило сыновей одной и той же страны, единой нации на дворян и крепостных, на угнетателей и угнетенных, обеспечив одним... наследственное господство и осудив других на страданья и наследственную зависимость. На смену естественному равенству оно принесло привилегии озлобленных классов и политическое и гражданское бесправие сельских и городских общин. Оно привело к всесилию тронов... и поставило спасение наций в зависимость от касты безумных аристократов или диких страстей толпы» [12].

Подобно многим другим румынским мыслителям, Бэрнуциу отказывается считать феодализм естественным продуктом социально-экономического развития Дунайских княжеств и Трансильвании, а приписывает его внедрение войнам, захватам злодеев-иноземцев, наконец, имитации малыми странами порядков, существовавших в более крупных и развитых государствах.

В своих философских и социологических построениях он выражал вполне материальные заботы и классо-

---

[10] *S. Bărnuţiu.* Dereptulu naturale publicu, p. 108, 110.

[11] Ibid., p. 149. Цит. по: *R. Pantazi.* Simion Bărnuţiu. Opera şi gîndirea. Buc., 1967, p. 140.

[12] Ibidem.

вые интересы. У него есть такое заявление: «Мораль, право и индустрия основываются на свободе». Или другое: «Собственность без свободы и свобода без собственности бессильны» [13]. Идеологическая категория здесь спаяна воедино с экономической.

Представитель трансильванской буржуазии, слабо связанной с помещичьим землевладением, Бэрнуциу подходил весьма радикально к решению аграрного вопроса. В одном из своих выступлений на народном собрании в Блаже (май 1848 г.) он говорил: «Остается совершить еще одну чудесную вещь, от которой и мертвые восстанут, когда она будет проведена на земле Трансильвании,— это уничтожение крепостничества» [14], причем без всякого выкупа. И позднее, переселившись в Яссы, Бэрнуциу не изменил своей точки зрения. Он полагал, что крестьянам Дунайских княжеств должны отойти монастырские угодья и две трети площади латифундий, хотя и допускал теперь уже минимальное вознаграждение помещикам. Титу Майореску, отражая взгляды последних, считал подобные идеи «крайне экстраординарными и революционными» [15].

Показательно, что Бэрнуциу мечтал поставить предел собственности, чтобы ее обладатель не мог использовать ее для «порабощения и разорения» себе подобных. Поглощенный мыслями о сохранении «собственности и свободы», Бэрнуциу разрабатывал планы консервации мелкого землевладения с помощью кредитного фонда («общественного сундука»), запрета как парцелляризации, так и чрезмерной концентрации земли и ее перехода в руки выходцев из других коммун. В своей обычной манере Бэрнуциу облекал предлагаемые им реформы в архаические одежды, как возврат к стародедовским обычаям, а поскольку он «выводил» румын непосредственно от римлян,— то и к свободному крестьянскому землевладению Древнего Рима. Исторический шаг вперед в социально-экономическом развитии общества — освобождение его от пут феодализма — ему, как и многим его современникам, представлялся возвратом к патриархальной старине. Он даже не подозревал, что

[13] *S. Bărnuțiu.* Dereptulu publicu alu româniloru, p. 135.
[14] *P. Cornea, M. Zamfir.* Gîndirea românească în epoca pașoptistă. Buc., 1969, p. 359.
[15] *T. Maiorescu.* Critice, II. Buc., 1967, p. 164.

наделение крестьян землей послужило бы благоприятной отправной точкой капиталистического развития деревни.

Несбыточность его планов сохранения в незыблемости крестьянского участка, превращенного в свободную буржуазную собственность, очевидна; безосновательность его исторической аргументации бесспорна. Но это ни в какой степени не меняло буржуазно-демократического характера предлагаемых им мер.

Идеализируя старину, Бэрнуциу отрывает в средневековых Дунайских княжествах корни республиканских принципов, усматривая их в буйном своенравии боярства,— которое как-никак избирало господарей. Но и здесь, отвергая незрелость и несостоятельность способов его доказательств, следует отдать должное и широте его воззрений, и гражданскому мужеству, с которым он отстаивал республиканский принцип, отвергал олигархические методы управления, воспевал демократию как «первоначальную форму... государства, основанного на праве» [16].

В некоторых исследованиях румынских историков проводится сравнение взглядов Николае Бэлческу и Симиона Бэрнуциу по тому или иному вопросу и констатируется их схожесть и даже идентичность. Подобный путь представляется неправомерным. Нельзя вырывать отдельную проблему из общей концепции, в которую входят как планы переустройства общества, так и способы их претворения в жизнь.

Революционер-демократ Бэлческу опирался на крестьянство и верил в его революционные потенции. Буржуазный мыслитель Бэрнуциу не уставал повторять: «Все необходимые реформы должны осуществляться мирно... Законодательное собрание не может ни конституироваться, ни вести работу революционным путем» [17].

Бэрнуциу всю жизнь стоял на позициях реформизма. 1848 год показал это со всей очевидностью. Бэрнуциу действовал как плоть от плоти румынской буржуазии Трансильвании. Специфика местных условий, переплетение помещичьего гнета с национальным определяли ее радикализм в аграрном вопросе.

---

[16] *S. Bărnuțiu.* Dereptulu naturale publicu, p. 107—108.
[17] *R. Pantazi.* Op. cit., p. 154.

Но если задать вопрос: какова же была генеральная политическая линия румынской буржуазии Трансильвании, каким путем она собиралась обеспечить себе «место под солнцем», то ответ может быть один: прибегнув к помощи габсбургского двора, действуя как его союзник. Габсбурги же были слишком тесно связаны с дворянской кастой, чтобы вербовать себе в союзники буржуазных демократов. И румынская буржуазия должна была отказаться от некоторых «излишеств» в своей социально-экономической программе.

Нельзя полностью присоединиться к авторам коллективного труда «История Румынии», которые пишут: «В Трансильвании румынская буржуазия находилась в специфических условиях: она переживала начальный этап формирования, была малочисленна, поднялась из высших и средних слоев крестьянства, была близка к народу, чужда шовинизму, по этой причине она поддерживала народные требования...»[18] По нашему мнению, здесь надо внести уточнение: поддерживала, но до известного предела. Трансильванское крестьянство самым недвусмысленным образом выражало свои стремления: оно отказывалось выполнять барщину, требовало раздела помещичьих земель, громило усадьбы. Трансильванская румынская буржуазия решительно противилась этим революционным выступлениям, искала компромисса с венским двором и ради этого готова была умерить свою социально-экономическую программу. Это можно проследить на примере деятельности Бэрнуциу.

Весной 1848 г. этот дотоле малоизвестный студент немецкой академии права в Сибиу, до того служивший архивариусом, нотариусом и преподававший философию в гимназии, стал признанным лидером румынского национального движения. «Повинны» ли в этом только его личные качества — отстаивание национальных прав, бурное красноречие, острое перо публициста? Думается, нет,— сказалось и то обстоятельство, что Бэрнуциу проводил курс, соответствовавший взглядам нарождавшейся румынской трансильванской буржуазии, твердо придерживаясь принципов реформизма и призывая к верности династии Габсбургов. Обращаясь 12(24) марта 1848 г. к крестьянам, Бэрнуциу настаивал: «Не

[18] «Istoria României. Compendiu». Buc., 1969, p. 320.

наносите никому ущерба, ибо люди, совершающие подобное, недостойны свободы. Слушайте советов наших братьев, будьте всегда верны императору, требуйте отмены крепостничества, ибо за десять веков вы заплатили за землю» [19]. Выступая 18 (30) апреля в Блаже, Бэрнуциу высказывался в том же духе: надо покончить с гнетом крепостничества; но румынам следует держаться так, «чтобы никто не мог обвинить их в восстании против своих господ или в покушении на чье-либо имущество; в последнем случае нельзя надеяться на какое-либо улучшение их судьбы» [20].

Один из пунктов составленной им же программы национального движения трансильванских румын гласил: «румынская нация заявляет о своей вечной и непоколебимой преданности императору и австрийскому дому» [21]. Видимо, понимая полную несовместимость лояльности Габсбургам и демократических аграрных преобразований, Бэрнуциу умерил тон своих высказываний и заговорил о необходимости «по мере возможности ликвидировать крепостничество, содействовать процветанию промышленности и торговли» [22].

Таков этот человек.

У Николае Бэлческу мысль и действие спаяны воедино. Теоретик и борец выкованы в нем из одного слитка. Его славнейший час приходится на время тяжких испытаний в Трансильвании. Здесь, когда в междоусобье лилась кровь народов, проявились его лучшие качества революционера, демократа, интернационалиста.

Бернуциу противоречив. Отдельные прогрессивные черты его взглядов и мыслей нельзя вырвать из общего контекста его мировоззрения. В политике он оказался выразителем устремлений либеральной румынской буржуазии Трансильвании. Отсюда — многозначительное «по возможности», которое сразу положило предел его планам, приковало его к ограниченной узкими рамками «монаршей воли» программе реформ.

Как же получилось, что буржуазный демократ в теории оказался либералом в политике, а республиканец

---

[19] *V. Cheresteşiu.* Adunarea naţionala de la Blaj. Buc., 1966, p. 213.

[20] Ibid., p. 315.

[21] «История Румынии. 1848—1917». М., 1971, стр. 73.

[22] Там же.

выступал в роли сочинителя верноподданнических прошений? По нашему мнению, понять это нельзя без анализа взглядов Бэрнуциу по национальному вопросу.

Бэрнуциу определял нацию как «общность людей, объединенных естественными связями, единством происхождения, языка, затем — выработанным в согласии правом и одинаковыми обычаями» [23]. В число неотъемлемых ее прав он включал право на территорию, язык и представительство. Все договоры и законы, выработанные без ее создания, он отвергал. Из этого вытекало и осуждение им колониальных захватов. Национальную гордость он считал естественным чувством, но предостерегал против опасности ее «вырождения в национальное высокомерие» [24].

Гуманистические истоки мировоззрения Бэрнуциу видны и в его взглядах на нацию. Любовь к своему народу он увязывает с любовью к человечеству (которую именует космополитизмом и которая «соединяется самым добрым образом с патриотизмом и национализмом»). Бэрнуциу пишет: «Подлинный космополитизм уважает человечество в каждом индивидууме, без различия его происхождения, языка или культуры, уважает он и подлинный патриотизм, он не считает варварами и другие нации, как это делали национальные патриоты в античные времена и как нынче поступают патриоты сильных и великих наций» [25].

Бэрнуциу не связывал возникновение нации с определенным этапом в развитии общества, считая ее издревле существующей и вечной категорией. Однако, рассматривая конкретные вопросы национального объединения, он не забывал о нуждах политического и экономического развития.

Переселившись в 50-х годах в Яссы, он внимательно и доброжелательно следил за развертывающимся движением за унию Дунайских княжеств. «Объединение румын должно быть осуществлено всеми румынами и для всеобщего блага». Этот акт должен свершиться не декретом европейских держав и даже не национальным собранием, а свободным волеизъявлением всего народа (или, как писал Бэрнуциу, «университетом румын»). Ру-

---

[23] Цит. по: *R. Pantazi.* Op. cit., p. 162.
[24] Ibid., p. 167.
[25] Ibid., p. 172.

мыны при этом должны обязаться «сохранять и защищать республиканские формы предков с национальными выборными вождями и руководителями, со свободными общинами, собственниками своих земель».

Бэрнуциу серьезно опасался, как бы объединение не было декретировано державами или одним только «боярским сословием, ныне обладающим верховной властью», и произведено «в пользу наследственной династии или наследственной олигархии» [26]. Особую тревогу вызывала у Бэрнуциу мысль о воцарении в княжествах иностранца. Он призывал даже объявить предателем каждого, высказывающегося за приглашение принца «со стороны» [27].

Однако и в трактовке национального вопроса Бэрнуциу также противоречив. Если мы обратимся к разбросанным в его сочинениях замечаниям об иноземном влиянии, то обнаружим в них не только вполне объяснимые опасения и понятный протест, но и высказывания, отдающие ксенофобией и открывающие путь национальной вражде. «Румыны,— писал он,— принуждены иностранцами заниматься лишь сельским хозяйством, тогда как к последним рекой текут доходы, ибо они наводняют румынские земли своими фабрикатами» [28]. Это справедливо. Можно сказать, что Бернуциу одним из первых возвысил голос против засилья зарубежного капитала, превратившегося затем в бич Румынии. Но какие выводы он делает? Он призывает восстановить в румынском государстве «прародительское частное и публичное право без всякой иноземной примеси» [29]. Он пишет о том, что несовместимо-де с достоинством румына служить у евреев, немцев, болгар или русских староверов и договаривается до утверждения о необходимости «уменьшить» число «иноземцев» в Румынии. Надо сказать, что подобными реакционными сентенциями Бэрнуциу вполне заслужил полученный от Титу Майореску упрек: «Начать преследование иностранцев — значит

---

[26] *R. Pantazi.* Op. cit., p. 180.

[27] В этом отношении Бэрнуциу круто разошелся с унионистами, включившими это пожелание в число основных требований чрезвычайных собраний 1857 г. и в Молдове и в Валахии. См. стр. 143 настоящей книги.

[28] *R. Pantazi.* Op. cit., p. 149.

[29] Ibid., p. 182.

развязать варварство против свободы, поддерживать обскурантизм против интеллигентности» [30].

Бэрнуциу же боится всего иноземного, включая идеи. Европейские конституции — не для румын [30а], провозглашает он, усматривая в этих конституциях один лишь «продукт феодализма», обнаруживая полнейшую неспособность подойти исторически к такому важному вопросу, как европейский конституционализм, и будучи решительно не в силах разглядеть феодальную ограниченность, заскорузлость и застой в боготворимой родной старине. Он явно выходит за рамки отстаивания национальных прав, впадая в национализм и местничество.

В конкретных условиях Дунайских княжеств той поры националистическая концепция Бэрнуциу оборачивалась прямым антисемитизмом [31]. Здесь проживало многочисленное еврейское население, которое, в полном соответствии с «прародительским частным и публичным правом», считалось чужеземным и лишалось элементарных гражданских и политических прав. И люди, именовавшие себя сторонниками Бэрнуциу, под предлогом борьбы с «иноземным влиянием» доходили до «яростной антисемитской кампании с хулиганскими выходками и нападениями» [32].

Во взглядах Бэрнуциу по национальному вопросу периода его активной политической деятельности в Трансильвании обнаруживаются черты, сделавшие возможным сотрудничество с силами реакции.

Обратимся к памятным выступлениям Бэрнуциу на Блажском собрании в начале мая 1848 г. Воспев историческое прошлое румын, высказав от имени своего народа глубоко справедливые жалобы, выдвинув программу требований, он заявил: «Румынская нация не хочет властвовать над прочими, но не потерпит подчинения другим, а желает иметь равные права со всеми», и высказался за сотрудничество румын «со всеми народами, которые признают свободу наций и уважают ее на деле» [33].

---

[30] *T. Maiorescu.* Critice, II, p. 205.
[30а] «Передовые румынские мыслители...», стр. 253.
[31] «Luceafărul», 6.V 1972.
[32] *Z. Ornea.* Junimismul. Buc., 1966, p. 43.
[33] «Gîndirea romaneasca în epoca paşoptistă». Buc., 1969, p. 371.

Все как будто прекрасно!

Но тут оказывалось, что, по Бэрнуциу, мадьяры Трансильвании, т. е. как раз те соседи, с которыми надо было сотрудничать, из числа свободолюбивых народов исключались! Оратор утверждал, что мадьяры, секеи и саксы [34] (а не венгерские магнаты, не австрийский абсолютизм) повинны в лишении румын национальных прав и их угнетении: «Вы, чьи предки когда-то властвовали в этой прекрасной стране и во многих других, впали в рабство и потеряли ваши исторические земли. Тираны — три нации: мадьяры, саксы и секеи — изгнали вас, самых многочисленных... Румыны! Не забывайте славу ваших предков римлян, правителей мира!» [35]

Красноречия, изобличительного пафоса Бэрнуциу было не занимать. Но о том, что крестьянину-венгру и ремесленнику-немцу жилось несладко в лоне «привилегированной нации», он как бы забыл [36]. Весь критический заряд направлялся против мадьяр и саксов вообще. Это ни в малой степени не способствовало созданию обстановки, благоприятной для того сотрудничества народов, которое, в теории Бэрнуциу одобрял и которое на практике одно могло создать шансы на спасение революции в Венгрии и Трансильвании. Речи румынского лидера способствовали не сплочению, а размежеванию, а затем и конфронтации тех сил, союз которых был необходим для сокрушения австрийского абсолютизма.

Национальный гнет полностью отождествлялся в них с социальным, и это помогло собрать вокруг национального знамени многотысячную армию крестьян. Устами Бэрнуциу говорила румынская буржуазия Трансильвании, жаждавшая установить свое экономическое и политическое преобладание в этой области и умело поль-

[34] Секеи — этническая группа венгров, предки которых в XIII в. поселились в горах Трансильвании; саксы — потомки переселенцев из Саксонии, трансильванские немцы.

[35] Цит. по: «История Румынии. 1848—1917», стр. 73.

[36] Румынский исследователь В. Керестешиу следующим образом характеризует позицию Бэрнуциу: «...Не выдерживает объективной критики трактовка румыно-венгерских отношений, данная Бэрнуциу. Отождествление... целого народа, мадьяр, с правящим феодальным классом, под гнетом которого стонал и венгерский народ, показывает границы мышления Бэрнуциу в эпоху, когда жили и действовали Бэлческу и Петефи, разоблачавшие и клеймившие беспримерный гнет, которому графы подвергали собственные народы» (*V. Cheresteşiu.* Adunarea naţională de la Blaj, p. 197).

зовавшаяся угнетенным положением соотечественников. Национальное равноправие при наличии румынского большинства населения она не без основания рассматривала как трамплин для достижения своих целей. «Родные низы» должны были помочь ей в этом. Энергию, силу и размах движения она рассчитывала использовать для удовлетворения своих корыстных классовых интересов. Шовинизм многих руководителей венгерской революции питался из того же классового источника — с той разницей, что речь шла не о завоевании, а об удержании господствующих позиций в экономике и политике. Признание национального равноправия румын и славян означало отказ даже от претензий на это.

А на дрожжах национальных разногласий поднимались акции Габсбургов. Возглавляемый Бэрнуциу Румынский национальный комитет превратился в их послушную игрушку. В Трансильвании разыгралась варварская, по словам Бэлческу, гражданская война.

А впоследствии венский двор превратил поддержавших его в критическую минуту румын в разменную монету в сделке с теми же венгерскими помещиками и буржуазией. В 1867 г., когда империя была преобразована в дуалистическое австро-венгерское государство, их правами оплатили сотрудничество былых противников в 1848—1849 гг.

Бэрнуциу не дожил до этого дня. Он скончался в 1864 г. и был похоронен в Трансильвании.

Идеологическая подготовка объединения Дунайских княжеств

Национальное знамя казалось для присмиревшей буржуазии гораздо более подходящим, чем революционное, а путь умеренных реформ, сопровождающих объединение, гораздо более удобным и безопасным. Лозунг создания единого румынского государства она основывала на вполне определенных и достаточно четко обрисованных социальных, прежде всего экономических предпосылках. Единство национальных требований сложного по своей структуре унионистского движения могло быть достигнуто только на основе своего рода модуса вивенди по важнейшим вопросам общественного развития. Отсю-

да — большее внимание, уделяемое им социальной мыслью послереволюционного времени. Эмигранты развернули широкую кампанию, доказывая, что именно объединение ведет к развитию сельского хозяйства (а стало быть, к обогащению помещиков), к расцвету торговли и промышленности. После Крымской войны и ослабления цензурных строгостей в Дунайских княжествах к ним присоединились унионисты Ясс и Бухареста.

В анонимной брошюре «Взгляд на объединения румынских княжеств» (1857 г.) говорилось: создание единого устойчивого правительства поведет к раскрытию всех источников кредита и облегчит организацию национального банка. Оно откроет перед погрязшими в долгах помещиками путь к процветанию. При господстве в стране порядка и спокойствия цены на землю возрастут. Если сейчас «из-за отсутствия путей сообщения многие поместья ничего не дают» [1], то после объединения они превратятся в доходные хозяйства. Расцветет промышленность, увеличится торговля, воскреснут ремесла. Строительство дорог, являющихся крыльями промышленности, расширит рынок. Появятся новые источники обогащения, такие, как шахты и рудники.

Приведем другой документ — обращение коммерсантов Бухареста к французскому дипломату Талейрану (1857 г.). Купцы писали: «Убеждены, что объединение даст силу, обеспечит процветание в будущем нашей родине; торговля — душа изобилия и двигатель цивилизации во всех странах, преуспевает лишь в сильном, хорошо организованном государстве» [2].

«В единстве — сила»,— гласил популярный в то время лозунг. Оно даст возможность успешно противостоять попыткам иноземного вмешательства в дела Молдовы и Валахии. Но уния имела и другую сторону, о которой ее пропагандисты из буржуазно-помещичьих кругов никогда не говорили, но которая оказывала самое непосредственное воздействие на их политику. Уния должна была укрепить государство, сплотить силы господст-

---

[1] O aruncare de ochiu asupra Unirii Principatelor Române de un român din Bucureşti.— «Acte şi documente relative la istoria renaşterii României» (далее — «Acte şi documente»), v. III. Buc., 1899, p. 297.

[2] Ibid., v. III, p. 716.

вующих классов, а это позволило бы держать в узде трудящихся как города, так и деревни.

Будучи поднимающимся классом, выполняя исторически прогрессивные задачи, буржуазия уже готовилась предать своих союзников — крестьян.

В. И. Ленин в статье «Политические софизмы» писал: «Движение низов поднимает революционную силу; оно поднимает такую массу народа, которая, во-первых, способна произвести настоящую ломку всего гнилого здания и которая, во-вторых, никакими особенностями своего положения не привязана к этому зданию, которая охотно сломит его. Мало того, она, даже не вполне сознавая свои цели, все-таки способна и склонна сломать его, ибо положение этой народной массы безвыходно, ибо вечный гнет толкает ее на революционный путь, а терять ей нечего кроме цепей»[3]. Страх перед тем, что крестьянское движение сметет на своем пути крупное землевладение, с которым унионисты и из боярских, и из буржуазных кругов были теснейшим образом связаны,— довлел над ними и толкал и их мысль, и их классовую энергию на поиски сделки с феодалами. Путь революционного объединения княжеств был для них закрыт.

«Совершенно очевидно, что идея объединения — не революционна, а консервативна»[4],— утверждали видные унионисты К. Хурмузаки и И. Майореску. Подобные заявления выражали социальные цели сторонников объединения из помещичьих кругов.

Опыт 1848 г. не прошел бесследно и для феодалов. Многие сознавали, что сохранение существующего положения вещей таит в себе возможность народных волнений. Да и близкое знакомство с Западной Европой толкало на иные пути хозяйствования. Феодальная система с каждым годом доказывала свою непригодность и, главное, невыгодность. Плоды барщинного труда крестьян уже не соответствовали боярским аппетитам. Бояре готовы были отказаться от таких привилегий, как монопольное право на занятие должностей и освобождение от налогов, слегка потесниться у власти и допустить к ней выходцев из буржуазии с тем, чтобы общими сила-

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, стр. 196.

[4] [*C. Hurmuzaki, I. Maiorescu*]. Desvoltarea dreptului Principatelor Moldo-Române în urma Tractatului de Paris. Bruxela, 1857.— «Acte şi documente», v. III, p. 213.

ми держать фронт против «низов». В их кругах настойчиво выдвигались предложения отменить феодальные повинности, оставив землю за помещиками. Иными словами, помещики хотели согнать крестьян с земли, зная наперед, что «свободный» земледелец на другой же день явится к боярину и согласится на любые условия аренды. Именно такую меру предлагал Н. Росетти-Розновану в записке, представленной в 1856 г. русскому консулу в Яссах. Розновану утверждал, что при этом и крестьянин и помещик будут находиться в равном положении и смогут «добровольно» договориться между собой [5].

Один из видных представителей консервативного боярства Барбу Катарджиу в брошюре «О собственности в Молдо-Валахии» утверждал, будто положение крестьян не такое плохое, как утверждают люди, «терзаемые демоном зависти». Не нужно реформ! Не может быть и речи об отчуждении, пусть за деньги, хоть части помещичьих угодий! В крайнем случае крестьяне смогут приобрести небольшие участки у государства либо монастырей [6].

Другой идеолог боярства Николае Истрати отрицал за крестьянами какое-либо право на землю. Если они и страдают, то исключительно из-за больших государственных налогов, поборов крупных арендаторов-посредников, злоупотреблений чиновников, жадности кабатчиков и по причине собственного невежества. Помещики в изображении Истрати преисполнены всяческих добродетелей: они-де и сельское хозяйство развивали, и школы содержали, и за все это довольствовались скромным доходом (!). Органический регламент всем хорош, но предусмотренная в нем барщина мала. Крестьяне, к сожалению, не разделяют подобной точки зрения. Поэтому Истрати предлагал продать им приусадебные участки и крошечные клочки земли — по 1800 кв. м на хозяйство [7]. Право содержать корчму и то сохранялось за помещиком.

Апостол Арсаке попрекал власти за излишнюю «уступчивость» новым веяниям. Правительства сущест-

[5] АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, 1854—1859, д. 981, лл. 64—73.

[6] *M. Emerit.* Les paysans roumains depuis le traité d'Adrianople jusqu'á la liberation des terres (1829—1864). Paris, 1937, p. 426.

[7] *M. Emerit.* Op. cit., p. 427.

вуют для того, чтобы охранять права каждого (и, разумеется, в первую очередь «священное и неприкосновенное...»). Нарушив это право, правительство изменяет своим функциям. Арсаке тоже предлагал отменить барщину — и пусть стороны договариваются как хотят[8].

Жадность у этих «реформаторов» боролась со страхом. Они чувствовали, что ограбление крестьянства, лишение его земли обострит обстановку в княжествах и может вызвать взрыв в деревне. Поэтому в боярских кругах появились и сторонники компромиссных вариантов: Морузи-Бекяну, Гр. Костаке Епуряну склонялись к мысли предоставить данному поколению землю в размерах, предусмотренных регламентами, а уж следующему оставить лишь дом с приусадебным участком.

Так обрисовывались контуры сотрудничества боярства и буржуазии. Предложения идеологов последней не отвергались, а изучались. Нащупывались пути сближения. Шаг вперед в этом направлении сделал видный деятель консервативного крыла унионистов Василе Боереску.

Во главу угла своей работы «Румыния после Парижского договора 30 марта 1856 г.» он поставил аграрный вопрос. Боереску писал: «Пока его (крестьянина.— *В. В.*) гражданское и политическое состояние не изменится, пока не поднимут его достоинство человека и гражданина, любая форма иллюзорна»[9]. Итак, необходимость преобразований признавалась. Однако, отождествляя крепостничество с феодальными отношениями вообще, он объявлял, что последних-де в княжествах не существует: «Феодализм никогда не пускал здесь корней; он появился здесь, чтобы тотчас исчезнуть. Речь поэтому не идет ни об уничтожении крепостничества, ни о ликвидации феодальной системы... Крестьянин в Румынии в принципе свободен и независим». Существующие же личные повинности — это аномалии, противоречащие принципу, и от них надо избавиться, чтоб «закон находился в гармонии сам с собой»[10].

Из пространных рассуждений Боереску по аграрному вопросу явствовало, что он хотел бы ограничить кре-

---

[8] Ibid., p. 431.

[9] *B. Boeresco.* La Roumanie aprés le traité de Paris du 30 Mars 1856. Paris, 1865, p. 117—118.

[10] Ibid., p. 130.

стьянские наделы 8 погонами (4 га), а срок выкупа установить в 10 лет.

С несколько иных позиций подходили к аграрной проблеме унионистские идеологи либерального направления. Они оказались проницательнее тех бояр, которые видели цель «аграрной реформы» лишь в том, чтобы согнать крестьян с земли. По их мнению, земледельцам следовало предоставить участки за выкуп. Так было и спокойнее, и доходнее. «...Крупному землевладельцу и невыгодно было бы полное вытеснение мелкого: последнее доставляет ему рабочие руки» [11],— указывал В. И. Ленин. Прикованный к своей полоске, лишенный свободы передвижения, крестьянин был вынужден продавать свою рабочую силу гораздо дешевле, чем сельскохозяйственный рабочий.

Одновременно либералы открещивались от всяких связей с социализмом: «Румынские патриоты, без сомнения, предлагали социальные реформы, достаточно широкие для обеспечения солидной базы политической конституции страны, ...что... не имело ничего общего с едва наметившимися теориями современного социализма» [12].

Тезис: высшие классы теряют все, если не соглашаются вовремя на реформы, пронизывал их политическую доктрину и отражался в пропаганде. «Освобождение» крестьян без земли — иллюзорно. Помещики ничего не проиграют, а, напротив, выиграют, расставшись с частью своих земель за выкуп.

Остановимся на труде А. Г. Голеску «Об уничтожении барщины в Дунайских княжествах».

Из пятимиллионного населения княжеств 4—5 тыс. живут в достатке, 500 человек — в роскоши, писал А. Г. Голеску. Все остальные прозябают в нищете. Положение коренным образом улучшится лишь после отмены феодальных порядков. Крестьяне станут свободными людьми и преданными гражданами своего государства, продуктивность труда увеличится несоизмеримо; рост внутреннего потребления приведет к расширению рынков: все это создаст источник богатства и дохода для самого крупного землевладения [13].

---

[11] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 91.

[12] *A. G. Golesco.* De l'abolition du servage dans les Principautés Danubiennes. Paris. 1856, p. 55—56.

[13] Ibid., p. 14.

Сейчас боярин не живет в деревне и не хозяйствует на земле. Он отдает ее арендатору-посреднику. Последний передает ее оброчным крестьянам либо распоряжается барщиной. По традиции договор с арендатором заключается на 3 года. Не будучи уверен в «завтрашнем дне», тот не заботится о рационализации хозяйства, не вкладывает деньги в покупку скота и инвентаря, а стремится выжать максимум возможного из крестьян. Но ведь всякая эксплуатация имеет свой предел, и этот предел достигнут.

Плодороднейшая в Европе земля обрабатывается кое-как и дает мало дохода. Урожай пшеницы в Валахии в среднем — 7 гектолитров с гектара. А на худших почвах Франции он вдвое выше. В Валахии за гектар арендуемой земли дают 5—6 франков. Во Франции — тридцать. В княжестве крестьянская семья, используя примитивные орудия и плохой скот, обрабатывает не больше 5—6 гектаров, а французская семья — до 9 [14]. С какой стороны ни смотреть — «опыт повсеместно показывает, что свободный труд продуктивнее подневольного» [15]. Не надо фетишизировать значение земельной площади. Английский манор в среднем в 85 раз меньше боярской вотчины в Валахии. А кто осмелится сказать, что лорд-предприниматель живет хуже? Вывод: крупные землевладельцы в своих собственных интересах должны высказаться за реформу, которая принесет им «богатство, безопасность, достоинство и национальную независимость» [16].

Голеску верит в жизненность мелкого крестьянского хозяйства. Ныне оно прозябает, оставленное на произвол помещиков-рутинеров и хищной администрации, не пользуясь поощрением, не имея кредитов. Голеску предлагал сложную систему выкупа, рассчитывая, что наличие обширных монастырских угодий (в том числе и неиспользуемых) облегчит этот процесс. Приглашая на них крестьян, можно вызвать такой отток населения из помещичьих деревень, что бояре сами будут набиваться с продажей своей земли. «Цель наша,— подчеркивает он,— заключается не в объявлении войны крупному землевладельцу, а единственно в том, чтобы доказать, что пра-

[14] Ibid., p. 109—110.
[15] Ibid., p. 66.
[16] Ibid., p. 63.

вительство в состоянии заставить помещиков самих потребовать распродажи».

Он рисует радужную картину расцвета земледелия и призывает государство подать пример — основывать показательные фермы, готовить агрономов, пропагандировать рациональные методы обработки земли. Он предусматривает выкуп феодальных повинностей в 20 лет. Бывший последователь Бэлческу, которого умеренные в 1848 г. прозвали Робеспьером, теперь записывается в друзья к «мудрому Фридриху Вильгельму III», королю прусскому, который-де «по собственной инициативе и под воздействием двух прозорливых министров, Штейна и Гарденберга, провел в жизнь великую реформу, превратившую крепостных в собственников» [17]. Напомним, что реформа эта ни в малой степени не затронула интересов прусского юнкерства, которое получило либо выкуп в размере двадцатипятикратной стоимости ежегодных платежей, либо значительную часть (до половины) крестьянского надела.

Даже историю А. Г. Голеску ставит на службу сотрудничеству с помещиками. Состояние исследований происхождения крупной земельной собственности было тогда таково, что позволяло сооружать любые умозрительные схемы. А. Г. Голеску присоединяется к сторонникам иноземного происхождения крупной земельной собственности. Крепостничество в княжествах (XVII—середина XVIII в.) он приписывает венгерскому и польскому влиянию [18].

Либералы и консерваторы спорили лишь о том, каким куском помещичьих владений поступиться, как далеко идти по пути буржуазных преобразований. Что же касается вопроса о необходимости реформ вообще, то, скрепя сердце, на него отвечало положительно большинство помещиков. По словам внимательного наблюдателя, французского консула в Яссах В. Пласа, все вокруг сознавали необходимость предпринять какие-то шаги в крестьянском вопросе, покончить с непрекращающимися нарушениями законов и отменить освобождение боярства от налогов [19].

---

[17] *A. G. Golesco.* Op. cit., p. 154.
[18] Ibid., p. 1.
[19] «Acte şi documente», v. III, p. 562.

Конечно, формальной договоренности по аграрному вопросу между либерально-буржуазным и консервативно-помещичьим крылом в унионистском движении не существовало. Но у идеологов обоих направлений явственно проступает тенденция считаться с интересами партнера. Иначе и не могло быть, учитывая тесные связи молдо-валашской буржуазии с крупным землевладением. И это стремление выработать взаимноприемлемую платформу по узловому вопросу социально-экономического развития делало возможным сотрудничество в национальном движении противников 1848 г.

Вполне конкретный социальный идеал — буржуазное государство, в котором были бы обеспечены и помещичьи интересы,—диктовал и соответствующие средства для его достижения. Напор масс грозил смести его, затопить в море социально-экономических требований. Отказавшись от борьбы за объединение «снизу», опираясь на массы, унионисты стали искать выхода в другом направлении. Они решили попытаться использовать соперничество великих держав на Балканах и заручиться поддержкой некоторых из них. Эмиграция все реже обращалась к народам и все чаще — к правительствам. Это был как раз тот способ, против которого предостерегал Бэлческу, указывая, что свободу завоевывают, а не получают из рук королей и их министров.

* * *

Кое-какой опыт дипломатических комбинаций уже имелся, правда, отрицательный (вспомним провал надежд на столкновения Петербурга и Стамбула в 1848 г.). Эти попытки опереться на ту или иную великую державу продолжались и далее. В то время как Н. Бэлческу в 1848 г. поднимал трансильванских румын на сотрудничество с революционной Венгрией, А. Г. Голеску вынашивал в Париже совсем иные планы.

Не надо дразнить венский двор, писал он, напротив, следует добиваться его покровительства трансильванским румынам. Самое опасное «вопить о демократии и братстве с венграми». Что же касается Молдовы и Валахии, добавляет А. Г. Голеску, то «я — сторонник тесного, искреннего и неразрывного объединения княжеств с Турцией на основе капитуляций...» Надо «с чистым сердцем» поклясться в верности Порте.

«Вся мудрость», по А. Г. Голеску, должна была заключаться в следующем: трансильванцам следовало установить «добрые отношения с двором (габсбургским.— *В. В.*) и избегать венгров» [20]; Молдова и Валахия должны жить в дружбе с султаном и избавиться от славянства. «С болью узнал я,— продолжал Голеску,— что турки, которые должны стать нашими лучшими друзьями, относятся к нашим действиям за границей с подозрением. Я полагал, что именно они, наши друзья и покровители, должны представлять нас зарубежным кабинетам» [21]. Надо работать «под взорами и даже руководствуясь советами посланников Блистательной Порты и не предпринимать никаких демаршей без их ведома». Простираясь ниц перед феодальными властителями Стамбула, А. Г. Голеску возводил поклеп и на свой народ: «...Нет народа, который ныне более желал бы существования сильной Турции». Правда, он тут же, противореча сам себе, требовал неустанно трудиться над тем, чтобы «отвратить бедные и невежественные классы от влияния, которое Россия может на них оказать...» [22]

Отстаиваемый А. Г. Голеску путь мог в лучшем случае привести к мелким уступкам в расширении прав княжеств со стороны Турции и великих держав. Между ним и гордой программой Николае Бэлческу лежала пропасть.

А. Г. Голеску не был одинок в своих взглядах. Он представлял общую тенденцию. Буржуазия Дунайских княжеств из двух возможных курсов: с народом в революцию, или по пути реформ, используя противоречия среди держав,— избрала второй. В рамках этого курса существовало множество вариантов — на кого опираться, с кем и как идти. Суть от этого не менялась.

Посланец временного валашского правительства в Германии И. Майореску в 1848 г. предложил, по сути дела, перейти под сюзеренитет Австрийской империи: «...Княжества... с радостью вступят в тесный государственный союз между собою и в государственные сношения с Австрией под скипетром принца из ее дома и под покровительством Германской империи» [23]. В отли-

[20] *I. Ghica.* Amintiri din pribegie după 1848. Buc., 1890, p. 85—87.
[21] Ibid., p. 95.
[22] Ibid., p. 97.
[23] Ibid., p. 131.

чие от своего парижского коллеги, И. Майореску извлек урок из кровавого подавления турецкой военщиной революции в Валахии. В ноябре 1848 г. он писал о «прогнившей государственной машине», о «пораженном агонией теле» Османской империи. Но о борьбе с ней он не мыслил, а выдвинул фантастический план выкупа Дунайских княжеств у Турции, их объединения во главе с князем из габсбургского дома и под протекторатом Германской империи [24].

Линия: с монархами против народов — у него выступает еще четче и определеннее, нежели у А. Г. Голеску. Он по очереди пугает немцев то венгерской, то славянской «опасностью», особенно последней.

И. Майореску сознает, что трезвые политики не верят в реальность панславистских планов образования обширной всеславянской державы под скипетром «батюшки царя». Он сам считает эти замыслы химерой, ибо царизм «больше всего боится свободолюбия славянских народов». Но того же самого опасается и Майореску, и он пугает немцев возможностью образования конфедерации славянских народов, будто бы «питающих глубокую ненависть к Германии».

* * *

С началом Крымской войны возникали реальные условия для объединения княжеств. Конфликт между державами, подавившими в 1848 г. революционное движение в княжествах, в который оказалась втянутой половина Европы, сильно повысил шансы унионистов.

Основоположники марксизма в статьях по восточному вопросу дали исчерпывающий анализ позиции правящих кругов России, Англии и Франции во время этой войны. Они горячо желали поражения царизма как оплота европейской реакции. Наряду с этим Маркс и Энгельс вскрыли реакционность и агрессивность целей Бонапарта и английского кабинета, поднявших оружие ради сохранения целостности Османской империи, т. е. ради того status quo на Балканах, которое увековечивало угнетение христианского населения Турции [25]. Маркс

---

[24] Ibid., p. 132, 145.
[25] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 9, стр. 31.

и Энгельс показывали внутреннюю связь «Наполеона маленького» и британских министров с царизмом. Маркс подчеркивал, что все симпатии французского императора «принадлежат самодержцу», систему правления которого он ввел во Франции [26]. Маркс приводил цитату из газеты «Таймс», которая выражала опасение, что «первое же столкновение между британской и русской армиями послужило бы сигналом для революции на всем континенте...» [27] В Лондоне и Париже мечтали поэтому дать отпор внешним притязаниям царизма, не затрагивая его внутренней системы. «Власти предержащие,— писал Энгельс,— не намерены наносить решающих ударов...» [28] Не на английских тори либо вигов и не на сторонников бонапартизма рассчитывали основоположники марксизма: «Но не следует забывать,— указывал Энгельс,— что в Европе существует шестая держава, которая в определенные моменты заявляет о своем главенстве над всеми пятью так называемыми «великими» державами и заставляет дрожать каждую из них. Держава эта — Революция». «Достаточно будет одного сигнала, чтобы эта шестая и величайшая из европейских держав выступила вперед в блестящих доспехах и с мечом в руке...» [29]

Но в среде эмигрантов из княжеств после смерти Бэлческу не осталось последовательных сторонников объединения Румынии «снизу».

Союз с революционными народами при возможном использовании противоречий держав в качестве вспомогательного средства — так мыслил основной политический курс этой эпохи Николае Бэлческу. Либералы ставили на первое место союз с правительствами некоторых держав при использовании энергии народных масс, их стремления к объединению, и полностью исключали сотрудничество с революционными народами. Знаменосцами этой политики выступили братья Брэтиану, старший — Думитру и младший — Ион. Об этих родоначальниках знаменитой впоследствии династии некоронованных властителей Румынии следует сказать несколько слов. Не потому, что они были авторами оригинальных

[26] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 9, стр. 18.
[27] Там же, стр. 441.
[28] Там же, т. 10, стр. 5.
[29] Там же, стр. 6.

замыслов общественного переустройства, а потому, что семейство, к которому они принадлежали, с какой-то обостренной чуткостью отражало настроения крупной национальной буржуазии. В короткий период ее революционности они принимали участие в движении 1848 г. в Валахии. Затем, пока шли поиски путей, примыкали к самым шумным радикалам. Под многими документами, сочиненными К. А. Росетти, стоят их подписи, во многих его предприятиях они участвовали. Случалось и им «пробовать перо» в составлении манифестов. «Румыны не проиграли бы революции, если бы не. кричали в Валахии: «Да здравствует султан!», если бы не провозглашали в Трансильвании здравицы императору, не позабыли о знамени «Румынской республики» и о лозунге «Объединение и свобода или смерть!» [30],— писал Ион Брэтиану. Пришлось ему познакомиться и с парижской тюрьмой, куда его посадили по ложному обвинению в покушении на императора Наполеона III. А его брат Думитру обращался в 1851 г. к возглавляемому Джузеппе Мадзини Центральному европейскому демократическому комитету: «Верьте, братья, на сей раз мы сплотимся и выступим все вместе: венгры, славяне, греки, все будут сражаться вместе с нами в священном крестовом походе демократии, ибо мы будем бороться не только за себя, но за права для всех!» [31] Прекрасные слова! Беда только, что это были пустые слова.

Когда же выявилось общее поправение румынской буржуазии, братья с легкостью вступили на путь буржуазного политиканства. Предпосылки этого курса улавливаются и в их произведениях ранней поры. Внимание Думитру привлекала прежде всего и больше всего проблема собственности. «Не колеблясь,— писал он,— мы выводим право собственности из права индивидуальной свободы и утверждаем, что свобода без собственности — бессмыслица». Он горько упрекал Руссо «в полном отсутствии исторического чутья» [32] за непонимание этой «истины».

Надо сказать, что и раньше, в период провозглашения преданности республиканским идеалам и клятв

[30] *V. C. A. Rosetti.* Amintiri istorice. Buc., 1889, p. 134.
[31] Ibid., p. 139.
[32] *P. Cornea, M. Zamfir.* Gîndirea românească în epoca paşoptistă. Buc., 1969, p. 464, 467.

верности возвышенным принципам, они отрывали национальный вопрос от социальных проблем, отчего он приобретал самодовлеющий и реакционный характер. Ион Брэтиану в статье «Национальность» утверждал особые качества романских народов: «Кельт и латинянин, когда находились в течение известного времени в контакте, сливались в прекрасную и добродетельную романскую или латинскую расу, которая в течение более двух тысяч лет идет во главе цивилизации...» [33] Романское же население Подунавья, объявлял он, будучи представителем «высшей расы», не смешивалось со славянами (что не соответствовало действительности).

Бэлческу до последнего своего вздоха отстаивал союз румын, славян и венгров против европейских самодержцев. С кем же сотрудничать, как не с соседями. У Брэтиану идея сотрудничества преломляется через расистскую призму и теряет свой революционный и прогрессивный характер: «Близкие отношения, обмен идеями и понятиями между нациями одной и той же расы отвечают нуждам развития каждой из них; ибо воздействуют непосредственнее, чем связи между народами, принадлежащими к разным расам» [34].

Приписывая отдельным народам особую роль в истории, И. Брэтиану не останавливался перед оправданием захватов: «Некоторые завоевания можно извинить, ибо они позволили нации способствовать прогрессу цивилизации. Римляне и англичане — два примера этого; ныне же прогресс столь значителен, что завоевания не только нельзя оправдать, но они преступны» [35].

В 1853 г., когда писалась статья, валашская буржуазия отчаянно боролась за создание условий для своего развития; носителем захватнических замыслов она не могла быть; но ведь в ходе истории обстоятельства меняются, и пресловутая «цивилизаторская миссия» имела шансы вновь всплыть на поверхность.

Начавшаяся в 1853 г. Крымская война истолковывалась румынскими либералами именно в таком плане. И. Брэтиану выражал полную уверенность в том, что

---

[33] *I. Brătianu.* Naţionalitatea. In: *P. Cornea, M. Zamfir.* Gîndirea românească în epoca paşoptistă, p. 486.
[34] Ibid., p. 492.
[35] Ibid., p. 487.

«западные державы сражались во имя права, законности, справедливости и свободы» [36], а потому их первым делом должно стать восстановление прав Дунайских княжеств.

Надо сказать, что хвала «бескорыстию» Франции и Англии и восторженная оценка будто бы обуревавшей их страсти к насаждению демократии на Балканах были демагогией чистейшей воды. Валашские эмигранты немало прожили в Париже и Лондоне и слишком долго просидели в дипломатических прихожих, чтобы верить в «высокие идеалы». Поэтому в документах, предназначавшихся не «для публики», а для узкого круга посвященных, они изъяснялись с полной откровенностью: «Без заинтересованности,— писал видный унионист Николае Голеску своим политическим единомышленникам,— никто сейчас не поможет». «Если смотреть без иллюзий», следует признать, что Англия никогда не делала ни шагу без материальной выгоды, и вступила в Крымскую войну, чтобы обеспечить свои владения в Индии и «открыть Черное море для своей торговли». Что касается Франции, то она воюет потому, что «ее государь счел нужным укрепить свой трон» [37].

Однако подобные конфиденциальные признания на страницы печати не попадали. Курс на завоевание поддержки наполеоновской империи вел к созданию своего рода культа «Наполеона маленького». При этом использовались традиционные политические и культурные связи между Дунайскими княжествами и Францией, высокий престиж французской культуры, сознание этнической близости, то обстоятельство, что «латинская сестра» еще в XVIII в. явилась глашатаем освободительных идей. Император Луи Наполеон к великим лозунгам «свободы, равенства и братства» никакого отношения не имел, а, напротив, приложил немало усилий, чтобы попрать их. Однако изрядно поправевшая буржуазия Молдовы и Валахии и связанные с нею помещики изливали восторги не перед великой революционной Францией, а перед реакционным Бонапартом, создавая ему репутацию «за-

---

[36] *I. C. Brătianu.* Mémoire sur la situation de la Moldo-Valachie depuis le traité de Paris, p. 11.

[37] *G. Fotino.* Din vremea renaşterii naţionale a Ţării Româneşti. Boerii Goleşti, v. IV. Buc., 1939, p. 128—129.

щитника национальностей». По иронии судьбы бонапартизму приписывалось отстаивание тех самых принципов, кои он душил в самой Франции.

* * *

Молдо-валашская эмиграция провела большую и важную идеологическую работу, знакомя общественность Европы с условиями жизни своей родины и пропагандируя объединение княжеств.

Сочиненные эмигрантами брошюры, записки и меморандумы показывали господствовавшую в княжествах систему экономических и общественных отношений, бедственное положение народа, разоблачали роль царизма в поддержании феодальных отношений и подавлении революции 1848 г., рисовали темную картину турецкого гнета и янычарских расправ. Эта деятельность явилась своего рода показателем достижений общественно-политической мысли княжеств, ее уровня, свидетельствовала, что с точки зрения идеологической объединение подготовлено.

Но здесь мы хотели бы еще раз обратить внимание на взаимозависимость различных компонентов общественной идеологии, социального идеала и средств его достижения. Отказавшись от революционного пути объединения княжеств, связав себя с «делом Европы», унионисты останавливались и в национальном вопросе на полпути. Слово «независимость» они произносить опасались: как-никак Англия и Франция сражались во имя «неприкосновенности» Османской империи. Социальный идеал, по крайней мере в ближайшее время, выступал в урезанном виде, а причина этого заключалась в том, что избранные средства не оставляли надежд на его полное достижение. «Кто борется настоящим образом,— писал В. И. Ленин,— тот, естественно, борется за *все*; кто предпочитает сделки борьбе, тот, естественно, наперед указывает те «кусочки», которыми он склонен в самом лучшем случае удовлетвориться...» [38]

В тактических соображениях унионисты допускали заискивания перед Стамбулом. Румыны, уверял И. Брэтиану, всегда старались наладить добрые отношения с

[38] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, стр. 197.

Турцией, с которой связана их судьба. Надо лишь, чтобы она перестала слушаться «злонамеренных советов» и не мешала развитию княжеств [39].

Кое-кто из лидеров унионистов не гнушался предложением помощи турецким властителям в подавлении национально-освободительного движения южных славян. Обращаясь к туркам, архимандрит Неофит Скрибан писал о возможном движении «молодых и воинственных славян», в поддержку которого, вероятно, выступит Россия. «В этот страшный день,— восклицал он,— кто сможет встать между славянами севера и юга, если на Дунае не будет существовать сильного государства?...» [40] В том же духе высказывался И. Брэтиану [41].

Так румынская буржуазия, едва подняв голову и не добившись национального освобождения, готова была попирать свободу других народов.

Некоторые деятели эмиграции предлагали услуги своих соотечественников для борьбы с царизмом. Брэтиану направил послания Наполеону III и даже султану, прося разрешить создание румынского легиона. Он уверял, будто 5 млн. румын «преисполнены преданности Франции» и готовы идти в бой [42]. О бесславном провале планировавшейся экспедиции говорилось выше.

Курс на достижение объединения при поддержке европейских держав — сторонников сохранения Османской империи (в союзном трактате Франции, Великобритании и Турции времен Крымской войны было записано, что три правительства считают существование последней «в ее настоящих границах существенным условием сохранения равновесия между различными государствами Европы» [43]), являлся внешнеполитическим выражением вполне определенной концепции социального развития будущей Румынии. Эта же концепция требовала и выработки системы историко-юридических доказа-

---

[39] *I. C. Brătianu.* Le rôle des roumains des Principautés dans la guerre actuelle. Paris, 1854.— «Acte şi documente», v. IX. Buc., 1901, p. 573—577.

[40] *N. Scriban.* Unirea sau neunuirea principatelor. Iaşi, 1856.— «Acte şi documente», v. III, p. 6.

[41] «Acte şi documente», v. IX, p. 573—577.

[42] *I. C. Brătianu.* Mémoire sur l'Empire d'Autriche dans la question d'Orient. Paris, 1855.— «Acte şi documente», v. II. Buc., 1889, p. 869.

[43] «Acte şi documente relative la istoria renaşterii Romaniei», v. II, p. 407.

тельств. Вполне понятно, что буржуазно-помещичьи идеологи отбросили как слишком для них опасные лозунги права народа на восстание против угнетения и тем более — идею революционного союза народов в борьбе за свободу и независимость. Они говорили не о завоевании, а лишь о восстановлении прав княжеств, ссылаясь при этом на древние акты, будто бы связывавшие Молдову и Валахию с Портой и предоставлявшие им полный суверенитет во внутренних делах. Оригиналы этих договоров или «капитуляций», первый из которых датирован 1393 г., а последний — 1529 г., не сохранились. Сама версия о договорных отношениях, будто бы существовавших между Портой и княжествами и ограничивавших обязательства последних выплатой дани, родилась в знаменательный момент, во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Текст «договора» между молдавским воеводой Богданом III (1504—1517) и султаном Селимом был изложен в записке, представленной русским уполномоченным на мирных переговорах в Фокшанах (1772 г.) [44]. Версия родилась будто по заказу — ведь в это время русским оружием пробивалась первая брешь в турецком владычестве на Балканах. Вслед за этим текстом появились и другие. Анализ их содержания и изучение эпохи привели исследователей уже в начале XX в. к выводу об их недостоверности [45]. Суммируя это мнение, современные румынские исследователи И. Вынту и Г. Флореску пишут: «Основная черта отношений между княжествами и Портой до заключения русско-турецких договоров состояла в том, что они не регулировались договорным путем. Существование так называемых «старых трактатов», хатти-шерифов, хатти-хумаюнов или капитуляций, которым приписывали значение «конвенций», заключенных румынскими господарями с султанами, не подтверждается с точки зрения исторической. А с точки зрения юридической гипо-

[44] *Vl. Georgescu.* Op. cit., p. 144—145.

[45] *C. Giurescu.* Capitulaţiile Moldovei cu Poarta Otomană. Buc., 1908. См. также *M. Neagoe.* Contribuţii la problema aservirii Moldovei faţa de imperiului Otoman.— «Studii», 1954, N 2. Следует сказать, что в самое последнее время в Румынии вновь вернулись к отброшенной версии о договорах как реально существовавших документах, пытаясь опереться на них в трактовке международно-правового положения Дунайских княжеств в XVI—XIX вв. (*Gh. Zaharia, M. Muşat.* Lupta pentru îndependenţa şi unitate statală — permanenţa a istoriei poporului român.— «Anale de istorie», 1975, N 1).

теза о заключении подобных «конвенций» не соответствует экспансионистской политической оттоманской системе. В действительности, осуществляя свою политику, Турция навязывала односторонним актом воли более слабым государствам определенную степень зависимости; это состояние «не имело никаких гарантий прочности и уважения с ее стороны. Оно являлось скорее всего modus vivendi временного характера» [46].

Любопытно, что еще в раннюю пору турецкого владычества на Балканах султан Сулейман Великолепный, не подозревая, что ему припишут «равноправно-договорные отношения» с господарями Молдовы и Валахии, писал польскому королю Зигмунду (1531 г.): «Воевода молдавский и мултянский суть наши рабы, а страны их суть владения наши среди прочих принадлежащих нам владений» [47].

В 50-е годы XIX в. ссылка на будто бы существовавшие древние акты была удобна в сношениях с правящими кругами стран, официальным курсом которых оставалось сохранение целостности турецких владений. Унионистские идеологи сочиняли целые трактаты [48], обосновывавшие право княжеств на объединение не мятежным лозунгом самоопределения народов, а милой сердцу их собеседников стариной. Но мы совершили бы ошибку, придавая этой версии чисто служебное значение, рассматривая ее как тактический ход. В этом способе доказательства, в поисках аргументов не в праве народов, а в старых пергаментах, и даже в изобретении оных проявлялся курс молдо-валашской буржуазии, отказавшейся от опоры на массы и от вызова реакционерам внутренним и внешним, отражалась умеренно-реформистская сущность ее взглядов.

История самым наглядным образом опровергла эту версию. Султаны низвели господарей Молдавского и Валашского княжеств до уровня своих слуг. А непокорных ожидал шелковый шнурок палача или янычарский ятаган. В Стамбуле был обезглавлен Константин Брынковяну вместе со своими сыновьями; такая же участь по-

[46] *I. Vîntu, G. G. Florescu.* Unirea Principatelor în lumina actelor fundamentale şi constituţionale. Buc., 1965, p. 41—42.

[47] «Documente privitoare la istoria românilor», v. I, supl. 1. Buc., 1885, p. 25.

[48] [*C. Hurmuzaki, I. Maiorescu*]. Op. cit.— «Acte şi documente», v. III. p. 179.

стигла и другого валашского князя, Штефана Кантакузино, которого казнили вместе с его отцом, Константином, известным историком и географом; молдавского воеводу Григория Гику III турки убили в Яссах. Княжества не раз подвергались нашествиям османских карателей. Так, турки не чернилами, а кровью фиксировали положение княжеств де-факто в составе Оттоманской империи. Тем не менее Василе Бореску в своей книге[49] рассуждал о «праве» княжеств объявлять войну, заключать мир, чеканить собственную монету и т. д. Тем самым искажалось значение русско-турецких войн. По Бореску, они... нанесли удар по правам княжеств: существовал-де полный суверенитет, а тут после потоков пролитой на Балканах русской крови в договорах была зафиксирована «всего лишь» автономия.

* * *

Итак, уже перед решающей стадией борьбы за объединение Молдовы и Валахии, падающей на 1856—1862 гг., обрисовались основные черты стратегии и тактики румынской буржуазии и связанных с нею помещиков. Они заключались в следующем: отказ от объединения «снизу», опираясь на народ, поиски компромисса с феодалами на приемлемой для последних основе путем проведения половинчатой и тяжелой для крестьян аграрной реформы.

Во внешнеполитическом плане — отвержение сотрудничества с революционными народами, расчет на использование разногласий между европейскими монархиями и поддержку некоторых из них.

Политическое устройство будущего румынского государства не служило в то время предметом детального обсуждения. Сторонники либерального и консервативного направления явно избегали возможных трений. Но поправение румынской буржуазии сказывалось в отречении от республиканских идеалов. Теперь она грезит наследственной монархией. Выборный принцип отрицается: он-де препятствовал консолидации и развитию страны, питал «партийный дух», способствовал коррун-

---

[49] *B. Boeresco.* La Roumanie après le traité de Paris du 30 mars 1856. Paris, 1856.

ции, затруднял исполнение законов, увековечил неустойчивость, отвергал идею власти, породил всеобщее недоверие [50] и т. д.

* * *

25(13) февраля 1856 г. в Париже открылся мирный конгресс. Крымская война окончилась. Представители царизма вынуждены были согласиться на замену своего единоличного протектората над Сербией, Молдовой и Валахией коллективной гарантией держав, на закрытие Босфора и Дарданелл, на ликвидацию черноморского флота, отказались от покровительства христианским подданным султана и пошли на отторжение части Южной Бессарабии [51]. Автономные права Дунайских княжеств сохранялись.

На одном из заседаний министр иностранных дел Франции Валевский поднял вопрос об объединении Молдовы и Валахии.

Дипломатия Луи Наполеона действовала на два фронта: и против бывшего врага — России, и против Англии, Австрии и Турции. Объединенные княжества, полагала она, станут серьезным препятствием на пути экспансии царизма. В то же время французские банкиры и промышленники рассчитывали, что в новом государстве, при благосклонном содействии его правителей можно будет усилить свои экономические позиции и потеснить английских и австрийских конкурентов.

Все эти сложные, далеко не бескорыстные расчеты побудили французов выступить на Парижском конгрессе поборниками объединения княжеств.

---

[50] [*C. Hurmuzaki, I. Maiorescu*]. Op. cit.— «Acte şi documente», v. III, p. 215. В последнее время в Румынии вышло несколько книг и довольно много статей, посвященных республиканским традициям. См., например, *Gh. Ghimeş.* Ideeà de republică la românі. Buc., 1972; *N. Petreanu.* Republica în conştiiuţa poporului român. Buc., 1972; *A. Petric, Tr. Caraciuc, Şt. Lache, N. Petreanu.* Pentru republica în România. Buc., 1972. Авторы их приводят высказывания и анализируют взгляды на республиканский строй отдельных мыслителей, политических деятелей и группировок. При этом, однако, в тени остается несомненный поворот румынской буржуазии к монархизму.

[51] *Ф. Мартенс.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. XV. СПб., 1909, стр. 307—325.

Иначе смотрели на подобное решение вопроса союзники Франции. Султанская Турция не без основания считала, что уния явится первым шагом к отпадению Молдовы и Валахии и это в свою очередь подаст пример другим подвластным народам и поставит под угрозу целостность Османской империи [52].

Объединение Молдовы и Валахии противоречило расчетам и габсбургского двора. В Вене вынашивались планы установления австрийского господства на всем протяжении Дуная. Соперничество других держав не оставляло надежд на прямой территориальный захват. Тем с бóльшей активностью проводила Австрия экономическую экспансию.

Наконец, еще одно важное соображение руководило действиями австрийских дипломатов. Создание единого румынского государства во много раз усилило бы тягу трансильванских румын к объединению с Валахией и Молдовой и отпадению от лоскутной габсбургской монархии [53]. Австрия в интересах своей империи,— писал немного позднее один русский дипломат,— должна принести в жертву будущее христианского населения Балкан. Освободительное движение балканских народов ставило ее перед вопросом: «Быть или не быть державой первого порядка» [54].

Британский Форин оффис к вопросу объединения Дунайских княжеств отнесся сперва настороженно, а затем и явно враждебно. Турция превратилась в сферу эксплуатации британского капитала. Безостановочно рос вывоз туда товаров из Англии. На султана в Лондоне смотрели как на уполномоченного английского капитала. Принцип сохранения «целостности» и «неприкосновенности» Османской империи был положен в основу британской политики на Балканах. Для национально-освободительной борьбы балканских народов не оставалось места в этой схеме, ибо лондонское Сити хотело господствовать на рынках Османской империи и обезопасить себе путь в Индию.

Что касается позиции царизма, то он опасался социальных перемен в Молдове и Валахии. В Петербурге прекрасно понимали, что Франция надеялась утвердить-

[52] *A. D. Xenopol.* Istoria românilor din Dacia Traiană, v. XII, ed. III, Buc., f. a., p. 221—222.
[53] АВПР, ф. Канцелярия, 1856, д. 224, л. 137.
[54] АВПР, ф. Гл. архив, V-А2, 1857, д. 170, л. 49.

ся в новом государстве, и это усиливало здесь настороженность. Однако существовали более веские доводы в пользу поддержки объединения.

Становилось очевидным, что нужно пересматривать методы политики на Балканах. Практиковавшиеся при Николае нажим и прямое военное вмешательство не годились. Царское правительство поэтому вновь готовилось выступить в качестве «освободителя балканских народов от мусульманского ига» и поборника их национального движения. Оно не могло начать эту роль с голосования против объединения Молдовы и Валахии.

Самым опасным в тот момент представлялось усиление Австрии на Балканах. Утверждение австрийского господства на Дунае означало провал всей балканской политики царизма, проводившейся начиная с Петра I. Вена хотела иметь дело со слабыми разрозненными государствами, чтобы доминировать над ними. Петербург пытался дать отпор этим поползновениям. Представитель царского правительства на Парижском конгрессе А. Ф. Орлов высказался поэтому за объединение [55].

После жарких прений конгресс пришел к половинчатому решению. О создании единого государства в подписанном мирном договоре даже не упоминалось. Было постановлено созвать в Яссах и Бухаресте чрезвычайные собрания (диваны) с участием всех сословий, чтобы узнать мнение населения о будущем государственном устройстве княжеств, окончательную разработку которого державы взяли на себя. С этой целью в Париже должна была собраться особая конференция.

* * *

Протоколы чрезвычайных собраний Валахии и Молдовы и принятые ими «Пожелания» — важнейший документ истории общественно-политической мысли в княжествах, несмотря на обстоятельства, мешавшие депутатам высказаться во весь голос.

«Пожелания» сводились к следующему: уважение прав княжеств, в особенности их автономии; объединение Молдовы и Валахии в одно государство под назва-

[55] О позиции России и других держав на Парижском конгрессе по вопросу об объединении Дунайских княжеств см. *В. Н. Виноградов.* Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961.

нием Румыния; установление наследственной монархии, для чего предполагалось пригласить на престол иностранного принца; провозглашение постоянного нейтралитета; предоставление законодательной власти народному собранию (порядок выборов в «Пожеланиях» не определялся) [56]. Принятый валашским собранием документ предусматривал создание представительного правительства.

Три характерных признака отличали работу диванов. Прежде всего надо отметить деловую обстановку, почти полное отсутствие многочасовых и тем более многодневных споров. Десятилетняя идеологическая и агитационная подготовка не прошла даром. Вопрос о реформах был решен в принципе еще до того, как митрополиты, председательствовавшие на заседаниях в Яссах и Бухаресте, предоставили слово первым ораторам. На защиту режима Органических регламентов не встал никто.

Второе, на что следует обратить внимание,— это отказ румынской буржуазии и примыкавших к ней помещиков от былых республиканских увлечений и прочих «крайностей». Видный унионист К. Хурмузаки говорил: «Противники наши называют нас революционерами, ибо мы не хотим увековечивать нынешнее положение вещей. А что это означает? Что мы должны увековечивать? Деморализацию, коррупцию, непотизм, бесстыдные пороки?» «Мы требуем объединения, ибо объединение дает силу, сила обеспечивает безопасность, безопасность приводит к доверию, доверие воодушевляет и двигает вперед торговлю и цивилизацию» [57].

Выступивший в дискуссии Михаил Когэлничану поддержал своего коллегу: «Мы должны показать Европе, что не желаем превратиться в Китай и не мечтаем о социальной республике, а хотим создать европейское общество, обеспечивающее все условия для социального прогресса,— свободу совести, равенство перед законом, уважение личности, жилища и собственности» [58]. Он заверял: «Настоящее собрание проникнуто стремлением успокоить, а не волновать умы» [59].

---

[56] «Acte şi documente relative la istoria renaşterii României» VI/1, p. 68; VI/2, p. 22—34.
[57] Ibid., p. 72.
[58] Ibid., p. 96.
[59] Ibid., p. 126.

В обоих собраниях не раздалось ни одного голоса против введения наследственной монархии. В Валахии Д. Брэтиану, возглавив муниципалитет Бухареста, организовал факельное шествие к зданию французского консульства в день «тезоименитства» Наполеона III.

Третье, что бросается в глаза при изучении документов обоих собраний,— это явное стремление большинства депутатов отложить решение самого важного социального вопроса, аграрного, до более спокойных времен. Валахи вообще высказались за обсуждение внутренних проблем после объединения. На первый взгляд все выглядело внушительно: собрание давало понять, что не признает за державами-«покровительницами» права разрабатывать планы реформ в Дунайских княжествах, что это дело самих румын. Даже те круги в княжествах, которые сознательно и планомерно вели курс на их объединение «сверху», начинали тяготиться навязанной им опекой европейского ареопага.

Но это же решение позволяло отложить на неопределенный срок обсуждение аграрного и избирательного законов, что неминуемо привело бы к крайнему обострению социальных конфликтов в стране.

Руководители молдавского дивана тоже стремились прежде всего консолидировать силы, укрепить устои своего господства в объединенном княжестве. Однако в Яссах отсрочить дискуссию по наболевшему аграрному вопросу не удалось. Михаил Когэлничану писал в связи с этим Думитру Брэтиану: «Каждый из нас должен учитывать сложившиеся местные обстоятельства. У вас не было наместников вроде Балша и Вогоридеса [60], которые в течение почти двух лет прилагали все усилия для того, чтобы вспыхнула революция. Следовательно, вы не знаете, к каким несчастным последствиям привела бы попытка ограничиться изложением политических пожеланий. С этого времени большинство крестьян прекратило бы работу на бояр». Зачем же осложнять ситуацию? «...Говорю вам, что наше внутреннее положение столь критическое, что если бы мы решились ограничиться пожеланием объединения, произошла бы крестьянская революция, под угрозой которой,— скажем это в скобках,— мы находимся и ныне» [61].

[60] Балш и Вогоридес — турецкие наместники (каймакамы) в Молдавском княжестве в 1856—1858 гг., крайние реакционеры.

[61] *M. Kogălniceanu.* Texte social-politice alese. Buc., 1967, p. 204.

Итак, отложить обсуждение аграрной проблемы в Яссах не удалось. Депутаты молдавского чрезвычайного собрания, 15 крестьян-барщинников, внесли на его рассмотрение свои требования. Приведем несколько выдержек из этого замечательного документа.

«До сих пор самые тяжелые обязанности выпадали на нашу долю... Мы платили большой подоходный налог; только мы предоставляли людей для войска; мы одни содержали исправников, судей, надзирателей и жандармов; мы одни строили дороги, мосты и шоссе». Крестьяне приводили длинный перечень лежавших на них повинностей по отношению к помещикам. «Лишь нас,— писали они,— продавали, лишь мы ели горький, черный хлеб, пропитанный слезами; только нам доставались побои; все тяготы ложились на нас... В этой стране нет ни рудников, ни мастеров, нет, как в других государствах, многочисленных ремесленников; все ее богатства, все достояние добыто нашими руками и нашими мотыгами» [62].

Однако, продолжали депутаты, никогда крестьянин, кормилец всей страны, не знал ни прав, ни справедливости. Его били и над ним издевались исправники и надсмотрщики, жандармы и сборщики налогов, смотрители и управляющие поместьями, арендаторы и сами бояре. Крестьяне не знают, принадлежит ли им скот и урожай. Барщина растет непрерывно: «Работаем от весны до осени, от первого снега и до наступления стужи — и все на барщину. Работаем, сколько предписывает закон, а чаще гораздо больше этого, не останавливаясь ни в праздники, ни в будни» [63]. А собственные поля находятся в запустении, и бурьян душит на них кукурузу. До введения Органического регламента им предоставляли 15 га и больше земли. Теперь крестьянин, имеющий двух волов, получает не больше 6 га.

Крестьян никогда не приглашали участвовать в выработке законов. Этим занимались одни господа бояре. Несмотря на все это, крестьянские представители выражали готовность забыть прошлые обиды и притеснения. С большим чувством собственного достоинства они указывали, что крестьяне должны стать полноправными гражданами, что должен быть положен конец издевательствам над ними, побоям и расправам без суда и следствия.

[62] «Acte şi documente», VI/1, p. 343.
[63] Ibid., p. 344.

Вслед за этим крестьяне выдвигали свое основное требование — отмену барщины и всех других феодальных повинностей, как узаконенных, так и налагаемых помещиками по всему произволу. Они соглашались при этом на выкуп: «Пусть будет общественное собрание с участием и наших людей, пусть оно разберется и решит вопрос о правах боярских и наших, и что страна найдет нужным, мы заплатим своим пóтом, чтобы человек избавился от рабства и стал хозяином своего дома, очага и поля, чтобы усердно его обрабатывал и чтобы выкупил его» [64].

По существу крестьянские требования носили умеренный характер: они довольствовались предоставлением им в собственность тех участков, которые обрабатывали, и соглашались при этом на выкуп. Возможно, сказывалось то обстоятельство, что членами молдавского дивана были лишь представители зажиточной части деревни. Нельзя не отметить полного совпадения их взглядов с программой, выработанной Николае Бэлческу [65].

Депутаты верили, что удастся в добром согласии договориться по этой жизненно важной для них проблеме. «Господь бог надоумил семь держав» [66] пригласить и их на совет. Они выражали пожелание, чтобы весь народ жил в мире, братстве и спокойствии на земле предков. В этих успокоительных заявлениях сказывалась незрелость крестьянской идеологии.

Выступление крестьянских делегатов повергло в ужас заседавших в диване помещиков. Были приняты все меры предосторожности, чтобы «мятежный» документ не стал достоянием гласности. Его отпечатали в немногих экземплярах — лишь для сведения членов дивана. Решено было вообще вне его стен о меморандуме не упоминать [67]. Однако из разных уездов поступали сведения о распространении меморандума, ссылаясь на который барщинники все чаще отказывались работать на бояр [68].

[64] Ibid., p. 346.

[65] См. стр. 63 настоящей книги.

[66] Т. е. участниц Парижского конгресса — Россию, Турцию, Францию, Австрию, Англию, Пруссию и Сардинию.

[67] Отчет драгомана русского консульства об 11 заседании молдавского дивана 9.XI 1857 г.— АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, 1857, д. 1054, л. 745.

[68] «Studii», 1959, N 1, p. 134—135.

Большинство крупных землевладельцев в диване выступило с резкой критикой крестьянских требований. Зачитавший его ответ Константин Хурмузаки метал громы и молнии. Предложения крестьян, утверждал он, не были запротоколированы должным образом, а посему их следует рассматривать как попытку людей, «не имеющих иной цели, кроме нарушения общественного спокойствия, воспользоваться неграмотностью сельских депутатов и попытаться внедрить подрывные принципы, дабы разжечь разногласия между помещиками и крестьянами» [69]. Далее следовало обвинение авторов меморандума в «коммунистических тенденциях».

С редким цинизмом бояре утверждали, будто причиной жалкого состояния деревни являлись лишь злоупотребления правительства и властей. Барщины, по их утверждению, в княжествах вообще не существовало; а слово «boeresc» означало лишь ежегодную плату — в форме труда — за предоставленный участок земли, которую они считали слишком низкой. Предложения крупных землевладельцев сводились к тому, чтобы лишить крестьян права пользования землей (на основе «уважения» к боярской частной собственности), а затем по «добровольному» согласию сдать крестьянам ту же землю в аренду на условиях, по сравнению с которыми барщина выглядела бы умеренной [70].

Нелегко пришлось в комитете нескольким реформаторам во главе с Когэлничану. Обнаружившийся со всей очевидностью антагонизм с крестьянами грозил отбросить помещиков в лагерь сепаратистов. Когэлничану бросился их успокаивать. В написанном им меморандуме меньшинства крупных землевладельцев осуждалось заявление крестьянских депутатов как «извращавшее существовавшие отношения между помещиками и крестьянами». В нем заявлялось: бояре не раз подавали пример великодушия, а ныне «встали во главе национального движения». Многозначительное указание о желательности найти такое решение, которое не ущемляло бы помещичьих «прав», должно было успокоить бояр [71].

---

[69] «Acte şi documente», VI/1, p. 349.

[70] Меморандум большинства комитета крупных землевладельцев молдавского дивана см. «Acte şi documente», VI/1, p. 349—359.

[71] Мнение меньшинства комитета крупных землевладельцев см. «Acte şi documente», VI/1, p. 359—360.

С особым мнением в собрании выступили мелкие землевладельцы (свободные крестьяне и мелкопоместное боярство). Они предложили ввести наследственную аренду с точно зафиксированной рентой в деньгах либо в виде отработок [72].

Почти месяц на закрытых заседаниях дивана шло сражение. Когэлничану выступал в нем в роли примирителя, доказывая нелепость обвинений крестьян в «коммунизме», призывая помещиков руководствоваться не страхом, а здравым смыслом, взывая к спорящим: «Наш долг, наш патриотизм должны положить конец этому беспокойству». Он осудил крестьян: «Страна не просвещена, не подготовлена к подобной реформе». Нужно время, чтобы изучить вопрос, привыкнуть к идее об отмене феодальных повинностей. «Верю в патриотизм помещиков! Верю в здравый смысл барщинников!» [73] — закончил Когэлничану свое выступление 18 декабря 1857 г.

При голосовании ни одно из предложений не собрало необходимого числа голосов. Решение проблемы откладывалось, что отвечало замыслам руководителей движения за объединение княжеств.

Так закончилась эта полемическая схватка между помещиками и крестьянами, показавшая непримиримость существовавших разногласий, диаметральную противоположность помещичьих и крестьянских взглядов.

Валашское собрание, учитывая как опыт своей страны (работа комиссии по земельному вопросу в 1848 г.) [74], так и совсем свежий — в соседней Молдове, приложило немалые усилия, чтобы не допустить обсуждения крестьянского вопроса. Две попытки, предпринятые сельскими депутатами, потонули в призывах к единству нации [75]. И. Брэтиану и другие опытные демагоги сыграли на любви крестьян к родине, их стремлении к объединению княжеств. Прошло три года, прежде чем Национальное собрание уже объединенной Румынии в гораздо бо-

---

[72] «Acte şi documente», VI/1, p. 363—366.
[73] Ibid., p. 409—416.
[74] См. стр. 31 настоящей книги.
[75] «Acte şi documente», VI/2, p. 84—85, 382, 384.

лее благоприятной для буржуазии и помещиков обстановке и без всякого участия крестьян вновь обратилось к аграрной проблеме.

* * *

В мае 1858 г. в Париже собралась новая конференция держав по вопросу о княжествах. После четырехмесячных споров, в августе, она приняла сложный, запутанный документ, имевший мало общего с выраженными двумя диванами пожеланиями безусловного объединения двух стран, слияния их в одно государство под названием Румыния.

Каждое княжество должно было иметь своего господаря, отдельное правительство и собрание. Законы, представлявшие общий интерес, вырабатывала специальная, общая для Молдовы и Валахии центральная комиссия, но принимали их собрания раздельно. Молдове и Валахии дали наименования «Соединенных княжеств» [76].

Быстро и без разногласий был решен вопрос о порядке выборов в собрания, которым надлежало избрать князей. Вводился высокий имущественный ценз. Право голоса получили лишь люди с крупными доходами (особенно в городах). Для крестьян, рабочих, ремесленников двери ассамблеи были закрыты. Князь обладал обширными правами — санкционировал все законы и мог наложить вето на любой из них; он же вносил законы в собрание, назначал всех служащих, обладал правом помилования.

Данью новым веяниям явилась зафиксированная в конвенции отмена всяких классовых преимуществ и монополий. Боярские звания были отменены. Помещики должны были потесниться и пустить к кормилу власти верхушку буржуазии. Сословные преимущества заменялись привилегией богатства: среди пятимиллионного населения княжеств менее 4 тыс. человек отвечали требованиям имущественного ценза, установленного конвенцией для избирателей.

---

[76] Конвенцию о создании «Соединенных княжеств Молдавии и Валахии» см. *Ф. Мартенс.* Указ. соч., стр. 360—377.

Аграрного вопроса европейские законодатели не затрагивали. Они ограничились тем, что призвали будущие собрания Молдовы и Валахии пересмотреть существовавшие отношения между помещиками и крестьянами с целью улучшить положение последних.

Положительным в конвенции было сравнительно полное определение прав Молдовы и Валахии в их сношениях с Портой: «...Княжества осуществляют самоуправление свободно и без всякого вмешательства Порты в рамках, установленных по договоренности держав-гарантов с сюзеренным двором»[77]. Эти положения, достигнутые в немалой степени благодаря усилиям русской дипломатии[78], в известной мере гарантировали княжества от хозяйничанья Турции и стоявших за ее спиной Англии и Австрии. И в данном случае заинтересованность царского правительства в ослаблении Оттоманской империи и в подрыве австрийского влияния на Балканах объективно совпадала со стремлением обоих княжеств к созданию единого государства. Обеспечение автономии являлось необходимой предпосылкой объединения. Недаром этот пункт стоял первым в ряду пожеланий общих чрезвычайных собраний.

Конвенция явилась плодом борьбы и соперничества великих держав, но не документом, отражающим чаяния населения княжеств. Представители британского кабинета и Луи Наполеона, пользовавшегося в княжествах дутой репутацией защитника «принципа национальностей», вместе с уполномоченными самодержца всероссийского, кайзера Австрии и прусского короля пытались распоряжаться его судьбами.

Неудивительно, что парижские решения вызвали в Молдове и Валахии глубокое разочарование. Упования либералов на благие намерения Запада оказались напрасными. И тогда родилась мысль о том, чтобы обойти августовскую конвенцию 1858 г. и осуществить объединение вопреки европейскому ареопагу, в котором ни сторонники, ни противники этой меры не могли взять верх. Самым подходящим путем для этого казалось из-

[77] Статья 2-я Парижской конвенции. См. *Ф. Мартенс.* Указ. соч., стр. 363.

[78] Меморандум представителя России о привилегиях и иммунитетах Дунайских княжеств.— АВПР, ф. Канцелярия, 1858, д. 116, лл. 401—410.

брание в Яссах и Бухаресте одного князя, а затем постепенное слияние государственного аппарата.

В Молдове успех на выборах в собрание сопутствовал унионистам. Но затем начались трудности. Среди самих унионистских депутатов царил раздор. Разбитые на многочисленные группы и кружки, они сходились лишь в стремлении к объединению княжеств. Количество кандидатов в господари достигло 38. Стремясь разрядить надвигающийся кризис, некоторые из них во главе с Когэлничану сняли свои кандидатуры. Однако тупик не был преодолен.

Противоречия между двумя оставшимися кандидатами казались неразрешимыми. Костаке Негри, лидер демократически настроенных кругов, выступал за решение аграрного вопроса с наделением крестьян землей. Барбу Катарджиу, руководитель консервативно настроенных помещиков, заявлял, что он и его сторонники не уступят свои голоса человеку, который «отнимет» земли у бояр. На совещании 3(15) января 1859 г. в Яссах, затянувшемся до ночи, было впервые названо имя полковника Александру Иона Кузы. Он сразу же получил большинство голосов, а при повторной процедуре за него высказались все присутствующие.

Куза к тому времени был уже широко известен в княжествах. Выходец из старого боярства, он был связан с буржуазией и либеральными помещиками. Он имел репутацию человека твердого и принципиального, держался в стороне от группировок и не выставлял своей кандидатуры в господари, что делало его приемлемым для соперничающих элементов, надеявшихся на то, что им в будущем удастся оказывать на князя влияние.

Избрание Кузы было определено ночным голосованием. Унионистам, обладавшим большинством в собрании, оставалось лишь официально оформить этот акт. 5 января 1859 г. Куза был избран на молдавский престол [79].

Жители Ясс приветствовали избрание Кузы. «Я никогда не наблюдал подобного энтузиазма,— писал свидетель,— большая улица была полна народа... В течение четырех дней город был иллюминирован, и при све-

---

[79] «Acte şi documente», v. VIII. Buc., 1900, p. 340—345.

те 400—500 факелов проходили демонстрации, участники которых поздравляли князя» [80].

* * *

Совсем иная обстановка сложилась в Валахии. Многие активные унионисты не могли быть избраны из-за высокого цензового барьера. Местной реакции, «воодушевленной» решениями Парижской конференции, удалось одержать на выборах в собрание верх. Однако судьба короны решалась не только в зале митрополии в Бухаресте, где собрались депутаты. В дело вмешался народ. Эмиссары унионистской партии заранее начали агитацию в кварталах ремесленников и в окрестных селах. С рассвета 22 января у холма, на котором стоит здание митрополия, собралось 20 тыс. человек — ремесленники, приказчики, мелкие торговцы, учащаяся молодежь. Позже в толпу влились крестьяне, выделявшиеся своими белыми сермягами.

Депутаты-консерваторы с опаской пробирались в зал. Обстановка накалялась с каждый часом. 23 января народ проник за стену, окружавшую митрополию; многие явились в зал заседаний. Раздавались крики: «Долой тиранов!», «Да здравствует свобода!» [81] Батальон пехоты, стоявший во дворе, не оказывал ни малейшего сопротивления. «Народ и войско,— писал свидетель, русский журналист Елисицын,— действовали заодно, с той только разницей, что первые открыто, а последние — тайно» [82]. Французский консул Беклар, описывая обстановку, употребил слово «восстание» [83]. Вечером того же дня в городе начались столкновения с жандармами.

В таких условиях напуганные консерваторы вынуждены были отказаться от выдвижения кандидатов на престол. В ночь на 24 января на собрании депутатов — сторонников унии было высказано предложение избрать и в Валахии князем Александру Иона Кузу. После бурного обсуждения оно прошло.

---

[80] «Studii», 1959, N 1, p. 35.

[81] Описание событий: *M. Adăniloaie, M. Vlad.* Rolul maselor în făurirea Unirii.— «Studii», 1959, N 1.

[82] *А. Елисицын.* Избрание в молдо-валахские господари Александра Иоанна Кузы. Одесса, 1861, стр. 61.

[83] «Acte şi documente», v. IX. Buc., 1901, p. 270.

Утром 24 января, когда в митрополии собрались все депутаты, В. Бореску предложил провести тайное заседание. Поскольку оно считалось неофициальным, протокола не велось. Однако из сообщений печати видно, что Бореску взывал не только к патриотизму присутствующих, но и к их классовым интересам. Он указал, что предотвратить «анархию» можно, лишь отказавшись от выставления соперничающих кандидатов и выдвинув человека, олицетворяющего объединение — Александру Кузу [84]. Доводы его показались консерваторам убедительными. На официальном заседании все 64 депутата высказались в пользу Кузы. Весть об этом была радостно воспринята в столице. Город был иллюминирован, вечером началось народное гулянье.

Объединение де-факто двух княжеств поставило перед державами вопрос о его признании. Русский генеральный консул в Бухаресте Н. К. Гирс, очевидец и внимательный наблюдатель событий, полагал: «...Нам действительно следовало бы, если возможно, поддержать выбор Кузы — уже только потому, что этим разрушаются все турко-австрийские козни. Если, как я полагаю, французы горячо выскажутся за это дело, то нам бы следовало от них не отставать, ибо в противном случае им одним будет честь и слава от румынов, над которыми нам по соседству и для непредвиденных обстоятельств всегда надо иметь доброе влияние» [85]. В Петербурге разделяли его мнение. Три обстоятельства побуждали царских сановников к признанию двойного избрания Кузы. Во-первых, нежелание обострять внутреннее положение в Молдове и Валахии. «Возможно,— писал вице-канцлер А. С. Горчаков,— люди, полагающие, что в княжествах речь идет о выборе между объединением и анархией, не ошибаются» [86]. Во-вторых, российские правители не желали выступать в качестве врагов движения за объединение. В-третьих, они не хотели лить воду на мельницу своих австро-турецких соперников, поддерживавших сепаратизм.

Очередная конференция послов в Париже после долгих проволочек признала (сентябрь 1859 г.) объедине-

[84] «Naţionalul», 25.I 1859; «Acte şi documente», VII. Buc., 1892, p. 654.
[85] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1859, д. 1529, л. 683.
[86] АВПР, ф. Канцелярия, 1859, д. 143, л. 348.

ние княжеств, но только на время жизни А. И. Кузы. Непомерная затяжка ее работы (5 месяцев!) объяснялась тем, что три представленные на конференции государства — Франция, Сардиния и Австрия «успели» повоевать друг с другом. Поражение одного из самых упорных противников унии Молдовы и Валахии, Габсбургской империи, похоронило всякие надежды на то, что против Кузы удастся предпринять что-нибудь действенное, и стамбульское правительство, скрепя сердце, утвердило двойное избрание.

Первый и важнейший этап битвы был выигран. Но предстояло сделать немало, а именно, превратить личную унию двух стран не только в прочный союз, но и в единое государственное образование.

Умело используя разлад в «европейском ареопаге», Куза стал проводить политику свершившихся фактов. Глава княжеств проявил качества незаурядного дипломата. Он использовал народное движение за полное объединение княжеств, чтобы сломить сопротивление Европы. Он высказал при этом самый веский в глазах иноземных реакционеров аргумент, а именно, что административное объединение и аграрная реформа необходимы для того, чтобы предотвратить «насильственный взрыв». Волнения летом 1859 г. среди доробанцев [87] и пограничников, выступления горожан осенью 1860 г. в Крайове и Плоешти, вызванные тяжестью налогов, казалось, подтверждали правоту князя [88]. В декабре 1861 г., преодолев сопротивление Стамбула, он смог, наконец, официально провозгласить государственное объединение Дунайских княжеств [89]. Еще через месяц, в январе 1862 г., Куза открыл сессию единого Национального собрания в Бухаресте. Во дворец он возвращался пешком. Улицы были заполнены ликующими жителями. Тяжелая борьба увенчалась победой. Родилось единое румынское государство.

---

[87] Доробанцы — солдаты, исполнявшие полицейскую службу.

[88] *D. Berindei.* Frămîntările grănicerilor şi dorobanţilor in jurul formării taberei de la Floreşti.— «Studii», 1957, N 10; *idem.* Frămîntările oraşeneşti din Noiembrie 1860 în Ţara Românească. Tulburările de la Claiova şi Ploeşti.— «Studii şi articole de istorie». I. Buc., 1956.

[89] О борьбе за завершение объединения Дунайских княжеств см. *Е. Е. Чертан.* Русско-румынские отношения в 1859—1863 гг. Кишинев, 1968.

Борьба по вопросу о буржуазных реформах

Политическая жизнь в только что родившемся государстве била ключом. Мало было провозгласить унию. Надо было осуществить ее на деле, создать единую политическую и административную организацию, разработать общее законодательство, провести буржуазные реформы. И разногласия, загонявшиеся внутрь долгие годы, неминуемо должны были всплыть на поверхность.

Положение осложнялось тем, что Конвенция 1858 г. навязала княжествам реакционный избирательный закон, делавший помещиков хозяевами Национального собрания.

Обнаружились и противоречия иного плана. Радикальные группировки, близкие к Кузе по взглядам на необходимость проведения реформ, решительно расходились с ним в политических воззрениях. Они хотели бы превратить Румынию в парламентское государство, глава которого царствовал бы, но не управлял [90]. С этим князь был решительно не согласен. Напротив, он стал проявлять явные признаки стремления к личной власти. Оппозиция радикальных кругов толкала его к консерваторам, на которых он пытался опереться в политическом плане. Но опорой ему они служить не могли, ибо буржуазный реформатор Куза не находил общего языка с реакционерами-помещиками. Признанный глава радикалов К. А. Росетти охладел к князю, а затем перешел на открыто враждебные позиции. Его газета «Ромынул» обрушивалась на имевшие место нарушения гражданских свобод и упрекала княжеское правительство в отказе от поддержки польских и венгерских эмигрантов-революционеров. Это вызывало репрессии властей. Сам Росетти дважды сидел в тюрьме, газета «Ромынул» в конце концов была закрыта.

Сложное переплетение внешних и внутренних противоречий порождало крайнюю неустойчивость обстановки в стране, непрерывные конфликты в парламенте, столкновения между парламентом и правительством. Министерская чехарда не прекращалась. Осуществление реформ требовало денег; рост налогов тяжелее всего сказывался на положении малоимущих городских

---

[90] АВПР, ф. СПб., Гл. архив, 1—9, оп. 8, д. 10, 1857—1867, л. 559.

слоев, ремесленников и мелких торговцев, вызывая недовольство, вылившееся в открытые выступления в Плоешти и Крайове. И надо всем нависал главный вопрос — крестьянский.

Румынское государство унаследовало от Дунайских княжеств тяжелый груз обремененных феодальными пережитками порядков — крайнюю отсталость экономики, почти полное отсутствие фабричной промышленности, феодальную собственность бояр на землю, барщинный труд бившейся в тисках нужды деревни, рутинную технику в земледелии. Село, хотя и плохо, себя кормило, одевало и обувало. Внутренний рынок был узким, ощущался недостаток в свободных рабочих руках. В создавшихся условиях без ломки феодальных отношений путь вперед был закрыт.

Терпение румынской деревни истощалось. Участились случаи отказа работать на помещиков, тайных порубок лесов, нарушения границ участков, поджога боярского имущества. В январе 1862 г., т. е. сразу после завершения объединения, вспыхнуло крупное восстание в окружающих Бухарест селах. Возглавил повстанцев Мирча Малаеру, бывший крестьянский депутат в чрезвычайном собрании Валахии в 1857 г. 10 тыс. крестьян, вооруженные дубинками и топорами, двинулись к столице, грозя перерезать горло «кровопийцам», требуя земли и, явно под влиянием агитации радикалов,— всеобщего избирательного права. Они разогнали отряд жандармов, жестоко избив при этом командовавшего отрядом субпрефекта. Навстречу повстанцам было выслано несколько рот пехоты и эскадрон кавалерии, которые разогнали восставших, потерявших несколько человек убитыми, и произвели аресты. Движение удалось подавить сравнительно быстро: крестьяне верили в то, что Куза освободит их от боярского ига и наделит землей [91].

Между тем обсуждение аграрного вопроса шло черепашьим шагом.

Расстановка сил на политической арене значительно отличалась не только от существовавшей в 1848 г., когда революционная демократия имела выдающегося вождя в лице Николае Бэлческу, но даже от 1857 г., когда

[91] АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, 1862, д. 1098, лл. 8—10; *N. Iorga.* Mişcarea ţărănească din 1862 (acte ale poliţiei din Bucureşti).— «Revista istorică», 1937, N 7—9, p. 210—216.

барщинники выступили в Молдавском диване со своим знаменитым меморандумом. Державы-«покровительницы» позаботились о том, чтобы «глас народа» не раздавался в учреждении, именовавшемся Национальным собранием. Установленный Парижской конвенцией 1858 г. имущественный ценз допускал в него помещиков и часть крупной буржуазии [92].

С точки зрения либералов, массы, сыграв свою роль в объединении княжеств, должны были удалиться со сцены. В их поддержке больше не было нужды. Их вмешательство могло лишь затруднить достижение договоренности с консерваторами-помещиками и скомпрометировать намечавшееся «деловое» сотрудничество.

Революционно-демократическое течение в стране не исчезло, его олицетворяли крестьянские массы со своими требованиями. Но как политическое направление оно перестало существовать и возродилось лишь в следующем десятилетии, уже в ином качестве — как один из оттенков домарксистского социализма. В парламенте все депутаты хотели достичь полюбовного соглашения. И если обсуждение аграрного вопроса даже в этой обстановке вылилось в серию ожесточенных столкновений, то это объяснялось упрямством консервативных помещичьих группировок, не желавших создавать мало-мальски сносных условий для капиталистического предпринимательства.

Не желая обострять отношения с державами и наталкиваясь на каждом шагу на сопротивление консерваторов, Куза решил продемонстрировать умеренность и поставил во главе первого правительства объединенных княжеств руководителя валашских консерваторов Барбу Катарджиу. Радикальные группировки негодовали, дело дошло до уличных демонстраций в Бухаресте.

Разумеется, от Катарджиу и боярского большинства собрания нечего было ожидать сколько-нибудь последовательного решения аграрного вопроса. Суть представленного правительством летом 1862 г. проекта сводилась к следующему: освободить крестьян от земли, превратить их в обездоленных, целиком зависящих от помещиков арендаторов. Правда, провести эту линию

---

[92] В Бухаресте на 120 тыс. жителей насчитывалось 308 избирателей (*V. Netea.* Op. cit., p. 243).

до конца депутаты не решались: помещик за выкуп должен был предоставить общине землю из расчета от 0,75 до 1,5 га на семью. Но эта уступка не меняла сущности грабительского для крестьян проекта [93].

Бой консерваторам дал Михаил Когэлничану, возглавивший объединенную оппозицию либералов и радикалов. Два года шла парламентская «битва».

Пожалуй, наиболее выпукло позиция Когэлничану вырисовалась в знаменитой речи, произнесенной 25 мая 1862 г. в Национальном собрании.

«Ни один вопрос,— сказал он, поднявшись на трибуну,— не требует для своего решения так много патриотизма, понимания, справедливости и одновременно самоотречения, как великая реформа, которую мы призваны осуществить... Реформу тяжелую и мучительную, завещанную нам предками как фатальное наследство. Да, господа, фатальное наследство!» Когэлничану призвал депутатов не превращать земельный вопрос, «с которым связано столько важных интересов... в оружие нападения или обороны» (другими словами, не использовать его в партийных целях). Но решать его надо незамедлительно, чтобы, как надеялся оратор, «воцарились среди нас спокойствие, мир и всеобщее счастье».

К огорчению Когэлничану, оказалось, что консерваторы («защитники собственности», по его терминологии) выработали свой проект: «Хороший ли, плохой ли, но проект существует! А другая партия (т. е. либералы.— *В. В.*) ограничилась критикой... С болью говорю, что защитники крестьян выступили с одними речами, речами прочувствованными, обоснованными, но которые, не будучи претворены в точный проект, не предлагали ничего практического для решения вопроса». Когэлничану был явно озадачен подобным поведением своих коллег [94]. Он еще не воспринимал его как показатель го-

---

[93] «Istoria Românei», IV. Buc., 1964, p. 344—347.

[94] В опубликованных в 1860 г. «Принципах» либералы ограничивались следующей декларацией: «Выработка справедливого закона в отношениях между землевладельцами и земледельцами-крестьянами в духе конституции (т. е. конвенции от 6(18) августа 1858 г.— *В. В.*), которая предусматривает улучшение их участи» (*V. C. A. Rosetti.* Op. cit., p. 149). В парламентской дискуссии 1862 г. ни К. А. Росетти, ни И. Брэтиану не участвовали: воспользовавшись первым подходящим предлогом, они отказа-

товности к капитуляции. Осудив «негативную позицию либералов», Когэлничану выступил против боярских планов лишить крестьян земли, подвергнув их всесторонней критике. Прежде всего он указал на их незаконность: «Крестьяне не пролетарии, не поденщики и не простые арендаторы в наших поместьях. Они имеют право жить и кормиться в этих имениях, они пользуются правом узуфрукта на определенную, установленную законом часть земли; изгнав их полностью или частично с этих земель, которые они обрабатывали сотни лет, которые удобрены и политы их потом, а часто и кровью,— значит совершить величайшее беззаконие века...» «Напрасно, услышав эти слова, некоторые из вас крикнут мне: коммунизм, социализм и бог знает что еще! Всем хорошо известно, что мы любим и уважаем собственность и считаем ее основой общества, самым мощным стимулом цивилизации и укрепления национальности, и встанем на ее защиту, если она подвергнется нападению».

Когэлничану говорил о жестокости внесенного проекта: «...Господа, если ныне принадлежащих погонов едва хватает для содержания семьи,— что же крестьянин будет делать с одним, двумя, тремя погонами [95], которые, как я слышал, некоторые из вас в порыве скаредного великодушия предлагают ему во владение!

Бедные крестьяне! До сих пор им на спину взваливали один мешок; после предложенных вами улучшений их будет два! Вы готовы освободить крестьянина от цепей, но с непременным условием — снять с него одновременно и сапоги!»

Когэлничану заверял слушателей, что преисполнен умеренности: «Я требую для наших крестьян, свободных, как говорят, того, что император Александр II и русское дворянство сделали для рабов, для крепостных. Вы не можете сказать, что вас толкают на проведение коммунистических или социалистических мер; от вас добиваются решения, подобного тому, что было принято в самом консервативном государстве Европы...»

От уговоров Когэлничану перешел к запугиванию: «Собственность,— втолковывал он в головы упрямым ретроградам,— лишь там пользуется уважением, только там

лись от своих мандатов. (*L. Patrăşcanu.* Un veac de frămîntări sociale, p. 249).

[95] Погон — мера площади, около 0,5 га.

обеспечена, где у нее много защитников, где собственники проявляют достаточно патриотизма и ума, чтобы лично возглавить проведение реформы, сделать уступки, необходимые ради пользы и общего блага страны; иначе произойдет ужасная катастрофа, первой жертвой которой станут они же». Когэлничану повторил слова лидера умеренных французских либералов эпохи 1848—1849 гг. Одилона Барро: «Коммунистические и подрывные идеи рождаются и развиваются быстрее всего там, где крестьяне лишены собственности и низведены до уровня пролетариев и даже колонов». Поэтому оратор категорически выступил против намерения лишить крестьян земли как «деспотического и чреватого беспорядками».

Когэлничану взывал к справедливости оппонентов, их здравому смыслу, классовому благоразумию, уговаривал их и пугал. Все было напрасно.

Буржуазный реформатор не находил с боярами общего языка. Он был готов договориться, но не за счет полного отказа от принципов; для него реформы стояли на первом плане, он был убежден в их необходимости; он считал существующее положение не только позорным и постыдным, но и смертельно опасным для самих помещиков. Консерваторы же хотели сохранить и свои безбрежные поля, и примитивное земледелие, и рутинное хозяйство, и в то же время увеличить доходы.

Призывы Когэлничану не произвели ни малейшего впечатления на боярское большинство законодателей. Премьер Барбу Катарджиу обвинил Когэлничану в том, что тот следует примеру братьев Гракхов, Томаса Мора, Кампанеллы, Сен-Симона и других, столь же «страшных» для реакционеров людей. Умеренные взгляды своего оппонента глава правительства назвал «химерой с головой голубя и телом змеи». Румынского крестьянина премьер сравнил с «добровольным Диогеном», который терпеливо ждет, когда же будет решена его судьба, а попытку ограбить крестьянство, лишив его земли, Катарджиу охарактеризовал как стремление к «свободе, единству и режиму полюбовных сделок» [96].

---

[96] *M. Emerit.* Les paysans roumains depuis le traité d'Adrianople..., p. 465—467.

Едва успели закончиться дебаты, как на Катарджиу было совершено покушение. Он был убит, когда выезжал со двора митрополии, в помещении которой заседало собрание. Убийцу отыскать не удалось. Молва приписывала этот безумный шаг какому-то фанатику-радикалу, возмущенному реакционным курсом правительства [97].

Позиция большинства депутатов после этого стала еще более непримиримой. В середине июня 1862 г. собрание приняло выработанный консерваторами аграрный закон и передало его на утверждение князя [98]. Тот, понимая, что подобную реформу можно навязать деревне только силой, отказался подписать закон, а вскоре дал отставку правительству и призвал к власти «умеренного» консерватора Николае Крецулеску. Новый кабинет, окрещенный «правительством среднего пути», отличался инертностью и находился в почти непрерывном конфликте с палатой. И отстраненные от управления и недовольные провалом своего аграрного проекта сторонники Барбу Катарджиу, и радикальные группировки образовали оппозицию.

Постепенно в борьбе с князем оформлялся тот союз, который получил название «чудовищная коалиция», таким противоестественным казался сговор либералов и радикалов с частью реакционных помещичьих группировок для свержения Кузы. Причем с самого начала это сотрудничество осуществлялось на почве уступок почти исключительно с либеральной и радикальной стороны.

Стоя «в принципе» за республику, радикалы на деле способствовали учреждению в стране иноземной династии взамен «тирана» Кузы. В угоду новым союзникам либералы «умерили» свои взгляды по аграрному вопросу. В 1863 г. И. Брэтиану сетовал на то, что «крестьянин вбил себе в голову, что помещики — причина всех зол в стране. Идет ли град, льет ли дождь — все это потому, что помещики владеют землей». Он советовал повременить с реформой, подождать, пока рассеются «предрассудки», и затем «спокойно и хладнокровно» об-

---

[97] «Revista istorică», 1940, N 11—13, p. 21.
[98] «Studii Universitatis Babeș-Bolyai». Cluj, 1961, f. 1, p. 107—138; «Studii», 1964, N 3, p. 534—539.

судить вопрос [99]. Росетти не проявлял своей обычной активности, но призывал в своей газете «Ромынул» уважать собственность «во всей ее полноте» [100].

Вероятно, многим радикалам не приходило тогда в голову, что намечавшийся сговор отражал глубинные процессы в недрах румынской буржуазии, ее стремление к союзу с помещиками не по отдельным проблемам, какими бы значительными они ни были, а по всему комплексу социальных вопросов.

Куза решился тогда на государственный переворот. За четыре года правления он сменил 21 министерство. Он стремился положить конец неустойчивости в государственных делах и усилить свою личную роль. Его планы состояли в том, чтобы снизить имущественный ценз, создать зависимый от него государственный совет и ограничить полномочия палаты, лишив помещиков доминирующего положения в ней [101].

В октябре 1863 г. Куза приступил к осуществлению своего замысла и поручил Когэлничану формирование правительства. Правда, между князем и его первым министром на первых порах возникли тактические разногласия. Куза хотел, не мешкая, распустить собрание. Когэлничану уговорил господаря воздержаться от столь поспешных действий и предпринять попытку провести бюджет, закон об аграрной реформе и другие акты, не прибегая к силе. По его настоянию тронная речь была составлена в примирительных тонах. В декабре парламентом был принят закон о секуляризации монастырских земель. Этот акт имел громадное значение, если учесть, что монастырские земли составляли четверть сельскохозяйственной площади княжества и являлись здесь одним из оплотов феодализма. При этом очень умеренное вознаграждение было предоставлено лишь за имущество «преклоненных монастырей», принадлежавших греческой церкви.

Закон был принят с глубоким удовлетворением. Крестьяне надеялись, что после осуществления аграрной реформы эти земли перейдут к ним. Не возражали и по-

---

[99] *E. Lovinescu.* Istoria civilizaţiei române moderne, v. I. Buc., 1925, p. 215—216.

[100] Цит. по: *L. Pătrăşcanu.* Op. cit., p. 252.

[101] АВПР, ф. СПб. Гл. архив, оп. 8, д. 10, 1857—1867, лл. 582—583.

мещики, рассчитывая, что реформа будет проведена прежде всего за счет государственных владений, а их имения останутся в целостности и сохранности. Закон поэтому прошел в Национальном собрании почти единогласно. Был принят уголовный кодекс, создан государственный совет, проведены законы о школьном образовании и т. д. Но стоило в повестке дня собрания (апрель 1864 г.) появиться проекту аграрной реформы, как «доброму согласию» между палатой и правительством пришел конец.

Консерваторы обрушились на внесенный Когэлничану проект, предусматривавший выкуп крестьянами земли, которой они владели. «Крайней уступкой», на которую они шли, было предоставление крестьянам не более чем по 2 га земли на двор, причем предлагалось, чтобы подобное «наделение» производилось из государственных фондов, только что пополненных монастырскими землями. Князь Д. Гика, выступая от имени консервативного большинства, назвал внесенный правительством проект «поджигательским» и «развязывающим гражданскую войну». Радикалы, лавируя между правительством и консерваторами, представили свой проект, более умеренный, чем предложенный Когэлничану закон, и предусматривавший более тяжелые для крестьян условия выкупа.

Демонстрируя свою непримиримость, большинство палаты выразило недоверие кабинету Когэлничану. Куза отказался принять его отставку.

2 мая заседание открылось в обстановке надвигавшегося кризиса. Депутаты знали, что у Когэлничану имеется княжеский декрет о роспуске собрания. Это их не остановило. В. Бореску внес предложение, означавшее отказ работать с правительством [102]. В зале стоял невообразимый шум, когда Когэлничану, поднявшись на трибуну, попытался огласить декрет господаря. Ему так и не удалось перекричать бесновавшихся реакционеров, и он ограничился тем, что вручил бумагу председателю. Подтянутая заранее к зданию парламента рота солдат заняла помещение, очистив его от депутатов. Некоторые из них, в страхе перед арестом, выпрыгивали из окон [103].

[102] См. АВПР, ф. СПб., Гл. Архив, оп. 8, д. 10, 1857—1867, лл. 684—686.

[103] Там же, лл. 679—682.

В тот же день Куза издал манифест, обвинив «мятежную олигархию» в стремлении лишить земли три миллиона крестьян, и призвал народ помочь ему в установлении режима «свободы и равенства». Он предлагал одобрить новый избирательный закон, снижавший избирательный ценз и предоставлявший избирательные права средней и мелкой городской буржуазии, и некоторые другие законы, ограничивавшие полномочия палаты и расширявшие прерогативы княжеской власти. В целом нововведения напоминали конституцию Луи-Наполеона. Основная часть либералов отнеслась к перевороту отрицательно. Куза явно нарушал принцип, положенный в основу их политики: союз с помещиками. Но проведенный через несколько дней плебисцит дал громадное большинство в пользу князя, народ, и в первую очередь крестьяне, давали ему мандат на проведение аграрной реформы [104].

Руки у Кузы были развязаны. Чтобы ослабить оппозицию, он закрыл радикальную «Ромынул» и некоторые другие газеты. А в августе того же 1864 г. был принят закон об аграрной реформе.

Надо сказать, что с «мятежной олигархией» два реформатора-помещика, Когэлничану и Куза, обошлись чрезвычайно мягко. Ее материальные интересы были учтены в полной мере. Наделение производилось в первую очередь за счет государственных фондов, пополненных незадолго до этого монастырскими владениями. У помещиков отрезали всего 1200 тыс. гектаров, или менее четверти их общей площади. Участки до 5,5 га в Валахии и 7,3 в Молдове получила лишь зажиточная верхушка деревни, крестьяне, имевшие по 4 и более голов рабочего скота (72 тыс. хозяйств из 468 тыс. «наделенных»). 202 тыс. середняков имели право выкупить в среднем по 4,4 га. Бедняки (134 тыс.) стали собственниками наделов по 2,9 га. Почти 60 тыс. семей могли приобрести лишь приусадебные участки. На крестьян был наложен тяжелый выкуп (800—1500 лей), в зависимости от надела, что в полтора-два раза превышало действительную стоимость земли [105].

---

[104] *A. D. Xenopol.* Istoria Românilor..., v. XIV. Buc., f. a., p. 10.

[105] *N. Adăniloaie, N. Berindei.* La réforme agraire de 1864 et son application. Buc., 1966, p. 32, 46.

На этих условиях было объявлено об отмене барщины и всех феодальных повинностей, переходе земель в собственность крестьян и даже провозглашена свобода труда.

Закон совершенно обошел свободных крестьян (резешей в Молдове и мошненов в Валахии), которых насчитывалось свыше 200 тыс. и которые страдали от малоземелья. После проведения реформы в руках крестьян всех категорий, как наделенных, так и обойденных, оказалось лишь 30% обрабатываемых земель.

В условиях экстенсивного земледелия Румынии той поры минимум земли, нужный крестьянину для ведения самостоятельного хозяйства, составлял 5 га. Такая площадь требовалась, чтобы прокормить семью, обеспечить фуражом скот и, продав часть урожая, внести налоги и сделать самые необходимые покупки. Менее четверти «наделенных» получили такие участки. Все прочие, избавившись от бича барщины, попали в тиски малоземелья. Засуха 1865 г. нанесла их хозяйствам большой ущерб.

Началась трагедия пореформенной румынской деревни. Крестьяне опасались остаться на зиму без запасов, недоимки взыскивались силой, в деревни направлялись карательные отряды.

Русский консул в Яссах И. Лекс сообщал: «Экзекуции крестьянского населения Молдавии для уплаты податей и поземельных повинностей продолжаются. В некоторых селах Бакевского, Васлуйского, Окненского и Пьятровского уездов царане (крестьяне.— *В. В.*) не хотели платить за землю, прося, чтобы их перевели в прежнее положение.

Вообще положение царан самое плачевное. Урожай хлебов нынешнего года был весьма плохой, сена вовсе почти нет, скот продается нипочем, а между тем подати страшные: все это заставляет бояться серьезных беспорядков, которые здешнему правительству будет трудно потушить, так как беспорядки эти будут повсеместные» [106].

Донесение было отправлено в начале октября 1865 г. А через два с половиной месяца тот же Лекс сообщал, что в северных уездах Молдовы «крестьяне решительно

---

[106] АВПР, ф. Главный архив, V-А2, 1865, д. 1160, л. 77.

умирают с голода». Голодная румынская деревня не могла служить социальной опорой князю Кузе.

Реформу 1864 г. постигла обычная судьба половинчатых мероприятий: она вызвала ожесточение всех заинтересованных сторон. Озлобив и ожесточив помещиков, она не удовлетворила и не успокоила крестьян.

Специфика создавшегося в Румынии положения заключалась в том, что Куза, буржуазный реформатор, потерял поддержку и влиятельных слоев буржуазии.

Как уже говорилось, торговый капитал здесь был тесно связан с помещичьим землевладением. То же самое можно сказать и о крепнущем промышленном капитале — развивалась в те годы преимущественно пищевая и легкая индустрия, использовавшая в качестве сырья продукты сельского хозяйства.

К сближению с помещиками толкали крупную буржуазию всех оттенков и политические факторы. Уроки бурного двадцатилетия, начавшегося революцией 1848 г., научили ее превыше всего ценить «порядок» и «спокойствие». В союзе с помещиками рассчитывала она обрести условия для совместной эксплуатации народных масс. Если ее экономическим интересам и отвечало проведение буржуазных реформ, в том числе и в сельском хозяйстве, то политические расчеты побуждали не торопиться, действовать осторожно и с оглядкой. Куза и Когэлничану в известной мере преступили эту заповедь. Оппозицию основной части либералов проведению даже половинчатой реформы было бы неверно сводить к борьбе за власть и политиканству, хотя и эти факторы сыграли свою роль.

Принятый в это время гражданский кодекс, в значительной степени заимствованный из кодекса Наполеона I, способствовал развитию и укреплению буржуазной собственности. На французский образец была реорганизована административная система страны: в уездах созданы префектуры, в городах — муниципалитеты, деревни и села объединены в коммуны, усовершенствован суд. Симпатии господаря к наполеоновской Франции проявлялись не только в политике, но и во внешних экономических сношениях, и французские капиталисты, говорилось в русской дипломатической переписке, «под предлогом наставления княжеств на путь цивилизации, захватили здесь монополии и эксплуатируют страну...»

Буржуазные реформы имели и свою оборотную сторону; они породили целую армию чиновников. Дорого обходилось народу и содержание армии. Налоги росли, как на дрожжах. Росли и недоимки, достигнувшие в 1866 г. 30 млн. лей. Чиновники и офицеры месяцами сидели без жалованья, пенсионерам не выплачивали полагавшегося содержания, а кредиторам государства — причитавшихся процентов [107].

Оппозиция князю росла, причем и радикально-мелкобуржуазная. Последняя подогревалась неразберихой и казнокрадством в административном аппарате, тяжестью налогов, взимаемых с мелкой и средней буржуазии, многочисленными нарушениями гражданских свобод и склонностью князя к установлению режима личной власти. Вожди радикалов были недовольны недостаточно энергичной, с их точки зрения, поддержкой национально-освободительного движения на Балканах. Власти отвечали гонениями на печать и судебными преследованиями.

Сотрудничество Кузы и Когэлничану продолжалось недолго. Окружавшие князя клевреты раздували его тщеславие и стремление к личной власти. Воспользовавшись первым же удобным случаем, он отстранил Когэлничану от власти. Ему на смену пришли малоавторитетные и непрочные правительства, причем явственно выявилось стремление Кузы опереться на умеренно-консервативные элементы.

Политические противники учитывали ослабление позиций Кузы. В августе 1865 г. оппозиция, воспользовавшись недовольством налогами, спровоцировала уличные беспорядки в столице, подавленные армией. Было убито 20 человек, много ранено и арестовано [108]. Паутина заговора распространялась все шире. Он охватил людей, выступавших с противоположных позиций в 1848 г. и в борьбе за объединение княжеств. Бывшие противники подали друг другу руки для свержения А. И. Кузы.

Осенью 1865 г. бывший участник валашской революции, бывший радикал, бывший член возглавлявшегося Джузеппе Мадзини Европейского демократического ко-

---

[107] АВПР, ф. Канцелярия, 1866, д. 35, лл. 17, 16.
[108] «Istoria României», IV. Buc., 1964, p. 391.

митета И. К. Брэтиану отправился за границу — подыскивать иноземного принца на румынский престол.

В ночь с 10 на 11 февраля толпа заговорщиков ворвалась в спальню князя А. И. Кузы и заставила его подписать акт об отречении. Куза удалился в изгнание.

* * *

Общественно-политический строй Румынии, оформившийся в годы правления «чудовищной коалиции», породил определенный социально-психологический климат и дал толчок общественной мысли. Развитие последней нельзя уяснить, не отталкиваясь от социально-экономической действительности Румынии той поры с ее общественной практикой. Конечно, социальная мысль не могла представить себе общество таким, каким оно оказалось во времена «чудовищной коалиции»,— с вопиющими контрастами бедности и богатства, с переплетением феодального и капиталистического гнета в деревне, с рабочим классом, лишенным элементарных прав, с неграмотностью $^{9}/_{10}$ населения, с коррупцией, разъедавшей государственный аппарат сверху донизу, с показной парламентской системой и безраздельным хозяйничаньем в стране нескольких помещичьих и капиталистических семейств. Социальный идеал выступал как абстракция классовых пожеланий. А классовая борьба вносила в схему свои поправки, и то общество, которое отцам представлялось в виде царства свободы, равенства и братства, предстало перед детьми как воплощение (используя выражение из социалистического манифеста 1906 г.) нищеты, рабства и позора.

Переворот 1866 г. и создание «чудовищной коалиции» было внешним проявлением вполне закономерного процесса — оформления в Румынии блока буржуазии и помещиков для сохранения и укрепления своего классового господства. Верность союзу соблюдалась вплоть до 1944 г. Изменялось соотношение сил в его рамках. Сперва тон задавали полуфеодалы — помещики. Затем на авансцену вышла промышленная и финансовая буржуазия. Боярские отпрыски постепенно переходили на рельсы капиталистического хозяйствования. Острие блока на первых порах было направлено против крестьянства. По-

том его характер изменился, и объектом главного удара стал рабочий класс. Но тесное сотрудничество крупной буржуазии с помещичьим землевладением сохранялось.

Союз победоносного капитала с потерпевшими поражение феодалами — не исключение, а скорее правило в истории. В. И. Ленин писал об этом процессе: «Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самодеятельности, инициативы и энергии простонародья, т. е. крестьянства и особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т. е. направить против самой буржуазии то оружие, которым снабдит их буржуазная революция, ту свободу, которую она даст, те демократические учреждения, которые возникнут на очищенной от крепостничества почве» [109].

История свидетельствует о глубоком «внимании», которое буржуа проявлял к своему «брату по собственности», помещику... Пионерами их союза выступили британские капиталисты. Почти двести лет после революции XVII в. британская буржуазия управляла экономикой, а земельная аристократия вершила политику. Вплоть до 1832 г., когда предприниматели и купцы выступили против «гнилых местечек», парламент, дипломатия, армия находились в руках титулованных и нетитулованных лэндлордов. Звон тогда еще полновесных гиней отвлекал торговцев от мыслей о политической власти.

Но аристократия управляла в интересах буржуазии. Более того, она сблизилась с буржуазией в главном — в способе производства. Жертвой этого союза стали английские крестьяне. Гордые йомены, предки которых отважно сражались в полках «железнобоких» Оливера Кромвеля, исчезли с лица земли как класс, распав-

---

[109] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 38.

шись на предпринимателей — фермеров и сельскохозяйственных рабочих.

Германия и Россия, как и Румыния, на протяжении XIX в. не знали победоносной буржуазной революции. Переход к капитализму осуществлялся здесь «по договоренности» с земельной аристократией, путем постепенных дозированных реформ «сверху». И мы наблюдаем не «бурю и натиск» со стороны капитала, а смирение и готовность к сделке.

Царизм, отменив крепостное право в 1861 г., спустил революцию на тормозах. Социально-экономический строй России постепенно приспосабливался к потребностям капиталистического хозяйства. «Перемены производились медленно, без общего замысла, от случая к случаю» [110]. Но все же процесс шел неуклонно. Помещичьи «вишневые сады» гибли под топором капиталистического предпринимательства. Скорбные строки И. А. Бунина о запустении старинных дворянских усадеб знаменовали конец целой эпохи.

Российский торгово-промышленный капитал вполне удовлетворялся возможностью грабить «освобожденного» крестьянина и инородцев вновь присоединенных областей. Робкая либеральная оппозиция исходила не из этих кругов, а от обуржуазившегося дворянства. Но от него нельзя было ожидать борьбы против важнейшего пережитка капитализма — помещичьего землевладения. С полным уважением относилась она и к самодержавию. Русские либералы выступали за спокойное мирное развитие без взрывоопасных толчков и конституционных экспериментов. Они были готовы ограничиться, по словам К. Д. Кавелина, «хоть тенью общественной свободы» [111]; и удивлялись твердолобому упрямству царизма, не желавшего ее предоставить.

Немецкая буржуазия готова была пресмыкаться перед знатью. Образ верноподданного бюргера Дидриха Геслинга, созданный Генрихом Манном, стал символическим. В. И. Ленин по праву охарактеризовал германский империализм как юнкерски-буржуазный,— столь важные позиции в экономике, политике и армии сохранила за собой дворянская каста.

---

[110] «История СССР», т. V. М., 1968, стр. 119.
[111] Там же, стр. 197.

Но и во втором рейхе дворянами проводился буржуазный курс. Об этом свидетельствовал и бурный рост промышленности, и начавшаяся колониальная экспансия, и вызов, брошенный тогда еще гордой «владычице морей», Британии. Да и сами юнкеры втянулись в капиталистическое предпринимательство. Их поместья превратились в фабрики по производству зерна, мяса, сала, сахара, шнапса.

Так что союз буржуазии и помещиков — не диковинка в истории, а ее закономерность, проявлявшаяся в каждую эпоху и в каждой стране в присущем ей своеобразии.

В чем же специфика этого союза в Румынии? Подобный вопрос все чаще задают себе советские и румынские историки. Увлеченные изучением проблем классовой борьбы, революционной и национально-освободительной борьбы, они долгое время ограничивались общей характеристикой проходивших «наверху» процессов [112], не уделяли необходимого внимания исследованию общественно-политического режима, оценивая его в целом как буржуазно-помещичий. Лишь в самые последние годы в Румынии предприняты попытки более детального анализа, появились два исследования на эту тему [113]. В Бухаресте в 1969 г. состоялась дискуссия о социально-политическом режиме Румынии в 1864—1918 гг. В ходе ее предлагалось внести в общее определение те или иные уточнения, иногда значительные. Так, Г. Захария высказал предположение, что в Румынии существовал «буржуазный режим в процессе консолидации». По мнению В. Потон, «буржуазный режим» здесь опирался на союз между буржуазией и помещиками. Н. Якош высказывался безоговорочно в пользу существования в старой Румынии буржуазного общественно-политического режима [114]. Однако большинство участников дискуссии выступило против пересмотра устоявшегося, зафиксированного в документах компартии определения. Автор этих строк тоже считает, что в пе-

---

[112] См., например: «История Румынии. 1848—1917». М., 1971; «Istoria României», vol. IV. Buc., 1964.

[113] *T. P. Lungu.* Viaţa politica în România la sfîrşitul secolului al XIX-lea. Buc., 1967; *A. Iordache.* Viaţa politica în România 1910—1914. Buc., 1972.

[114] «Anale de istorie», 1969, N 4, p. 172, 180—181.

ресмотре термина нет нужды, ибо устранение из двуединой формулы — буржуазно-помещичий — одного из ее компонентов не разъясняет, а смазывает специфику общественно-политических процессов в Румынии.

Для этой страны характерен двойной процесс: не только помещики шли к капиталистическому производству, но и буржуазия приспосабливалась — и приспособилась — к значительным пережиткам феодализма, сохранившимся в румынской деревне. Можно сказать, что и здесь у нее были предшественники. В. И. Ленин недаром называл «прусским» тот путь развития капитализма, при котором и в экономической, и в социальной жизни в наибольшей степени проявлялись черты средневековья: «Крепостник-помещик становится юнкером. На десятилетия укреплена помещичья власть в государстве. Монархия. «Обшитый парламентскими формами военный деспотизм» вместо демократии. Наибольшее неравенство в сельском и остальном населении» [115].

Но румынские буржуа опередили даже прусских юнкеров в уступках феодализму и научились извлекать выгоду из их сохранения. Они эксплуатировали крестьянство не только с помощью рынка, но и самым непосредственным образом, как землевладельцы. Румынский буржуа или был по происхождению помещиком, или, разбогатев, покупал имение и становился им. Это предопределило затянувшийся на многие десятилетия мучительно трудный для крестьянства процесс изживания пережитков феодализма в сельском хозяйстве; это тормозило развитие промышленности; это вызвало к жизни те уродливые явления в общественно-политической жизни, коими «прославилось» Румынское королевство.

Нехватка земли у подавляющей части крестьянских дворов вскоре после реформы 1864 г. стала фактором, определившим развитие аграрных отношений. Малоземелье привязывало крестьян к барскому хозяйству не менее прочными узами экономической зависимости, чем существовавшие ранее феодальные цепи. В Румынии получила распространение отработочная система, при которой, по определению В. И. Ленина, «...помещичья земля обрабатывается не помещичьим инвентарем, не наймом рабочих, а инвентарем крестьянина, *закабален-*

[115] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 227.

ного соседним помещиком. А идти в кабалу приходится мужику потому, что помещик отрезал себе лучшие земли, посадив мужика на «песочек», загнав его на нищенский надел» [116].

Дешевый отработочный труд глушил у помещиков интерес к поискам новых, капиталистических путей хозяйствования. Он владел землей и мог извлекать огромный доход, не затрачивая ни гроша. Земледелие продолжало доминировать в экономике страны. Либералы сами свидетельствовали об этом: «Сельское хозяйство по сей день представляет единственный и величайший источник нашего национального достояния», и хлопотали о «точном и своевременном исполнении сельскохозяйственных контрактов» [117].

Значит ли это, что румынский капитал капитулировал перед полуфеодалами-помещиками, и в стране снова — как это случилось в 30-е годы, после принятия Органических регламентов,— сменились лишь формы феодальной эксплуатации? Нет. Румыния переходила на рельсы капиталистического развития, переходила бесповоротно, но столь медленно и трудно, что у современников возникали сомнения в том, что этот переход действительно совершается. Под влиянием подобных настроений идеолог реформистского крыла социал-демократии К. Доброджану-Геря назвал даже социально-экономический строй пореформенной Румынии «неокрепостничеством».

Малочисленность, слабость румынской буржуазии приводили к тому, что она вела наступление не по всему фронту, а на отдельных его участках, стремясь прежде всего сконцентрировать в своих руках более или менее значительные капиталы, развить по мере возможности промышленное производство, наладить кредитно-банковскую систему. И аграрная реформа 1864 г., несмотря на всю свою ограниченность, способствовала этим процессам, содействовала развитию производительных сил. Общая площадь обрабатываемой земли возросла за 15 лет в полтора раза (1859 г.— 2,2 млн. га, середина 70-х годов — 3,5 млн.). Усилилось расслоение крестьян-

---

[116] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 130.

[117] Либеральная программа 1867 г.— *V. C. A. Rosetti.* Amintiri istorice. Buc., 1889, p. 183, 184.

ства. Росло число сельскохозяйственных рабочих с наделом и без него — авторы закона 1864 г. оставили без земли 108 тыс. семей. Увеличился приток рабочей силы в города. Население столицы в 80-е годы достигло 200 тыс. Быстро росли порты Галац и Брэила, через которые шел вывоз хлеба. Число мануфактур и фабрик возросло с 39 (1866 г.) до 173 (1877 г.). Строились крупные паровые мельницы, механизированные лесопилки. Михаил Когэлничану стал владельцем текстильного предприятия, на котором было занято более ста человек. Немалая часть доходов, выколоченных помещиками с крестьян с помощью отработок, вкладывалась в индустрию.

В Румынию началось усиленное проникновение иностранного капитала. Иностранцы получили концессии на производство и продажу табачных изделий; вкладывали деньги в судоходство и особенно в строительство железных дорог (протяженность которых превысила в 1877 г. 1200 км); в банковские операции и государственные займы (долги Румынии уже в 1875 г. в пять раз превышали ее бюджет и продолжали расти с угрожающей быстротой) [118].

Пионером освоения румынского рынка выступил британский капитал: за ним следовали французы. С воцарением в Румынии Гогенцоллерна стрелка политического компаса повернулась к Германии и Австро-Венгрии. Это имело и крупные экономические последствия. Центральные державы и здесь оттеснили соперников на второй план.

Развитие капитализма захватило и деревню. Отработочная система несла в себе элементы собственной гибели: помещики, наращивая арендную плату, опутывая крестьянина новыми поборами, разоряли деревню. Отработки предполагали существование среднего крестьянина с рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем, указывал В. И. Ленин [119]. Без него они просто немыслимы. Но при сложившихся в Румынии условиях аренды и размерах оплаты труда перед массой крестьянства открывался лишь путь медленного и мучительного «раскрестьянивания». Размывалась прослойка серед-

---

[118] См. «История Румынии. 1848—1917», стр. 173, 176, 186, 188.
[119] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 173.

няков. Бедняк заменить середняка не мог, зажиточный же крестьянин неохотно шел на отработки, предпочитая денежную аренду.

Постепенно помещики, познакомившись с передовым по тем временам сельскохозяйственным производством в Западной Европе и убедившись в его несомненных преимуществах, обзаводились инвентарем, рабочим скотом и начинали хозяйствовать по-новому. В деревне крепла прослойка «серых» баронов. Капитализм, таким образом, пробивал себе дорогу и в сельском хозяйстве.

Интересы крупной буржуазии и крупных землевладельцев Румынии тесно переплетались; верхушка этих двух классов слилась в единую буржуазно-помещичью олигархию, вершившую всеми делами в стране, и это сказалось и в идеологии, и в политике.

Былые республиканцы молчали во время поисков преемника низложенному князю. Выбор организаторов переворота пал на представителя боковой ветви известной своими реакционными традициями прусской династии, Карла Гогенцоллерн-Зигмарингена. Министр иностранных дел Маврогени в беседе с русским консулом Оффенбергом заявил от имени нового князя: «Призвав на престол Гогенцоллерна, румыны должны понять, что время политических авантюр и подрывных замыслов миновало» [120].

Оффенберг растаял от удовольствия и в донесении в Петербург самым лестным образом отозвался об одушевленном столь благими, на его взгляд, намерениями юноше, который сменил на престоле беспокойного и внушавшего опасения Кузу.

Консул, правда, тут же выразил тревогу, как бы «ужасное окружение» во главе с лидером либералов Ионом Брэтиану не сбило неопытного молодого человека с пути истинного. Царская дипломатия не могла простить Брэтиану его участия в революции 1848 г., а затем сотрудничества с Мадзини. За стремительной эволюцией румынского капитала петербургское ведомство иностранных дел не поспевало. Отсюда — просчеты в оценке настроений буржуазных кругов. А в это время И. Л. Брэтиану клялся в верности союзу с помещиками: «Мы, правые и левые, ранее бывшие врагами... увидев,

---

[120] АВПР, ф. Канцелярия, 1866, д. 35, л. 210.

что опасность подступает к порогу Румынии, забыли все наши споры...» [121] Либералы выражали готовность дать доказательства, что Румыния больше не станет очагом интриг и действий, «угрожающих спокойствию соседних государств» [122], заявляли о преданности наследственной монархии [123] и призывали установить «в обществе политический мир» [124].

Бывшие бояре в известной мере учитывали интересы своих партнеров. Главари переворота, устранившего с политической арены А. И. Кузу, заверяли, что не помышляют об отмене аграрной реформы 1864 г. Они понимали, что обратного пути нет, что в ответ на посягательство на только что полученные земли в деревне прозвучит всеобщий набат. Разразившееся в 1866 г. восстание граничар (крестьян, несших пограничную службу) служило грозным предупреждением.

Румынская буржуазия в свою очередь засвидетельствовала свою верность союзу рядом акций. В самый год переворота парламент, без возражений со стороны либералов, принял «Закон о сельскохозяйственных договорах и их исполнении» для урегулирования отношений между крестьянами и помещиками, по которому крестьянин мог арендовать землю, в которой остро нуждался, только у «своего» помещика и только к нему наниматься на работу. В случае нарушения принятых обязательств землевладелец мог прибегать к помощи сельского старосты (примаря) и стражников, чтобы заставить «свободного» крестьянина работать. Но и этого оказалось мало, чтобы обезопасить землевладельцев от «неповиновения». В 1872 г. закон был дополнен положением, по которому власти обязаны были ловить «нарушителей», сажать их под стражу и с помощью солдат гнать их на поля. Как видим, помещики не отказались от внеэкономического принуждения. По свидетельству К. А. Росетти, 95% румын этим законом были поставлены вне закона.

---

[121] Речь И. К. Брэтиану в парламенте 11.II 1863 г.— *L. Pătrăşcanu.* Op. cit., p. 257.
[122] Из программы либеральной партии 1863 г.— *V. C. A. Rosetti.* Op. cit., p. 157.
[123] Из программы 1866 г.— Ibid., p. 166.
[124] Из программы 1867 г.— Ibid., p. 184.

«Созревание» коалиции сказалось и в сфере идеологии. Буржуазная общественная мысль вступила в полосу упадка. Изменились ее функции. Раньше она звала вперед, служила оружием прогресса. В ее актив можно занести всестороннюю и обоснованную критику феодализма, начиная с его экономического базиса и кончая идеологической и политической надстройкой. Она показала, применительно к румынским условиям, экономическую целесообразность и историческую прогрессивность капиталистических отношений и боролась за создание благоприятных условий для их роста вширь и вглубь. Велики ее заслуги в идеологической разработке проблем национального освобождения.

Ахиллесовой пятой румынской буржуазной идеологии эпохи ее подъема являлся реформизм. Как только она обращалась к поискам социального идеала, классовый инстинкт подсказывал ей, что революционный путь опасен. Союз с помещиками наложил отпечаток на всю систему ее аргументации. Отсюда — доказательство будто бы иноземного происхождения молдо-валашского феодализма; попытки обосновать право Дунайских княжеств на объединение не принципом народовластья, не признанием законности революционного пути, а будто бы существовавшими договорами с Османской империей; крайняя робость в подходе к узловому вопросу, аграрному; готовность удовлетвориться созданием минимально необходимых условий для развития капиталистического предпринимательства.

Но, несмотря на все эти слабости и недостатки, общественно-политическая мысль молдо-валашской, а затем румынской буржуазии являлась в 40—50-х и даже начале 60-х годов в основе своей прогрессивной. С приходом к власти «чудовищной коалиции» множатся признаки ее нисхождения. На первый план чем дальше, тем больше выступают оправдательные функции. Правда, надо сказать, что идеология не поспевала за быстрым поправением основных прослоек румынской буржуазии и ее переходом в лагерь реакции. Если для 40—50-х годов характерно, как уже отмечалось, тесное взаимодействие идеологии и политики и социальные проекты быстро воплощались в политические программы, то в 60-е годы между ними появился определенный разрыв. Относительная самостоятельность идеологии проявилась,

в частности, в том, что правовые нормы вырабатывались в соответствии с представлениями румынской буржуазии периода ее подъема. Открыто посягать на буржуазно-демократические свободы властители Румынии тогда не решались — отсюда возникло и широко распространилось характерное для страны явление — несоответствие между буквой закона и реальным положением. Борьба за соблюдение формально существовавших законодательных норм стала одной из важнейших задач демократических сил. Мишурный блеск конституционных свобод прикрывал бесконтрольное хозяйничание в стране олигархии. Либеральная фразеология сочеталась в Румынии с реакционностью, с беспощадным угнетением рабочих и крестьян, с готовностью залить города и села кровью ради укрепления господства этой олигархии. «Так народились в Румынии шарлатанский либерализм и капитализм, уникальный по своему отталкивающему двуличию»,— писала позднее рабочая газета «Лупта зилникэ» [125].

В 1866 г. в стране была принята конституция по образцу бельгийской 1831 г. В конституции провозглашались фундаментальные «права и свободы граждан». Она предусматривала свободу печати и собраний, представительную систему правления, ответственность правительства перед парламентом и разделение властей.

Все это осталось на бумаге. «Свободы» нарушались на каждом шагу. О «парламентской системе правления» в Румынии можно было говорить разве что в насмешку. Ответственности министерства перед национальным собранием не существовало. Князь (с 1881 г.— король) назначал министров по своему усмотрению, а затем правительство проводило выборы, будучи заранее уверено в успехе. Власти на местах, не останавливаясь перед насилием, обманом, подлогом, обеспечивали правящей партии подавляющее большинство.

Усилившийся монархизм помещиков и буржуазии привел к предоставлению широких прав короне: князь назначал и смещал министров, утверждал все законы, командовал армией.

Реакционная сущность конституции проявилась в избирательном законе. Первые две коллегии по выборам

---

[125] «Lupta zilnică», 27.XI 1915.

в палату депутатов состояли из помещиков [126]; в третью входила городская буржуазия. Рабочие и крестьяне, составлявшие четвертую коллегию, формально имели право посылать путем двухстепенных выборов несколько депутатов в нижнюю палату. На деле их «представляли» те же помещики и буржуа. Избирательными правами в сенат обладали только очень богатые люди. В рамках союза господствующих классов перевес находился на стороне помещиков, и конституция отразила этот факт.

Промышленная буржуазия была еще очень немногочисленна. Она насчитывала всего несколько десятков семей. В плане экономическом она была заинтересована во всемерном развитии индустрии. Это определяло ее позицию по многим политическим вопросам. Она тяготилась зависимостью от Турции и, в частности, прикованностью к оттоманской таможенной системе, требовала создания благоприятных условий для национальной промышленности, отстаивала принцип протекционизма во внешней торговле. Ее поддерживала средняя и мелкая буржуазия, кровно заинтересованная в расширении внутреннего рынка и выступавшая более решительно.

Разумеется, нельзя сводить положение к прямолинейной схеме: помещики и буржуазия. Жизнь была сложнее этой формулы. Помещиков поддерживали влиятельные прослойки торговой, ростовщической, арендаторской буржуазии, и за это надо было «платить». Поэтому никогда ни одно из консервативных правительств, опиравшееся на помещиков, не проводило «чисто помещичьей» политики. В консервативных кругах зарождались группировки, представлявшие землевладельцев-предпринимателей капиталистического типа. Боярское происхождение, неприязнь к псевдодемократической фразеологии и карьеристские соображения мешали их слиянию с либералами. Самым влиятельным из них было общество жунимистов, или младоконсерваторов, представителей своего рода юнкерства в Румынии [127]. Но в главном, по отношению к крестьянам, городским низам, а затем и к окрепшему рабочему классу, партнеры по

[126] На деле от этих коллегий избирались и капиталисты, являвшиеся одновременно крупными землевладельцами.

[127] Общественно-политические воззрения жунимистов рассмотрены ниже, см. стр. 226—244 настоящей книги.

коалиции действовали сообща, их общие интересы всегда брали верх над частными соображениями отдельных прослоек. И политический кризис 1870—1871 гг. подтвердил это с полной очевидностью.

Происходившая тогда франко-прусская война вызвала в Румынии немалые социальные потрясения. Сочувствие довольно широких кругов общественности — интеллигенции, учащейся молодежи, части низшего офицерства принадлежало Франции, остававшейся для них оплотом гражданских свобод.

Поведение «пруссака на престоле», князя Карла Гогенцоллерна, открыто выражавшего симпатии соотечественникам, воспринималось как провокация. Росли антидинастические настроения. Радикальная пресса воспевала республику и громила коронованных тиранов. Готовились выступления против Карла в столице, Крайове, Плоешти и военном лагере Фурчени [128]. Но широкого заговора не получилось. Участвовавших в нем офицеров смутили быстрые победы прусского оружия, и у них отпала охота к переворотам. Открытое выступление, быстро и легко подавленное, состоялось лишь в Плоешти [129].

Князь Карл почувствовал себя на коне. Конституционные прерогативы его стесняли, внешняя обстановка складывалась благоприятно для перехода в наступление. 15 (27) января 1871 г. в «Аугсбургер Аллгемайне Цайтунг» появилось сенсационное письмо Карла вымышленному другу. Оскорбляя страну, он писал, будто «румыны не могут похвалиться гражданскими добродетелями» и что народ «не хочет, чтобы им руководили, и не может руководить собой сам». Все несчастья проистекали, по мнению Карла, от излишнего либерализма. За этим прозрачным намеком на его намерения следовала угроза отречения [130].

В Румынии откровения монарха вызвали глубокое возмущение. Казалось, правительство будет сметено. Но не так были настроены законодатели. Палата депутатов, заслушав маловразумительное выступление премьера Иона Гики, приняла резолюцию, в которой говорилось,

---

[128] «Istoria României», v. IV, p. 554.
[129] АВПР, 1870, оп. 470, д. 16, лл. 77—79.
[130] Письмо приведено: *T. Maiorescu.* Istoria contemporană a României. Buc., 1925, p. 25—27.

что депутаты тронуты этими разъяснениями и преисполнены преданности трону и конституции [131]. Всего несколько человек осмелились протестовать против провокационных действий Карла.

А вскоре, воспользовавшись стычкой между учащейся молодежью и членами немецкой колонии Бухареста, князь в самой грубой форме дал отставку правительству Иона Гики — как не справившемуся с положением. Парламент со смирением и почти единодушно подчинился монаршей воле [132], и это показывало настроения, царившие во влиятельных буржуазных кругах. Монархия олицетворяла в их глазах «порядок». Узы классовой солидарности, соединявшие различные буржуазно-помещичьи группировки, оказались сильнее разделявших их разногласий. Можно говорить не только о прочности их союза, но и о том, что он вобрал в себя практически всю крупную буржуазию. Узнав о Парижской Коммуне, она присмирела еще больше.

О радикалах во главе с Константином Росетти следует сказать особо. Именно они являлись организаторами манифестаций и ожесточенной кампании в прессе, направленной против князя. Находившаяся под их влиянием молодежь вышла на улицу. Но эта бурная активность в 1870—1871 гг. не меняла того факта, что и как идеологическое течение, и как политическое направление они вступили в полосу кризиса. Сузилась их социальная база. Они теряли поддержку промышленников. Начался процесс медленного, но неуклонного размывания мелкой буржуазии. Она металась между собственностью и трудом. Отдельные «счастливчики» из ее среды, разбогатев, меняли политическую ориентацию и отходили вправо. Другие, более многочисленные, постепенно втягивались в рабочее и социалистическое движение, внося в него немалую долю путаницы, колебаний, левацких вспышек, с одной стороны, и склонности к реформизму, с другой. Зыбкой опорой была и учащаяся молодежь. Выдающийся румынский сатирик Ион Лука Караджале взял своего «Р-румына» из жизни; обрисованный им путь этого «свистуна» был скорее правилом, чем исключением: «От приготовишки до окончания гимна-

[131] Г. Оффенберг — А. Горчакову, 10 февраля 1871 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1871, д. 14, лл. 20—23.
[132] «Istoria României», v. IV, p. 559—560.

зии анархист; от гимназиста до студента — социалист; от студента до выпускника — прогрессист; от выпускника до чиновника — либерал; от чиновника до пенсионера — консерватор» [133].

Политическое влияние радикализма шло на убыль. В области идеологии он исчерпал себя. Росетти и его последователи продолжали пропагандировать идеи 1848 г. Но крупная буржуазия охладела к ним; а труженики убеждались, что одними принципами не обойдешься, что надо развертывать движение за улучшение повседневной жизни. Однако у рабочего класса еще недоставало ни сил, ни сознательности для того, чтобы возглавить демократическое движение. Руководители же радикалов и не могли, и не хотели учитывать эти новые веяния.

Схватки на политической арене между консерваторами и либералами, и весьма острые, продолжались и в 70-е годы. Но при всем значении поднимаемых вопросов борьба велась не вокруг направления общественно-политического развития и не о принципах государственного устройства. Эти вопросы были решены. Речь шла о темпах экономического роста и о способах завоевания национальной независимости.

Сращивание помещиков и буржуазии в Румынии происходило не гладко и не безболезненно. На первых порах бывшие бояре и примыкавшие к ним представители торгового капитала пытались обращаться с промышленниками, как с пасынками. Наиболее разительный пример того, как крупные землевладельцы, составлявшие основу консервативной партии, попытались выбраться из экономических трудностей за счет своих партнеров по коалиции, произошел в 1875 г.

Мировой аграрный рынок вступил в это время в полосу тяжелого кризиса: в Европу хлынула дешевая пшеница с американского континента; румынские экспортеры метались от одной зерновой биржи к другой, но затоваривание хлебом росло угрожающе быстро. В то же время правительство приняло меры, больно ударившие по интересам промышленников. В 1875 г. консерваторы заключили торговый договор с Австро-Венгрией, по которому пошлины были либо ликвидированы, либо снижены до почти символического уровня. Правительство

---

[133] *И. Л. Караджале.* Избранное. М., 1953, стр. 264.

рассчитывало, что это поможет сбыть ему зерно в Габсбургскую империю. Его не смущало то обстоятельство, что, не сдерживаемые никакими барьерами, в страну хлынули изделия австрийской промышленности, затопившие местный рынок. Началась эпидемия банкротств. Румынии угрожала опасность превратиться в сырьевой придаток соседней империи.

Либералы не могли присутствовать сложа руки при удушении национальной индустрии. Они вступили в бой.

Экономические противоречия различных группировок внутри коалиции осложнялись разногласиями по внешнеполитическим вопросам. Это было время восточного кризиса 1875—1878 гг., и консерваторы взяли курс на расширение прав княжества путем дипломатических комбинаций, отказавшись от борьбы за полную национальную независимость.

Используя недовольство дискредитировавшим себя консервативным режимом, либералы вышибли своих соперников из седла. Начался длительный продолжавшийся 12 лет (1876—1888 гг.) период их пребывания у власти.

Как это часто бывает, либералы в оппозиции проявляли гораздо больше решимости, нежели находясь у кормила правления. Премьер-министр И. Брэтиану двинулся по проторенной консерваторами дорожке и попытался было добиться расширения прав княжества с помощью дипломатических меморандумов. Лишь когда с полной очевидностью выявился провал этого курса, был заключен союз с Россией. Молодая румынская армия успешно участвовала в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Михаил Когэлничану, став министром иностранных дел, завоевал себе репутацию видного дипломата. Именно ему на долю выпало провозгласить в Национальном собрании 9 мая 1877 г. государственную независимость Румынии.

Но следует подчеркнуть, что либеральное правительство с крайней неохотой вступило на путь вооруженных действий против турок. Оно не отменило конвенцию 1875 г. с Австро-Венгрией, дожидаясь девять лет, пока не истек срок ее действия. Со своей стороны консерваторы, вернувшиеся к власти в 1888 г., не посягнули на меры, предпринятые либералами для развития промышленности. Обе стороны явно не хотели заходить слиш-

ком далеко и обострять несомненно существовавшие между ними противоречия до степени, грозившей похоронить их союз. И, главное, ни одна из них даже не помышляла о глубоких структурных изменениях в общественно-экономической системе и политической жизни. Поэтому на неокрепшие еще плечи румынского рабочего движения легла тяжесть борьбы не только за классовые интересы пролетариата, но и за демократизацию страны.

Идеология революционного движения 70-х годов. Влияние русских народников

Как уже говорилось, после смерти Н. Бэлческу не обнаруживается в Дунайских княжествах, а затем в Румынии в 60-х годах сколько-нибудь заметных проявлений революционно-демократической идеологии. Исторически это объяснимо. Борьба за объединение княжеств поглощала всю общественную энергию; она сопровождалась известным снижением уровня социальных требований. Последовавшее за образованием Румынии (1859—1862) десятилетие явилось временем интенсивной реформаторской деятельности. Основы феодальных отношений рухнули. Вопрос об их устранении революционным путем потерял свою актуальность. Крестьяне и прогрессивные круги общественности многого ожидали от аграрной реформы; не сразу и в стране, и за ее пределами была уяснена половинчатость и ограниченность принятого в 1864 г. закона. Свидетельством тому является триумфальная поездка по Румынии осенью 1864 г. его инициатора и главного проводника Михаила Когэлничану и сочувственный отзыв А. И. Герцена в заметке: «Освобождение крестьян в Молдовалахии» [1]. Должно было пройти некоторое время, чтобы выявилось подлинное значение реформы, обозначились новые узлы противоречий, появился импульс для творческих поисков революционной общественной мысли. По всем этим причинам 60-е годы оставили небольшое наследство. Упомянем о брошюре переселившегося в Румынию из России Михаила Рошковского «Размышления по поводу аграрного закона, посвященные представителям русской ко-

[1] См. *В. Я. Гросул.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874). Кишинев, 1973, стр. 180.

лонии в Лондоне» [2], в которой выдвигался принцип перехода всех пахотных земель, лугов и пастбищ в собственность коммун (или села) [3] и распределения урожая «равными частями в зависимости от числа потребителей в соответствии с потребностями и естественным правом каждого»...[4] Ссылки автора на русский крестьянский «мир», его переписка с А. И. Герценом не оставляют сомнений в близости его взглядов с воззрениями великого революционного демократа.

Правда, если обратиться к донесениям царских представителей в Бухаресте или к страницам реакционной русской прессы, можно подумать, что Румыния превратилась во всемирный центр подрывных идей и революционных действий. М. Катков писал в 1866 г. в «Московских ведомостях»: «Может ли допустить Россия, чтобы эти области еще больше, чем прежде при князе Кузе, стали гнездом всесветной революции, которая оттуда вела бы свои подкопы против соседней России...?» [5]

В подобных заявлениях, хоть и в утрированной форме, отражался тот факт, что на земле Румынии находили прибежище и участники венгерской революции 1848—1849 гг., и польские повстанцы 1863 г., и борцы за освобождение Болгарии. Радикалы во главе с Константином Росетти были горячими приверженцами национально-освободительной борьбы балканских народов [6]. Но, что касается вызревания внутренних революционных сил, то этот процесс только начинался в 70-е годы. Возникли кружки социалистического направления. Однако, действуя в узком кругу учащейся молодежи, тщательно конспирируясь, не имея определенной идеологической основы, они не оставили заметных следов ни в истории

---

[2] «Băgări de seama asupra legii rurale dedicate reprezentanţilor comunei ruse din Londra». Buc., 1864.— Опубл. в кн. «Documente privind începuturile mişcării muncitoreşti şi socialiste din România. Buc., 1971. Подробнее см.: *V. Maciu.* Cine a fost Roşcovschi? — «Studii»; 1956, N 6; *В. Я. Гросул.* Михаил Рошковский и его работа об аграрной реформе в Румынии.— «Проблемы социально-экономической истории России». М., 1971.

[3] «Documente privind începuturile mişcării muncitoreşti şi socialiste din România», p. 378.

[4] Ibid., p. 374.

[5] Приведено: *В. Я. Гросул.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе, стр. 276.

[6] *V. Netea.* Op. cit., p. 309.

социалистического движения, ни в развитии общественной мысли. Понадобилась кропотливая работа исследователей, чтобы обнаружить косвенные свидетельства их существования [7]; подробности их деятельности остаются скрытыми до сих пор.

Активизация социалистических кружков домарксистского этапа связана с участием в них русских народников и относится к 1874—1875 гг., причем это участие проявилось столь ярко, что современники были склонны связывать с ним начало движения.

Социализм «пришел из России в 1875 г. вместе с бессарабцем Зубку-Кодряну»,— отмечается в первом из известных нам обзоров румынского революционного движения [8]. О том же свидетельствует доклад, подготовленный румынскими социал-демократами для Брюссельского конгресса Второго Интернационала в 1891 г., т. е. тогда, когда события 70-х годов еще были свежи в памяти их современников: «До 1874 г. социализма в стране не существовало, само слово «социализм» было неизвестно... Европейский социализм был привнесен сюда не прямо с Запада, а при посредничестве России. Это важно, ибо указанной причиной объясняется тот факт, что румынский социализм с самого начала нес на себе отпечаток русского социализма той эпохи. Он представлял смесь марксизма, революционного бакунизма, анархистских теорий и метафизически-морального сектантства... Как бы то ни было, эта амальгама оказалась способной завладеть воображением и чувствами университетской молодежи, возмущенной и разочаровавшейся в буржуазном либерализме. Эти юноши, сплотившись вокруг русских изгнанников, положили начало румынскому социализму» [9].

А полвека спустя единственная оставшаяся в живых «семидесятница», София Нэдежде, вспоминая на склоне дней своих годы юности и борьбы и рассказывая о «скромном начале румынского социализма», писала, что он «зародился из русского марксистского нигилизма» [10].

---

[7] *A. Deac.* Internationala Intâi şi România. Buc., 1964, p. 135.

[8] Помещен в газете «Dacia Viitoare», 1883, № 1; был перепечатан «Viitorul social», 1907, N 4, p. 349.

[9] «Documente din mişcarea muncitorească. 1872—1916». Buc., 1947, p. 169.

[10] «Adevărul», 14.II 1935.

Несмотря на известную односторонность и неточность этих заявлений, на идеологические веяния из передовых тогда государств, на путаницу в самой терминологии, когда пущенный с легкой руки Ивана Сергеевича Тургенева и пошедший гулять по Европе термин «нигилизм» был совершенно неправомерно связан с марксизмом, дружные свидетельства современников и участников событий тех лет служат веским доказательством действительно большого воздействия, которое русские революционеры оказали на своих соратников в Румынии. Само переплетение в этих воспоминаниях народничества с марксизмом отражает то реальное положение вещей, что выходцы из России вместе со своими единомышленниками из «коренных румын» проявляли большой интерес к теории научного социализма и, отбрасывая неверные взгляды, шаг за шагом шли к марксизму.

Революционные народники появились в Румынии не случайно. Эта страна становилась первым этапом эмигрантской одиссеи многих русских изгнанников. Путь туда «проложили» еще шестидесятники [11].

Переселенцы нередко оседали в Румынии, втягивались в местное социалистическое движение и даже становились во главе его. Именно таким был путь Николая Зубку-Кодряну и Константина Доброджану-Гери, оставивших заметный след в общественной жизни этой страны, Н. К. Судзиловского-Русселя, зятя В. Г. Короленко В. Ивановского (доктора Петру Александрова), З. Арборе-Ралли, П. Аксельрода, В. Крэсеску, Н. Чубарова, А. Дическу и многих других [12].

Не только жандармские преследования заносили их сюда. Румыния была важным транзитным пунктом переправки в Россию народнических листовок, брошюр, газет и журналов, печатавшихся за рубежом. Яссы, Бухарест, Плоешти, Тулча стали своеобразными почтовыми ящиками, через которые с тысячами предосторожностей

---

[11] Подробнее о российской революционной эмиграции в Румынии в 60-х — начале 70-х годов см. *В. Я. Гросул.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. Кишинев, 1973.

[12] *В. Я. Гросул, Е. Е. Чертан.* Россия и формирование румынского национального государства. М., 1962, стр. 233; *P. Constantinescu-Iaşi.* Prietenie de Veacuri. Buc., 1957, p. 129; *N. Deleanu.* Doctorul Russel.— «Analele», 1957, N 4, p. 231.

«подрывная» литература поступала в Россию. В Румынии появилась целая плеяда конспираторов, как прибывших из России, так и местных. Приходилось скрываться от двойного сыска — царского и румынского. Сигуранца сотрудничала с царскими «голубыми мундирами» (хотя до выдачи русских изгнанников дело не доходило).

Все это объясняет немногочисленность сохранившихся документов. Тем драгоценнее имеющиеся свидетельства. Связи народников с их центрами в России и Швейцарии, переписка с единомышленниками, которых преследования царизма разметали по всей Европе, позволили историкам познакомиться, пусть в недостаточной степени, с воззрениями и планами социалистических кружков Румынии середины и конца 70-х годов.

Прежде всего встает вопрос: а имелась ли в Румынии почва для развития народнического движения? Существовали ли условия для того, чтобы семена идей, принесенных из России, дали всходы?

Социально-экономическая структура обеих стран имела много точек соприкосновения. Пережитки феодализма в сельском хозяйстве. Малоземелье крестьян; их зависимость от помещика; сохранение внеэкономического принуждения — вроде пресловутого закона 1872 г. о сельскохозяйственных договорах; политическое бесправие; беспросветная нужда — все это роднило румынскую действительность с российской.

Сходным был и взгляд передовых общественных деятелей обеих стран на крестьянство как на основную силу революционного процесса. Для Николае Бэлческу народ и крестьянство вообще равнозначные понятия.

Но существовали и большие различия в экономической и общественно-политической жизни России и Румынии.

Община в румынской деревне давно прекратила существование; крестьянство стремилось в ходе многочисленных выступлений, иногда перераставших в восстания, получить помещичью землю в собственность. Идея «крестьянского социализма» его не вдохновляла. Исходная идея всех народнических построений не была поэтому в Румынии применима. Призыв некоторых участников румынских социалистических кружков: «Надо бороться против фальшивого мнения о разделе земли и проповедовать принцип общей собственности, без которой ниче-

го нельзя сделать» [13],— не встречал здесь отклика. Их стремление разжечь под этим флагом «безымянное движение крестьянства» не встречало отклика.

Отличными были и политическая обстановка, и идейный климат в стране. В Румынии самодержавия не существовало. Ничуть не умаляя степени воздействия Карла I на государственные дела, абсолютным монархом назвать его все же нельзя. Иллюзии всемогущества верховной власти в Румынии не было, а потому здесь не могла укорениться идея искоренения власти путем устранения ее носителя. Террористическая тактика народовольцев не встречала сочувствия, хотя и раздавались отдельные призывы прибегнуть, если будут отрезаны возможности устного и письменного распространения своих идей, «к средствам, с помощью которых Александр II полетел к своему предку Ивану Грозному» [14].

В Румынии русские эмигранты попали совсем в другую среду. Показательно в этом смысле письмо одного безымянного автора, относящееся, судя по всему, к 70-м годам. В румынской литературе нет и тени симпатии к социализму. Самое большее, на что идут авторы статей,— это рассказ о страданиях народа, чтобы привлечь внимание общественности. Пишут о любви к стране, но не о любви к людям. Говорят о национальной промышленности и торговле, но о народе упоминают лишь постольку, поскольку народное богатство и счастье нужно для достижения этих целей, для поддержки государства. Здесь все надо начинать с самого начала, с пропаганды социализма среди учащейся молодежи. Единственно, чем можно воспользоваться,— так это наладить без большого риска печать. Заканчивается письмо осторожной оптимистической ноткой: выражается надежда, что постепенно и скромно, без барабанного боя, социализм начнет распространяться и среди румын [15].

Итак, программные установки русского революционного народничества не могли быть восприняты в тогдашних румынских условиях. То же самое относится и к террористической тактике народовольцев. В чем же

---

[13] Pagini din trecut. Starea socialismului în România între anii 1875—1883.— «Viitorul Social», noembrie 1907, p. 352.

[14] «Viitorul social», noembrie 1907, p. 352.

[15] «Documente privind istoria României. Războiul pentru independența», v. I. Buc., 1954, p. 702—703.

тогда секрет успеха народников в Румынии? Где искать причины бесспорного и значительного их влияния?

Народники принесли с собой из России дух «нигилизма», перед которым преклонялась передовая Европа, страстную ненависть к угнетению в любой форме, громадный заряд революционной энергии и пытливую творческую мысль, которая в условиях Румынии не застревала в тупике общинной теории. Все это способствовало тому, что они внесли значительный вклад в становление социалистического движения в Румынии. Они не нуждались в рекомендациях, им не нужно было завоевывать репутацию и авторитет. Слава опережала их, они прибывали в Румынию, окруженные ореолом героев и мучеников за свободу. И здесь они не превращались в наблюдателей развертывавшихся вокруг событий, а продолжали, в иных условиях и иными средствами, борьбу. Критическое острие публицистики стало на первых порах их основным оружием [16]. Они опирались на наследие революционно-демократической мысли Николае Бэлческу, возросшей на местной почве и в наибольшей степени отвечавшей румынским условиям. Но в отличие от этого мыслителя, участники движения 70-х годов, оставаясь революционными демократами, преодолели эгалитаристскую ограниченность и выступали с позиций социализма, хотя еще социализма ненаучного, утопического. Обращая в своих исканиях внимание прежде всего на социальный идеал, они, естественно, считали своими предшественниками прежде всего его выразителей. Отсюда известная односторонность приведенных выше высказываний, ссылки на «русское происхождение» румынского социализма и известное забвение прочных связей, множества точек соприкосновения «семидесятников» с революционно-демократическими традициями Румынии.

Промышленный пролетариат в Румынии еще только зарождался; угадать в нем носителя новых, социалисти-

[16] Российские народники не превратились в народников румынских. В Румынии они выступали как революционные демократы, а некоторые из них впоследствии — как марксисты. Высказывавшееся в румынской историографии начала 60-х годов мнение, что «социалистическое движение в Румынии 70—80-х годов прошлого столетия характеризуется... преобладанием народнических тезисов» (*O. Bădina.* Ideologia mişcării socialiste premarxiste din Romania 1875—1883/84.— «Cercetări filozofice», 1963, p. 1239), не представляется убедительным.

ческих начал эти деятели в создавшихся исторических условиях не могли. Но вместе со своими местными товарищами, во главе которых стоял студент Еуген Лупу, они упорно стремились раскрыть механизм общественного процесса и постепенно, знакомясь с пролетарским движением и развитием общественно-политической мысли на Западе, преодолевая и изживая народнические взгляды, они шли к марксизму. Отдельные этапы этого нелегкого пути отразились в печатном и рукописном наследии Н. П. Зубку-Кодряну, Н. К. Русселя-Судзиловского, К. Доброджану-Гери. Невозможность применить в Румынии народнические установки, постепенное разочарование в них, сочетавшееся с ненавистью к капиталистической действительности и отрицанием буржуазного строя, придавали их критике остроту, а исканиям — интенсивность.

Признанным идеологом румынских социалистов второй половины 70-х годов являлся Николай Петрович Зубку-Кодряну, уроженец Бессарабии, студент-медик, прибывший в страну в 1874 г. Его литературное наследие невелико — всего несколько статей, оставшееся в рукописи исследование о государстве, собственности и семье и переписка с друзьями. Главное для Зубку-Кодряну — еще не пропаганда, а выяснение для себя и единомышленников контуров будущей деятельности и сил, на которые можно опереться. Он не оставляет камня на камне от аргументов защитников гармонии интересов в классовом обществе. Зубку уже не считает противоречие между помещиками и крестьянами единственно заслуживающим внимания. Ему и в голову не приходит отрицать развитие капитализма в Румынии. Зубку-Кодряну высмеивает утверждения, будто состояния могут быть сколочены разумной бережливостью. Погляди, друг, восклицает он, на Штрусберга, Блейхредера, Ротшильда [17], они «голодали» и таким путем скопили миллионы.

На воззрениях Зубку-Кодряну лежит печать прудонизма. Он повторяет вслед за Прудоном: «Собствен-

[17] Из письма Н. П. Зубку-Кодряну, 1876 г.— «Documente privind istoria României. Războiul pentru independenţa», v. I, part 1, N 315, p. 508. Штрусберг — финансист и аферист, взявший подряд на строительство железных дорог в Румынии; Блейхредер и венский Ротшильд — банкиры, предоставлявшие румынскому правительству займы на разорительных для румынского государства условиях.

ность — это кража». И, подобно родоначальнику французского анархизма, не распространяет этот вывод на мелкую собственность, хотя тут же делает существенную и противоречащую взглядам Прудона оговорку, что экономический прогресс ведет к ее исчезновению и концентрации производства.

Появление капитализма в Румынии для него — свершившийся факт. В этом смысле он «стряхнул народнический прах со своих ног» [18]. Но он еще не видел рабочего класса как авангардной силы грядущей революции. Пролетариат растворялся у него в массе обездоленных города и деревни. Лишь глупцы, подлецы и злонамеренные люди утверждают, писал он, будто в Румынии нет пролетариата. Он есть, но в большинстве своем состоит из деревенского населения. Причем такой, какого не знает Европа, ибо нигде труд не запродается на пять лет вперед, в Румынии же 90% «наделенных землей» крестьян поступают именно так [19].

Кодряну ставит знак равенства между потомственным городским рабочим и разорившимся сельским бедняком. Крестьянство он продолжает считать основным носителем революционного начала. Здесь сказывается цепкость старых воззрений. Но прежняя вера в близкий всесокрушающий взрыв в деревне исчезает. Он не видит общественной силы, готовой к перевороту; поэтому социалистические взгляды Кодряну окрашены в утопические тона.

Он отвергает капитализм целиком, не только его производственные отношения, неизбежно порождающие роскошь и нищету, но и политические и юридические формы этого общества, мораль и религию. Кодряну убежден, что введение «европейских учреждений» в том виде, в котором оно осуществилось в Румынии, было величайшей ошибкой и пагубным заблуждением. Он — за прогресс и демократические свободы, но против доро-

[18] О. Бэдина утверждал в 1963 г.: «Во всей своей деятельности Кодряну выступал как народник, выражая основные положения народнического движения первого этапа, будучи, однако, восприимчив и к иным влияниям» («Cercetări filozofice», 1963, N 5, p. 1226). Подобное заявление представляется чересчур категоричным, не учитывающим в полной мере эволюции взглядов Зубку-Кодряну в Румынии.

[19] «Documente privind istoria României. Războiul pentru independenţa», v. I, part 1, N 915, p. 520.

гостоящих и неприемлемых форм, в которых это произошло. Не следует слепо копировать Запад,— нужно насаждать институты, соответствующие развитию и интересам страны [20] — таков вывод Кодряну, сделанный в 1876 г. в письме к одному из своих друзей.

26 мая следующего, 1877 г., в Бухаресте вышел первый номер газеты «Социалист», негласного органа столичного кружка, возглавляемого Зубку-Кодряну. Во избежание преследований властей все статьи в трех вышедших номерах появились без подписи или под псевдонимами, до сих пор не раскрытыми. Тон газеты боевой, требования носят демократический характер. Примером может служить редакционная статья от 26 мая: «Мы знаем, с кем нам надо бороться: со всем нашим миром. Но это лишь прибавляет нам отваги». «Повсюду звонкие и пустые фразы, бредовые идеи, заимствованные во времена метафизики и путаницы, борьба за жалкие интересы, и ничего больше» [21]. Газета обрушивалась не только на ретроградов-консерваторов, но и на румынских радикалов, начавших свой путь во всеоружии республиканских идей, но смирившихся и с прусской династией, и с верхней палатой, и с государственной религией.

Но положительная часть программы выглядела небогато. Она призывала всех, включая промышленников, ученых, «священников, сеятелей добра» и вместе с ними «всех страдающих» вооружиться принципами священной троицы свободных людей: «Свобода, равенство и братство». Ничего социалистического, помимо заголовка, в газете не было.

Исследователи указывали, что подобная умеренность вызывалась опасениями репрессий. И действительно, газете было предложено сменить заголовок [22]. После третьего номера она прекратила существование. Позволительно, однако, предположить, что не только и не столько соображения личной безопасности диктовали курс редакции. Видимо, и сам Зубку, и его соратники

---

[20] «Documente privind istoria României», v. I, part 1, N 915, p. 521.
[21] «Presa muncitorească şi socialistă din România (далее — PMSR), v. I, part 1. Buc., 1964, p. 38.
[22] Редакция объявила, что будет выходить газета «Cuvîntul» («Слово»). Однако ни одного ее номера до сих пор не обнаружено.

считали преждевременным выносить обсуждение социалистических проблем за пределы кружка.

Минул еще год. В женевском народническом журнале появилась статья Зубку-Кодряну, посвященная положению румынского народа (фактически — крестьянства) во время войны 1877—1878 гг. против Турции. Эта статья — вершина критической публицистики и лебединая песня Н. П. Зубку-Кодряну.

«В Ромынии, как и везде, есть работающая, страдающая, вырождающаяся и вымирающая эксплуатируемая масса, есть неработающее, паразитствующее, эксплуатирующее меньшинство»,— пишет он. Народная борьба ведется «чисто примитивно и рефлекторно»; в стране царит обстановка «недовольства и недоверия» двумя конкурирующими партиями, либеральной и консервативной; время от времени жертвой ненависти становится тот или иной представитель власти или помещичьей элиты; изредка происходят «бунты, соединяющие жителей одного, много четырех-пяти сел вместе». Социалистическая проповедь, констатирует Кодряну, в Румынии еще не началась [23].

Беды народные обострились еще больше в годы войны. Кодряну подробно рассказывает о введенной с санкции парламента системе реквизиций натурой. Власти получили право забирать на военные нужды все, что имел крестьянин,— зерно, скот, телегу, наконец, могли послать его самого на перевозку грузов. За все это он получал расписку, подлежащую оплате после войны. Закон не уточнил, разрешается ли отбирать у мужика последнюю корову, лошадь, единственную упряжку быков. Вопрос решала администрация на месте. И вот «у мужика отнимали последние припасы, кукурузу, сыр, овощи, сено, ячмень и прочее, тогда как в одном селе с ним паразитствовал землевладелец, арендатор или кулак, ведшие обширную торговлю этими продуктами». Особенно тяжело отражался на положении деревни угон крестьян вместе с упряжками на военные перевозки. Здесь «особенно была возмутительна несправедливость

---

[23] *Н. Драгош.* Ромыния.— «Община. Социально-революционное обозрение», 1878, № 3-4, стр. 46. В некрологе Н. П. Зубку-Кодряну («Община», 1878, № 8-9, стр. 56) указывается, что он выступал в журнале под псевдонимом Н. Драгош.

администрации». «Обыкновенно этого рода реквизиции совершенно не трогали землевладельцев и арендаторов, которые могли вполне спокойно предаваться патриотическим восторгам по поводу высказанной мужиком-солдатом, доробанцом, военной доблести и неустрашимости» [24]. «Реквизированный» вместе со своими лошадьми царан возвращался часто домой пешком, без скота, павшего в тяжелом походе, и без телеги, брошенной где-то на полях Болгарии, но с квитанцией в руке. Ускорился процесс разорения деревни. Без скота крестьянин, даже сохранивший свой надел, писал Н. П. Зубку-Кодряну, за редким исключением «не поднимется до прежнего своего положения, он навсегда останется в лапах кулака». По мнению Кодряну (правда, преувеличенному), в ходе войны произошла «острая и почти поголовная экспроприация работников, превращение почти половины собственников-работников страны в пролетариев, в батраков, которым не стать уже независимыми хозяевами,— быть им и детям их пролетариями до окончания современных общественных порядков».

Нельзя не обратить внимания на прогресс в мировоззрении Н. П. Зубку. В статье нет и отзвука утопических иллюзий, и тени надежды на власть имущих. Он едко высмеивает прения в парламенте: «Сошлись, поболтали, зарекомендовали себя перед «образованным» обществом сочувствием к доле крестьян, торжественно признали свое бессилие смягчить беду, ими самими вызванную на головы большинства населения страны, и перешли к болтовне о более важных, имеющих более «общий, государственный» интерес вопросах» [25].

Всего за год до этого он в письмах друзьям относит к пролетариату чуть не всю обнищавшую румынскую деревню. Здесь он анализирует положение строже, считая решающим признаком наличие средств производства. Но о румынских промышленных рабочих в статье нет ни слова; их Кодряну еще не видит. Он находится на полпути. Но направление им взято верное. Не случайно в начале статьи, говоря об отсутствии социалистического движения в стране, он пишет: «...Еще не началась у нас та сознательная борьба против эксплуатации работника

---

[24] «Община», 1878, № 3-4, стр. 46, 47.
[25] Там же, стр. 46.

и за новый склад общества, которая на Западе в форме социально-революционной пропаганды и организации проливает уже некоторый, хотя и не очень обильный свет на тот темный, бесконечно грустный фон картины страданий тамошнего работника-пролетария» [26].

Обращение «на Запад», где именно тогда шла борьба за создание социал-демократических партий на марксистской основе, показывало, что «народнический плен» лучших румынских революционеров во главе с Кодряну заканчивался. Этот человек, смертельно больной, с оптимизмом смотрел в будущее: «...Сам пострадавший народ ...мы, немногочисленные ромынские социалисты, пытающиеся теперь организоваться, мы не забудем, чьею кровью, чьими слезами, чьим обнищанием куплена независимость страны. ...Мы, ромынские социалисты, не преминем постоянно напоминать народу в нашей проповеди социальной революции эту свежую, вечно памятную годину народного несчастья, не преминем пользоваться этим как одним из многих орудий в борьбе с нашими сладкоустыми либералами»... [27]

Кодряну был знаком с некоторыми трудами К. Маркса и Ф. Энгельса; они оказали на него влияние; но марксистами стали лишь его ученики. Им еще предстояло выстрадать марксизм, пройти через этап эклектизма в теории, заблуждений и прямой путаницы в тактике.

Дни Кодряну были сочтены. Он умер от туберкулеза 31 декабря 1878 г. всего двадцати восьми лет. Накануне смерти Зубку стал предметом назойливой заботы со стороны церковников. К нему прибыл священник с предложением исповедаться. Умирающий ответил отказом: «Мне не в чем тебе исповедаться, отец. В жизни я никому не причинил зла; никого не убил; ни у кого не украл; не оставил несчастной ни одну девушку; всю жизнь я трудился и жил за свой, а не за чужой счет. Можешь просить своего бога о чем хочешь, пользы не будет, ибо я не верю в него» [28].

В восьмидесятые годы наступила качественно другая эпоха в развитии социализма в Румынии, переход на позиции марксизма и соединения с движением пролетариата.

---

[26] Там же.
[27] Там же, стр. 48.
[28] *M. Roller.* Nicolai Zubcu-Petrovici. Buc., 1946, p. 28.

Румынские «семидесятники» сделали свое дело. Они зажгли факел социализма в стране. К счастью для нее, воздействие ложных теоретических установок народничества оказалось поверхностным и быстропреходящим. Но революционное народничество — это не только и не столько заблуждения, это прежде всего поиск и борьба, это воплощение лучших черт русской разночинной интеллигенции.

Выходцы из России были в числе тех, кто с трудностями и жертвами, пробиваясь сквозь толщу неверных взглядов и ложных концепций, шли к марксизму. Их роль велика и заслуги неоспоримы. Господствовавший в русской революционной среде дух жертвенности, стремление служить народу, подчинить всю жизнь его интересам, все то лучшее, что было связано со «школой» народничества, служили им путеводной звездой.

Зарождение рабочей печати и организаций

Начиная с 1865 г. в Румынии появляются отдельные рабочие газеты, сперва — у самого просвещенного отряда рабочего класса — у печатников. Издаваемые обществами взаимопомощи, они обычно быстро хирели и по причине финансовых трудностей прекращали существование. На страницах этих провозвестников пролетарской прессы порой появлялись яркие описания тяжелой жизни пролетариев: «многочисленны и разнообразны несчастья бедного рабочего. Горек хлеб, которым он питается. Хоть и достается он в поте лица, с большим трудом, но и его не хватает часто для нужд семьи. Рабочий слышит со всех сторон, что он должен делать: но никто не говорит ему, каковы его права. Он стучится во все двери, требуя правосудия,— и встречает повсюду отказы. Юстиция глуха к его призывам». Зато при взыскании налогов казначейство рабочих не забывает [1].

Надо, впрочем, оговориться, что подобная безысходность вовсе не характерна для недавно родившегося класса. Он настойчиво искал путей борьбы. В 1872 г. в Бухаресте возникло объединение в масштабах всей страны — «Всеобщая ассоциация рабочих Румынии», провозглашавшая целью улучшение их жизни «своими

[1] «Tipograful român», I.V 1870. Дано по: PMSR, v. I, part I. Buc., 1964, p. 8—9.

силами». Эта опора на себя говорила о зарождении классового сознания пролетариата. Устав предусматривал помощь в случае болезни, смерти и безработицы, посылку наиболее способных его членов за границу для усовершенствования в ремеслах и даже непонятное на первый взгляд в рабочем обществе предоставление кредитов «для основания промышленных заведений». Наличие в уставе последнего пункта объяснялось тем, что в ассоциацию принимались мелкие хозяйчики и многие ее члены, став пролетариями по положению, не расставались с мечтою «выбиться в люди» и обзавестись хоть самой крошечной, но все же собственной мастерской.

Ассоциация рождалась не без трений между ее участниками. Оставшиеся после нее документы немногочисленны; и все же, по косвенным данным, в ней были люди, считавшие невозможным допуск в нее даже мелких капиталистов. Печатник Н. Д. Рэдулеску, выступая на учредительном собрании, упоминал о голосах, требовавших «исключения из нашей ассоциации патронов или предпринимателей». Видимо, эти голоса находили поддержку, ибо Рэдулеску, считаясь с ними, уверял, что «ни в коем случае и ни под каким предлогом» хозяева не будут допущены к руководству ассоциацией [2].

Однако программа органа ассоциации газеты «Лукрэторул ромын» («Румынский рабочий») обходила молчанием вопрос о капиталистической эксплуатации. Приведем ее полностью:

«Тенденции и пожелания этого органа являются тенденциями и пожеланиями доброго румынского рабочего:

a) укреплять узы братства между ремесленниками; b) бороться со всем, что есть плохого и пагубного для рабочих; c) защищать всеми законными и справедливыми путями их правильно понятые интересы; d) помогать румынским промышленникам в деле скорейшего создания румынской индустрии».

Как мы видим, в программе явственно проявляется недооценка противоположности труда и капитала. Разумеется, надо учитывать наличие в составе ассоциации хозяев мастерских, приложивших свою руку к составлению документа. Но все же очевидно, что классовое сознание румынского пролетария еще только зарожда-

[2] «Documente privind începuturile mişcării muncitoreşti şi socialiste din România (1821—1878)». Buc., 1971, p. 644—645.

лось[3] и, пользуясь этим, капитал пытался вести его в идейном отношении за собой. О том же свидетельствовала и трактовка в программе взаимоотношений с государством: «Круг нашей политики будет узок, это — политика рабочего. Поскольку его интересы связаны с политикой государства, поскольку с государством связаны промышленность и торговля, мы будем проводить политику... гармонии интересов государства и рабочих; мы верим, что не может быть здоровым тело без того, чтобы все его члены не находились в хорошем состоянии и в гармонии, и государство может процветать лишь тогда, когда все его активные силы процветают»[4].

Выходившая в том же 1872 г. газета «Увриерул», орган печатников, писала: «Наши тенденции, понимаемые в свете наших интересов, не будут ни политическими, ни партийными; мы не выступим против кого-либо под влиянием страстей или личной ненависти, без справедливых, доказанных и понятных причин»[5].

В это время жизнь уже преподнесла румынскому пролетарию наглядные уроки «гармонии интересов». С конца 60-х годов в портах и на строительстве железных дорог, где скапливались тогда наибольшие массы рабочих, на государственной табачной фабрике и в типографиях начались стачки, стихийные по характеру, с требованием увеличения заработной платы и облегчения условий труда. Государство сразу же показало свою «беспристрастность», выступив на стороне предпринимателей. А 25 марта 1873 г. в порту Джурджу произошла ожесточенная схватка обслуживавших его ломовых извозчиков с войсками, пустившими в ход оружие. В том же году правительство, с опасением взиравшее на появление рабочей ассоциации, с помощью полиции инсценировало «заговор против государства». Начались преследования, административные и судебные, активистов рабочих обществ. Пять месяцев руководителей ассоциации без суда и следствия держали в тюрьме. После этого она прекратила свое существование[6].

---

[3] Представляется преувеличенным мнение румынского историка В. Петришора, полагающего, что создание ассоциации свидетельствовало о понимании румынскими пролетариями исторической роли рабочего класса («Anale de istorie», 1972, N 5, p. 68).

[4] «Lucrătorul român», 5.XI 1872. См. PMSR, v. I, part 1, p. 30.

[5] «Documente privind începuturile mişcării...», p. 626.

[6] «Anale de istorie», 1972, N 5, p. 77—78.

ЧАСТЬ II

КОНЕЦ XIX СТОЛЕТИЯ

Кризис либеральной идеологии

Довольно скромные претензии румынского промышленного и банковского капитала были в основном удовлетворены либеральным правительством Иона Брэтиану-старшего (1876—1888 гг.). В 1882 г. был принят первый закон о покровительстве промышленности. Он касался производства сахара и предусматривал выплату крупных субсидий сахарозаводчикам и премий за каждый килограмм товара. Потребитель быстро ощутил на себе заботу о национальной индустрии: румынский сахар продавался в стране гораздо дороже, нежели за рубежом.

Вслед за сахароварами преимущества были распространены на текстильных фабрикантов, а затем и владельцев кожевенных предприятий. И, наконец, в 1886 г., по истечении срока действия конвенции с Австро-Венгрией, был введен протекционистский тариф.

В 1887 г. в Румынии был принят закон о покровительстве национальной индустрии, предоставивший крупным, по тогдашним понятиям, предприятиям значительные налоговые и транспортные льготы [1]. Еще раньше, в 1880 г., возник Национальный банк, получивший монопольное право на выпуск монеты. Либералы-акционеры во главе со всемогущим семейством Брэтиану заняли в нем господствующие позиции. Банк постепенно опутал сетью займов всю страну и способствовал тому, что несколько десятков семей превратились в ее некоронованных властителей.

---

[1] *A. Iordache.* Primele măsuri pentru protejarea şi incurajarea industriei naţionale.— «Studii», 1972, N 1.

Принятые меры дали определенный простор индустриальному развитию. К началу XX в. число «промышленных заведений» превысило 62 тыс., правда, в подавляющем большинстве своем мелких и средних. Но в 1902 г. лишь в обрабатывающей индустрии насчитывалось 625 фабрик и заводов, на которых было занято 37 тыс. рабочих и служащих. Если прибавить к этому 70 нефтеперерабатывающих заводов, сотни скважин, элеваторы и доки в Галаце, Брэиле и Констанце и железнодорожную сеть протяженностью свыше тысячи километров, станет очевидным, что Румыния, хоть и не преодолела экономической отсталости, вступила на путь капиталистической индустриализации. Фактом стало и появление в стране крупнопромышленного пролетариата [2].

Параллельно и одновременно с успехами капиталистической экономики гас интерес румынской буржуазии к теоретическим изысканиям. Конечной целью ее идеологических построений, даже самых абстрактных, являлось создание благоприятных условий для капиталистического предпринимательства. Это было осуществлено. И на пленявшие отцов лозунги «свободы, равенства и братства», на их мечтания о республике сыновья стали смотреть как на отжившую свой век и никому не нужную идеологическую ветошь. Как справедливо отмечал в 1940 г. румынский социолог Траян Херсени, румынская буржуазия не нуждалась больше в созидательной идеологии; ей нужна была идеология оправдательная [3]. Сфера поисков даже крупных мыслителей сужается. И в этом проявлялось знамение времени.

Незаурядной фигурой предстает перед нами Александру Думитру Ксенопол. Его отец, выходец из английской семьи, поселился в Дунайских княжествах и перешел в православие, приняв при этом фамилию, прославленную его сыном. Александру получил прекрасное образование сперва на родине, а потом в германских университетах, где изучал философию, право и всеобщую историю. Ни прокурорская карьера, ни адвокатская практика, которой он занимался по возвращении в родные Яссы, не удовлетворяли молодого Ксенопола, не давали выхода его пытливому уму и исследовательским на-

[2] См. «История Румынии. 1848—1917». М., 1971, гл. 8.

[3] *Tr. Herseni.* Sociologia românească. Incercare istorică. Buc., 1940, p. 153.

клонностям. Тридцати шести лет он стал профессором Ясского университета, и с этого времени началась его интенсивная научная деятельность [4].

Заслуги Ксенопола на поприще отечественной истории несомненны. Он собрал, систематизировал и изложил в виде стройного курса громадный документальный и архивный материал. Его «История румын Траянской Дакии», вышедшая первоначально в шести томах, разрослась в дальнейшем до четырнадцати [5]. Он уделил в ней большое внимание развитию экономики, народным движениям, связям волохов с окружающими народами. Он не поколебался посягнуть в этом своем основном труде на некоторые псевдонаучные построения националистов. Уже на склоне дней своих Ксенопол писал: «Я стремился не скрывать истины даже тогда, когда она била по образам и идеям, которые слыли основанием нашей национальной жизни. Так, я утверждал участие не только даков, но и славян в образовании нашей национальности,— факт, который ранее обходился нашими писателями; я выявил пагубные для крестьян последствия внутренней политики Михая Храброго».

Ксенопол подчеркнул, что при князе Михае (1593—1601 гг.), прославленном победителе турок, сумевшем объединить на короткий срок под своим скипетром Молдову, Валахию и Трансильванию, произошло закрепощение крестьян. «Больше всего меня волновала несправедливость, с которой сталкивались крестьяне на протяжении веков»,— писал Ксенопол; поэтому он не пожелал «скрывать правду под ложной мантией неуместного патриотизма» и не побоялся нанести удар по «великому имени» [6].

Ксенопол с увлечением работал над теоретическими проблемами истории. Тремя изданиями в Бухаресте и Париже вышел объемистый том его философско-исторических исследований. Ксенопол отвергал в нем как субъ-

---

[4] См. «Istoria ideilor mele» в кн. *A. D. Xenopol.* Scrieri sociale şi filozofice. Buc., 1967. Ксенопол означает по-гречески сын иноземца.

[5] *A. D. Xenopol.* Istoria românilor din Dacia Traiană, v. I—XIV. Buc., 1925—1930.

[6] *A. D. Xenopol.* Confesiuni asupra spiritului în care sa seris «Istoria românilor».—«Arhiva pentru stiinţa şi reforma socială», 1921, N 1, p. 4, 5; *idem.* Scrieri sociale şi filozofice, p. 384.

ективный идеализм, так и агностицизм Иммануила Канта. Он признавал реальное существование таких категорий, как пространство и время: «Пространство существует вне нас и время течет независимо от нас. Без этих двух фундаментальных посылок история превратилась бы в колоссальную фантасмагорию» [7]. Воззрениям Ксенопола были присущи стихийно-материалистические элементы: «Наука,— указывал он,— является интеллектуальным отражением Вселенной» [8], которая «существует и трансформируется». Он отвергал взгляд на историю человеческого общества как на хаотическое нагромождение непостижимых явлений и считал ее наукой, допускающей методическое исследование и позволяющей выявлять истину.

Но как только Ксенопол переходил к движущим силам истории (или, на его языке, ее «постоянным факторам»), материалистическим элементам его воззрений не находилось места. Человек, по Ксенополу, развивается в двух средах: внешней (под которой Ксенопол понимал природу), и духовной, умственной, причем последней он отводил главенствующую роль. Понятие социально-экономической формации ему чуждо; определяющее влияние социальной среды на человека он игнорировал. «Эволюция человеческого рода происходит на почве идей» [9],— в этой фразе заключалась суть идеалистической исторической концепции Ксенопола. Со времени появления человека «развитие переходит от материи к сознанию; материя прекращает свою трансформацию; из активного фактора она превращается в пассивный, в сфере которого проявляет свою силу духовное начало... Сознание постоянно и все в большей степени добивается господства над материей», и вместе с этим растет дистанция, «отделяющая человека от животного мира» [10].

Ксенопол отстаивал прогресс; но в основу его он клал не материальные условия жизни общества, не способ производства, а абстрактные понятия — истину, добро и справедливость; их развитием он определял «сте-

---

[7] *A. D. Xenopol.* La theorie de l'histoire. Paris, 1908, p. 1:
[8] Ibid., p. 161.
[9] Ibid., p. 219.
[10] Ibid., p. 226.

пень цивилизации, достигнутой тем или иным народом» [11].

Человечеству присуща способность к прогрессу; однако она, по воззрениям Ксенопола, не одинакова у людей различных рас. И тут мы сталкиваемся с реакционной чертой его мировоззрения — с явными следами влияния расистских теорий. Ту или иную степень развития, достигнутую каким-либо народом, он определял не комплексом социально-экономических условий, сложившихся исторически, а прежде всего принадлежностью к определенной расе. Раса занимала у него первое место в ряду «постоянных факторов истории» (за ней следовали среда, национальный характер, традиция) [12].

Эти взгляды Ксенопола лишь деталями отличались от обычных представлений румынского реакционера той поры. Последний третировал славян как низшую расу. Ксенопол этого не делал: он сам же показал большое влияние славянского эпоса на формирование румынского народа. Обрушиваться на славян значило поэтому сводить с пьедестала «высшей расы» и румын. «Националистом я был с первых шагов в сфере мысли, остался им по сей день и, надеюсь, сойду таким и в могилу» [13],— писал Ксенопол уже на склоне дней.

Такие важнейшие факторы истории, как классовая борьба и движение народных масс у Ксенопола-теоретика роли не играют [14]. История, «по Ксенополу», творится «наверху», в сфере духа. «Интеллектуальная культура в своей совокупности, изобретения и открытия являются творением лучших из лучших элементов» [15]. Их завоевания спускаются затем «вниз». Но они, подчеркивал Ксенопол, никогда не могут быть постигнуты и усвоены полностью «низшими классами» [16]. «Не массы определяют поступательное движение народа,— категорически утверждал он.— Напротив, если его сознание принизить до уровня сознания масс, дело прогресса

---

[11] *A. D. Xenopol.* La theorie de l'histoire, p. 229.
[12] Ibid., p. 215.
[13] *A. D. Xenopol.* Scrieri sociale şi filozofice, p. 373.
[14] В конкретных исследованиях эта роль выступает у Ксенопола подчас очень ярко.
[15] *A. D. Xenopol.* La theorie de l'histoire, p. 235.
[16] Ibidem.

пострадает» [17]. Социальный вопрос сводился румынским историком к «более полному осуществлению идеи справедливости» [18].

В том же плане трактовался и социализм, который он определял как стремление к идеалу справедливости, «ныне отсутствующему», и посему считал заслуживающим «благосклонно выжидательного отношения». Возникновение христианства, с точки зрения Ксенопола, не что иное, как «гигантский взрыв социалистического движения» [19]. Представителями его он считал в равной мере братьев Гракхов, Прудона и Бакунина. Имя Маркса в его эссе «Социология и социализм» не упоминалось.

На будущее Ксенопол смотрел с оптимизмом: «...Наша цивилизация, озаряемая факелом науки, находится еще в начале того пути, который ей предначертан; она насчитывает всего четыреста лет». Аналогии с прежними исчезнувшими цивилизациями неуместны, последние «лишь случайно и бессознательно основывались на идеях справедливости и добра, что доказывается слабым развитием науки и существованием рабства». Современное же европейское общество, по словам историка, зиждилось на «открытиях науки, на их применении к пользе человечества, на растущем прогрессе социальной справедливости [20]. Поэтому европейские народы будут процветать,— в отличие, скажем, от турок, которым «их раса препятствует войти в общий поток эволюции» [21].

Вот к каким выводам приводили Ксенопола его, казалось бы, абстрактно-теоретические и столь далекие от злобы дня изыскания. Эксплуатация рабочих, беспробудная нищета крестьян тревожили и возмущали румынского историка. «Что меня волновало больше всего, так это несправедливость, которую переживали крестьяне на протяжении веков» [22],— писал Ксенопол. Он высказывался за более справедливое распределение жизненных благ [23]. Но все эти изъяны представлялись ему

---

[17] *A. D. Xenopol.* La theorie de l'histoire, p. 236.
[18] Ibid., p. 232.
[19] *A. D. Xenopol.* Sociologia şi socialismul. [Buc.], 1910, p. 1, 11, 12.
[20] *A. D. Xenopol.* La theorie de l'histoire, p. 233.
[21] Ibid., p. 234.
[22] *A. D. Xenopol.* Scrieri sociale şi filozofice, p. 406.
[23] *A. D. Xenopol.* La theorie de l'histoire, p. 233.

наносным явлением, которые следовало удалить, не посягая при этом на основы европейской цивилизации. Поэтому Ксенополь в политике — сама умеренность, его взгляды здесь ни в малой степени не выходили за пределы «допустимого» с точки зрения буржуазно-помещичьей коалиции [24].

Область конструктивных поисков либеральной общественной мысли после 1878 г. сузилась до не виданной ранее степени и свелась в основном к вопросам конкретной экономики. Ударной силой наступления на феодальные пережитки продолжала оставаться промышленная буржуазия. И ее интересы, совпадавшие с интересами экономического развития страны, отстаивали теоретики и исследователи. Веское слово в защиту индустриализации Румынии наряду с А. Д. Ксенополом сказал и экономист П. С. Аурелиан. Немалые заслуги в борьбе против теории «Румыния — аграрная страна» [25] и лозунга свободы внешней торговли принадлежат также Михаилу Когэлничану.

Еще во время обсуждения торгового соглашения 1875 г. с Австро-Венгрией он выступил в парламенте с несколькими блистательными речами, в которых не оставил камня на камне от аргументов ее защитников. «Высокопарные слова о взаимности и равноправии для румын — пустой звук. «Свобода обмена» с Австро-Венгрией — самообман. О каком равенстве может идти речь, когда она (Румыния.— *В. В.*) далеко отстала в экономическом развитии. «Свобода обмена» — теория, провозглашенная нациями, которым удалось встать во главе индустрии, у которых нет конкурентов в этой области и которые ощущают потребность в новых рынках, в новых местах для сбыта товаров своих фабрик и мануфактур. «Для Румынии подобная политика опасна, она принесла бы смерть нашему индустриальному развитию». «Исключительно сельскохозяйственная страна не может процветать», заметил он, и призвал не жалеть сил «ради создания и покровительства промышленности» [26].

П. С. Аурелиану принадлежат труды «Terra nostra»

---

[24] За свою жизнь А. Д. Ксенополь побывал в разных политических группировках, в том числе и консервативных. Но как идеолог он принадлежал либеральному направлению.

[25] См. стр. 225 настоящей книги.

[26] «Anale de istorie», 1969, N 5, p. 97.

и «Наша торговая политика в связи с торговой конвенцией». По его инициативе на румынский язык была переведена работа известного немецкого экономиста Ф. Листа «Национальная система политической экономии». П. С. Аурелиан вместе с видным агрономом и в молодости политическим деятелем Ионом Ионеску де ла Брад явился инициатором следующей резолюции, внесенной в 1881 г. в палату депутатов: «Не было страны, которая при рождении своей национальной индустрии не приняла бы определенных мер для охраны этой индустрии. У нас национальная промышленность только возникает; основано лишь несколько фабрик... их владельцы находятся в трудном и неуверенном положении по причине большой конкуренции со стороны иностранных товаров. Наш долг — прийти на помощь нашим фабрикам...» [27]

Надо сказать, что самые «дерзкие» сторонники промышленного развития Румынии, вроде П. С. Аурелиана, мыслили его в тесной связи с сельским хозяйством. В 1885 г. Аурелиан писал: «Создавайте здесь и там фабрики, но основой нашей промышленности должно быть домашнее производство, семейное ремесло как в деревне, так и в городе». А. Д. Ксенопол смотрел дальше [28]. Он отчетливее, чем кто-либо другой, представлял губительные последствия увековечения Румынии в качестве отсталой аграрной страны. В этом случае, писал Ксенопол, ей будет уготована судьба «амбара», откуда можно снабжаться по дешевке сырьем, и рынка, где можно выгодно сбывать фабрикаты [29]. Он обращался к соотечественникам с серьезным предупреждением: «Западная Европа взвалила на наши плечи тяжелый и изнурительный сельскохозяйственный труд и зарезервировала для себя более благородные занятия промышленностью, которые экономичнее с точки зрения затраты сил и лучше оплачиваются. Другими словами, в большом европейском обществе нам, румынам, уготована самая грубая работа, отведена самая унизительная роль, сходная с

---

[27] «Anale de istorie», 1969, N 5, p. 102.

[28] О социально-политических взглядах А. Д. Ксенопола см.: *N. Gogoneaţa, Z. Ornea.* A. D. Xenopol. Concepţia socială şi filozofică. Buc., 1965; *I. Veverca.* Concepţiile lui Alexandru D. Xenopol in problema industrializării României.— «Studii», 1966, N 2.

[29] «Studii», 1966, N 2, p. 267, 268.

ролью животных или бессознательных машин, мы низведены до положения илотов цивилизации»[30].

Гуманист и просветитель, А. Д. Ксенопол индустриализацию считал «в первую очередь вопросом цивилизации, а не дохода»[31]. Он связывал экономику с социальным положением, писал о разъедающей Румынию «чуме политиканства», о процветавшем в ней «классе паразитов». Ксенопол не фетишизировал протекционизм, а видел в этой внешнеторговой политике необходимое средство для развития промышленности. Он выступал за активное вмешательство государства в экономику, за поощрение всех отраслей индустрии, в том числе крупной и тяжелой.

Впоследствии Ксенопол отказался от некоторых пунктов своей программы. В середине 90-х годов в его работах зазвучали пессимистические нотки: «Истина, что Румыния никогда не станет промышленным государством в подлинном смысле этого слова. Для этого мы слишком поздно обратились к сознательной экономической жизни, нам не под силу конкурировать с народами, обладающими крупной промышленностью уже сотни лет»[32]. Он предлагал поэтому ограничиться развитием «отраслей производства, тяготеющих к сельскому хозяйству».

В современной румынской историографии это отступление Ксенопола объясняется его глубокой озабоченностью судьбами крестьянства и его стремлением помочь деревне, добившись расширения рынка. Признавая правомерность этой точки зрения, хотелось бы добавить, что, вне зависимости от личных настроений и симпатий ученого, существовали веские факторы, воздействовавшие на его позицию. Конец века — время, когда улеглись прежде острые разногласия между помещиками и крупной буржуазией и определились основные черты развития промышленности. Создание легкой и пищевой индустрии, поглощавшей сельскохозяйственное сырье, служило стимулом для развития земледелия и животноводства и поглощало часть избыточного сельского населения. Да, интересы помещиков учитывались в полной мере даже са-

---

[30] *A. D. Xenopol.* Studii economice. Craiova, 1882, p. 187.
[31] Ibid., p. 15.
[32] Цит. по: «Studii», 1966, N 2, p. 273.

мыми «крайними» поборниками капиталистической индустриализации Румынии.

В 70—80-е годы XIX в. окончательно оформилась политическая система буржуазно-помещичьей Румынии. Выдающийся писатель Ион Лука Караджале с возмущением писал о «политическом промысле» в Румынии: «Администрация... состоит из двух больших групп. Одна находится у власти и кормится; другая голодает и ждет своей очереди в оппозиции. Когда кормящиеся становятся бессильными от чрезмерного ожирения, а голодные дошли до последней точки терпения, начинаются уличные беспорядки... Объевшаяся фракция, находящаяся у власти, неспособна противостоять напору проголодавшейся фракции»[33]. Партнеры по коалиции менялись своими местами. Король назначал новое правительство, последнее инсценировало выборы, на которых всегда получало подавляющее большинство мест. Все начиналось сызнова.

Администрация всех степеней была заражена коррупцией, конституция и вообще законы в Румынии в той части, в какой они провозглашали права граждан, нарушались на каждом шагу. Бывшие поборники «свободы, равенства и братства», встав на стезю практической деятельности, учредили печально знаменитую румынскую охранку — сигуранцу. Крестьяне знали один закон — жандармский окрик и побои; рабочее движение преследовалось; в армии процветала палочная дисциплина. Выборы превратились в посмешище. Эти черты правления во всей своей отвратительной наготе проявлялись в первые же годы «великого» кабинета И. Брэтиану.

В этих условиях между брэтианистами и радикальной группировкой К. А. Росетти возник острый конфликт[34]. С точки зрения друзей его юности, Росетти безнадежно отстал от века. Его демократические взгляды воспринимались ими как чудачество, как никому не нужный идеализм. Будучи министром внутренних дел, К. А. Росетти начал бороться со злоупотреблениями возглавляемого им же аппарата и смещать отдельных префектов и примарей, особо отличавшихся грабежом

[33] *И. Л. Караджале.* Избранное. М., 1953, стр. 305.

[34] *A. Cincea.* Disidenţa liberal-radicală condusa de C. A. Rosetti.— «Studii», 1965, N 2.

населения. К тому же Росетти вздумал проводить расследование положения крестьян. Помещики «взбунтовались», и министерская карьера Росетти закончилась его отставкой в начале 1882 г. После этого он продолжал борьбу в печати и парламенте. Его газета «Румынул» помещала статьи о тяжелом положении докеров.

В рабочем вопросе Росетти выступал с позиций буржуазного реформаторства и пропагандировал создание рабочих ассоциаций, главным образом с целью взаимопомощи. Отзвуком идей утопического социализма (которым Росетти увлекался в молодости) явился проект создания особого фонда из пожертвований для обеспечения престарелых тружеников.

Крупная румынская буржуазия, полагавшаяся больше на жандармский кулак, чем на реформы, относилась к Росетти все более холодно. Пропагандируемые им идеи административной децентрализации, введения принципа выборности судей не встречали отклика. Во время обсуждения вопроса об изменении конституции он высказался за снижение имущественного ценза и создание единой избирательной коллегии, но потерпел поражение и вместе со своими сторонниками покинул парламент.

В видоизмененной конституции (1884 г.) [35] высокий избирательный ценз сохранялся. Две первые коллегии по выборам в палату депутатов были объединены и включили наиболее состоятельных граждан с годовым доходом в 1200 лей. Для мелких налогоплательщиков (т. е. массы крестьян и рабочих) был установлен двухстепенный порядок выборов, при котором 50 человек избирали одного выборщика. Иными словами, голос одного помещика или буржуа приравнивался к пятидесяти крестьянским или рабочим голосам. В начале нашего столетия из 5,7 млн. населения страны в избирательные списки было включено 99 тыс. человек. Ни один рабочий, ни один крестьянин вплоть до первой мировой войны не переступил порога парламента.

Была несколько изменена и система выборов в сенат. Ранее в состав первой коллегии избирателей входили исключительно помещики. В 1884 г. верхушка фи-

---

[35] *D. Ionescu, Ch. Ţutui, Gh. Matei.* Dezvoltarea constituţionala a statului român. Buc., 1957, p. 173—174.

нансовой, промышленной и торговой буржуазии добилась и здесь «равноправия»: в первую коллегию вошли богачи, владевшие крупной собственностью, независимо от того, находилась ли она в городах или в сельской местности. Вторую коллегию образовывали те же помещики и буржуа, но рангом ниже. Таким путем капитал лишил последних законодательных привилегий крупнопоместное землевладение. Его радикализм отошел в прошлое, и это очень быстро почувствовали росеттисты. После смерти Росетти (в 1885 г.) эта группировка постепенно перестала играть заметную роль в политической жизни страны.

Вслед за принятием изменений в конституции начался этап политической жизни, который современники окрестили «визиратом» И. К. Брэтиану. Отстояв свои позиции в экономике и политике, буржуазия растоптала те принципы, под знаменем которых выступила в 1848 г. Сам Ион Брэтиану служил живым олицетворением эволюции румынской буржуазии в сторону реакции. Начав свою карьеру в качестве «крайнего радикала» и крикливого демагога, он закончил ее премьер-министром кабинета, правление которого ознаменовалось невиданным даже в тогдашней Румынии произволом. «История,— говорилось в одном современном памфлете,— не знает другого министра, обладающего такой полнотой власти, как г-н Брэтиану, этот бывший демократ-заговорщик, превратившийся в ярого монархиста» [36]. Социалистическая газета «Дрептуриле омулуй» («Права человека») писала: «Придя к власти, вчерашние демагоги... превратились в реакционеров, подобных тем, которых они с таким запалом еще недавно критиковали. Трибун с седой бородой и ликом апостола (И. К. Брэтиану.— *В. В.*) стал кровавым реакционером» [37].

Для укрепления династии либералы преподнесли королю в дар 12 латифундий общей площадью почти в 120 тыс. га, из которых образовали владения короны.

«Подкупив» таким путем короля, И. Брэтиану предоставил ему распоряжаться армией и в значительной мере иностранными делами. Внутреннюю политику «визирь» оставил за собой. Премьер назначал и смещал

[36] «Ouinze mois de regime liberale». Praha, 1886, p. 2.

[37] «Drepturile omului», 22.IX 1889. Цит. по: «Mişcarea muncitoreasca din România 1893—1900». Buc., 1965, p. 37.

министров, тасовал кабинет по своему усмотрению, пополняя его малоизвестными, а то и просто темными личностями. Не проходило и года без публичного скандала в связи с казнокрадством. Особого размаха достигли хищения в военном министерстве и при строительстве железных дорог.

В январе 1880 г. премьер прервал выступавшего консерватора П. Карпа возгласом: «Я тоже консерватор!» Это знаменательное признание символизировало сближение между обеими партиями и сглаживание существовавших между ними разногласий. В области идеологии дело зашло столь далеко, что порой либералы по партийной принадлежности выступали авторами и проводниками взглядов несомненно консервативного оттенка. Так, у колыбели теории «Румыния — аграрная страна» стоял Ион Гика, всю жизнь входивший в либеральные группировки. Именно он выступал передовым «борцом» за завоевание зарубежных сельскохозяйственных рынков и проповедовал принцип свободы торговли, несмотря на его несомненно пагубные последствия для развития национальной индустрии [38].

Выбор преемника И. Брэтиану и его брата Думитру на посту лидера либеральной партии свидетельствовал о силе и влиянии в ней помещичьего крыла. Им стал Д. Стурдза, чьи консервативные воззрения ни для кого не составляли секрета. Новый лидер засвидетельствовал, что не видит разницы во взглядах двух партий. «В румынском государстве существуют либералы и консерваторы; первые трудятся во имя прогресса, неотъемлемого от человеческой жизни; вторые работают ради консолидации этого прогресса; и те и другие не разрушают, а созидают...» [39]

По мере того как стирались расхождения и мельчала политическая борьба, участились перебежки отдельных групп от консерваторов к либералам и наоборот. Некоторые лица кочевали из партии в партию в погоне за депутатскими мандатами, тепленьким местечком или даже министерским креслом и тянули за собой своих сторонников.

---

[38] *I. Ghica.* Convorbiri economice. Ed. a. 3-a. Buc., 1879; *Idem.* Scrisori alese. Buc., 1950.

[39] *I. Găvănescul.* Caracterizarea partidelor politice prin ele inşile. Iaşi, 1905, p. 17—18.

От либералов то и дело откалывались различные группировки; консерваторы долгое время вообще не имели единой организации. Недовольство политикой правительства приводило к образованию кратковременных и непрочных политических союзов, участников которых объединяло стремление свалить кабинет и получить власть и связанные с нею многочисленные блага. Именно такого рода коалиция образовалась против «засидевшегося» у власти Иона Брэтиану (причем в нее вошел и брат премьера Думитру) и добилась падения правительства в марте 1888 г.

Раскрытие грандиозных хищений в военном министерстве побудило оппозицию перейти к активным действиям. Она пользовалась определенной поддержкой не только среди помещиков, но и мелкой и средней буржуазии, недовольной теми преимуществами, которые получил крупный капитал в области налогообложения и кредитов. Это позволило оппозиции организовать две большие демонстрации перед королевским дворцом и палатой депутатов. Обе закончились кровавыми столкновениями с жандармами и полицией. Король не желал расставаться со своим любимцем, но, видя, что на собраниях призывы «Долой Брэтиану» сопровождаются недвусмысленными выпадами и против него самого и что движение принимает массовый характер, пошел на уступки. 19 марта 1888 г. кабинет И. Брэтиану пал [40].

Однако надежды руководителей оппозиции на то, что им достанется власть, не сбылись. Король поручил формирование правительства небольшой группировке младоконсерваторов, или жунимистов [41], которых ценил за монархизм и прогерманскую ориентацию. Их сменили у кормила правления консерваторы других оттенков.

Либералы оказались в оппозиции всерьез и надолго. В погоне за голосами избирателей пришлось заняться забытым за годы правления И. Брэтиану делом — составлением программных материалов, в которых раньше не ощущалось нужды.

Два документа из многих появившихся тогда заслуживают особого внимания. Первый из них — манифест национально-либеральной партии «Призыв к стране»

---

[40] АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, 1888 г., д. 18, лл. 78—140.

[41] Подробнее о них см. стр. 227 настоящей книги.

(май 1888 г.). Обстановка для либералов сложилась нелегкая: только что их вышвырнули из правительства; отчаянное положение крестьян подняло их в марте на восстание, охватившее 27 из 32 уездов страны; «визират» Брэтиану вызвал в стране глубокое негодование; изобличать было некого; поля для демагогического маневра не существовало. «Программная», если так можно выразиться, часть документа сводилась поэтому к невнятной фразе: «Партия продолжает работать во имя победы своих идей и принципов и считает своим первейшим долгом сказать слово в нынешних трудных обстоятельствах» [42]. Но на поверку оказывалось, что сказать ей нечего. И авторы манифеста, ничтоже сумняшеся, объявили, что социальных проблем в Румынии... не существует. Чем же объяснить тогда мощное восстание, только что прокатившееся по селам, демонстрации в городах, широко распространенное в стране недовольство? Причина, говорили сочинители этого любопытного материала, кроется в темных замыслах неких зарубежных сил, завидующих славе и процветанию Румынии, достигнутых поистине эпическими деяниями либеральной партии. Иноземные интриганы сумели совратить в Румынии кучку недовольных, которая «ставит свое личное тщеславие выше блага страны». Недовольные пустили в ход клевету, оскорбления и вообще все виды недостойных выпадов и приемов, чуждых добродетельным либералам. И наконец, они «прибегли к вернейшему средству разрушения общества, которое увенчивалось успехом и в другие времена и в иных странах. Они попытались вызвать ненависть мелких собственников против крупных, заставив их поверить, будто в Румынии существует социальный вопрос, аграрный вопрос,— и это в стране, где большая часть крестьян владеет собственностью и где обширные государственные владения предоставлены в распоряжение тех, кто трудом и экономией может их приобрести» [43].

Пожалуй, в манифесте 1888 г. кризис либеральной общественно-политической мысли проявляется в наибо-

---

[42] «Istoricul partidului național-liberal». Buc., 1923, p. 128.

[43] Ibid., p. 133. Последняя фраза содержит намек на законы о распродаже государственных земель. Их условия позволяли приобретать участки только состоятельным людям, а не трудящимся крестьянам.

лее отчетливой форме; социальная удовлетворенность крупной румынской буржуазии, осуществление ее основных классовых требований завели либеральную идеологию в тупик. И в дни жестоких раздоров внутри олигархии сохранение устоев буржуазно-помещичьей коалиции остается первейшей заботой либералов, и они выступают в защиту помещичьей собственности, бросая оппонентам, лидерам консерваторов «страшное» обвинение в стремлении подорвать социальные устои. Румынский капитал столь прочно втянулся уже в сотрудничество с бывшими боярами, столь удобно чувствует себя на объединенном троне буржуазно-помещичьего блока, что даже воспоминания о былой борьбе и острых разногласиях тяготят его. Он отрекается от собственного прошлого. В интересующем нас манифесте история Дунайских княжеств представляется так, будто они никогда не были полем социальных столкновений. В восстании 1821 г. под водительством Тудора Владимиреску подчеркивается только его национально-освободительная направленность. Само слово революция неприемлемо для его авторов, и события 1848 г. именуются «движением», доказавшим, что княжества «в состоянии свергнуть давящий гнет иноземца, освободить страну и укрепить нацию». О классовой борьбе крестьян против бояр, о столкновениях молодой буржуазии Молдовы и Валахии с феодалами — ни слова.

Многочисленные декларации по поводу иноземного гнета и «чужаков» вообще в «Призыве» никак нельзя приписать тактическому маневру обанкротившихся политиканов, стремившихся свалить с себя вину за беды, которые они навлекли на страну. Нет, это было одним из проявлений усилившегося национализма и шовинизма, как неотъемлемой черты буржуазной идеологии.

Едва встав на ноги и завоевав «место под солнцем», румынский капитал начал проявлять свойства мелкого и несамостоятельного, но изворотливого, упорного и настойчивого хищника. Мечты о территориальной экспансии привели его к военному союзу с Германией и Австро-Венгрией.

Румынская буржуазия всегда делала ставку на сильного. А таковым в 80-х годах рисовалась Германская империя, находившаяся в зените своего могущества. Союз держав центра, казалось, надолго стал преобла-

дающей группировкой в Европе. Франция еще не оправилась от разгрома 1870 г. и не дерзала бросать вызов победителю. Ее военное сотрудничество с Россией даже не намечалось.

Наметив в качестве района экспансии Бессарабию, Ион Брэтиану в 1883 г. нанес визит в Берлине Бисмарку. Прием он встретил сдержанный. «Железный канцлер» решительно пресек «румынские воздушные замки» насчет территориальных претензий к России. В непосредственный союз с Румынией он вступать отказался, а направил своего собеседника в Вену, где и был заключен австро-румынский договор, к которому Германия присоединилась отдельным протоколом. По требованию канцлера из текста было изъято упоминание о России,— «иначе у румын всегда будет сильное искушение, если к тому представится юридическая возможность, ради румынских реваншистско-захватнических вожделений, простирающихся до Днестра и дальше, воспользоваться участием германо-австро-венгерских войск численностью почти в два миллиона»,— писал он одному из своих сотрудников [44].

Присоединившись к договору, Бисмарк достигал сразу трех целей: становился своего рода арбитром в австро-румынских делах; вербовал себе на службу румынскую армию на случай конфликта с Россией (обезопасив себя от участия в столкновениях, спровоцированных Румынией); надолго гасил территориальные притязания Бухареста к Австро-Венгрии, он не забывал, что в пределах Габсбургской монархии проживало до трех миллионов румын, борьба которых за свои права встречала в Румынии глубокое сочувствие.

Акт сохранялся в глубочайшей тайне, о нем не знали ни парламент, ни тем более общественность, которая могла воспринять его как предательство трансильванских румын. В манифесте 1888 г. либералы клялись в миролюбии: «Следует показать Европе, что румынская нация, сумевшая выжить вопреки всем нашествиям варварских орд... желает жить собственной жизнью и развиваться мирно и спокойно на земле, на которой ее поселил господь бог» [45].

[44] *А. С. Ерусалимский.* Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968, стр. 203.

[45] «Istoricul partidului național-liberal», p. 134.

Но толкование пределов, предначертанных господом богом для расселения румын, бухарестские правители брали на себя.

Прикрываясь популярным в стране лозунгом объединения румынского народа, они выдвигали притязания, выходившие за рамки решения национального вопроса и означавшие захват земель соседей [46].

Принятая на съезде в Яссах в ноябре 1892 г. программа либералов во многих существенных чертах совпадала с выпущенным за четыре года до этого манифестом. Но есть и отличия, главным образом в приемах, в подходе к избирателю, в способах, с помощью которых его пытались привлечь. Обстановка 1888 г. диктовала крайнюю сдержанность — не критиковать же самих себя. В 1892 г. этот фактор отпал, язык либеральных ювеналов обрел полную свободу. И они не пожалели красок, изображая, как противники за краткий срок своего правления низвергли Румынию из либерального рая в консервативную преисподнюю. Это своего рода образец того дешевого пустозвонства, без которого не обходилась ни одна избирательная кампания в то время.

«В эти дни тяжких испытаний,— говорилось в программе,— пришлые иноземцы лишают государство силы, а народ стонет в рабстве и унижении. Власть имущие, создав привилегированную олигархию... забыли о всяком долге по отношению к стране». «Привилегированный класс превратился в нечто гнилое, невежественное и вялое, без традиций и национальных устремлений, живущее интригами и грабежом, унижающее народ и тем самым самого себя. В конечном счете он выродился в деградированную, развратную, отчаявшуюся клику» [47],— негодовали либералы, рассчитывая, видимо, на короткую память избирателя, забывшего уже все «прелести» «визирата» Иона Брэтиану. Нам важно отметить пронизывающие этот документ тенденции. Первая — отрицание в истории румын каких-либо революционных традиций: «Народ,— заявлялось в программе,— не прибегал к оружию, к насилию всегда обращались привилегированные» [48]. Вторая касалась внешних дел.

---

[46] См. стр. 394 настоящей книги.

[47] Programul partidului naţional-liberal. 1892. In: «Istoricul partidului naţional-liberal», p. 144—146.

[48] «Istoricul partidului naţional-liberal», p. 147.

В программе явственно проявилась претензия румынской олигархии на ведущую роль на юго-востоке Европы, разумеется, под флагом особой миссии, будто бы предначертанной для румын историей — стать «в устье Дуная представителем и часовым западной цивилизации» [49].

В части программы, касавшейся конкретных мероприятий, либералы обещали заботиться о сельском хозяйстве, промышленности и торговле, строить школы, ввести экзамены для лиц, желающих занять судейские должности, обеспечить коммунам и уездам возможность «в полной мере осуществлять свои местные административные функции». Все эти обещания были сформулированы в общей форме, без указания срока воплощения в жизнь и оставляли партийной верхушке полную свободу для маневра. Поскольку партию поддерживало немалое число избирателей-крестьян и ее влияние в зажиточном, собственническом крестьянстве было значительным, либералы не скупились на обещания: крестьяне — вот тот «фундамент, на котором зиждется национальное государство... Наша цель — чтобы каждый крестьянин имел в полной своей собственности участок земли, пригодной для обработки, чтобы он мог обеспечить себе материальную независимость, чтобы повысился уровень его жизни, и материальной, и нравственной». Партия обязывалась позаботиться о создании кредитных учреждений, поощрении строительства домов, облегчении условий покупки скота и инвентаря, введении страховки на случай пожара и гибели домашних животных, широко применять закон о распродаже помещичьей земли с тем, чтобы «исчезло в Румынии без следа материальное и моральное рабство крестьянина». На деле перечисленные мероприятия благоприятствовали прежде всего собственнической, зажиточной прослойке на селе.

Восстание 1888 г. заставило буржуазных идеологов крепко задуматься. Они медленно, с оглядкой, чтобы не рассердить помещиков, приступили к укреплению кулачества, как своей опоры в деревне. Процесс этот усилился после грозного крестьянского восстания 1907 г.

---

[49] Ibid., p. 145.

Либералам удалось удерживать под своим влиянием значительные круги демократически настроенной мелкой буржуазии и интеллигенции. Перед ними надо было засвидетельствовать свои демократические устремления. В программе говорилось: «Всеобщее избирательное право при пропорциональном представительстве является идеалом национал-либеральной партии». В то же время руководители партии, избегая конкретных обязательств, писали, что к этой цели следует идти «путем постепенных реформ, распространяя во всех слоях общества свет просвещения...» [50]

Либеральные стратеги умело маневрировали в сложной социальной обстановке Румынии того времени. Значительные прослойки мелкого, а порой и среднего капитала, интеллигенции, собственнического крестьянства являлись питательной средой буржуазного радикализма. Но, что характерно для предвоенной Румынии, либералам в общем удавалось удерживать их под своим влиянием. Много раз в партии возникали диссидентские группировки; случалось, появлялись и самостоятельные политические формирования, обычно быстро сходившие со сцены. Однако прочной буржуазно-демократической организации, способной соперничать с двумя партиями, которые уже перед первой мировой войной получили наименование «исторических» партий, создать не удалось.

Показательна судьба радикальной группировки, которую после смерти К. А Росетти возглавил Г. Пану. В парламенте и в печати она отстаивала всеобщее избирательное право, продажу крестьянам земли (из государственных фондов, а после их истощения — за счет помещиков, но только на добровольных началах), введение налога на капитал, установление минимума заработной платы, системы социального обеспечения, 8-часового рабочего дня, поощрение мелкой промышленности. Г. Пану указывал при этом: социалисты (которые включали подобные мероприятия в свою программу) «хотят изменить нынешнее социальное положение»; радикалы же стремятся устранить существующее зло, не меняя системы [51]. Порок программы заключался в том, что при

---

[50] «Istoricul partidului național-liberal», p. 154.

[51] *Tr. Lungu.* Viața politică în România la sfîrșitul secolului al XIX — lea, p. 173—174, 176—177.

существовавшей расстановке классовых сил провести эти похвальные мероприятия в жизнь, не меняя социальной системы, было невозможно и планы радикалов превращались в набор благих пожеланий.

Все их усилия результатов не приносили, и тогда лидеры, проявляя величайшую политическую беспринципность, вступили кто в либеральную, а кто и в консервативную партию. Сам Пану закончил жизнь в рядах консерваторов, тех самых, которых сам ранее именовал «врагами прогрессивных идей, врагами освобождения масс».

Исчезновение радикальной группировки было бы неверно приписать исключительно карьеризму ее руководителей, хотя и он сыграл определенную роль. Румыния вступила в эпоху империализма, которая характеризовалась реакцией по всей линии. Рабочее движение превратилось в серьезную силу на политической арене страны, мир собственников сплачивал силы.

Радикализм промышленной буржуазии отошел в область предания еще после войны за независимость. Социальная база радикалов постепенно сужалась, они опирались прежде всего на мелкую буржуазию городов. Отсюда резкое ослабление их влияния уже в 80-е годы, продолжавшееся в следующем десятилетии. В 90-е годы стремление к консолидации буржуазных сил в определенной степени затронуло мелкую буржуазию. Надо учитывать также, что либералы провели ряд мероприятий, облегчавших буржуазное развитие страны. При слабости местного капитала введение протекционистских тарифов, несколько стеснив проникновение зарубежных товаров на румынский рынок, способствовало сохранению мелкой промышленности. Заботились либералы и об укреплении кулачества. Наконец, руководителям этой партии нельзя отказать в способности к тактическому маневру. Они неизменно высказывались (разумеется, «в принципе») за демократические преобразования, в критические моменты шли на уступки, и это помогало удерживать в орбите партии интеллигенцию, считавшую ее представительницей прогресса.

Консервативные оттенки общественно-политической мысли

Консерваторы и в конце века продолжали представлять в политике латифундистов, придерживавшихся отработочной системы земледелия. Но, убедившись, что либералы не посягают на их «права», они молчаливо признали роль буржуазии и не посягали на важнейшие экономические и политические установления, проведенные в ее интересах. Консервативной реконкисты после падения кабинета Иона Брэтиану не произошло. Это приводило не только к смягчению противоречий внутри буржуазно-помещичьего блока, о чем говорилось выше, но и способствовало зарождению в консервативных недрах группировок, представлявших землевладельцев-предпринимателей капиталистического типа и промышленников, занятых главным образом переработкой сельскохозяйственного сырья. Тесные связи с крупным землевладением (а зачастую и боярское происхождение), неприязнь к псевдодемократической фразеологии либералов, а порой и карьеристские соображения лидеров этих группировок обусловливали их нахождение в партии. Один из видных консервативных идеологов Титу Майореску писал поэтому: «Консервативные принципы в нашем конституционном государстве не имеют ничего общего с социальными различиями между боярами и буржуа» [1].

Надо сказать, что внутри партии никогда не существовало полного единства взглядов, что отражало ее сложный состав. Очень часто происходили открытые расколы — диссидентство было хронической болезнью консерваторов. Но, несомненно, существовали установки, общие для всех оттенков консервативной мысли. С точки зрения философской консерваторы приняли на вооружение разработанную И. Элиаде-Рэдулеску теорию «равновесия между антитезами», отрицавшую антагонистические противоречия в природе и жизни. Правительство и народ, индивид и общество, свобода и власть, разум и чувство — все эти явления, по воззрению Элиаде, находятся в неустойчивом, легко нарушаемом равновесии. Долг философа, политика, литератора, публициста —

[1] *I. Maiorescu.* Istoria contemporană a României. Buc., 1925, p. 45.

способствовать тому, чтобы оно стало прочным. Элиаде не отрицает поступательного движения вперед. Он считает, однако, что прогресс должен сочетаться с паузами, своего рода передышками для освоения достигнутого, его органического внедрения в жизнь; только так может осуществиться гармония, иными словами — равновесие между антитезами. Политический вывод Элиаде гласил [2]: «Подлинный прогрессист всегда является консерватором. Подлинный консерватор всегда в то же время прогрессист. Подлинный консерватор всегда является подлинным прогрессистом». Главное — не спешить: «Румыния пропадет, если станет вводить разнородные законы и доктрины, привнесенные либо заимствованные из-за рубежа...» [3]

Эти положения «прогрессивного консерватизма» вполне устраивали стремившихся приспособиться к новым буржуазным условиям бояр. Вопрос же о конкретном соотношении движения и консервации неизменно толковали в пользу последней.

Пожалуй, наиболее сжато и в то же время четко и определенно политические воззрения румынских консерваторов были сформулированы в написанной много позднее (уже в 20-е годы нашего столетия) статье Александру Маргиломана «Консервативная доктрина».

Прежде всего необходимо отметить, что консерваторы не решались открыто выступать в защиту старины. Они тоже записались в сторонники прогресса: «Консервативная доктрина,— писал Маргиломан,— считает справедливой ту историческую истину, что подлинный, прочный прогресс недостижим с помощью скачков, и может быть лишь результатом гармонической связи между прошлым и настоящим. Жизнеспособные институты... развиваются сами собой по мере нормального развития общества... Было бы большой ошибкой состряпать их в готовом виде с помощью силы по шаблону, рожденному тщеславием отдельного человека-реформатора или партии, будь то в тиши кабинета либо в шуме клубного заседания» [4]. Консерваторы в противоположность сторонникам

[2] «Istoria filozofiei româneşti», I. Buc., 1972, p. 198. Детальный анализ мировоззрения Элиаде см. *R. Temoiaga.* Ion Eliade-Rădulescu. Ideologie social-politică şi filozofică. Buc., 1971.

[3] «Istoria gîndirii sociale şi filozofice în România». Buc., 1964, p. 228.

[4] *A. Marghiloman.* Doctrina conservatoare. In: «Doctrinele partidelor politice». Buc., 1924, p. 112.

всевозможных «утопий» всегда имеют в виду две вещи: традицию и реальность.

Хотя в Румынии дело с традициями обстоит похуже, нежели в Англии, но две из них сохраняются: собственность и религия[5]. «К счастью, мы не видали религиозных войн!» — восклицал он.

И первый зарок для консерватора: чти религию, не посягай на нее. «Служи ей благоговейно, ибо это — самая прочная, историей доказанная связь с прошлым». Если бы в этой области и не существовало традиций, «государственный интерес» продиктовал бы их создание.

Второй зарок для консерватора: оберегай собственность: «Собственность появилась вместе со вступлением человека в общественную стадию. Она родилась по воле коллектива, из человеческого инстинкта»[6].

Поскольку под собственностью румынские консерваторы подразумевали прежде всего помещичью, то «опора» партии на два самых реакционных явления в экономической и идеологической жизни тогдашней Румынии станет очевидной. Прогресс допускался ими с неохотой и лишь постольку, поскольку опыт показал, что бороться против нового безнадежно. Они «смирились» и с аграрной реформой 1864 г., и с проведенными на французский лад законодательными и административными преобразованиями, и с умеренным протекционизмом.

Вздохи по поводу невозвратно ушедшей старины, воспевание идиллически-патриархальных отношений, будто бы царивших в феодальной деревне, умилительные рассказы об «отеческой» заботе боярина о «своих» крестьянах — все это мыслью не назовешь.

---

[5] Атеистические представления некоторых консервативных идеологов, например, Титу Майореску, ни в малой степени не означали отказа от религии, как одного из оплотов консерватизма. Атеизм считался (и являлся) их личным делом и на общественной деятельности отражался слабо. Тот же Майореску, будучи министром культов и просвещения, отказался от отделения школы от церкви, считая, что «следует опираться на то, что есть, на религиозные чувства» (цит. по: «Istoria filozofiei româneşti», v. I, p. 371). Свой курс по истории философии в новое время Майореску начал словами: «Милитаризм и религия — вот два рычага эволюции общества, его движения вперед» (цит. по: «Istoria gîndirii sociale şi filozofice în România», p. 338).

[6] «Doctrinele partidelor politice», p. 116.

И все же было бы неверно полагать, что основные постулаты консерваторов не давали никакого простора для идеологического маневра. И после объединения в 1880 г. отдельных консервативных группировок в партию[7] она продолжала опираться на крупных землевладельцев. Но само понятие «помещик» теряло свою прежнюю определенность. То мог быть и боярский потомок, утративший звание, но сохранивший дедовские методы отработочного труда. Но в лице помещика выступал и предприниматель-капиталист, избравший полем своей деятельности сельское хозяйство и стремившийся приспособить пережиток феодальных времен — помещичье землевладение — к условиям буржуазной действительности. Именно из этой среды вербовались идеологи и теоретики консервативного направления.

Выход либералов на первое место в буржуазно-помещичьей коалиции, удовлетворение основных требований румынского капитала сопровождались деградацией либерализма. Умственная энергия устремлялась не в сферу мысли, а в область предпринимательства. Борцов сменили реформаторы, а реформаторов — дельцы от экономики и от политики. Этот факт признан самими буржуазными исследователями. Победоносная буржуазия, ранее столь богатая теоретической мыслью, «переходит к практическим делам»,— писал Штефан Зелетин[8].

Консерваторы оказались «свободнее» в смысле занятости, и на фоне самоуспокоенности и деградации общественно-политической мысли у либералов их идеологические поиски выступали особенно рельефно. Их теоретики выполняли четкий социальный заказ — оправдать и обосновать сохранение за помещиками ведущей роли в экономической, политической и духовной жизни страны.

В консервативных недрах зародилась теория «Румыния — аграрная страна». Еще в 1860 г. А. Д. Морузи

---

[7] В 1880 г. в Бухаресте появился консервативный клуб. Этот год и считается датой образования партии (*T. Maiorescu.* Op. cit., p. 176). Надо сказать, что и после этого продолжали существовать отдельные консервативные группировки, то объединявшиеся, то расходившиеся.

[8] *St. Zeletin.* Revolutia burgheza in România.— «Arhiva pentru ştiinţa şi reforma socială», 1922—1923, N 2, p. 179.

объявлял: «Плуг — вот наше войско, мировые рынки — вот поле битвы для нас» [9]. И позднее он предрекал полную бесперспективность всякой попытки насадить в Румынии промышленность. «Господа, вы знаете, что наша страна — сельскохозяйственная, что индустрия рождается лишь в условиях изобилия рук и капиталов, не нашедших применения в земледелии; наступления этого приятного состояния мы уже долго ждем, а оно никак не приходит, и еще длительное время наше сельское хозяйство будет поглощать и руки и капиталы, которые мы раздобудем. Следовательно, еще долго у нас не сможет существовать индустрия вопреки искусственным стараниям некоторых из вас» [10].

Отражением этих взглядов во внешнеторговой политике явилась проповедь свободы торговли, апологеты которой во главе с известным экономистом и финансистом Ионом Стратом объявляли ее «последним словом науки» [11]. Конвенция 1875 г. с Австро-Венгрией, плод усилий кабинета Ласкара Катарджиу, объявлялась ее авторами, рассуждавшими с узко классовой точки зрения, венцом экономической и политической мысли. «Господа,— возглашал в парламенте министр иностранных дел Василе Боереску,— объявляю и утверждаю без тени сомнения, что это — один из самых благодетельных актов, появившихся в Европе, и достойно жалости невежество, которое решилось бы бросить тень на подобный акт, впишущий ваши имена золотыми буквами в историю...» [12]

Но прошло десять лет, и консерваторы не дерзнули голосовать против протекционистского тарифа 1886 г. и не вернулись к принципу свободы торговли ни в годы длительного пребывания у власти (1888—1895), ни позднее. Вряд ли нужно более убедительное свидетельство их способности к социальному маневру, и возрастания буржуазного влияния в их среде.

---

[9] См. *O. Constantinescu.* Lupta de opinii în jurul problemei orientării economice a României.— «Anale do istorie», 1968, N 4, p. 133.
[10] Цит. по: *T. Paul.* Un moment important în lupta pentru adoptarea unei politici protecţionaliste.— «Anale de istorie», 1969, N 5, p. 94.
[11] Ibid., p. 94.
[12] Ibid., p. 95.

С 70-х годов XIX столетия на передовые рубежи консервативной социально-политической мысли вышло общество «Жунимя» («Молодежь»).

Возникло оно как кружок любителей литературы и искусства в Яссах в 1864 г. Его инициаторы Т. Майореску, П. П. Карп, В. Погор, Т. Росетти, Я. Негруцци — недавние выпускники германских университетов ратовали за развитие родного языка и литературы, за подъем искусства, жаждали ознакомить румынскую общественность с сокровищницей западноевропейской мысли. Основанный ими через три года журнал «Конворбирь литераре» («Литературные беседы») объединил вокруг себя цвет творческой интеллигенции. С его страниц зазвучали стихи Михаила Эминеску, здесь пробовал свое перо Ион Славич, печатались ставшие знаменитыми комедии Иона Луки Караджале и повести Иона Крянгэ. Журнал выступал за чистоту языка, отвергал произвольные построения реформаторов-латинистов, готовых потопить здоровую народную основу языка в потоке иностранных заимствований, боролся за высокие художественные достоинства творений румынской национальной литературы. В молодом румынском литературоведении и языкознании особенно велики заслуги Титу Майореску. Он сражался против «произвольных конструкций филологов-латинизаторов, которые «под предлогом очищения языка составляли словарь терминов, неизвестных румыну, и отдаляли разговорное слово от жизненных истоков народной речи»[13]. Он писал своему другу Д. Замфиреску: «Реализм, реализм, но высокохудожественный»[14]. Долгое время журнал «Конворбирь литераре» был единственным солидным изданием подобного рода в стране, и талантливые писатели пользовались гостеприимством редакции даже в тех случаях, когда ни идейно, ни организационно не имели ничего общего с младоконсерваторами.

Но в научном отделе журнала доминировали именно эти силы, и их активность бросала тень на его содержание. «Литературные беседы» превратились в глашатая идеалистической философии, консерватизма в общественной жизни, теории «чистого искусства» в эстетике

---

[13] «Istoria filozofiei româneşti», v. I, p. 386.
[14] «Viaţa românească», 1963, N 8, p. 81.

и ее следствия — требования изгнания «политики» из литературы.

В поисках «противоядия» идеологическому влиянию французской буржуазной революции младоконсерваторы обратились к немецкой философии. Онователи общества почти все воспитывались в германских университетах в душной атмосфере реакции, царившей здесь в официальной науке после 1848 г. Влияние на них некоторых сторон философии Гегеля, его идеи всеобщего развития оказалось поверхностным. У Шопенгауэра они восприняли мысль о неизбежности страданий, его воинственный антиматериалистический и контрреволюционный дух, его презрение к «черни» и демократии. В воззрениях британского философа Герберта Спенсера жунимистов привлекала идея эволюции. Отрицание Спенсером возможности качественного скачка в развитии общества, революции, негативное отношение к социализму были взяты ими на вооружение. Титу Майореску лично перевел сочинение Спенсера «Против социализма». Но в вопросах экономической политики они стояли за проведение более гибкой линии и не восприняли спенсеровского тезиса о полном невмешательстве государства в хозяйственную жизнь,— тезиса, отвечавшего воззрениям британской буржуазии эпохи ее наибольшего могущества, но являвшегося анахронизмом в конце XIX в.[15]

Жунимисты изучали и пропагандировали знаменитую работу Генри Бокля «История цивилизации в Англии». Они разделяли идеализм Бокля, его твердую приверженность эволюционному принципу, отрицание классовых противоречий, его отношение к знанию как первопричине изменений в экономическом и политическом строе. Некоторые ведущие деятели общества, включая Титу Майореску, высоко оценивали эволюционную теорию Чарльза Дарвина, распространяя ее и на общественные явления. Их социал-дарвинизм, несомненно, основывался на медленном темпе развития природы. Ее законами они хотели обосновать свою борьбу с революцией.

---

[15] См. интересный очерк идеологии жунимизма *Z. Ornea.* Junimismul. Buc., 1966.

Сложнее было отношение жунимистов к положительным сторонам теории позитивизма, сторонниками которой являлись и Спенсер и Бокль, их вере в силу разума, общественный прогресс, критике невежества и предрассудков, к отрицанию феодальной идеологии. Высокообразованные молодые эрудиты и эстеты, основатели общества, ратовали за развитие науки, искусств и литературы. Но носителем прогресса во всех областях умственной и экономической жизни являлась, по мнению жунимистов, интеллектуальная элита, верхние несколько тысяч (а, может быть, и несколько сот), естественные руководители общества, вкусившие от сокровищницы человеческого знания и мысли. Остальные — «плебс», «чернь» — обречены (совсем в духе философии Шопенгауэра) вести трудную борьбу за существование. Младоконсерваторы в принципе высказывались за распространение в народе образования и улучшение его материальной жизни. Но все это — с позиции медленного эволюционизма, без всякого перерыва постепенности, одним словом, употребляя крылатое выражение М. Е. Салтыкова-Щедрина, «по возможности», причем меру этой возможности определяла та же элита.

Революция 1848 г. вызывала их гневное осуждение и даже скромные реформы 50—60-х годов воспринимались младоконсерваторами как недопустимое и неоправданное нарушение естественной эволюции, они расценивались как навязывание Румынии иноземных образцов, не соответствующих ее внутреннему развитию. Тезис о противоречии между экономическим и духовным базисом и импортированными формами западной цивилизации стал одним из основных в жунимистской идеологии. На его обоснование были устремлены усилия двух их руководителей — Титу Майореску[16] в области идеологии и Петре Карпа — в политике.

---

[16] Оценка мировоззрения Т. Майореску претерпела в СРР определенную эволюцию. В 50-х годах оно рассматривалось исследователями-марксистами как целиком реакционное (см., например, *C. I. Gulian.* Titu Maiorescu, exponentul ideologiei reacţionare a regimului burghezo-moşieresc.— «Studii», 1950, N 1). Объяснялось это накалом идеологической борьбы, в ходе которой противники социалистической культуры подняли Майореску на щит: «В первые годы после освобождения Румынии идеологические позиции Майореску служили подлинным бастионом сопротивления социализму» (*P. Cornea.* Titu Maiorescu şi paşoptizmul.— «Viaţa romî-

Майореску — консерватор новой формации. Идея эволюции явственно проступает в его мировоззрении. Он высоко отзывается о теории Дарвина: «Эта достойная восхищения теория показывает, что мир есть и будет находиться в состоянии непрерывного развития и что это продолжающееся прогрессивное движение происходит под влиянием непреложных законов» [17]. Майореску проецирует эволюционную доктрину на жизнь общества, отрицая возможность в ней качественных скачков (революций). Важно отметить в социальных взглядах Титу Майореску и другую черту — развитие общества происходит, по его мнению, путем борьбы со

---

nească», 1963, N 9, p. 103). В дальнейшем произошла переоценка его наследия. Стали подчеркивать заслуги Майореску как теоретика литературы, его место в становлении национальной культуры и искусства, в чем творчество Майореску сыграло значительную, хотя и далеко не однозначно положительную роль. Выступая с этих позиций, Х. Брату писал в то же время: «Ни в философии, ни в эстетике, ни в социологии Майореску не выработал оригинальной системы» (*H. Bratu.* Titu Maiorescu.— «Viaţa românească», 1963, N 8, p. 64). В ходе дискуссии, завязавшейся в 1963 г., справедливо подчеркивалась опасность «произвольного отделения критика и философа от политического деятеля», «рассмотрения в микроскоп изолированных положений при полном пренебрежении к контексту и общему ансамблю творчества Майореску» («Viaţa românească», 1963, N 9, p. 104). Однако в последние годы румынские авторы обращают внимание почти исключительно на те черты мировоззрения Майореску, которые можно оценить или истолковать положительно (скажем, в соответствующих разделах 1-го тома «Истории румынской философии»). В этом труде вообще не дается сколько-нибудь развернутой оценки общественно-политических взглядов мыслителя. Предпринимаются и попытки истолковать в позитивном смысле теорию «чистого искусства» в интерпретации Майореску. «В социальном плане, в конкретном культурном контексте, в котором жил Майореску,— утверждает М. Чурариу,— идея «искусства ради искусства» выражала вкус, ощущение, идеологию, отношение социальной категории, для которой искусство отвечало повседневным человеческим потребностям, но в то же время стремилось вырвать человека из повседневности, «поставить» его, как говорил Майореску, «вне и над интересами повседневной жизни» (*M. Ciurariu.* Titu Maiorescu reeditat.— «Revista de filozofie», 1966, N 10, p. 1295). На деле тезисы Майореску вроде следующего: «Политика есть продукт разума; поэзия есть и должна быть продуктом фантазии...: одно исключает другое» (Ibid., p. 1298) — не возвышали поэзию, а удаляли ее от нужд народных, сужали сферу ее воздействия. Ибо самая высокая задача искусства — способствовать улучшению жизни.

[17] «Istoria filozofiei româneşti», vol. I, p. 372.

злом моральным, а не социальным. Он призывает изгнать это зло, «проистекающее из людской лени, злобы и невежества». Он выступает против «нужды, порока и преступления, невежества и жестокости»[18], но не ищет их корни в глубинах производственных отношений».

С точки зрения Майореску, история его страны в предшествующие полвека — нонсенс, злая шутка, сыгранная с нею обучавшейся в европейских университетах молодежью, которая по своему произволу накроила и провела необдуманные и неоправданные реформы. Вот что он писал: «Погруженное вплоть до начала XIX в. в восточное варварство, румынское общество начиная с 1820 г. стало освобождаться от сковывавшей его летаргии. Лишь в это время зараза идей Французской революции достигла дальних пределов Европы. Привлеченная светом, наша молодежь предприняла ту из ряда вон выходящую эмиграцию к кладезям знаний во Франции и в Германии, которая продолжается и поныне и которая навела на освободившуюся Румынию лоск современного общества. К сожалению, только внешний лоск! Ибо, будучи и по сей день неподготовленными, пораженные величественными феноменами современной культуры, они восприняли лишь ее результаты, но не углубились в ее суть, увидели лишь внешние формы цивилизации и не проникли в ее глубокие исторические причины, которые с необходимостью породили эти формы и без которых они не могли возникнуть. Фатально поверхностная румынская молодежь, в чьем уме и сердце слишком легко возгорается огонь, возвращалась и возвращается на родину с решимостью подражать, воспроизвести здесь внешние формы западной культуры, с желанием возможно скорей насадить литературу, науку, изобразительное искусство и прежде всего свободы, присущие современному государству. Эти юношеские иллюзии столь упорно повторялись, что породили в румынском обществе могущественное направление, увлекшее с одинаковой силой и молодежь, и стариков...» «Движущая сила этого явления сводится к тщеславному стремлению потомков Траяна[19] походить на иные на-

---

[18] Ibid., p. 374.
[19] Так Т. Майореску называет румын.

роды любой ценой, доказать, что мы равны с ними по уровню цивилизации, даже если при этом страдает истина. Только этим можно объяснить пороки, разъедающие нашу общественную жизнь, а именно, отсутствие солидной основы воспринятых нами зарубежных форм»[20].

Здесь воспроизведен длинный отрывок из ранней (1868 г.) работы Титу Майореску «Против нынешнего направления в развитии румынской культуры», в которой выражена квинтэссенция взглядов жунимистов на румынскую историю XIX в. В дальнейшем и сам Майореску, и его коллеги по обществу с различными вариациями повторяли эти же мысли. Даже скромную конституцию 1866 г. младоконсерваторы считали по меньшей мере несвоевременной. Т. Майореску беспокоился по поводу того, что «румыны совершают величайшую ошибку», «вводя никому не понятные учреждения», «игнорируя характер и привычки народа» и тот бесспорный факт, что «народы медленно поднимаются к подлинной культуре». П. П. Карп повторял сказанное, делая вывод: «реформа может быть плодотворной лишь в том случае, если она продолжает прошлое»[21]. Третий основатель общества, Т. Росетти, жаловался: «В беспредельном и неосмысленном стремлении воспринять формы передовой цивилизации мы попрали кощунственной рукой древние традиции и порвали нить исторического развития»[22].

Титу Майореску возводил этот консервативный курс в степень философского обобщения: «Ценность всякого идеала зависит от его осуществимости; этим идеал отличается от бесплодных мечтаний, именуемых утопией»[23]. К последней он относил даже значительную долю идеологического наследия румынской буржуазии.

Специфика критики жунимистов заключалась в том, что они умело вкрапливали в нее зерна истины. Кто может возражать против тезиса о необходимости учитывать специфику страны при проведении экономических, общественно-политических и культурных преобразований? Младоконсерваторы показывали, что сплошь

---

[20] *T. Maiorescu.* Critice, I. Buc., 1967, p. 147—148.
[21] *Z. Ornea.* Op. cit., p. 89.
[22] Ibidem.
[23] «Istoria filozofiei româneşti», v. I, p. 381.

и рядом это условие нарушалось и в политике и в науке. Тот же Титу Майореску, человек высокой эрудиции и энциклопедической образованности, разумеется, не мог воспринять смехотворный тезис насчет «чисто римского» происхождения своих соотечественников, а акробатические прыжки «латинизаторов» румынского языка вызывали у него презрение.

Но в своей критике жунимисты впадали в другую крайность. Послушать их — и Дунайские княжества представлялись бесплодной пустыней во всем, что касалось науки, культуры, искусства, общественной мысли. Нигилизм их превосходил всякие пределы. Вот что писал Титу Майореску: «Румынская интеллигенция с готовностью вломилась в открытую дверь и с внутренней ложью и внешними претензиями принялась имитировать и фальсифицировать все формы современной цивилизации. Не имея политической партии, нуждавшейся в своем органе, и общественности, любящей науку и ощущающей потребность в чтении, мы основали политические газеты и литературные журналы и тем самым извратили и презрели журналистику. Не имея сельских учителей, мы понастроили школ в деревнях, не имея способных педагогов, наоткрывали гимназий и университетов и надругались над народным просвещением... Не имея и тени оригинальной научной деятельности, основали румынское академическое общество с отделениями философии, истории, филологии и естественных наук и фальсифицировали саму идею академии. Не имея нужных артистов, открыли музыкальную консерваторию; не имея ни одного сколько-нибудь значительного художника, основали школу изобразительных искусств; не имея ни одного заслуживающего внимания драматического произведения, создали национальный театр,— и тем самым презрели и извратили все эти области культуры» [24].

Нигилизм Майореску затапливает те ростки прогрессивного, что пробивались и в культуре, и в искусстве, и в политической жизни Румынии. XIX век, предстающий перед взором Майореску этакой бесплодной пустыней, вошел в историю страны как век возрождения. Георге Лазэр и Ион Элиаде-Рэдулеску положили нача-

[24] *T. Maiorescu.* Critice, I, p. 150—151.

ло образованию на родном языке; Антон Панн и Н. Филимон стояли у истоков новой литературы; современники упивались поэзией Г. Асаки, И. Элиаде-Рэдулеску, В. Александри, прозой И. Гики, эссе А. Руссо; Н. Бэлческу и М. Когэлничану поставили на ноги румынскую историческую науку; буржуазная общественно-политическая мысль достигла зенита, а Николае Бэлческу бросил ей вызов своей революционно-демократической теорией. Все это Майореску игнорирует. Темная, невежественная масса внизу и легкомысленные прожигатели жизни наверху — вот кто, по его мнению, населяет Румынию. Майореску обращается к народу со словами сочувствия и сострадания: «...Культура верхних классов среди румын равна нулю и не имеет ценности, а пропасть, отделяющая их от низкого люда, расширяется с каждый днем. Единственный реальный класс у нас — румынский крестьянин, и жизнь его исполнена страданий под тяжестью фантасмагорий вышестоящих классов. Ибо на поте его создаются материальные условия для поддержания того фиктивного строения, что именуется румынской культурой... И, к несчастью, мы не создаем произведений, которые возвышали бы его сердце и заставляли забыть хотя бы на миг повседневную нищету» [25].

Однако сама по себе недооценка прогрессивных, уходящих корнями в народную толщу явлений в культуре, искусстве, общественно-политической мысли, отражала неверие в творческие силы народа.

Громя поверхностность и подражательство, младоконсерваторы не давали рецепта, как преодолеть эти несомненно существовавшие и пагубные явления. Разоблачительная часть их построений ни коей мере не соответствует позитивной. «Дальше жить подобным образом невозможно,— пишет Майореску,— бедствия народа внизу, посмешища, учиняемые плебеями наверху, достигли предела». Западная культура продолжает победоносное вторжение — и в ее свете «становится очевидной вся искусственность и карикатурность нашей цивилизации» [26]. Но что же он предлагает?

Ответ заключается в его тезисе: «Форма без содер-

---

[25] *T. Maiorescu.* Critice, I, p. 151.
[26] *T. Maiorescu.* Critice, II, p. 151.

жания приносит не пользу, а вред, ибо уничтожает могучие средства культуры».

Исследователи давно подметили расплывчатость трактовки самого этого термина «форма без содержания» у жунимистов. Известный критик Гарабет Ибрэиляну отрицал вообще наличие теории жунимизма и говорил о нем как об определенном душевном состоянии. П. Корня писал: можно лишь гадать, что понимает Майореску под «содержанием» — психический характер нации? Совокупность материальных условий жизни? «В целом теория формы без содержания — не что иное, как метафора...» [27] Но зато ее социальный смысл ни малейшего сомнения не вызывает: «...Прежде всего — политическое успокоение, если судьба его нам пошлет; затем — материальный прогресс, а с ним, после нескольких поколений — развитие вкуса к эстетическому творчеству» [28]. А пока, оказывается, лучше не открывать школ, чем открывать плохие, лучше не создавать университета, не основывать академии, не выпускать журналов и т. д., и т. п. И вывод: «...Народ все же может жить без культуры, с надеждой на то, что в определенный момент своего развития возникнет и эта благодетельная форма человеческой жизни; но с фальшивой культурой народ жить не может» [29].

Вот как далеко заводило жунимистов отрицание прогрессивных тенденций, их попытка свести всю сложность культурной и общественно-политической жизни Румынии к пустопорожнему подражательству иноземным образцам.

Трудно найти более произвольное толкование происходивших явлений. Правильный тезис о необходимости учитывать специфику страны при проведении реформ использовался для их охаивания. «Мыслители», спекулируя на вековечных бедствиях румынского крестьянина, его темноте, его нищете, его отсталости, старались оправдать свою ретроградскую позицию. Они прикрыва-

---

[27] «Viaţa românească», 1963, N 9, p. 109. С. Гица считает, что под «содержанием» Майореску понимает «экономическую и социальную активность народа, а также уровень его культуры» («Istoria filozofiei româneşti», I, p. 387).

[28] «Viaţa românească», 1963, N 9, p. 118.

[29] *T. Maiorescu.* Critice, II, p. 154.

ли ее разговорами о «демократизации» [30], проведенной не «сверху», а «снизу». На своеобразном языке жунимистов это означало, что реформы должны соответствовать достигнутому уровню просвещения и культуры и, стало быть, в обозримом будущем надобность в значительных социально-политических мероприятиях отпадала.

Слов нет, румынские буржуазные преобразователи многое провели поспешно. Немало чуждого, наносного так и не прижилось на румынской почве. Но в целом Румыния страдала не от «избытка» реформ, а от их недостатка, от поверхностного, половинчатого претворения их в жизнь. В своей критике «справа» жунимисты извратили истину. Буржуазные законы оставались в значительной степени мертвой буквой вовсе не потому, что не соответствовали культурному и экономическому развитию страны и ее традициям. Они могли бы сыграть положительную роль в процессе этого развития, если бы буржуазия не пошла на сделку с полуфеодалами-помещиками, не забила бы отбой, не отказалась бы от прежних взглядов и идеалов.

* * *

На практике жунимисты относились к реформам не столь сурово, как в теории. Утверждения насчет отсутствия какой-либо базы для журналистики в стране не помешали им основать журнал «Конворбирь литераре», сыгравший значительную роль в развитии румынской литературы. Титу Майореску доказывал преждевременность открытия в Румынии университетов, а сам много лет читал курс лекций в Яссах и Бухаресте. Члены общества «не обнаружили» в Румынии и следов научной лингвистики и в то же время сами серьезно изучали проблемы родного языка.

Проявляя определенный политический реализм, младоконсерваторы были готовы гораздо дальше своих коллег по партии идти навстречу пожеланиям буржуазии: «Все серьезные консерваторы,— говорил П. П. Карп,— должны согласиться с свершившимся фактом, должны принять социальную революцию, демократизацию на-

[30] *C. Gane.* P. P. Carp şi locul său în istoria politică a tării, v. I. Buc., 1936, p. 257.

шего общества, как нечто необратимое, и в дальнейшем борьба может развертываться лишь по вопросу о средствах, которые следует применять для того, чтобы по возможности уменьшить зло, происходящее от порочного способа внедрения этой демократизации» [31].

Это высказывание можно назвать ключевым для понимания общественно-политических воззрений младоконсерваторов. В нем — и скорбь по ушедшей безвозвратно патриархальной старине, и понимание того, что ее не вернешь. Язык Карпа, сами его выражения, гиперболизация скромнейших буржуазных преобразований («социальная революция», «демократизация нашего общества») выдают его чувства.

Но жунимисты — не пассивные созерцатели происходивших процессов, а их активные участники. Они ставят цель — попытаться ослабить казавшуюся им чрезмерно интенсивной реформаторскую струю и направить ее в нужное для этих просвещенных помещиков направление.

Проследим это на примере одного из самых ярких документов раннего жунимизма «Петиции-программы», направленной законодательному собранию в мае 1871 г., под которой стоят подписи «отцов» младоконсерватизма — П. Карпа, Т. Майореску, Я. Негруцци, В. Погора. «Нам,— пишут авторы этого документа,— не нужна знаменитая революционная троица: свобода, равенство и братство...» Но жунимисты не отбрасывают эти понятия прямолинейно и безапелляционно; они наполняют их вполне определенным социальным содержанием. «Всякое цивилизованное общество,— рассуждают они,— чтобы жить, нуждается прежде всего в двух вещах: в свободе, без которой не может развиваться, и в справедливости, без которой оно рассыплется. Равенство является ответвлением справедливости и хорошо лишь постольку, поскольку оно справедливо...» И тут мы сталкиваемся с ключевым положением жунимизма: справедливым признается лишь чисто формальное равенство перед законом; но «несправедливо, когда тот, кто ничего не имеет, взваливает на плечи имущего налоги; это — дурное равенство». Затем следует конкретное преломление высоких философских понятий, кото-

[31] *P. P. Carp.* Discursuri, v. I. Buc., 1907, p. 251.

рые жунимисты отнюдь не отвергают,— применение общих принципов к общественно-политической жизни Румынии. Они обнаруживают, что «чудовищная коалиция» допустила в стране нарушение «справедливости» (в смысле предоставления «слишком» широких избирательных прав). «А там, где справедливости не существует, свобода вырождается в произвол...» Для восстановления попранных принципов жунимисты рекомендовали прежде всего еще больше сузить круг лиц, входивших в привилегированную первую избирательную коллегию, ограничив ее богатейшими помещиками; расширить права сената («Во всех конституционных государствах сенат должен быть консервативным учреждением, сохраняющим равновесие между троном и собранием»), и допускать в него лишь людей, обладающих «значительной земельной собственностью». С точки зрения жунимистов, коммунальные советы в селах находились тогда будто бы «в руках толпы», «состоя исключительно из неграмотных, без достаточно высокого социального положения крестьян»; чтобы пресечь подобное «зло», предлагалось ввести в состав совета помещика, либо его представителя. А чтобы не возникло желание трактовать «справедливость» иным, не жунимистским способом, младоконсерваторы считали необходимым, разумеется во имя «безопасности государства», ввести в конституцию пункт об осадном положении и предусмотреть законом смертную казнь [32].

Таково политическое кредо младоконсерваторов. Что же касается их экономических воззрений, то осью их всегда являлся аграрный вопрос.

Прежде всего надо отметить их восприимчивость к капиталистическим формам хозяйствования в земледелии. Здесь они порывают со стародедовскими боярскими традициями. Тесная связь с внутренним и внешним рынком диктует рачительному хозяину П. П. Карпу его линию поведения в экономической политике. Он отстаивает преимущества капиталистического найма перед отработками. Карп твердит боярам об иллюзорности выгоды для них кабального найма из-за малой производительности отработочного труда: «Мы платим больше... зато

---

[32] Petiția de la Iași 2.V 1971. Приведено: *C. Bacalbașa.* Bucureștii de altadată, v. I. Buc., 1935, p. 26—33.

работа ведется лучше и вдвое производительнее, и это я говорю не только как помещик, но и как практик, занимающийся сельским хозяйством» [33].

Второй экономический постулат жунимистов — сохранение мелкого крестьянского землевладения. Его конкуренции на рынке они не страшились, и поэтому рассматривали не как соперника, а как поставщика сравнительно дешевых рабочих рук (даже в условиях «свободного найма») для своих имений. Напомним слова В. И. Ленина: «...Крупному землевладению и невыгодно было бы полное вытеснение мелкого: последнее доставляет ему рабочие руки! Поэтому землевладельцы и капиталисты проводят нередко законы, искусственно поддерживающие мелкое крестьянство. Мелкое земледелие приобретает устойчивость тогда, когда оно перестает быть конкурентом крупного, когда превращается в поставщика рабочей силы для него» [34].

Эту истину практичные жунимисты усвоили прочно. Экономические соображения дополнялись социальными. Разорение деревни, рост безземельной пролетаризованной прослойки вызывали у них страх. Уже на закате жизни, после грозного крестьянского восстания 1907 г., П. П. Карп со свойственной ему откровенностью объяснял: «Армии понадобятся целые месяцы, если восстанет сельский пролетариат в сотнях мест, и она сможет добиться успеха только после того, как покроет страну развалинами» [35].

И как рачительные помещики, и как осмотрительные политики жунимисты заявляли: «Наш идеал — искоренить и предотвратить появление пролетариата в селах и городах» [36]. Громкие изъявления любви к крестьянам имели вполне определенную классовую подоплеку. Их намерение (неосуществленное) объявить крестьянские участки до 15 га неотчуждаемыми и неделимыми [37] имело целью создать в деревне опору помещикам в виде «крепкого» собственнического крестьянства и в то же время обеспечить их рабочей силой в лице владельцев парцелл.

---

[33] *P. P. Carp.* Op. cit., v. I, p. 307.
[34] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 91.
[35] Desbaterile adunării deputaţilor, 1906—1907, p. 726.
[36] *T. Maiorescu.* Istoria contemporană a României. Buc., 1925, p. 255.
[37] *C. Gane.* Op. cit., v. I, p. 234.

Они отдавали себе отчет в том, что ограбление деревни помещиками и злоупотребления администрации способны довести ее до взрыва, хотели положить определенный предел эксплуатации крестьянства, упорядочить администрацию и ограничить произвол. Характерно, что наиболее значительный из законов о распродаже государственных земель был проведен не либералами, а жунимистами во время их нахождения у власти в 1889 г., через год после крупного крестьянского восстания. П. П. Карп объяснял депутатам парламента: «Если хотите встать на экономическую точку зрения, то мы предложили этот закон именно потому, что понимаем подлинные свои интересы, интересы помещиков...» [38]

Но программа жунимистов была умозрительна и нереалистична. Ослабить недовольство крестьян и продлить жизнь мелкого земледелия, что составляло их политическую и экономическую цель,— можно было одним способом — наделением их помещичьей землей. На подобную же меру младоконсерваторы, румынские идеологи юнкерства, не соглашались. В результате их благие намерения не шли обычно дальше разговоров, и в годы их пребывания у власти положение масс нисколько не улучшилось. Более того, эрудиты и эстеты, возглавившие общество, были сторонниками «твердой руки» в подавлении крестьянских волнений. Именно они потопили в крови восстание 1888 г. При них по Бухаресту водили толпы пленных повстанцев со скрученными за спиной руками. Титу Майореску вздыхал по поводу «печальной необходимости» жестокой расправы. И хотя жунимисты постоянно говорили об устремлении художника и мыслителя в нематериальные сферы духа человеческого, их жизненная практика свидетельствовала совсем об ином. И в философии, и в политике, и в экономике идеологи младоконсерваторов представляли интересы вполне определенной прослойки — становившегося на путь капиталистического хозяйствования помещика, этой румынской разновидности прусского юнкера.

На развитие промышленности жунимисты смотрели глазами сельскохозяйственного предпринимателя, заин-

---

[38] *T. P. Lungu.* Viaţa politica in România la afirsitul secolului al XIX-lea (1888—1899). Buc., 1967, p. 68.

тересованного в сбыте своей продукции, а стало быть — в низких пошлинах. Первым, можно сказать, инстинктивным побуждением общества была защита свободы торговли. Они приветствовали и одобряли конвенцию 1875 г. с Австро-Венгрией — рынок габсбургской империи представлял большой соблазн. Недаром в правительственном циркуляре префектам уездов говорилось: «Все наши сельские хозяйства, все помещики и арендаторы, все зерноторговцы легко поймут пользу, которую принесет поступление нашего хлеба в Австро-Венгрию безо всякой платы» [39]. Цвет общества «Жунимя», занимавший министерские посты — Т. Майореску, П. Карп, Т. Росетти,— рукоплескал этой мере. Карп назвал ее даже «экономическим освобождением Румынии» [40].

Но единства во взглядах не существовало. Веские доводы говорили против столь прямолинейного и пагубного для национальной промышленности и вместе с тем для союза с буржуазией курса. Младоконсерваторы давно уже поставили этот союз в основу своей политики, планы их аграрных преобразований столь сближались с либеральными, что различия касались только деталей; в отношении же индустрии надо было считаться с мнением партнеров по коалиции, тем более что те не предъявляли неприемлемых или слишком далеко идущих требований. Наконец, без роста промышленности и городов создалась угроза перенасыщения деревни избыточной и взрывоопасной рабочей силой, а этого жунимисты опасались пуще всего. Поэтому они, вместе с другими консервативными группировками, примирились с введением протекционистского тарифа в 1886 г.[41] Свои уступки они, будучи уже искушенными политиками, выдавали за добродетель. Карп бросил крылатую фразу: «Аграрная страна — страна нищая» [42]. В дальнейшем жунимисты возражали лишь против «излишеств» покровительственной таможенной политики. Эта узкоклассовая позиция прикрывалась фразами о благе рядового потребителя, жестоко страдавшего от дороговизны. Консерваторы на словах выражали глубокую озабоченность

[39] Цит. по: *Z. Ornea.* Op. cit., p. 55.
[40] *C. Gane.* Op. cit., p. 173.
[41] Характерно, что ни один депутат в парламенте не голосовал против закона («Anale de istorie», 1969, N 5, p. 103).
[42] *C. Gane.* Op. cit., v. I, p. 188.

тяжелым положением ремесленников и мелких хозяйчиков, разорявшихся в конкуренции с фабричной индустрией. Любопытно, что, отстаивая тезис о жизнеспособности мелкого производства, они ссылались на Эдуарда Бернштейна, будто бы доказавшего это [43]. Эта показная забота не мешала жунимистам быть рьяными сторонниками привлечения в Румынию иностранного капитала, самого страшного врага местного мелкого производства. В 1895 г. Карп, будучи министром, провел закон, по которому владельцы земель, скрывавших в своих недрах ценные минералы, были обязаны разрабатывать их либо лично, либо в «товариществе». Эта мера привела к тому, что многие помещики превратились в акционеров нефтяных компаний, чаще всего иноземных, с готовностью предлагавших им свои «услуги». Интересно, что тот же закон содержал раздел, предусматривавший возможность создания касс взаимопомощи для ремесленников и рабочих. Консерваторы, не столь тесно связанные с индустрией, демонстрировали тем самым свою «добрую волю» к пролетариату, рост которого внушал им большие опасения.

Довольно рано начавшееся и активное участие жунимистов в политике и в развитии общественно-политической мысли выдавало их классовую привязанность. Они смирились с существованием в Румынии конституции, но не хотели делать ни шагу вперед. Когда в 80-х годах был поднят вопрос о модификации основного закона, жунимисты заняли негативную позицию. «„Конституция?" — философствовал П. П. Карп.— Одни хотят ее расширить, другие — ограничить. Но в конце концов она явилась плодом компромисса, с которым все честно согласились, и я не допускаю, чтобы была затронута какая-либо ее часть... Она является политической базой для всех партий» [44].

П. П. Карп, после своего вступления в парламент в 1871 г. быстро превратившийся в звезду первой величины на политическом небосклоне консерваторов, всю свою жизнь преследовал две цели: не допустить подлинной демократизации государства; обосновать право «элиты» на власть.

---

[43] *N. Filipescu.* Discursuri politice, v. II. Buc., 1915, p. 278.
[44] Цит. по: *Z. Ornea.* Op. cit., p. 39—40.

В одной из своих первых речей в палате депутатов П. П. Карп заявил: «В Румынии политикой должны заниматься лишь люди с доходом в сорок тысяч лей и выше» [45]. Этой идее он оставался верен до конца своей жизни, полагая, что «плебс» — не нация и что управлять Румынией должны помещики [46]. Он предостерегал против «абсолютизации» политических прав граждан и считал, что «усовершенствование конституции не соответствует политическому уровню» Румынии [47] — и это в то время, когда мало кто рисковал говорить об «избытке» конституционных свобод в стране.

Опасался Карп и излишней, с его точки зрения, самостоятельности местного самоуправления. Поэтому он предлагал, чтобы примари (сельские старосты) не избирались, а назначались правительством, и служили бы противовесом выборному коммунальному совету. Принципу разделения властей Карп давал одностороннее толкование: «Наряду с правами исполнительной власти существует контроль палаты; наряду с суверенитетом палаты — право вето короны...» [48] Власти, по мысли Карпа, должны были следить друг за другом, дабы обеспечивать должную политическую стабильность. Увенчивал политические воззрения жунимистов последовательный монархизм: «Доминирующей идеей управления румынским государством ради выполнения его великой миссии на Востоке является укоренение династических чувств во всех слоях народа» [49],— писал Титу Майореску.

Итак, общественно-политические идеалы жунимистов сводились к следующему: монархия; цензовая избирательная система с отстранением трудящихся от участия в парламенте; сосредоточение всей реальной власти у немногочисленной и по преимуществу помещичьей «элиты»; развитие капитализма по прусскому варианту; сохранение мелкого землевладения как резервуара рабочей силы для помещиков; отсюда — необходимость в какой-то степени охранять его от произвола и разорения, следя за условиями сельскохозяйственных контрактов, пресекая временами самоуправство администрато-

---

[45] *C. Gane.* Op. cit., v. I, p. 156.
[46] «Desbaterile adunării deputaţilor», 1906—1907, p. 725.
[47] *C. Gane.* Op. cit., v. I, p. 158—159.
[48] Ibid., p. 160.
[49] *T. Maiorescu.* Istoria contemporană a României, p. 47.

ров, предоставляя крохи государственных земель. Известная гибкость в экономических вопросах сочеталась у младоконсерваторов с крайне реакционными политическими взглядами. Румынские социалисты по праву характеризовали их, как «просвещенных бояр», осознавших необходимость определенных реформ для того, чтобы не упустить власть из рук [50].

Переход социалистических кружков на позиции марксизма

Последняя четверть XIX в. ознаменовалась важнейшим изменением в структуре румынского общества: пролетариат превратился в класс, выступавший самостоятельно в социальной, экономической и политической жизни страны [1]. Поколением, двумя раньше Румыния и до нее Дунайские княжества знали ремесленных подмастерьев и очень еще немногих мануфактурных работников. И в 1848 и в 1859 гг. они действовали на левом крыле демократического движения. Влияние мелкобуржуазной идеологии в их среде было безраздельно господствующим. Не ограниченная никакими законами эксплуатация сочеталась в мастерской с пережитками патриархальных отношений. Набор несложных инструментов, скромное, а порой и убогое помещение, небольшой запас сырья — вот и весь капитал ее владельца. Цель: «выбиться в люди», стать «хозяином» — казалась работнику вполне достижимой. В документах начала 70-х годов он предстает перед нами еще во всей своей классовой беспомощности, распахивающим двери своих первых обществ перед предпринимателем.

Но то же десятилетие приносит сдвиги и в положении и в сознании рабочего. Жизнь ломает привычную схему его воззрений. Происходят первые острые схватки труда и капитала. Рабочие ассоциации постепенно очищаются от хозяев, и этот процесс говорит о многом.

Сильный удар промышленности нанесла торговая конвенция 1875 г. с Австро-Венгрией. Мелкие и сред-

---

[50] Manifest către cetăţeni (1891).— «Ducumente din mişcarea muncitorească 1872—1916». Buc., 1947, p. 147.

[1] *R. Pantazi.* Filozofia marxistă în România. Buc., 1963, p. 12.

ние предприятия разорялись сотнями. Отчаяние охватило мелкого буржуа. Тысячи ремесленников, подмастерьев и учеников были выбиты из привычных условий существования и в последующие десятилетия рассосались по заводам, фабрикам, рудникам, ушли строить «чугунку». У многих появились тогда мысли о зыбкости надежд на возврат прежней жизни, о призрачности расчетов на превращение в «самостоятельного» хозяйчика. И хотя пришельцы принесли с собой в рабочее движение тяжкий груз мелкобуржуазных иллюзий и представлений — лед тронулся, и процесс классового воспитания пролетариата развивался безостановочно.

На рубеже двух веков рабочий класс представлял уже немалую силу: 37 тыс. человек трудились на предприятиях обрабатывающей промышленности, считавшихся по тогдашним представлениям, крупными. По сравнению с 2—2,5 тыс. человек, которые были заняты на фабриках в 1860 г., это был значительный рост [2]. Данные о персонале железных дорог, о числе занятых на шахтах, рудниках, нефтепромыслах в конце XIX в. отсутствуют, но их насчитывалось немало (для сравнения укажем, что накануне первой мировой войны — 55 тыс. человек).

Это был авангард пролетарской армии. Правда, «фабричные» составляли меньшинство из 130 тыс. человек [3], занятых в индустрии на заре нашего столетия. Ремесленник, подмастерье и ученик продолжали оставаться типичными фигурами румынской промышленности. Но налицо была известная концентрация производства и возникновение значительных промышленных центров. Здесь следует назвать в первую очередь Бухарест, поглощавший четверть рабочей силы крупной индустрии. В нефтеносной долине реки Праховы насчитывалось 78 предприятий и почти 3,8 тыс. рабочих. В Галаце — свыше 2,3 тыс.[4]

---

[2] По данным промышленной переписи 1901—1902 гг.— «История Румынии. 1848—1917». М., 1971, стр. 359.

[3] «Mişcarea muncitorească din România. 1893—1900» (далее — MMR). Buc., 1965, p. 28—29.

[4] «Ancheta îndustrială din 1901—1902», v. I. Buc., 1904, p. 6; «Din istoricul formării şi dezvoltării clasei muncitoare din România pînă la primul război mondial». Buc., 1959, p. 345.

80-е годы ознаменовались выступлениями пролетариата, не похожими уже на спонтанные, чисто стихийные стачки предшествовавшего десятилетия.

В 1886 г. в Бухаресте забастовал персонал крупных типографий. А через два года Румыния стала ареной классовых сражений большого размаха. Сигнал подали железнодорожники Галаца. Возмущенные беспричинным увольнением своего товарища, они бросили работу, требуя прекратить произвол и избиения. Железнодорожники столицы, Ясс, Турну-Северина, Пашкани объявили о своей солидарности со стачечниками и приступили к сбору средств. Власти встревожились: железные дороги находились в ведении государства, забастовщики бросали ему вызов. В конце концов голод и террор сломили железнодорожников. Каждого из них вновь принимали на работу, попавшие в «черный список» были уволены.

Но движение перекинулось в Бухарест. В августе здесь прекратил работу персонал центральных железнодорожных мастерских, выдвинув довольно обширную программу требований: повышение расценок, бесплатный проезд, образование из штрафов фондов взаимопомощи. Стачка сопровождалась митингами и собраниями, в которых участвовало до 2 тыс. человек. В Галаце и Пашкани железнодорожники прекратили работу в знак солидарности. Попытки властей навербовать штрейкбрехеров на бухарестском арсенале окончились безрезультатно.

Всего в трех городах в забастовке участвовало полторы тысячи человек — значительное число для Румынии той поры. Она закончилась неудачей.

Но после короткой передышки третий по счету за год отряд железнодорожников поднялся на борьбу. Забастовал персонал Северного вокзала столицы в знак протеста против грабительского способа создания пенсионного фонда (для этого вычитали 7% заработка). Месяц держались стачечники, но затем были вынуждены признать свое поражение. Свыше ста человек получили повестки об увольнении [5].

---

[5] «История Румынии нового и новейшего времени». М., 1964, стр. 85; *V. Raţa.* Luptele muncitoreşti în România în anii 1880—1890.— «Studii şi referate privind istoria României», part II. Buc., 1954.

Забастовки 1888 г. означали крупный шаг вперед в развитии рабочего движения. Пролетариат вступил в схватку непосредственно с государством, и в сознание передовых рабочих начала проникать мысль об антагонизме их интересов не только с капиталистами, но и со всем аппаратом власти.

В 1888 г. мощное крестьянское восстание впервые в Румынии совпало с подъемом рабочей борьбы. Было отчего задуматься румынской олигархии — на политическую арену выступил новый «враг, внутренний», более сплоченный и потенциально более грозный. Правда, противники действовали еще разрозненно, и их можно было бить поодиночке. Но это было только начало.

Неудачи 1888 г. не обескуражили рабочий класс, а усилили тягу к организации. Общества по профессиям возникали десятками. Объединялись обувщики, плотники, шорники, металлисты. В уставах обществ по-прежнему выдвигалась на первое место взаимопомощь, говорилось о создании библиотек, просветительных кружков, издании своих газет. Но что было новым — взаимопомощь предусматривалась и на случай стачек. Отсюда было недалеко и до образования забастовочного фонда и превращения обществ в профсоюзы современного типа.

Рост пролетариата, усиление его классовой борьбы показали, что предпосылки для соединения рабочего движения с социализмом в Румынии созрели.

В 80-е годы социалистические кружки выступили, находясь, можно сказать, на распутье. Отказавшись от опоры исключительно на крестьянство, они были заняты поисками социальной базы движения. Это положение отразилось в немногих социалистических изданиях тех лет. Эклектизм в теории не был изжит — народнические взгляды переплетались с анархизмом и лассальянством. Точка зрения, что пролетарием является лишь тот, кто лишен орудий и средств производства, казалась румынским социалистам сугубо теоретической, не имеющей никакого значения в реальной жизни[6]. На деле «пролетарием зовется тот, кто зарабатывает слишком мало для того, чтобы жить, и слишком много для того,

---

[6] «Presa muncitorească şi socialistă din România (далее PMSR), v. I, part. 1. Buc., 1964, p. 51.

чтобы умереть»[7]. Так объединялись крестьянин-бедняк, полунищий ремесленник и собственно рабочий. Как очевидная истина воспринимался поднятый лассальянцами на щит «железный закон заработной платы», по которому при капитализме безнадежна любая попытка улучшить положение трудящихся.

В 1879 г. появился набросок политической и социальной программы: «Освобождение народа своими силами. Его экономическая эмансипация. Коммунальная автономия. Свободная организация, безо всякого давления, на основе взаимного соглашения, автономных коммун в государстве. Солидарность трудового народа всего мира независимо от национальности»[8].

В некоторых статьях того времени звучали высказывания в пользу вооруженного восстания как средства сокрушения существующего строя: «Так вооружайся же, народ, вооружайся штыком и с ясной мыслью и пламенной любовью к родине в сердце не бойся никакого врага...»[9]. Реакция властей на подобные заявления была быстрой и решительной — социалистические издания запрещались. «Хотя мы и считаем себя поборниками свободы мысли и печати,— лицемерили при этом либералы,— долгом нашего правительства по отношению к стране и всему обществу является подавление подрывных доктрин»[10].

Видимо, наученная опытом преследований, редакция журнала «Ромыниа виитоаре» («Будущая Румыния») объявила: «Мы собираемся не агитировать румынский народ, а лишь пропагандировать некоторые новые идеи, являющиеся итогом чисто научных концепций; следовательно, мы будем устранять из нашей полемики страсти и не касаться личностей»[11]. Большую часть первого и последнего выпуска журнала составили переводные материалы. Редакция обращала внимание на трактовку вопроса о земельной собственности в «Капитале». При этом высказывалось убеждение, что ее трансформация про-

---

[7] PMSR, v. I, part 1, p. 51.

[8] Ibid., p. 55.

[9] Ibid., p. 54.

[10] Ibid., p. 50.

[11] «România viitoare», N 1, decembrie 1880.— PMSR, v. I, part 1, p. 64.

изойдет «не в силу слепого, фатального хода вещей, путем не эволюции, а революции» [12].

И «Будущая Румыния» и еще несколько кратковременных изданий явились публицистической школой для немногочисленных еще кружковцев. Из этой периодики своей боевитостью, остротой критики и наступательным духом отличалась газета «Ынаинте» («Вперед», 1880—1881 гг.), редактировавшаяся талантливым журналистом Титусом Дункой. Ее призывы к борьбе с «почтенной буржуазией», которая пользуется «для обслуживания своих плантаций четыреххвостым бичом», причем под «хвостами» подразумевались религия, суд, армия и полиция,— встречали отклик в стране. Газета предупреждала: «Форма правления может называться как угодно — империя, королевство, конституция, оппортунизм, может даже облечься в одежды радикализма и проституировать его на другой же день, но социальное положение останется тем же: для меньшинства — праздность, лень, безделье, пышность, роскошь и разврат среди окружающей бедности, для большинства пролетариев, разоренных, подвергающихся издевательствам, обобранных и ограбленных,— принудительный труд днем и ночью, независимо от того, здоров ты или болен, невежество и нищета» [13]. Первоначально, приступив к выработке программы, социалисты обращались к узкому слою интеллигенции и учащейся молодежи.

Но подобная ориентация не выдержала испытания временем. Уже подзаголовок газеты «Ынаинте» — «Орган социалистически-демократический и румынского пролетариата» — свидетельствовал о поисках новой социальной базы. Проявления недовольства в университетах быстро пресекались властями. Расставшись со студенческой скамьей, мало кто из бывших кружковцев сохранил верность своим убеждениям. Большинство поддалось соблазнам житейского благополучия, исправно тянуло чиновничью лямку, а некоторые быстро достигли высоких постов. Уже в 1883 г. газета «Дачиа виитоаре» («Будущая Дакия») в одном из ранних обзоров социалистического движения, появившихся в Румынии, с горечью отмечала, что из участников первого кружка один лишь Еуджен Лупу не изменил идеалам юности: «Дру-

[12] Ibid., p. 60.
[13] «Inainte», 27.XI 1880.— PMSR, v. I, part 1, p. 76.

гие в жажде выдвижения стали прокурорами, большими людьми, ренегатами в конечном итоге» [14].

Кружковщина перестала удовлетворять социалистов. Они стремились расширить сферу своей деятельности. В октябре 1879 г. на совещании уже спорили о том, в какой среде работать. Участница этой встречи София Нэдежде писала полвека спустя: «...По русскому обычаю пили чай, обсуждали теории и спорные вопросы. Столкнулись разные точки зрения: одни считали нужным работать в школах и завоевать молодежь. Другие стояли за просвещение рабочих, подлинно заинтересованных в деле. Третьи говорили — надо делать и то и другое» [15]. И хотя никакого решения принято не было, дискуссия свидетельствовала, что по меньшей мере часть кружковцев ориентировалась на пролетариат.

Поступательное движение вперед и одновременно царившую еще среди кружковцев идейную неясность отразила их первая программа, составленная Н. К. Русселем-Судзиловским в 1880 г. В ней предусматривалась передача средств производства в «коллективную собственность групп промышленных и сельскохозяйственных рабочих»; говорилось об уничтожении конкуренции и анархии производства; прекращении вражды между народами; эмансипации женщин; введении равного, всеобщего и профессионального образования; предоставлении пожилым людям орудий труда с тем, чтобы они могли добывать средства к существованию; переустройстве семьи. В особом пункте предусматривалась политическая децентрализация общества, осуществление принципа федерализации и автономии коммун.

О средствах достижения указанных целей ничего не было сказано, однако выражалась уверенность, что, «развиваясь естественным путем, нынешнее цивилизованное общество... через несколько десятилетий (максимум) с необходимостью подойдет к тому принципиальному пункту эволюционного процесса, который именуется социальной революцией» [16].

---

[14] Pagini din trecut. Starea socialismului în România între 1875—1883.— «Dacia viitoare», an. 1, N 1. Перепечатано: «Viitorul Social», noembrie 1907, p. 350.

[15] «Adevărul», 24.II 1935.

[16] «Documente din mişcarea muncitorească 1872—1916». Buc., 1947 (далее — DMM), p. 30.

Эклектический характер программы несомненен. Первый ее пункт соседствовал с народническим общинным социализмом и прудонистскими производительными ассоциациями. Руссель-Судзиловский несколько «ограничил» анархизм, говоря не о ликвидации государства, а о его раздроблении на федерацию самоуправляющихся общин. У Лассаля был списан тезис о «предоставлении рабочему полного продукта его труда». О конкретных формах движения не было и речи. Политическая борьба не предусматривалась. Все это свидетельствовало о сохранявшейся идейной и политической незрелости кружков.

Но полицейские репрессии не могли остановить начавшейся эволюции кружков к марксизму. Путь румынских социалистов к марксизму был связан с напряженными творческими поисками, с отбрасыванием не выдержавшего испытания жизнью идеологического багажа.

Большое впечатление в стране произвела Парижская Коммуна. На ее баррикадах сражалось немало уроженцев Румынии, главным образом студентов. В течение десяти лет, вплоть до ясской расправы [17], румынские социалисты чтили годовщину Коммуны как свой праздник. Ее опыт изучался и исследовался. Известно, что Георге Пану, Мирча Росетти, Василе Конта, Титус Дунка, Замфир Арборе, будучи за рубежом, состояли в секциях I Интернационала [18]. И если переход на пози-

---

[17] В 1881 г. традиционное празднование румынскими социалистами годовщины Парижской Коммуны совпало с убийством народниками Александра II. Власти сочли поэтому, что ясские «нигилисты» торжествуют в связи со смертью монарха соседней державы. Намеченный банкет был отменен, полиция бросилась на поиски «динамита и бомб». Через парламент был спешно проведен закон против нежелательных иностранцев. Руссель-Судзиловский и некоторые другие социалисты, не имевшие румынского подданства, были высланы из страны (*I. C. Atanasiu.* Mişcarea socialistă 1881—1900. Buc., 1932, p. 19).

[18] В Румынии лишь два последних примкнули к социалистическому движению (N. Copoiu. Socialismul european şi mişcarea muncitorească şi socialistă din România. Buc., 1971, p. 21). Следует сказать, что в СРР, в результате исследовательской работы, выявлено участие румын в Интернационале и высказано предположение о наличии его секции в тогдашней Румынии. Мы не останавливаемся в «Очерках» подробнее на этом вопросе, поскольку речь идет главным образом о фактах сотрудничества, а не об идеологическом воздействии марксизма через Интернационал

ции марксизма в Румынии осуществился позже, то причиной этого являлось слабое еще развитие рабочего движения, заставлявшее искать опору вне его и обусловившее сильнейшее воздействие народничества.

В 80-е годы с выходом пролетариата Румынии на политическую арену прекратились и поиски каких-то особых путей развития, и социалисты обратились к рабочему классу. Произведения Маркса и Энгельса становятся достоянием общественности[19]. Правда, в кружках социалистов изучали «Капитал». Но наряду с этим творением и не менее пристально изучались русские народники, французские анархисты, английские буржуазные социологи. Современный исследователь Раду Пантази в связи с этим пишет: «...Нельзя смешивать распространение определенных идей, определенных работ наряду со многими другими совсем иного порядка, написанных с иных позиций, и открытый переход на позиции марксистской философии... *Концепция* членов этих кружков не была марксистской»[20].

Этот переход осуществился в 1883—1884 гг. В 1883 г. газета «Еманчипаря» («Освобождение») опубликовала в отрывках переводы из «Капитала». В апреле 1884 г. вышел первый номер газеты «Ревиста сочиалэ» («Социальное обозрение»), которая сразу же отмежевалась от анархизма и прочих имевших хождение мелкобуржуазных теорий и объявила, что будет отстаивать не утопический, а научный социализм. «Социализм,— писала редакция,— стал подлинной силой в Европе, имеющей столь большое значение, что уже никто не может этого отрицать. Врагам социализм представляется в ви-

---

(*A. Deac.* Internaţională Intîi şi România. Buc., 1964; *I. Popescu-Puţuri, A. Deac.* La première Internationale et la Roumanie. Buc., 1965; *T. Georgescu.* De la revoluţionari democraţi la făurirea Partidului Comunist Român. Buc., 1971).

В исследовании В. Я. Гросула «Российские революционеры в Юго-Восточной Европе» (Кишинев, 1973, стр. 477—482) приводится ряд свидетельств в пользу существования в Румынии в начале 70-х годов интернационального революционного общества.

[19] Первая статья о Марксе в румынской печати (правда, не в тогдашней Румынии, а в выходившем в Будапеште журнале «Фамилия») «Карл Маркс, председатель Интернационала» появилась в 1871 г.

[20] *R. Pantazi.* Op. cit., p. 31.

де гидры с сотней голов, которую надо уничтожить всеми средствами, имеющимися в распоряжении общества; для друзей социализм — блистательное будущее, ради воплощения которого они готовы идти на любые жертвы».

«Наша газета,— писали ее редакторы,— призвана, пока она выходит, заполнить существующую в познании брешь, освещая идеи научного социализма; имеющий уши да слышит.

Мы с негодованием отвергаем клевету тех, кто утверждает, что социалисты хотят вернуть человечество к примитивному состоянию; ...мы отвергаем заявления тех, кто именует нас утопистами...

Основываясь на достижениях науки, на изучении эволюции человеческого общества с древности и до сегодняшнего дня, мы утверждаем, что движение к социализму, к коллективизму — неотвратимо...» [21] А вскоре на страницах «Ревиста сочиалэ» появилось имя Маркса. В большом исследовании «Карл Маркс и наши экономисты» Константин Доброджану-Геря, в форме полемики с младоконсерватором П. Миссиром, отстаивал основные положения марксистской политической экономии. Поэтому уже в отчете, представленном Брюссельскому конгрессу II Интернационала (1891 г.) румынские социалисты связывали переход к марксизму с выпуском «Ревиста сочиалэ» [22]. Большую роль в этом процессе сыграл и журнал «Контемпоранул» («Современник»), выходивший в Яссах в 1881—1891 гг. В этом самом солидном и долговременном издании ясских социалистов, пожалуй, наиболее отчетливо отразилась эволюция взглядов самих кружковцев.

В первый год выпуска журнала редакционная коллегия так писала о своей цели: «Мы стремимся познакомить румынского читателя с тем, как современная наука смотрит на мир» [23]. «Контемпоранул» с успехом выполнил это обещание. Группа энтузиастов сумела привлечь к сотрудничеству цвет прогрессивной научной молодежи. Журнал выступил глашатаем материализма в

---

[21] Цит. по: «Presa muncitorească şi socialistă din România», v. I, part 1. Buc., 1964, p. 286—287.

[22] *R. Pantazi.* Op. cit., p. 33.

[23] «Contemporanul», an. I, N 11, 1881.— Приведено: «Presa muncitorească şi socialistă din România», v. I, part 1, p. 126.

науке, застрельщиком борьбы с разного оттенка идеалистическими теориями и прямым обскурантизмом. Он отстаивал всеобщее светское образование, уделяя особое внимание содержанию школьных учебников. «Контемпоранул» стал пионером борьбы за женское равноправие в стране. Велики его заслуги в развитии национальной культуры. Именно на его страницах Константин Доброджану-Геря выступил со своими литературно-критическими статьями, дав бой эстетским и идеалистическим концепциям младоконсерваторов и проповедуемой ими теории «чистого искусства». В «Контемпорануле» Геря отточил свое перо публициста, показав глубокие народные корни, знание жизни и реалистическое отображение ее в лучших произведениях молодой румынской поэзии и прозы. Образец служения народу он видел в бессмертных творениях Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого, Шевченко [24].

Но знакомство с «Контемпоранулом» убеждает, что в 1881 г. румынские социалисты еще не были марксистами. На первых порах журнал выступает с общедемократических позиций, борясь с реакционными явлениями в общественной и культурной жизни, ратуя за распространение просвещения. Лишь в 1885 г. «Контемпоранул» начинает уделять значительное внимание публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Появляются отрывки из работы К. Маркса «Заработная плата, цена и прибыль». В восьми номерах, с сентября 1885 г. по май 1886-го, печатается целиком «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Фридриха Энгельса. Это было знамением свершившейся перемены признания революционными кружками марксизма, как единственно-правильной и подлинно-научной теории социализма.

Тогда же, в 1886 г., в журнале было опубликовано исследование К. Доброджану-Гери «Чего хотят румынские социалисты», за которым последовали другие работы этого автора, быстро превратившегося в ведущего теоретика румынской социал-демократии.

---

[24] Некоторым из классиков русской и украинской литературы он посвятил оригинальные исследования. См. *К. Доброжяну-Геря.* Студий критиче. Кишинэу, 1966.

Константин Доброджану-Геря. Молодые годы

Мало что известно о юности Гери,— он всегда проявлял величайшую сдержанность, говоря о себе. Родился он в России в 1855 г., в селе Славянка недалеко от Екатеринослава (ныне — Днепропетровск) в семье торговца Каца. Учился в Харьковском университете. Примкнул к народническому движению. Спасаясь от преследования властей и подчиняясь распространенному среди революционной молодежи влечению, ушел «в народ».

Землеволец О. В. Аптекман встретил его в 1874 г. в родном селе. Здесь Костя Кац работал в кузнице и орудовал так умело и красиво, что Аптекман им залюбовался. В воспоминаниях последнего несколько строк посвящено взглядам молодого Каца. «Он был революционер и ближе стоял к Бакунину, чем к Лаврову,— писал Аптекман.— Но в бакунизме его было что-то свое, индивидуальное, особое.

Инстинкту как движущей силе революции он отводил второстепенную, так сказать, служебную роль, ставя на первый план сознание. А потому он громадное значение придавал пропаганде идей социализма массам...» Краткая эта характеристика заканчивается замечанием, что в 1875 г. Кац бежал в Румынию и стал там известен «под именем Доброджано-Геро» [1].

Действительно, в этом году Геря пересек границу с помощью контрабандиста и прибыл в Румынское княжество, имея один рубль в кармане. Он связывается с прибывшими из России народниками — Н. П. Зубку-Кодряну и доктором Русселем (Н. К. Судзиловским). Бедствует. Навыки физического труда ему очень пригодились, он работает поденщиком, красит крыши. И включается в деятельность местных кружков, сперва в Яссах, затем в Бухаресте, находившихся «под бесспорным влиянием русского революционного движения и Парижской Коммуны»,— писал биограф К. Гери Ион Витнер. «Преобладали привнесенные из России народнические концепции, затем — бакунистские» [2]. Но,— что очень важно,— проявлялся в них интерес к марксизму,

[1] *О. В. Аптекман.* Общество «Земля и Воля» 70-х годов. Пг., 1924, стр. 142, 145, 146, 147.

[2] *I. Vitner.* C. D. Gherea. Reconstituire biografică.— «Viaţa românească», 1956, N 11, 146—147.

в том числе и у Гери. Основным занятием кружковцев на первых порах была переправка народнической литературы из Швейцарии в Россию и устройство бежавших от царизма революционеров. В 1876 г. Геря переселяется в Бухарест, деля свою более чем скромную квартиру с великим болгарином Христо Ботевым и тогда еще революционером, а впоследствии диктатором Болгарии Стамбуловым. Геря участвует в создании в столице кружка. Затем его направляют в Плоешти, крупный железнодорожный узел и один из негласных центров связей с революционной Россией. Чтобы добыть средства к существованию себе и появившейся у него семье, Геря работает медником, открывает мастерскую, но быстро разоряется. А тут начинается русско-турецкая война. Опасаясь, что царская охранка настигнет его в Румынии, Геря добывает американский паспорт на имя Роберта Джинкса, открывает сеть прачечных для русской армии и сколачивает на первых порах небольшой капитал. Не прерывает он и общественной деятельности. В санитарных поездах, не подлежавших таможенному досмотру, в Россию из Плоешти следует революционная литература. В октябре 1878 г. он был выслежен охранкой и переправлен в Россию. После краткого пребывания в тюрьмах Бендер, Киева, Орла, Тулы и Москвы он оказался в Петропавловской крепости [3]. Оттуда его выслали в Мезень. А из Мезени он на рыбачьем баркасе бежал в Норвегию и, после почти годичного отсутствия, в сентябре 1879 г., вернулся в Румынию.

На этом героический период жизни Константина Доброджану-Гери, по выражению Иона Витнера, кончился. Напрягши все свои финансовые возможности, он взял в аренду ресторан на самом что ни на есть бойком месте тогдашней Румынии — на вокзале в Плоешти. Дельцом он оказался настойчивым и удачливым. Постепенно он приобрел, теперь уже в собственность, второй ресторан в Бухаресте, виллу в Синае, завел солидные счета в крупнейших банках, стал обладателем пакетов акций различных компаний [4].

[3] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Din trecutul departat. Buc., 1910.

[4] Данные о жизни Гери почерпнуты нами из указанной работы И. Витнера и из труда Д. Хурезяну (*D. Hurezeanu.* C. Dobrogeanu-Gherea. Buc., 1973).

Биограф Гери И. Витнер писал с сожалением: двери дома Гери были по-прежнему широко раскрыты для социалистов, а его кошелек — для нуждающихся товарищей по партии. «По существу, однако, этот человек изменился. Не дают себе отчета в одной вещи: его сочувствие страдающим превратилось в буржуазную филантропию. Единственный подлинно гуманный жест, который он мог сделать, направление социалистического движения Румынии по пути революционной борьбы... был ему не по плечу. Поэзия юности растворилась в маниловщине» [5].

Сожаление автора по поводу того, что силы ума и таланта одаренного К. Доброджану-Гери оказались в конце концов поставлены на службу реформизму, можно понять, хотя попытка непосредственно вывести его общественно-политические взгляды из личного положения «маленького финансиста» — несомненная натяжка. Реформизм Гери имел корни в социально-экономическом развитии Румынии, иначе его взгляды остались бы точкой зрения одиночки, а не стали бы весомым фактором рабочего и социалистического движения Румынии, сказывавшимся довольно долго и после смерти их автора.

Но в начале 80-х годов молодой Геря вместе со своими товарищами ищет и обретает ключ к решению волновавших их вопросов. Он становится марксистом. В 1884 г. появляется его первая работа, написанная с позиций нового мировоззрения. В большой статье «Карл Маркс и наши экономисты» Геря излагает экономическую теорию Маркса, обращая особое внимание на такие категории, как товар, стоимость, труд, рабочая сила, капитал, прибыль, рента, экономические кризисы. Работа полемически заострена и содержит критику основных положений буржуазной политической экономии в лице ее ведущих представителей во главе в Дэвидом Рикардо.

Второй крупный труд Гери — «Чего хотят румынские социалисты? Изложение научного социализма и социалистической программы» (1886 г.) — значительнее по замыслу. Геря старается проанализировать экономические и общественно-политические проблемы Румынии. Основа этого исследования — доказательство закономерности и

[5] «Viața Românească», 1956, N 12, p. 151.

неизбежности социалистического движения. Геря подвергает критике имевший тогда хождение тезис, гласивший, что в отсталой аграрной стране социализм — «экзотический цветок», которому не суждено пустить корни в Румынии, где нет ни крупной промышленности, ни организованного пролетариата.

Систему доказательств Гери нельзя считать безупречной. Хотя 80-е годы были временем торжества румынской промышленной буржуазии, когда были сброшены оковы кабального торгового договора с Австро-Венгрией, введена протекционистская таможенная система (1885 г.) и принят закон о покровительстве национальной индустрии (1887 г.), Геря проходит мимо этих весьма характерных явлений. Правда, можно сказать, что Геря не мог учесть два последних закона. Но ведь оба они появились не внезапно, а в результате длительной, упорной и успешной борьбы промышленников. Зарождение крупной индустрии было в 80-х годах в Румынии свершившимся фактом.

Однако Геря вовсе не этим обосновывает закономерность социалистического движения в своей стране. Во главе угла его доказательств — «внешний фактор». Тезис Маркса и Энгельса о победе социализма первоначально в развитых капиталистических странах он интерпретирует таким образом, будто новые общественные отношения автоматически распространяются на весь остальной мир, и, стало быть, на соседку передового Запада — Румынию: «Учитывая характер нынешних международных отношений, связывающих все культурные нации Европы (и даже Америки), существующую между ними экономическую солидарность, приводящую к тому, что кризис в Лондоне может породить кризис и в Румынии, принимая во внимание международные связи, наличие железных дорог и т. д..., маленькую страну вроде Румынии должно считать европейским уездом. Поэтому Румыния не может не перейти к социализму, когда это сделает Европа» [6].

Несомненно, что Геря исходил из предпосылки, которая в наиболее ясной форме была высказана Ф. Энгельсом почти в это же время в его известном письме К. Каутскому от 12 сентября 1882 г.: «Раз только ре-

---

[6] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice. Buc., 1968, p. 68.

организована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полуцивилизованные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы»[7].

Геря и вместе с ним большинство румынских социалистов той поры механически, вне связи с другими высказываниями основоположников марксизма о мировом революционном процессе, восприняли положения, содержащиеся в первой части приведенной цитаты.

Жизнь еще не дала ответа на вопрос о конкретных формах перехода тогда отсталых европейских стран к социализму. Ф. Энгельс вполне правомерно выступал против гаданий в этой области, против построения «праздных гипотез». Но ни Маркс, ни Энгельс никогда не были сторонниками выжидания пролетариатом какого-либо государства, либо области пришествия социализма. В «Манифесте Коммунистической партии» говорилось: «Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной. Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией»[8]. Ход исторического развития, практика движения должны были постепенно раскрыть, какие же «социальные и экономические фазы» предстояло пройти[9].

В трактовке же Гери исчезало диалектическое единство внутренней борьбы пролетариата и влияния передовых, перешедших к социализму стран. Выпячивание последнего фактора приводило к умалению значения процессов, происходивших в Румынии, задач, стоявших перед ее рабочим классом. Реформистская идея о первенствующем значении воздействия передовых государств при переходе Румынии к социализму, получившая свое развитие много лет спустя в теории «социализма в от-

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 35, стр. 298.

[8] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 435.

[9] В. И. Ленин писал об этом: «Не вдаваясь в утопии, Маркс от *опыта* массового движения ждал ответа на вопрос о том, в какие конкретные формы эта организация пролетариата, как господствующего класса, станет выливаться...» (Полн. собр. соч., т. 33, стр. 40).

сталых странах», уже присутствует в произведениях Гери 80-х годов.

Свою точку зрения Гери пытался обосновать историческими примерами. Он считал революцию 1848 г. в Валахии образцом движения без глубоких корней в социально-экономической жизни страны.

Геря сделал шаг назад по сравнению с Бэлческу, который до конца своих дней утверждал: «Румынская революция не была чем-то нерегулируемым, эфемерным, без прошлого и будущего, без иных причин, помимо случайной воли меньшинства либо общего европейского движения. Общая революция явилась поводом, а не причиной румынской революции. Причины ее скрываются в веках» [10].

Геря, напротив, полагал, что в 1848-м и в последующие годы «колоссальные изменения» в «румынском социальном движении» произошли «лишь в результате воздействия международных отношений». По Гере, все произошло очень просто: «С 1840 г. плеяда талантливых людей, молодых боярских отпрысков, в большинстве своем выросших в Западной Европе в условиях существовавших там социальных форм, начала агитацию за внедрение этих новых форм и на своей родине и через несколько лет преуспела в этом» [11].

Приходится констатировать, что в данном случае Геря в своем анализе 1848 г. пришел к выводам, сходным с теми, что сделали идеологи румынской буржуазии, которая, утвердив свою власть, превратившись в стража «порядка» и «спокойствия», очень неблагосклонно относилась к малейшему проявлению революционности в собственной истории. Сошлемся на оценку 1848 г. в трудах известного историка Николае Йорги, утверждавшего, будто не существовало «ни внутренней, ни внешней бызы для нового порядка», будто все движение произошло потому, что «студенческая молодежь подверглась воздействию революционной заразы, носившейся повсюду в воздухе» [12].

Современный румынский исследователь Дамиан Хурезяну справедливо связывает явную гиперболизацию роли интеллигенции в крупных исторических событиях

[10] *N. Bălcescu.* Opere, v. I. Buc., 1953, p. 306.
[11] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 69.
[12] *N. Iorga.* Istoria românilor, v. IX. Buc., 1938, p. 164, 131.

с неизжитыми еще Герей остатками народнических воззрений [13]. Отголоски теории «героя и толпы» прорывались на страницы его ранних сочинений. Это являлось оборотной стороной ошибочного мнения о соотношении внутренних и внешних факторов в социально-экономической жизни Румынии. Преувеличение роли последних влекло за собой и преувеличенное представление о значении того слоя, который служил передаточным механизмом влияния «передового Запада». Вот как рисуется Гере переход его страны к социализму: «...Для превращения Румынии буржуазной в социалистическую, помимо воздействия европейского социализма, понадобится еще преданная и просвещенная молодежь, агитирующая в стране, нужны социалистическая пропаганда и агитация» [14].

Румынские ученые с полным правом усматривают заслугу К. Доброджану-Гери в том, что он первым в румынской социалистической литературе в работе «Карл Маркс и наши экономисты» принял на вооружение основополагающий тезис о диктатуре пролетариата как форме его политической власти [15]. Он же первым в своей стране показал историческую роль мирового пролетариата — ликвидировать революционным путем капиталистический способ производства. Однако в сочинениях Гери 80-х годов тщетно было бы искать, какое место отводил автор румынским рабочим в этом общем строю. Деятельность будущей социалистической партии он представлял достаточно скромно: в области теории — «распространение идей научного социализма, подготовка людей к социальной трансформации»; на практике — «прямое воздействие на условия материальной жизни рабочих, на экономику и политику» [16].

Как видно, дальше предварительной, подготовительной работы, осуществимой в рамках капиталистического общества (и вскоре получившей наименование «легального пути»), Геря не шел.

[13] См. примечание Д. Хурезяну к кн.: *C. Dobrogeanu-Gherea.* Op. cit., p. 80.

[14] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Op. cit., p. 70.

[15] *D. Hurezeanu.* O figura proeminenta a mişcării socialiste din România. C. Dobrogeanu-Gherea. В кн.: C. Dobrogeanu-Gherea. Scrieri social-politice, p. 25; *idem.* C. Dobrogeanu-Gherea. Buc., 1973, p. 95.

[16] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Op. cit., p. 76.

В 1886 г. К. Доброджану-Геря сформулировал вторую (после Н. К. Русселя) программу социалистических кружков. В ней значительно подробнее и четче говорилось о политических требованиях (введение всеобщего избирательного права для мужчин и женщин; замена армии всенародной милицией; автономия коммун; гарантия свободы собраний, союзов, печати; неприкосновенность личности; бесплатное обучение с содержанием детей бедняков за счет государства; равноправие женщин; выборный суд; замена тюрем исправительными домами).

Вторая часть программы, экономическая, свидетельствовала о царившей в кружках неясности по вопросу о путях перехода к социализму и о разнообразных влияниях, которым они подвергались. С точки зрения теоретической, она стояла ниже других разделов работы «Чего хотят румынские социалисты?», в которых он выступал с марксистских в целом позиций [17].

Вот основные пункты экономической программы: переход государственной собственности во владение коммун (без указания способа); постепенный выкуп крупной частной собственности и передача ее тем же коммунам; отмена косвенных налогов и введение прогрессивно-подоходного налога с освобождением от него малоимущих граждан; повышенное обложение крупных наследств; открытие кредитов для обществ работников в промышленности и сельском хозяйстве с целью облегчить им покупку орудий производства и предоставление этим же обществам государственных заказов и подрядов [18].

Нетрудно заметить влияние домарксовых форм социализма на выдвинутые в 1886 г. требования. В ориентации на коммуны и общества работников ощущается воздействие Прудона и отголоски взглядов народников; преувеличенные надежды на результаты налога на наследство ведут свое происхождение от Сен-Симона. Пути перехода к социализму не освещались. Правда, сам автор подчеркивал общедемократический характер программы и оговаривал, что она не означает отказа от социальной революции. Но даже эти разъяснения не

[17] Программа была опубликована в этой работе.

[18] «Documente din mişcarea muncitirească 1872—1916». Buc., 1947, p. 60—61; *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 123—124.

снимали недостатков этого документа, и в первую очередь отсутствие в нем указания на ведущую роль рабочего класса в социальном процессе.

Как сводка общедемократических требований программа имела немаловажное значение. Бацилла сектантства, проникшая в молодое социалистическое движение таких развитых стран, как Англия и Соединенные Штата Америки, побудившая его с пренебрежением относиться к «недостойным» подлинного революционера занятиям, вроде повседневной борьбы рабочих, и приведшая его к отрыву от масс, не поразила румынских социалистов. Разумеется, надо учитывать то обстоятельство, что в вотчине буржуазно-помещичьей олигархии борьба за демократические права имела несравненно большее значение, нежели в передовых капиталистических государствах того времени, и являлась своеобразным мостом к социалистическим требованиям. Сам Геря справедливо полагал, что выдвинутая им программа послужит делу создания партии рабочих [19].

Но если румынским социалистам удалось избежать сектантства, то тревожные признаки уступок реформизму проявились и в требованиях 1886 г.

Подводя итоги, следует сказать, что в мировоззрении Гери уже в 80-е годы проявлялись элементы взглядов, которые впоследствии превратили его в идеолога реформизма в румынском рабочем движении: недооценка капиталистического развития Румынии, а в связи с этим и революционного потенциала пролетариата этой страны, крайнее преувеличение внешних влияний и гипертрофизация роли интеллигенции в процессе перехода к социализму. Однако в условиях относительно мирной эпохи в развитии капитала, на ранней стадии движения, когда стояла задача просвещения передовых румынских пролетариев и сплочения их в партию, на первый план выступала пропаганда основных положений марксистской теории и обоснование закономерности социалистического движения в стране. В этом первостепенной важности деле заслуги Гери несомненны. Он достойно продолжал дело Зубку-Кудряну в критике отвратительных проявлений румынского капитализма в экономике,

---

[19] «Mişcarea muncitorească din România 1893—1900». Buc., 1965, p. 42.

политике и идеологии. Сама манера изложения Гери, его язык меняются и становятся сатирически едкими и колкими, когда он переходит к «реакционным, мерзким, вредным» учреждениям, которыми «украсила» Румынию буржуазно-помещичья коалиция. «Под шум широковещательных заявлений о национализме, патриотизме, независимости, свободе вводятся институты один подлее другого. Создавая какое-либо учреждение, требуют целую толпу чиновников, другую толпу для того, чтобы контролировать первую и третью, чтобы следить за двумя предыдущими... У нас есть налоги, есть шпионы, как в Европе есть армия... и процветают нищета, коррупция и гадость» [20].

Вот как рисует Геря румынские политические нравы этого времени: «Если мы чем-либо сумели поразить Европу...— так это размахом коррупции, отсутствием стыда, убеждений, сознательности в наших политических партиях. Сегодня реакционер-консерватор, завтра — либерал, послезавтра — радикал; сегодня — всей душой сторонник правительства, завтра всем сердцем оппозиционер,— в зависимости от того, как диктуют его интересы и где больше платят,— со страстью защищая в течение пяти дней десять различных идей и мнений, но всегда с националистической фразой на устах и с шовинистической слезой в очах, с одной рукой, возложенной на евангелие национализма, с другой, глубоко погруженной в бюджет с ногами по щиколотку в интригах и грязи парламентских партий,— таков наш типичный политический деятель» [21].

Острая критика существовавших в Румынии порядков сверху донизу, политической, идеологической, правовой надстройки, отпор попыткам представить социализм чуждым для румынской социальной действительности явлением, отстаивание антагонизма интересов пролетариата и капитала, стремление рассмотреть в свете марксистской теории кардинальные вопросы социально-экономических и политических процессов Румынии,— все это заложило основы значительного и прочного влияния, которым К. Доброджану-Геря пользовался в социалистическом и рабочем движении этой страны.

---

[20] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 81—82.
[21] Ibid., p. 102.

Румынская социал-демократия в конце XIX в.

В начале 1888 г. Фридрих Энгельс писал Иоану Нэдежде в Яссы: «К большому своему удовлетворению я смог убедиться, что социалисты Вашей страны принимают в своей программе основные принципы той теории, которой удалось сплотить в едином отряде бойцов огромное большинство европейских и американских социалистов,— теории, созданной моим покойным другом Карлом Марксом» [1]. В этом его убедило ознакомление с журналом «Контемпоранул» и работами Доброджану-Гери, которые прислал ему Карл Каутский.

Румынское социалистическое движение слилось с могучим потоком международной социал-демократии. Кончились сомнения, завершились поиски социальной базы. Уже в работе «Чего хотят румынские социалисты» Геря поставил задачу — «создать партию рабочих». В начале 1889 г. газета общества печатников «Гутенберг» вышла с призывом: «Объединяйтесь, создавайте великую партию рабочих, которой принадлежит будущее!» [2].

На учредительном конгрессе II Интернационала Румыния была представлена пятью делегатами. Работа конгресса, принятые им решения произвели глубокое впечатление в стране. Курс на создание партии начал претворяться в жизнь. Немногочисленные кадры интеллигентов-социалистов объединялись с рабочим движением сперва в рамках кружков, которые, что характерно, стали называться рабочими [3]. В них были введены членские взносы. О настроениях участников можно судить по заголовку, который дали участники крупнейшего из них, столичного, своему еженедельнику — «Революта» («Восстание»). Редакция провозглашала своей целью «пропагандировать идею рабочей (социалистической) партии, частью которой мы являемся» [4]. В феврале 1890 г., когда число членов столичного кружка перевалило за триста, решено было преобразовать его в рабочий клуб с тем, чтобы расширить масштабы деятельности. Участни-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 4.
[2] MMR, p. 42.
[3] Первый возник в Бухаресте еще в 1887 г.— *D. Sorescu*. Raportul între cercurile socialiste şi asociaţiile muncitoreşti.— «Analele», 1965, N 6.
[4] DMM, p. 116.

ки вновь созданного клуба (за которым последовали его собратья в провинции) рассматривали его как переходную ступень к образованию партии, как ядро, вокруг которого объединятся все силы рабочей партии [5]. Клуб имел устав, в котором определялась цель движения — освобождение от капиталистического рабства.

1 мая 1890 г. явилось днем смотра боевых сил румынского пролетариата. Только в столице социалисты вывели на улицы 5 тыс. человек. Демонстрации состоялись в Яссах, Галаце, Хуши и других городах. Манифестанты шли под алыми знаменами; над их рядами реяли лозунги с требованиями восьмичасового рабочего дня, всеобщего избирательного права, равноправия женщин. Рабочие клубы в Бухаресте, Яссах, Плоешти, Ро́мане, Бакэу, Крайове, наряду с оживленной пропагандистской деятельностью, словом и делом участвуют в стачках [6]. «Школу» клубов проходят виднейшие руководители румынского пролетариата в ту раннюю пору, выходцы из его среды — Константин Олческу и Александру Ионеску. Рука об руку с ними трудятся над политическим воспитанием рабочего класса лучшие представители молодой интеллигенции — П. Мушою, И. Пэун-Пинчио, Шт. Стынкэ, Р. Ионеску-Рион. Продолжается теоретическая и литературно-критическая деятельность Константина Доброджану-Гери. Передовые рабочие проявляют интерес к развитию естественных наук. И в стенах клубов появляются те, кому впоследствии суждено прославить румынскую науку,— основатель биоспелеологии Шт. Раковица, медик И. Кантакузино, К. Попеску, «приходивший в социалистический клуб нагруженный приборами, стеклянными ретортами и реактивами для своего курса химии» [7].

Клубы издают свои газеты. В столице после недолго существовавшей «Револты» издавалась «Мункэ» («Труд»), ставшая на четыре года (1890—1894) центральным органом движения.

В Яссах на смену «Контемпоранулу» выходит журнал «Критика сочиалэ» («Социальная критика»), имевший более ограниченную, но зато и более определенную цель,— теоретически подготовить образование партии.

[5] DMM, p. 123—124.
[6] «История Румынии. 1848—1917», стр. 299—300.
[7] MMR, p. 47.

«Потребность в журнале, который знакомил бы с теорией научного социализма, остро ощущалась румынскими социалистами,— говорилось в редакционной статье первого же номера.—...Ныне, когда социализм распространился среди рабочих и когда часть из них проявляет желание глубже ознакомиться с теорией социализма, чтобы иметь ясное представление о пути, по которому идти самим и вести за собой других рабочих, мы полагаем, что настало время для партии иметь и свой научный журнал...» [8]

«Критика сочиалэ» проделала полезную работу по распространению в Румынии марксистских исследований и, в первую очередь, по публикации трудов Маркса и Энгельса. На ее страницах впервые на румынском языке появился «Коммунистический манифест». Отдельными книгами вышли переводы «Развития социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса, некоторых трудов П. Лафарга и А. Бебеля.

В 1892 г. вновь издается «Манифест». П. Мушою писал в предисловии к этому изданию: «Манифест» появляется как нельзя более кстати, ибо в последнее время разгорелись серьезные дискуссии вокруг социализма... Для нас «Манифест» сохраняет свою первозданную ценность. Всякий, кто хочет познать современный социализм, с пользой для себя изучит «Манифест коммунистической партии» [9]. Сам Панаит Мушою был убежденным пропагандистом марксизма. «Полагаю,— писал он,— что нам надо приложить всю нашу энергию, использовать всю нашу активность для просвещения пролетариата и организации его в духе классовой борьбы... Лишь организованный пролетариат сможет возглавить общественную власть, установить диктатуру пролетариата, о которой говорит Маркс...» [10].

Не все в движении разделяли эти взгляды. Уже в ту пору в нем начали обрисовываться два направления, два течения. Подготовка к образованию партии представила случай развернуться той «дискуссии вокруг социализма», о которой упоминал Панаит Мушою. Пожалуй, ярче всего это проявилось в истории с изданием «Коммуни-

---

[8] «Critica socială», N 1, decembrie 1891.— PMSR, v. I, part 2, p. 159.
[9] Цит. по: MMR, p. 47.
[10] Ibid., p. 48.

стического манифеста». П. Мушою не удалось напечатать свой перевод в той серии («Социалистическая библиотека»), что выходила под эгидой кружков, этому воспротивилось их руководство. Мушою пришлось предпринимать издание самостоятельно [11]. «Манифест» казался румынским реформистам столь грозным и опасным, что они пытались «причесать» его на свой лад, не остановившись перед прямой фальсификацией. Предпринял эту операцию один из руководителей ясских социалистов, Иоан Нэдежде. В издании 1893 г. было изменено само название великого творения К. Маркса и Ф. Энгельса, оно превратилось в «Социалистический манифест». «Издатель» сделал к работе особое добавление, в котором изложил свою интерпретацию значения «Манифеста». Он утверждал, что книга «хороша для изучения, но не для элементарной пропаганды... Было бы ошибкой не заняться ее переводом, но столь же худо было бы считать ее ныне руководящим материалом, и особенно в Румынии. Сегодня надо руководствоваться другим манифестом, а именно, сделанным К. Каутским объяснением Эрфуртской программы, а «Коммунистический манифест» изучать для ознакомления с историей международной социал-демократии» [12].

И. Нэдежде и его коллега Василе Морцун, пользуясь своим весом в движении, распорядились изъять из библиотек клубов прежнее, без оппортунистических комментариев, издание «Манифеста», справедливо рассматривая его как сильнейшее оружие в руках революционных социалистов в борьбе со сторонниками реформизма.

Колыбелью этой ранней разновидности румынского оппортунизма стали Яссы. Бывшая столица Молдавского княжества после объединения утратила прежнее экономическое значение, превратилась в тихий провинциальный городок, почти лишенный промышленности. Но культурное значение Ясс сохранилось. Здесь находился один из двух румынских университетов, и ясская интеллигенция играла большую роль в развитии просвещения, наук и искусств в стране.

---

[11] *A. Galaţeanu, N. Gogoneaţa.* Activitatea şi conceptia social-politică a lui Panaita Muşoiu.— «Cercetări filozofice», 1963, N 3, p. 722. В начале XX в. Мушою отошел от активного участия в социалистическом движении.

[12] *I. C. Atanasiu.* Op. cit., p. 128—129.

В социалистических кружках в Яссах преобладала мелкобуржуазно-интеллигентская струя. Здесь зародилось течение, получившее название либерально-буржуазного. Это была своего рода румынская разновидность легального марксизма. Руководители ясских кружков, а впоследствии — рабочего клуба — профессор местного лицея И. Нэдежде, журналисты Константин и Антон Бакалбаша и Константин Милле, помещики Александру Радович, Василе Морцун и другие вели агитацию за развитие движения по «легальному пути».

К. Милле, обрисовав лучезарное будущее человечества, социализм, спрашивал: «Как же будет развертываться борьба? Я уже говорил: путем использования законов и в их рамках. К счастью, в Румынии существует достаточно законов, позволяющих свободно пользоваться словом и пером... С помощью всеобщего избирательного права рабочие, в силу своего числа и целеустремленности, смогут, без потрясений и больших жертв, стать в государстве тем, чем являются по праву, т. е. всем» [13].

Знание социалистической литературы, общая эрудиция, резко контрастировавшие с недостаточной подготовленностью рядовых членов клубов, позволили группировке, возглавляемой И. Нэдежде и В. Морцуном, занять весьма влиятельные позиции.

Этому выдвижению косвенно способствовало анархистское течение, появление которого вполне закономерно в стране, недавно вступившей на путь промышленного развития, с пролетариатом, состоявшим из вчерашних крестьян и разорившихся ремесленников города. Свою немногочисленность оно пыталось компенсировать шумливостью и бурно выступило против создания партии. Анархисты объявили: «Мы — противники централистской организации по образцу немецких социал-демократов. Мы убеждены, что подобная организация задушит всякую живую пропаганду, всякую живую идею, всякую индивидуальную инициативу» [14].

Образованию партии предшествовала поэтому схватка с анархистами. К. Доброджану-Геря подверг их воззрения (в общетеоретическом плане, не касаясь чисто

[13] *C. Mille.* Ţinta noastră.— «Munca», 25.II 1890. In: PMSR, v. I, part 2, p. 44—45.
[14] MMR, p. 50.

румынских дел) обстоятельному анализу и критике в работах «Анархизм и социализм» и «Анархия мышления» [15]. Р. Ионеску-Рион выступил против анархистов в газете «Мункэ». Их взгляды были осуждены, а сами они выдворены из рабочих клубов. «Имея в виду проникновение в клуб враждебных индивидуумов,— писали в связи с этим рабочие маленького городка Ботошани,— мы объявляем... что не имеем ничего общего с анархистами и, порывая с теми, кто представляет у нас в стране подобные идеи, всякие сношения, мы будем во всем следовать социал-демократической программе» [16].

Но анархисты выступали с открытым забралом против партии; распознать их и размежеваться с ними рядовому члену клуба было легче, чем разобраться в хитросплетениях высокоученых интеллигентов, выступавших с реформистских позиций. Они тоже высказывались за партию, хотя и не спешили с ее созданием. Что при этом имеется в виду не боевой штаб революционных сил, а некое соединение дискуссионного общества и избирательной машины для посылки лидеров в парламент, этого не закаленный еще в классовой борьбе и малосведущий в вопросах теории румынский рабочий, даже передовой, не сознавал.

Осенью 1892 г. руководители ясских оппортунистов во главе с И. Нэдежде по предложению своих сторонников из Бухареста перебрались в столицу. Приближался решающий момент, и надо было перебазироваться в центр движения, чтобы, как писал впоследствии изменивший социализму Ион Атанасиу,— «вырвать его из рук революционеров» [17]. С приездом Нэдежде в Бухарест, с удовлетворением отмечал Атанасиу, «революционная идеология, почерпнутая из теории Маркса, была заменена идеологией «легального пути», политической борьбы в соответствии с социально-политическим развитием страны, новой теорией К. Каутского и Эрфуртской программой» [18].

Атанасиу впадал в преувеличение, представляя дело так, будто в румынской социал-демократии безраздель-

---

[15] «Anarhia cugetării».— *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice. Buc., 1968.
[16] MMR, p. 50.
[17] *I. C. Atanasiu.* Op. cit., p. 55.
[18] Ibid., p. 100.

но восторжествовал оппортунизм. Он сам признает, что революционные элементы никогда не складывали оружия [19]. Но сильное влияние реформизма на работу учредительного съезда и принятую на нем программу Социал-демократической партии рабочих Румынии несомненно.

31 марта 1893 г. съезд начал свои заседания в зале рабочего клуба на улице Амзей в Бухаресте. Настроение собравшихся было праздничным: свершалось долгожданное, партия из мечты становилась действительностью. Были представлены Бухарест, Яссы, Плоешти, Галац, Роман, Крайова, Бакэу, Ботошани, Текучи и Тыргу-Фрумос. Всего присутствовало 54 делегата от рабочих клубов, кружков и профессиональных обществ. И количество участников, и география представляемых ими городов свидетельствовали о том, что движение являлось уже значительной силой.

Центральным пунктом повестки дня явилось принятие программы, состоявшей из двух частей: теоретической и плана конкретных действий.

В первой излагались основные марксистские принципы, принятые на вооружение вновь созданной партии, названной Социал-демократическая партия рабочих Румынии (СДПРР); говорилось, что развитие капиталистического способа производства подготовило необходимые условия для смены его социалистическим; что пролетариату уготована роль могильщика капитализма; что эта трудная и величественная задача может быть осуществлена лишь организованным и вооруженным теорией научного социализма рабочим классом.

Социал-демократия всего мира призвана «организовать пролетариат, трудовой народ, заставить его проникнуться сознанием своей исторической миссии». Партия в Румынии преследует одинаковую со всей международной социал-демократией цель — вырвать средства производства из рук угнетателей, превратить их в общенародную собственность, добиться ликвидации общественных классов. «Румынская социал-демократия, как и социал-демократия всего мира, борется за полное экономическое, политическое и интеллектуальное освобож-

---

[19] Ibidem.

дение трудового народа...»[20] Она развернет пропаганду среди пролетариата, сплотит эксплуатируемые массы городов и сел и поведет их в битву за улучшение их экономического положения. Партия обязуется соблюдать принципы пролетарского интернационализма и неуклонно осуществлять решения конгрессов II Интернационала.

Немало полезных пунктов включала в себя программа немедленных требований (т. е. программа-минимум): всеобщее, равное и прямое избирательное право для всех граждан, достигших 20 лет, независимо от их пола, религиозной и национальной принадлежности; политическое и правовое равноправие женщин; всеобщее светское и бесплатное образование; гарантия права на свободу собраний, ассоциаций, стачек как в городе, так и в деревне; отмена косвенных налогов и введение прогрессивно-подоходного обложения; пересмотр конституции, отмена чрезвычайных мер. Впервые в Румынии в этом документе говорилось о специфически рабочих требованиях: законах об охране труда, регламентации дней отдыха, запрещении принимать на заводы и в мастерские детей до 14 лет, восьмичасовом рабочем дне, распространении социального законодательства на батраков. Положительной чертой программы было включение в нее аграрного вопроса, хотя она и останавливалась здесь на полпути, говоря лишь об образовании фонда из земель, купленных у помещиков государством для сдачи участками в аренду крестьянским обществам и отдельным лицам, создании системы сельского кредита, облегчении условий аренды.

Но влияние реформистских концепций отразилось на программе вполне явственно. В преамбуле указывалось, что социалистические преобразования должны осуществляться сперва в передовых странах Западной Европы, в Румынии же в ожидании этого следует заниматься пропагандой и организацией трудящихся, заботиться об улучшении их положения и т. д. Указанной цели подчинялась тактика партии: «Отсюда следует умеренность социалистической тактики у нас,— указывалось в программе,— развитие движения по пути строгой легальности»[21].

---

[20] «Documente din istoria mişcării muncitoreşti din România, 1893—1900» (далее — DIMMR, 1893—1900). Buc., 1969, p. 52—55.

[21] DIMMR, 1893—1900, p. 55.

Это положение было принято без возражений, но участники съезда настояли на включении в программу пункта о республике, которого некоторые реформисты, дабы не осложнять отношений с властями, хотели избежать.

Оппортунизм в тактических вопросах дополнялся организационным: принятый на съезде Устав предусматривал вхождение в партию клубов и рабочих союзов (синдикатов) и групп, согласных с ее программой [22]. Обязанности члена партии вообще не были сформулированы, так как считалось, что они перечислены в статутах клубов. Мелкобуржуазная аморфность и расплывчатость возобладали над принципом пролетарской сплоченности. Водораздел между политическими и профессиональными организациями не проводился: устав предлагал рабочим клубам добиваться присоединения к партии профессиональных ассоциаций. Поскольку последним особой резолюцией съезда предписывалось отказаться от всякой «политики» [23] и заниматься лишь экономическими вопросами, это означало, что часть членов партии вообще исключалась из сферы политической борьбы.

Буржуазно-либеральные лидеры попытались «теоретически» узаконить свое доминирующее положение ссылками на особенности развития своей страны. «У нас,— говорилось в программе,— социализм легче распространяется среди самой культурной и великодушной части буржуазной молодежи, чем в Западной Европе. Там, на западе Европы, вековые традиции глубочайшего классового разъединения, в которых воспитывается буржуазное юношество, делают почти невозможным развитие социализма в этом классе...» [24].

Не было ясности по вопросу об отношениях с другими политическими силами страны. Съезд подчеркнул, что «все буржуазные партии, под каким бы именем они ни выступали, враждебны рабочему классу». Но тут же, по предложению И. Нэдежде, решено было различать «реакционные и более или менее реакционные партии», что открывало перед реформистами лазейку для маневров [25].

---

[22] DIMMR, 1893—1900, p. 61.
[23] Ibid., p. 64.
[24] Ibidem.
[25] Ibid., p. 55.

Лидерам удалось повести за собой большинство съезда, в Генеральный совет партий вошла «ясская четверка» — Иоан Нэдежде, Ал. Г. Радович, В. Г. Морцун, К. Милле и лишь один представитель бухарестского пролетариата Ал. Ионеску [26].

Сам факт возникновения в Румынии социалистической партии имел огромное значение. Лучшие сыны румынского рабочего класса развернули кипучую деятельность по сплочению его рядов. 90-е годы — время быстрого роста профессиональных организаций, которых к началу XX в. насчитывалось сотни. Более четким стал классовый характер этих обществ. В их уставах, как правило, говорилось об укреплении братства и солидарности между рабочими, о борьбе за улучшение их социального и материального положения. В некоторых из них указывалось на необходимость сокращения рабочего дня, иногда (хотя и далеко не во всех случаях) — до 8 часов. Большинству обществ подобное требование казалось еще слишком «дерзким». Хозяева мастерских в ассоциации не допускались. В одном из уставов прямо указывалось, что любой член общества, ставший предпринимателем, обязан его покинуть.

Ширилось стачечное движение, поднимались на борьбу швейники, деревообделочники, печатники, рабочие строительной промышленности. По своему характеру стачки продолжали оставаться экономическими и, казалось бы, не представляли особой угрозы капиталистическому строю. Но они служили мощным средством классового воспитания, способствовали появлению рабочих вожаков, а их политический эффект проявлялся в росте СДПРР.

Рабочие должны были прийти к марксизму, не глотая его в виде непреложной догмы, а руководствуясь своим «классовым чутьем» [27]. Лучшим же средством для обострения этого чутья служили забастовочные битвы, обнажавшие антагонизм труда и капитала, за которым стояла политическая и военная мощь государства. «Стачечные увлечения» рабочих лидеров вовсе не свидетельствовали об их скатывании к экономизму либо трэд-юнионизму. В данном случае, в конкретных усло-

---

[26] DIMMR, 1893—1900, p. 64.

[27] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 39, стр. 207.

виях Румынии, при относительной слабости пролетариата, они являлись лучшим способом его классового воспитания, необходимым и неизбежным этапом в его развитии. Не случайно оппортунисты в руководстве СДПРР забили тревогу именно в связи с развертыванием забастовок [28].

Остро стояла в Румынии проблема демократизации страны. Правительства приходили и уходили, а порядки, те самые, которые социалисты характеризовали тремя словами,— рабство, нищета и позор,— оставались прежними. Груз нерешенных буржуазно-демократических задач помог им избежать опасностей сектантства, принесшего столько вреда революционному движению передовых капиталистических государств. В Румынии мало кому приходило в голову с презрением отворачиваться от борьбы за лишний лей к нищенской заработной плате, за свободную, а не подконтрольную полицейскому участку печать, за право проводить демонстрации без побоищ с жандармерией и буйными ватагами нанятых ею за стакан цуйки в ближайшем кабаке забулдыг и хулиганов,— третируя все это как «мелочь», недостойную подлинного революционера, поглощенного заботами о социализме.

Но на этой же почве нерешенных демократических задач паразитировали оппортунисты, стараясь свести всю активность партии к их достижению, стремясь не выходить за рамки легальности. Иоан Нэдежде писал впоследствии: он всегда стремился, чтобы «восторжествовала мысль» о пагубности и вредности тактики «насилия и революционных действий». Редактируемая им газета «Лумя ноуэ» («Новый мир») твердила неустанно, что «румынская социал-демократия — партия целиком легалистская и мирная»; «что страна не может быть республикой и король Карл и его династия абсолютно необходимы для превращения Румынии в европейское государство»; «что установление коллективной собственности на средства производства должно произойти в ходе развития капиталистического общества и что подобного преобразования нигде в Европе нельзя ожидать ранее чем через сто или больше лет». Отсюда делался вывод — надо ограничиваться борьбой за претворение в

[28] См. об этом стр. 281 настоящей книги.

жизнь существующих законов, «повысить значение и политическую силу низших классов», «добиться законодательной охраны труда, что воспрепятствует дегенерации народа». Нэдежде писал далее о «насущной необходимости превращения Румынии в буржуазно-капиталистическое государство» [29].

Таковы основные постулаты румынского оппортунизма ранней поры. Поражают его узость, заземленность, отсутствие, несмотря на настойчивые ссылки на румынскую специфику, оригинальных идей. Программа И. Нэдежде вполне отвечала общеевропейскому эталону оппортунизма. Многие стороны роднят ее с возросшим на русской почве легальным марксизмом и австро-марксизмом соседней Габсбургской монархии. Раскрывая кардинальные черты этих явлений, В. И. Ленин писал о «международном стремлении теоретиков буржуазии убить марксизм «посредством мягкости», удушить посредством объятий, путем якобы признания «всех» «истинно научных» сторон и элементов марксизма, *кроме* «агитаторской», «демагогической», «бланкистски-утопической» стороны его. Другими словами: взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до «общего» признания «социалистических идеалов» и смены капитализма «новым строем», и отбросить «только» живую душу марксизма, «только» его революционность» [30].

Нэдежде и его сторонники резко выступали против, как они говорили, «фанфаронады» со словом революция: «...как цыпленок разбивает скорлупу яйца лишь тогда, когда он вырос, так и революция по необходимости следует за эволюцией. У нас надо идти только путем закона, ибо наша конституция либеральна и не мешает развитию страны» [31].

Поскольку оппортунистический «цыпленок», по словам Нэдежде, должен был развиваться больше столетия, наиболее дальновидные круги румынской буржуазии не имели ничего против.

Монархизм Нэдежде смущал многих его коллег и

[29] DIMMR, 1893—1900, p. 652—654.
[30] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 227.
[31] *I. C. Atanasiu.* Op. cit., p. 102.

даже радикалов, считавших себя республиканцами (правда, больше в теории). Но Нэдежде был не в силах совладать со своими верноподданническими чувствами, утверждая, будто румынский Гогенцоллерн «заслуживает благодарности демократии (!!) и за то, что принес добро, и за то, что пресек зло» [32].

Курс Нэдежде фактически означал торможение революционных сил, и это должно было привести его к столкновению с представителями левого крыла. Входя в Генеральный совет партии, а практически возглавляя его, Нэдежде, по словам его коллеги и единомышленника И. Атанасиу, решительно искоренял в партии революционность [33].

В области теории реформисты без труда заняли в партии господствующие позиции. Рабочим и их вожакам не под силу было тягаться с выпускниками местных и зарубежных университетов; интеллигенты же, стоявшие на революционных позициях, вроде К. Буздугана, Шт. Штынкэ, Р. Ионеску-Риона, насчитывались единицами. Но классовое чутье и постепенно накапливавшийся опыт показывали им пагубность ограничения половинчатой и убогой программой И. Нэдежде. Сведение активности партии к подготовительной работе в ожидании великих событий на Западе не удовлетворяло представителей левого течения. Они не верили во всемогущество избирательного бюллетеня, и ход событий подтверждал их скепсис.

В 1894 г. СДПРР удалось создать и возглавить Союз всеобщего избирательного права. И. Нэдежде и В. Морцун, став депутатами парламента, исправно вносили в палату депутатов соответствующие законопроекты, которые неизменно отвергались. Ежегодно созывались десятки собраний с требованием всеобщего избирательного права. Вся эта деятельность, несомненно, имела положительное значение, но она не выходила за буржуазно-демократические рамки.

Съезды партии проходили в обстановке ожесточенных столкновений противоположных взглядов. Уже на втором съезде в апреле 1894 г. группа делегатов — К. Буздуган, Шт. Стынку, Р. Ионеску-Рион, К. Олческу, А. Ионеску — дала бой сторонникам «легального пути»

[32] *I. C. Atanasiu.* Op. cit., p. 129—130.
[33] Ibid., p. 69.

и ограничения активности партии парламентской деятельностью.

На третьем съезде (1895 г.) Макс Векслер от имени Ясского рабочего клуба предложил внести поправки в устав партии, определив, в частности, обязанности ее членов. Иоан Нэдежде воспротивился пересмотру уже решенных вопросов. Ему удалось одержать верх в завязавшейся дискуссии.

В низовых организациях революционеры действовали успешнее. Их усилиями ширились организации. Бухарестский клуб насчитывал в 1895 г. уже 575 участников, а через два года число записавшихся в него достигло 1315 [34].

Вторая по численности партийная организация действовала в Брэиле, городе портовиков. Здесь клуб в лучшие времена насчитывал до тысячи участников. Немало передовых рабочих записалось в клубы Галаца, Бузэу и Тыргу-Фрумоса. Что же касается Ясс, то там число социалистов не превышало 90 [35] — цифра незначительная для города, претендовавшего на роль второй столицы Румынии. Всего же в 35 партийных организациях состояло в 1897 г. 6 тыс. человек [36].

Первомайские демонстрации служили смотром сил пролетариата, показателем его боевитости. В 1893 г. этот день был отмечен в Бухаресте, Яссах, Галаце, Крайове, Плоешти и других городах. 5 тыс. человек вышли на улицы под лозунгами 8-часового рабочего дня, воскресного отдыха, всеобщего избирательного права. Горячо и искренне откликнулся на рабочий праздник знаменитый сатирик И. Л. Караджале. «В замечательном обществе, в котором мы вращаемся,— писал он,— сталкиваешься на каждом шагу с таким материальными и духовными красотами, что порой хочется сбежать на Марс, чтобы избавиться от столь умных, а особенно честных соотечественников». «Однако нынешним днем мы по-настоящему растроганы: сегодня в парке Чишмиджиу собираются рабочие, чтобы отпраздновать свой день, день труда и борьбы за свои классовые интересы. Газета не позво-

---

[34] MMR, p. 67.

[35] MMR, p. 68—69.

[36] Но о слабости организационной работы говорило то обстоятельство, что лишь 2,5 тыс. регулярно платили взносы и 2,1 тыс. получили партбилеты (MMR, p. 80).

ляет себе отпускать шуточки по адресу тысяч людей, вдохновленных искренним энтузиазмом, глубокой верой и стремлением создать иной мир, с иными порядками и иной моралью.

Можно показаться смешным в глазах тех, кто привык видеть нас неизменно веселыми; сегодняшний тон может выглядеть слишком серьезным или неподходящим, но все же мы предпочитаем видеть разинь удивленными,— чему только не удивляются разини,— чем считать себя неспособными к высоким чувствам и сердечным порывам» [37].

В 1894 г. первомайский праздник отмечался впервые в Румынии не в праздничный, а в рабочий день. Ал. Ионеску призывал социалистов «обходить дом за домом, идти от одного рабочего к другому и разъяснять каждому значение праздника 1 Мая как проявления самого энергичного протеста угнетенного класса против угнетателей всех наций» [38]. 12 тыс. человек вышли в этот день на улицы Бухареста. И среди одетых по-праздничному рабочих виднелись белые рубахи крестьян окрестных деревень. Демонстрации состоялись в Крайове, Хуши, Бырладе. В Галаце напуганный префект запретил «процессию любого рода со знаменами или другими подобными мятежными эмблемами». Руководство клуба подчинилось, ограничившись проведением собрания.

Но, как оказалось, явное нарастание боевитости движения встревожило не только власти, но и партийную верхушку. Она добилась, чтобы в следующем году праздник отмечался в ближайшее воскресенье, и воззвала к рабочим не поддаваться на провокации властей, проявить сдержанность и тем самым избежать готовящейся расправы [39].

Уступчивость реформистов не удовлетворила, однако, консервативное правительство Ласкара Катарджиу. Оно по-своему провело подготовку к следующему Первомаю, запретив всякие манифестации и разрешив лишь собрание в одном из бухарестских парков. Восходящая звезда консерваторов, представитель их буржуазного крыла Таке Ионеску говорил своим коллегам в совете министров: «Если мы не воспрепятствуем уличным волнениям, тогда

[37] *И. Л. Караджале.* Избранное. М., 1953, стр. 293, 294.
[38] MMR, p. 176.
[39] *I. C. Atanasiu.* Op. cit., p. 103.

в скором времени нависнет угроза над самим существованием государства»[40]. Так, рабочие получили наглядное разъяснение, что означают конституционные права в их стране.

Правительство убедилось, однако, что запретами и угрозами рабочих не обуздаешь. Через год (1896 г.) в столице под красными стягами Первомая демонстрировало почти 10 тыс. человек. «Бухарест,— писала в те дни «Лумя ноуэ»,— откликнулся вчера на песнь борьбы и освобождения нашего пролетариата».

Упорнее, организованнее и сознательнее стало стачечное движение румынского пролетариата. Власти с тревогой видели в этом «руку социалистов». И действительно, лучшие из лучших сыновей румынского рабочего класса, проходя воспитание в СДП, отдавали все свои силы его борьбе. Наряду с Александру Ионеску и Константином Олческу выдвинулись молодые Ион Константин Фриму и Штефан Георгиу, ставшие знаменитыми вожаками рабочих в новом, XX в. Мартовскую стачку 1896 г. на крупнейшем деревообделочном предприятии «Гёц» в Галаце газета «Лумя ноуэ» назвала «лучше всего организованной» из всех выступлений, прошедших до того в стране. «Свыше 400 рабочих, то есть все, абсолютно все занятые на фабрике, не уходят из рабочего клуба». Румыны, немцы, венгры, трудившиеся у «Гёца», действовали в полном единстве. Не добившись удовлетворения своих требований, многие деревообделочники решили искать работу в других местах.

В 1898 г. забастовка швейников охватила цепь городов — Бухарест, Плоешти, Галац, Ботошани, Александрию. Тогда же выступили печатники столицы во главе с ветераном движения, пользовавшимся большим авторитетом Ал. Ионеску. Они выработали свою программу требований, включавшую 9-часовой рабочий день и установление минимального недельного заработка. 30 декабря 1898 г. стачка была объявлена.

Печатникам пришлось столкнуться не только с ожесточенным сопротивлением предпринимателей, среди которых особо «отличились» владельцы типографии газеты «Адевэрул»[41], принадлежавшей бывшему «товарищу по

---

[40] MMR, p. 177.
[41] MMR, p. 166.

борьбе» Константину Милле, сбежавшему из партии, но и с угрозами властей.

Конфликт в Бухаресте охватил 24 типографии с 600 печатниками. Три месяца длилась борьба. В двадцати случаях рабочие, проявив упорство и стойкость, добились успеха. Но персоналу четырех крупнейших типографий, куда военный министр направил в качестве штрейкбрехеров солдат, пришлось отступить.

Помимо этих крупных конфликтов в стране происходило много других,— на транспорте (включая недавно появившуюся конку), в портах, на заводах и в мастерских металлоизделий, на стекольных заводах, в обувной промышленности. Это здоровое, ширившееся, понятное для рабочих движение, пользовавшееся у них популярностью и встречавшее поддержку, вызывало озабоченность и тревогу у реформистских руководителей СДПРР. Классовые схватки, пусть еще экономические по своему содержанию и недостаточно зрелые по организации и сознательности их участников, не укладывались в планы упорядоченной и строго легальной кампании за всеобщее избирательное право, которой реформисты хотели ограничить политическую деятельность СДПРР. «Не по наущению руководителей происходили стачки,— вспоминал много позднее И. К Атанасиу.— Напротив, они прилагали все усилия, чтобы их избежать, говоря о страданиях и лишениях, которым рабочие подвергают и себя, и свои семьи во время забастовок» [42]. И не разрозненные выступления левых на конгрессах по идеологическим и теоретическим вопросам тревожили их больше всего, а именно это живое движение, в котором они справедливо усматривали истоки революционной тенденции.

В развитии рабочего движения, живого, стремительно росшего, с особой ясностью выступает важность соотнесения идей с действительностью. Критерий практики, «*соединение познания и практики*» [43] проявляются здесь с предельной отчетливостью. Оппортунистические теории разбиваются о социальную действительность, причем формы и сроки кризиса и крушения ревизионистских концепций зависят от накала классовых боев.

---

[42] *I. C. Atanasiu.* Op. cit., p. 87.
[43] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 198.

В Румынии, как и в некоторых других странах, ревизионизм усилился после смерти Фридриха Энгельса. Его кончина вызвала глубокую скорбь в прогрессивных кругах страны. К. Доброджану-Геря в статье-некрологе вспоминал о своей такой еще недавней встрече с великим учителем в Цюрихе. «Еще долгие годы будет ощущаться невосполнимость потери Энгельса,— писал Геря.— Необходимы не только гениальная проницательность его ума, не только его полувековой революционный опыт, Энгельс — единственный, кто благодаря своему исключительному положению среди различных социал-демократических партий мог служить связующим звеном между ними. Энгельс являлся живым воплощением социалистического интернационализма» [44].

Но смерть Энгельса вызвала и повсеместную активизацию ревизионистских сил. Не осталась в стороне от этого процесса и Румыния. «Лумя ноуэ» заключала некролог знаменательными словами: «Теперь нам следует ориентироваться... на Бернштейна и других в теории» [45].

Застрельщиком ревизионистского похода выступил Василе Морцун — единственный с 1895 г. социалистический депутат.

Нельзя отрицать, что его пребывание в парламенте приносило определенную пользу. Морцун не раз поднимался на трибуну, чтобы подвергнуть острой критике жестокую нищету крестьян, трудное положение городских низов и «прелести» административного самоуправства, безудержного взяточничества и полного пренебрежения к конституционным правам граждан. За это его благодарили на конгрессах. Но Морцун не использовал, да и не мог использовать по своим убеждениям,— даже те возможности, которые открывались перед единственным социалистическим депутатом. За много лет пребывания в палате он всего один лишь раз выступил в поддержку стачечников — в связи с забастовкой печатников столицы (1898—1899 гг.), да и то не удержался от выпадов против их руководителя Александру Иоеску [46]: «Палата видит, что я не требую от нее оказать

---

[44] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 194—197.
[45] «Inceputul raspîndirii marxismului in România». Buc., 1956, p. 52.
[46] MMR, p. 167.

давление на предпринимателей; но ей следует дать последним совет вступить в переговоры с рабочими и принять те из их требований, которые вам кажутся справедливыми и обоснованными»[47]. Столь же склонен к компромиссу был Морцун и в аграрных вопросах, подчеркивая, что предлагаемый им частичный выкуп крупных имений «не представляет опасности и не потребует жертв от помещиков» (к которым, он, кстати, принадлежал).

Морцун защищал в партии оппортунистическую линию, сводящую всю ее активность к завоеванию всеобщего избирательного права. Причем преподносилась она под предлогом необходимости сосредоточения сил: поскольку возможностей для борьбы на всех фронтах не хватает, нет смысла разбрасывать ограниченные средства и слабые ресурсы, целесообразнее сосредоточить их на одном участке и добиться здесь ощутимого результата.

Надо сказать, что в СДПРР не существовало антипарламентарного течения (отдельные, склонявшиеся к анархизму лица — не в счет). Оппозиция в ней нарастала не против всеобщего избирательного права — Ал. Ионеску, секретарь партии, К. З. Буздуган своими статьями[48] немало способствовали развертыванию кампаний в его пользу,— а против гиперболизации избирательного права и забвения других видов борьбы.

Пролетариат требовал перехода к другим, более действенным формам борьбы. Всех решительнее и настойчивее выражал эту точку зрения Ал. Ионеску.

Схватка произошла на VI съезде партии (1898 г.). Развязал дискуссию Ионеску. «Думаю,— говорил он,— что избранная Морцуном процедура — наладить добрые отношения с буржуазными депутатами — отдает чистейшим платонизмом. Буржуазия не столь глупа, чтобы ее можно было прельстить красивой речью, она умеет отстаивать свои прерогативы... Если в палате и можно заручиться несколькими голосами в знак дружбы к Морцуну или восхищения им, то в сенате не удается раздобыть ни одного». Всеобщее избирательное право можно вы-

---

[47] MMR, p. 208, 209.
[48] *C. Z. Buzdugan.* Vrem votul universal! — DIMMR, 1893—1900, p. 543—544.

рвать только дружным натиском рабочих. Знаменательно, что Ионеску выделил здесь на первый план стачки (по сути дела, политические). Он закончил свое выступление призывом: «Все наши силы надо развернуть для основательной организации рабочего класса» [49].

Игнорировать настойчивые требования многих делегатов во главе с Ионеску — повернуться лицом к массовому движению, обратить внимание на его организацию,— было невозможно.

К. Доброджану-Геря умело примирил возникшие в ходе дебатов разногласия и представил следующую резолюцию: «Организация рабочих является главным долгом социалистов. Социалистическая партия, ее конгресс предлагают всем членам приложить все усилия для объединения рабочих по профессиям» [50].

Левые приветствовали это решение и сделали немало для укрепления союзов и ассоциаций. Правые же продолжали плавание в соглашательских водах, попрежнему стремясь добиться всеобщего избирательного права с помощью верхушечных комбинаций. Поиски ими союзников вне рабочего движения успехом не увенчались. Оппортунисты устремили было взоры к радикальной группе Георге Пану. Но тот с порога отверг саму мысль о сотрудничестве с социалистами, объявив это «платонизмом в политике». А позднее предполагаемые союзники, к немалому конфузу оппортунистических комбинаторов, перешли к консерваторам. Неудачей закончилась и попытка установить взаимопонимание с руководителем диссидентской либеральной группировки Николае Флевой после того, как сей «прогрессист» заявил публично: «всеобщее избирательное право... в руках бандитов, управляющих страной, превратится для нее в серьезную опасность». В преддверии выборов 1895 г. они обратились к официальному руководству ли-

---

[49] DIMMR, 1893—1900, p. 561.

[50] Ibid., p. 577, 579. Современный румынский историк Д. Хурезяну пишет о примирительной тактике К. Доброджану-Гери: «Ему выпала роль посредника не только в силу престижа, но и по склонности, которую он всегда имел,— устранять трения и способствовать взаимопониманию между воззрениями противоположных сторон. В политике подобные душевные свойства, не сдерживаемые жестким рациональным суждением, могут вести к слабостям примиренчества» (*D. Hurezeanu.* C. Dobrogeanu-Gherea. Buc., 1973, p. 132—133).

беральов с предложением о сотрудничестве на базе требования всеобщего избирательного права. Но и тут получили отказ. После этого оппортунистические лидеры пошли на беспринципную сделку с либералами во время коммунальных выборов 1898 г. «Лумя ноуэ» выступила с призывом: «...Пусть сознательные рабочие и просвещенные граждане, любящие свободу и думающие о своих интересах, не медля ни минуты, проголосуют за список, гарантирующий им лучшую жизнь — список либералов» [51].

Реакция рядов членов на подобные комбинации была негодующей, дело дошло до раскола бухарестской организации (1898 г.) [52]. Хотя раскол в Бухарестском клубе удалось ликвидировать, процесс размежевания в СДПРР продолжался неотвратимо, ибо глубоки были корни, его питавшие.

Партия, официальными лидерами которой продолжали числиться либерально-буржуазные деятели, освобождалась от их влияния. Воспоминания И. К. Атанасиу содержат ценные признания на этот счет: руководители «с болью должны были констатировать, что не являются больше господами в партии... Рабочие уже не находились у них в руках, подобно тому, как это было раньше». Атанасиу пишет о «враждебности и оскорбительной подозрительности», которую они «ежедневно ощущали со стороны рабочих». С неприязнью и недоброжелательностью отмечает он и появление рабочих вождей: «Нахватавшись кое-какой социалистической культуры,— благодаря предоставленным в их распоряжение книгам и прочитанным для них в клубе интеллигентами лекций,— эти полукультурные социалисты присвоили себе право критиковать руководителей партии — интеллигентов» [53].

Напор со стороны левых сил, неспособность одолеть их и навязать партии свою схему деятельности приблизили кризис. Либерально-буржуазные элементы меняют курс. Начиная с 1895 г. сперва в частных беседах, затем на закрытом заседании V съезда, а потом и публично они требуют преобразования партии на «более широ-

---

[51] MMR, p. 207.
[52] DIMMR, 1893—1900, p. 840.
[53] *I. C. Atanasiu.* Op. cit., p. 331, 326.

кой основе», что было равнозначно ее ликвидации. Опровергнутые Константином Доброджану-Геря еще десять лет назад положения, что в отсталой Румынии социалистическое движение является искусственно привнесенным экзотическим цветком,— были вытащены на свет.

При всей специфике кризис в СДПРР отражал процессы всеобщего значения. Мир вступал в новую эпоху; эпоху империализма. Заканчивался длительный отрезок относительно мирного развития рабочего движения, роста его вширь. В дни всеобщей октябрьской политической стачки 1905 г., а затем на баррикадах московской Пресни российский пролетариат возвестил начало нового этапа.

Капитал лихорадочно собирал все свои силы, пуская в ход все средства,— и экономические соблазны, и штык, и идеологическую отраву. Предпринимались и попытки разложить рабочее движение изнутри с помощью ревизионистов во главе с Эдуардом Бернштейном. В Англии Фабианское общество плело сети «муниципального социализма», заверяя, что демократия (буржуазная!) и так полным ходом идет к новому общественному строю, а поэтому нет смысла прибегать к революции.

В Румынии же была предпринята попытка заменить социалистическую организацию аморфным объединением демократических сил. А когда это не удалось,— ренегаты нанесли пролетарскому движению удар, добившись распада СДПРР.

Ликвидаторы тщательно готовились к VI съезду (апрель 1899 г.), стремясь как можно больше сузить его состав, превратить его в келейное собрание своих сторонников. Не было ни широкого заблаговременного оповещения, ни предсъездовской дискуссии. Александру Ионеску «забыли» избрать делегатом. Съехавшиеся в Бухарест рабочие были потрясены этим фактом. Ионеску немедленно предложили мандат от организации уезда Ро́ман. Но тот, поддавшись чувству личной обиды, отверг предложение [54].

На передний край атаки против партии был выдвинут Дж. Диаманди, выступивший со старым и давно отвергнутым тезисом об отсутствии в Румынии условий для социализма: «У нас нет буржуазии; значит нужно

---

[54] DIMMR, 1893—1900, p. 694.

бороться за создание буржуазной партии, которая противостояла бы крупному землевладению и сделала бы возможным существование социалистической партии»[55]. Объявив свою прошлую деятельность СДПРР «утопической», Диаманди предложил встать на путь «реализма», добиваться демократических реформ, а для этого преобразовать партию и «привлечь в наши ряды все то хорошее, что есть в буржуазии»[56].

Выступление Диаманди, его призыв — помочь «формированию демократической буржуазии» возмутили многих делегатов. В отсутствие Ал. Ионеску основную тяжесть полемики от лица революционеров принял на себя К. З. Буздуган. «Не могу не осудить дипломатии, к которой прибегает Диаманди ради отнюдь не возвышенной в наших глазах цели,— уничтожения партии»,— заявил он. «Диаманди сохраняет из доктрины Маркса лишь то, что ему подходит,... и отвергает... то, ради чего сформирована рабочая партия: теорию классовой борьбы, являющуюся доминирующей в марксистской доктрине». Он бросил в лицо ликвидаторам гневные слова: «Вы отрицаете, что в Румынии существуют эксплуататоры и эксплуатируемые. Достаточно спросить любого рабочего, сидящего здесь, подвергается ли он гнету...— и в ответе вы можете не сомневаться»[57]. Буздуган вскрыл подлинный смысл маневра Диаманди: в предлагаемой последним партии «сойдутся рабочие и их хозяева, крестьяне будут рядом со своими угнетателями, арендаторами и помещиками. Неужели вы верите, что таким путем установите между ними мир?»[58]. Он выражал готовность обсудить положение в СДПРР, но на принципиальной и конструктивной основе: «Мы хотим реорганизовать, а не ликвидировать партию. Если вы этого хотите, то мы, ни в коей мере не отказываясь от социалистического идеала, готовы сменить название. Станем именоваться просто партией рабочих. Слово «социал-демократ» непонятно для значительной части рабочих, не говоря уже о крестьянах, которые начинают прибывать к нам. Но предавать классовую борьбу и

---

[55] DIMMR, 1893—1900, p. 685.
[56] Ibid., p. 686.
[57] Ibid., p. 689.
[58] Ibid., p. 691, 692.

международную солидарность трудящихся мы не желаем» [59].

Многие ораторы горячо и убедительно поддержали К. З. Буздугана. Вечемар, И. К. Фриму, А. Константинеску один за другим брали слово. Валериан Проскуря в ответ на призыв помочь отечественному капиталу заметил: «Буржуазия у нас достаточно крепка; если мы попытаемся еще больше ее усилить, нам вообще заткнут глотку» [60].

В. Г. Морцун поспешил своему коллеге на помощь. Более умело и осторожно он повел ту же линию, акцентируя внимание на неудачах СДПРР, приписывая их не трудностям борьбы и тактическим ошибкам, а непреодолимым объективным причинам. Партия-де слепо копировала западные образцы, не считаясь с особенностями развития Румынии, которая будто бы вообще не созрела еще для движения, ибо «нет тех естественных условий, которые порождают социализм». Образование СДПРР он счел ошибкой. «Радикалы, социалисты — это группы, созданные в ущерб либеральной партии, которая пала жертвой реакционных элементов, вступивших в нее, когда мы, демократы, отторгли ее. Если бы мы не покинули либеральную партию, если б в ней находилось много подлинных демократов, она оставалась бы демократической, каковой была до разрыва Росетти с Брэтиану» [61].

* * *

Поддержанный Диаманди, В. Г. Морцун внес предложение — «создать новую партию на подлинно демократических основах, программа и требования которой могут быть осуществлены при ныне существующей организации общества» [62]. Слово «социализм» не фигурировало в резолюции. Она прошла.

Жонглирование словом «демократия» не ввело в заблуждение левую часть съезда. К. З. Буздуган, И. Нэдежде-Армашу, В. Проскуря, Вечемар, И. Тулча-

[59] DIMMR, 1893—1900, p. 686.
[60] Ibid., p. 700.
[61] Ibid., p. 700. Подробнее реформистские концепции о роли румынской буржуазии рассмотрены на стр. 318 настоящей работы.
[62] Ibid., p. 704.

ну подали совместное заявление о своем уходе, ибо им дан мандат для того, чтобы «укреплять, а не разрушать СДП», и они «не видят никакой пользы в конгрессе, который займется программой новой партии»[63]. К ним присоединился молодой И. К. Фриму.

Позицию левых на съезде нельзя постичь лишь с точки зрения логики, без учета психологического фактора. Партия стала для них вторым «я», смыслом жизни, путеводной звездой к лучшему будущему. Только учитывая это, можно постигнуть их колебания и непоследовательность. Они пошли на поводу за правой частью съезда, согласившись отстранить от решения политических вопросов всех делегатов, не имевших румынского подданства[64], и тем самым ослабили свои собственные позиции. В ходе прений выявилось, что К. З. Буздуган произвольно трактует термин «оппортунизм», приравнивая его к определенной гибкости в линии партии и объявляя себя и своих сторонников — в этом смысле — «оппортунистами»[65]. Наконец, по первой просьбе президиума левые согласились взять обратно заявление о своем уходе и участвовать в работе съезда.

Но и «победители» чувствовали себя неуверенно. В. Г. Морцун заявил: «Нас обвиняют в стремлении похоронить социалистическое движение, в том, что мы внезапно выступили с предложением преобразовать партию. Чтобы снять подобные обвинения, предлагаю отложить конгресс»[66] (на два месяца). Уже принятое решение было тем самым дезавуировано. Обе стороны, и левые, и ликвидаторы, рассчитывали подготовиться к новой схватке.

Новой встречи так и не произошло. Партия прекратила существование, и восстановление СДП произошло лишь через одиннадцать лет.

Разрыв приблизили резкие разногласия по крестьянскому вопросу.

Значение аграрной проблемы в государстве, где четыре пятых населения занималось сельским хозяйством,

---

[63] Ibid., p. 708.

[64] В тогдашней Румынии не только евреи, но и нерумынское население вошедшей в 1878 г. в состав страны Северной Добруджи не пользовались гражданскими правами.

[65] DIMMR, 1893—1900, p. 692.

[66] Ibid., 1893—1900, p. 716.

трудно переоценить. Ни одного года не проходило без вспышек крестьянского недовольства, ни одного десятилетия — без крупных волнений, а 1888 г. отмечен восстанием, подавленным ценою жизни тысячи его участников [67].

Как же реагировали на восстание социалистические кружки? Они с большим мужеством выступили в защиту повстанцев, заклеймили расправу над ними, требовали прекращения карательных операций, настаивали на проведении аграрных реформ. Наиболее решительную позицию занял бухарестский кружок. В специально выпущенном манифесте он писал: «Рабочие! Только вы знаете, что такое мучения и бедность, только вы знаете, что означает рабский труд, только вы можете понять тех, кто восстал, отчаявшись от лишений и несправедливости. Их враги — и ваши враги! Вы должны поднять голос протеста, когда расстреливают крестьян» [68]. В манифесте выражалась идея солидарности тружеников города и села и говорилось о закономерности восстания. Сходную позицию заняли социалисты Турну-Северина и Брэилы. Но рабочие не могли еще подняться до понимания необходимости союза пролетариата с революционным крестьянством. Что же касается оппортунистического руководства кружка в Яссах, то, выразив на словах глубокую озабоченность страданиями румынских крестьян, оно отмежевалось от их революционной борьбы, посоветовав крестьянам использовать все возможные легальные пути для защиты своих интересов, ибо «народ не может уничтожить законы путем восстания». Так, уже на раннем этапе социалистического движения обнаруживались расхождения в его рядах в подходе к крестьянскому движению.

Впоследствии румынские социалисты предложили включить аграрную проблему в повестку дня Брюссельского (1891 г.) и Цюрихского (1893 г.) конгрессов II Интернационала. Сильные уже тогда в руководстве Интернационала ревизионисты без всякого энтузиазма приняли предложение румын, и тем пришлось проявить немало настойчивости, чтобы настоять на своем. «К не-

---

[67] Подробнее о восстании см. «Răscoala ţăranilor din 1888». Buc., 1950.

[68] «Răscoala ţăranilor din 1888». Buc., 1950, p. 279—280.

счастью,— писал К. Доброджану-Геря,— у Брюссельского конгресса не нашлось времени для обсуждения, и по этой причине его отложили до Цюриха. Организационная комиссия Цюрихского конгресса сочла возможным исключить аграрный вопрос из повестки дня..., так что румынской делегации потребовалось много усилий, чтобы настоять на немедленной дискуссии»[69].

В Цюрихе нашлись пессимисты, утверждавшие, будто сельское хозяйство в разных странах развивается столь разнообразно и специфично, что это исключает возможность принятия каких-то общих решений; поэтому-де пусть каждая партия действует, как сочтет необходимым. На конгрессе прошла резолюция, гласившая, в частности: «Конгресс утверждает право общества на землю и недра; конгресс считает одной из наиглавнейших обязанностей социалистической демократии всех стран организацию сельскохозяйственных рабочих, подобно организации рабочих промышленности, и вовлечение их в ряды великой армии международного социализма»[70].

Обращает на себя внимание, что цюрихская резолюция предусматривала работу лишь среди вытолкнутых из рядов крестьянства батраков. Да и формула насчет вовлечения их в «великую армию международного социализма» оставляла открытым вопрос о путях борьбы.

II Интернационал так и не сумел выработать правильной стратегии и тактики по крестьянскому вопросу. Взяв курс на мирную парламентскую деятельность, его лидеры игнорировали революционные возможности деревни и смотрели на крестьянство как на класс, страдающий, а не как на союзника и резерв пролетариата в грядущей революции. Руководители румынской социал-демократии плыли в общем реформистском русле[71]. Поэтому в программе партии и в решениях съездов предусматривались лишь полумеры, неспособные

---

[69] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Chestiunea agrară la Congresul internațional de la Zurich.— *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 191.

[70] Ibid., p. 193.

[71] К. Доброджану-Геря в наиболее полном виде изложил свои взгляды по аграрной проблеме лишь в 1910 г. Анализ этих взглядов см. на стр. 314 настоящей книги.

коренным образом улучшить участь крестьян. О самой сокровенной мечте румынского крестьянства — разделе крупных землевладений — нигде даже не упоминалось. Работа в деревне велась эпизодически. Представитель левого крыла движения доктор Штефан Штынкэ писал (1894 г.), несколько сгущая краски: «В течение 12 лет я имею счастье находиться в рядах рабочей партии; и 12 лет я жду, когда же начнется серьезная помощь сельскохозяйственному пролетариату... Я не встречал ни одной статьи, ни одного исследования насчет отношений между помещиками и крестьянами, не слышал ни слова об организации жителей сел. Кто же поверит в нашу искренность, если не видно дела?» [72].

Руководство партии не спешило с претворением в жизнь даже ограниченной цюрихской резолюции, ссылаясь на отсутствие сил и средств. Однако существовала и более веская причина его пассивности: общая оппортунистическая концепция развития общества. Современные румынские историки по праву указывают, что ожидание прихода социализма с Запада, и перспектива «автоматического обновления страны, определяемая эволюцией экономически и политически развитых государств Западной Европы» [73],— не способствовали ни теоретическому поиску, ни практической деятельности.

Лишь давление «снизу» заставило руководство сползти с этой позиции. Волнения в деревне не прекращались. 1892, 1894, 1896, 1900 гг. стали свидетелями крупных вспышек. Рабочие с глубоким сочувствием следили за ними, требовали делом помочь страдающей деревне. Оппортунисты расточали советы — не действовать опрометчиво, уповать на избирательный бюллетень и благодетельные последствия реформы. Ал. Г. Радович, помещик и будущий либеральный министр, уговаривал крестьян: «Не советуем вам идти путем восстаний. Они могут принести лишь отчаяние, смерть, помешают на долгие годы движению вперед даже по пути закона». Ему вторил Константин Стере, бывший русский народоволец и родоначальник попоранизма [74]: «Не с помощью мятежей и волнений вы достигнете освобождения. Восстания приносят лишь вред. Только дорогой мирного

[72] MMR, p. 230.
[73] MMR, p. 218.
[74] См. стр. 413 данной книги.

завоевания прав можно добиться успеха»[75]. Генеральный совет СДПРР жалел о своей слабости, ибо, «если бы социал-демократия имела достаточно сил на селе, она воспрепятствовала бы и восстаниям, и их печальным и ужасным последствиям»[76].

Лишь V съезд (1898 г.) по требованию пролетарских элементов принял решение об усилении деятельности в деревне, посылке туда партийной литературы и создании там социалистических клубов. Руководство надеялось интерпретировать резолюцию по-своему, в духе излюбленной легальности, и превратить клубы в подспорье СДПРР на выборах. По типовому уставу, составленному лидерами, они должны были бороться «самыми мирными и законными средствами за просвещение и развитие всех трудящихся и прежде всего крестьян». Устав рекомендовал крестьянам знакомиться с законами, прежде всего избирательными и аграрными, чтобы знать и отстаивать свои права.

Но в накаленной обстановке румынской деревни движение начало приносить не те плоды, на которые рассчитывала оппортунистическая верхушка партии. Сознательные рабочие горячо взялись за организацию клубов, которые получили быстрое и широкое распространение, особенно в уездах Телеорман, Влашка, Романаци, Олт. Их число достигло трехсот. Вместо того чтобы заниматься штудированием существующих законов, крестьяне на сходах требовали предоставить им землю. Клубы стали превращаться в своеобразную школу подготовки к революционной борьбе. Местная администрация доносила, что крестьяне с их помощью надеялись добиться значительного снижения арендной платы, разрешения бесплатно заготовлять дрова и пасти скот в принадлежавших государству лесах, введения всеобщего избирательного права[77].

Это уже было серьезно. Первыми забеспокоились консерваторы. Помимо страха ими руководило желание скомпрометировать либеральное правительство в глазах помещиков. Консервативная печать на все лады принялась расписывать «подрывную» деятельность социали-

[75] MMR, p. 233.
[76] DIMMR, 1893—1900, p. 217.
[77] Biblioteca Academiei RSR. Secția de manuscrise, fond. Sturdza, mapa X.

стов в деревне, обвиняла либералов в неспособности «навести порядок» и советовала боярам бежать, пока не поздно, из поместий. Консерваторы учитывали социальную психологию крестьянства. Один из их ведущих деятелей, Таке Ионеску, говорил в парламенте: «Все идеи на свете трансформируются в зависимости от душевного состояния тех, кто им внимает... Землю надо поделить между нами,— вот единственная социалистическая фраза, с которой можно обращаться к деревне. Другого крестьянин не понимает» [78].

Это было правдой. Даже лозунг «вотул универсал» («всеобщее избирательное право») крестьяне переложили на свой лад. Теперь он звучал «лотул универсал» («участок — каждому»).

Движение в селах зимой 1899 г. приняло широкий размах [79]. Отказ от подписания кабальных контрактов сочетался в нем с угрозой разделить весной поместья. А иногда дело не ограничивалось угрозами. В селе Пояна (уезд Долж) сто семей заняли усадьбу и выехали на помещичье поле. Расправа была жестокой: «зачинщики» были привязаны к деревьям и подвергнуты истязаниям, а их имущество — сожжено [80].

Либеральное правительство, напуганное быстрым распространением сельских клубов, распорядилось об их закрытии, архивы были при этом конфискованы, а руководители арестованы (иногда не без ожесточенного сопротивления односельчан). Четыре трибунала занимались делами «подстрекателей». «В тюрьмах Турну-Мэгуреле, Каракала и Слатины,— писал очевидец,— с крестьянами обращались хуже, чем с убийцами, морили их голодом, подвергали унизительным пыткам, оскорбляли и избивали» [81].

Руководители СДПРР ничего не предприняли для того, чтобы взять под защиту участников клубов. Морцун и его коллеги отмежевались от движения. «Лумя ноуэ» умоляла крестьян: «Во имя всего святого, не восставайте против законов и властей... Не с помощью дубины вы улучшите свою жизнь... Не забирайте в свои

[78] MMR, p. 251.
[79] Подробнее о нем см. *C. Corbu, A. Deac.* Mişcări şi frămîntari ţărăneşti în România 1889—1900. Buc., 1965.
[80] MMR, p. 259.
[81] MMR, p. 265.

руки поместья, ибо это явится актом грабежа» [82]. Одновременно оппортунисты расточали перед правительством заверения в своей лояльности. «Социалисты,— успокаивали они разволновавшихся бояр,— возлагают надежду не на кол, а на силу законов» [83].

Но в партии были силы, поднявшиеся на защиту крестьян. К. Буздуган, Ал. Ионеску, Ал. Джорджеску и другие видные деятели словом и пером защищали преследуемых. 27 февраля 1899 г. Рабочий клуб Бухареста, ставший центром левых сил, созвал митинг протеста. «Рабочие,— говорилось в принятой на нем резолюции,— провозглашают, что ни за какую цену не покинут знамя социализма... и решают продолжать пропаганду... как в городе, так и на селе» [84].

В том же 1899 г. несколько десятков ренегатов, занимавших руководящие посты в СДПРР, перебежали к либералам.

Движение крестьян явилось лишь последним толчком, побудившим ренегатов совершить давно замышляемый шаг. Их предательство имело глубокие корни. Либерально-буржуазные элементы терпели поражения в своих попытках выхолостить революционный дух из движения рабочих и крестьян. В конце концов они оказались в положении генералов без армии. Знаменательно признание Н. Нэдежде, сделанное в 1899 г.: он уходит, ибо «не может примириться с рабочими» [85]. И тогда сделали ставку на дезорганизацию, на развал партии, что вкупе с недостаточной теоретической зрелостью не только передовых рабочих, но и их вождей, казалось, давало гарантию длительной передышки в классовой битве.

Эти расчеты не оправдались, хотя предательство руководства нанесло рабочему движению большой вред и СДПРР прекратила свое существование, распавшись на отдельные кружки. Но здоровые силы движения не сложили оружия. Еще накануне роспуска партии, в марте 1899 г., Александру Ионеску выступил со статьей, в которой говорилось: «В последние годы среди некоторых наших друзей, в особенности из числа интеллиген-

---

[82] «Lumea nouă», 31.I 1889.— MMR, p. 262.
[83] *M. Roller.* In legătura cu mişcarea muncitorească din România. Buc., 1945, p. 96.
[84] MMR, p. 262.
[85] DIMMR, 1893—1900, p. 652.

тов, появилось злополучное течение. Его представители полагают, что членам социалистической партии следует перейти в либеральную, оформить там так называемую либеральную левую, которая, уверяют они, подтолкнет либералов на путь реформ, что позволит в дальнейшем развиваться и социал-демократии. На меня эти люди производят впечатление не то наивных, не то злоумышленных политиков».

«...Социалистическая партия представляет один класс, пролетариат, интересы которого, в первую очередь экономические, нельзя смешивать с интересами буржуазии».

«Реформы у буржуазии можно вырвать иначе, а именно с помощью могучей организации рабочего класса».

«Разве мы для того 10, 12 и даже 15 лет трудились в социалистической партии, чтобы кончить столь позорно? Разве ради этого люди приносили жертвы, разве ради этого одних вышвыривали с предприятий, подвергали гонениям, побоям, арестам, а других разоряла господская полиция?

Не думаю, чтобы сознательные рабочие пошли на это».

В заключение А. Ионеску заявлял: «Мы не можем отказаться от партии и от нашего идеала. Мы — рабочие-социалисты, и останемся ими, ибо наши политические и экономические интересы не позволяют нам идти другим путем.

И если многим кажется слишком далеким наш идеал, если у них нет желания ждать, когда засияют прекрасные и ослепительные лучи нашего солнечного идеала, пусть уходят, пусть возвращаются в свое лоно.

Мы же являемся и останемся верными солдатами красного знамени международного пролетариата...»[86]

В обстановке сыпавшихся градом ударов реакции, предательства «вождей», поношений и травли в печати, денежных затруднений сомкнули ряды люди стальной закалки, преданные делу рабочего класса. «Перебежка некоторых из рабочей партии в либеральную на первый взгляд сокрушила движение пролетариата, — писал И. Фриму, — буржуазные антисемитские газеты поют

---

[86] *A. Ionescu.* Sîntem şi rămînem.— «Lumea nouă», 28.III 1899 — PMSR, v. I, part 2, p. 470—472.

вечную память по социалистической партии. Слабые духом колеблются и дрожат...»

Но «разве мы одиноки? — спрашивал Фриму.— Когда рабочие живут в городах в условиях угнетения и несправедливости, когда крестьянство влачит самое тяжкое ярмо, ярмо нищеты и невежества, беззаконий и гнета — я спрашиваю, разве мы одиноки?» [87]

Так завершилась первая глава в истории румынской социал-демократии. Она прошла под знаком борьбы в ней двух направлений, революционного и реформистского. И это происходило несмотря на то, что говорить о теоретически разработанной целостной марксистской концепции революционных процессов в Румынии в то время не приходится. Были выкованы лишь отдельные ее звенья.

Надо учитывать, что конец XIX в.— время формирования румынского рабочего класса, выработки социальной психологии пролетариата, этой основы пролетарской идеологии. Сам по себе этот процесс нелегок; новая психология рождалась в борении с унаследованными от прошлого, привнесенными в рабочий класс мелкобуржуазными взглядами. Стихийные рабочие выступления, тяга к организации, растущее сознание непримиримости своих интересов с интересами предпринимателей были этапами ее становления. Но выработать самостоятельно свою идеологию пролетариат не мог. Это должны были сделать выходцы из других классов, вооруженные всей необходимой для этого суммой знаний. Значительную работу по распространению марксистских идей, их применению в румынских условиях, обоснованию закономерности социалистического движения в стране проделал К. Добруджану-Геря. Однако, по мере развития рабочего и социалистического движения в Румынии, его реформистские установки приходили в столкновение с социальной практикой рабочего класса; в борьбе двух направлений в партии он занял позицию примирителя. В 90-е годы выдвинулись два молодых пропагандиста марксизма, два многообещающих теоретика, Райку Ионеску-Рион (1872—1895 гг.) и Штефан Штынкэ (1865—1897 гг.). Ионеску-Рион отдал много сил разоб-

---

[87] *I. C. Frimu.* Sîntem singuri? — «Lumea nouă», 27.II 1900.— PMSR, v. I, part 2, p. 483.

лачению буржуазной социологии, в первую очередь социал-дарвинизма, и преодолению лассальянских влияний. Штынкэ, врач по образованию, в своих работах обосновывал закономерность классовой борьбы румынского пролетариата, боролся против мальтузианства и социал-дарвинизма [88]. Оба они умерли рано, не раскрыв полностью своих талантов.

Несмотря на несомненную теоретическую слабость левого крыла социалистического движения, его заслуга состояла в том, что оно успешно противодействовало попыткам реформистов либерально-буржуазного направления подчинить румынский пролетариат буржуазной идеологии, ликвидировать его партию, растворить рабочее движение в общедемократическом [89]. И опиралось оно на социальную практику пролетариата, подтверждавшую на каждом шагу антагонизм его интересов капиталистическому строю. Соотнесение реформистской идеологии с действительностью, с классовой борьбой рабочих, подрывало позиции реформизма, помогало революционному крылу не только выстоять, но и набирать силы и, преодолевая немалые трудности, формировать свою концепцию революционного процесса в Румынии.

---

[88] В сокращенном виде основные работы Шт. Стынкэ и Р. Ионеску-Риона опубликованы: *Şt. Stîncă.* Mediul social ca factor patologic; *R. Ionescu-Rion.* Sociologia burgheză faţă cu teoria luptei de clasă; *idem.* Religia! Familia! Proprietatea! — «Antologia giudirii româneşti». IV, Buc., 1967.

[89] В последние годы в румынской историографии эти деятели рассматриваются как люди, «считавшие себя — и не без основания — сторонниками осуществления революционно-демократической программы», но не осознавшие, что время изменилось и что прежние идеалы буржуазией отброшены (см. *T. Georgescu.* De la revolu'ionarii democraţi la fauririi Partudidului Comunist Român. Buc., 1971, p. 50). Подобная оценка снижает социальное значение курса оппортунистов на ликвидацию партии, основанной на принципе классовой борьбы.

ЧАСТЬ III

НАЧАЛО XX В.

Социалистическое движение. Каким путем идти?

Трудными были первые годы нового века для румынского рабочего движения. Партия прекратила существование. Перед румынскими революционерами стояла задача безмерной сложности — не просто восстановить разрушенное, не только возродить партию, но и добиться ее перехода на принципиально новые позиции, на позиции ленинизма. Не удивительно, что процесс этот вылился в тяжелую и длительную борьбу и растянулся на два десятилетия.

* * *

Летом 1899 г. Бухарестский клуб исключил ренегатов из своего состава. Конечно, они сами поставили себя вне движения. Но решение клуба явилось показателем протеста и осуждения, свидетельством решимости здоровых сил партии не складывать оружия.

В конце июня в столице состоялось представительное, с участием 50 человек, совещание социалистов, постановившее продолжать пропаганду как в городе, так и в деревне.

1 мая 1900 г. было отмечено внушительными собраниями в Бухаресте и Галаце. В столичный парк Чишмиджиу организованно, по профессиям, пришли рабочие: общество Гутенберга (печатники), женская организация «Взаимопомощь», обувщики, обойщики, пекари... Раздавались здравицы в честь международного социализма, всеобщего избирательного права, требования освободить из темниц участников крестьянского движения и помогавших им пролетариев.

А вокруг царил антисоциалистический шабаш. Предательство полусотни перебежчиков буржуазная печать приравнивала к краху социализма в Румынии, распространяясь о его чужеродности и несоответствии условиям в стране. Сами ликвидаторы не постеснялись принять участие в этой кампании, усердно сжигая то, чему поклонялись ранее.

В это трудное время социалисты нуждались в поддержке К. Доброджану-Геря. Но тот не пожелал выступить открыто против ренегатов. Он опубликовал, под псевдонимом «старый социалист», письмо «Социализм в Румынии», в котором, хотя и отвергал тезис насчет экзотичности социализма в Румынии, проводил свою старую идею, будто этот строй «не утвердится в нашей стране собственными силами, а, подобно буржуазному либерализму, будет привнесен и утвержден с Запада». Он в крайней степени сужал возможности движения: «Существование парламентской политической социал-демократической партии у нас исключено; но возможно, полезно и необходимо проявление социализма в политическом и социальном смысле»,— писал он [1]. Геря не считал перебежчиков предателями и усматривал аналогию их поведения в «казусе Мильерана» во Франции.

В условиях преследований горстка преданных делу пролетариата социалистов продолжала борьбу. На смену распавшимся клубам пришли кружки «Рабочая Румыния». Буржуазная пресса, поверившая было, будто социализм в Румынии «исчез», с удивлением и тревогой обнаружила, что он существует. Корреспондент газеты «Адеверул де диминяцэ» («Утренняя правда») писал: «После многих трудов я обнаружил, что румынские социалисты, покинутые руководителями, не разлетелись подобно куропаткам, а, напротив сплотились. У них есть общество взаимопомощи, кружок социальных исследований; они собираются даже провести 1 мая манифестации» [2].

Только самоотверженными усилиями, беззаветной верностью делу можно объяснить, что кружкам удалось в 1902 г. выпустить 23 номера еженедельника «Ромыниа мунчитоаре». («Рабочая Румыния»). Газета атако-

[1] «Adevărul», 16.VII 1900. См. *N. Copoiu.* Refacerea Partidului social-democrat din România (1900—1910). Buc., 1966, p. 85—86.

[2] *N. Copiu.* Op. cit., p. 97.

вала пресловутый тезис о непригодности социализма для Румынии: «Разве у нас не существует преследуемой и угнетаемой рабочей прослойки? Разве у нас создано то Эльдорадо справедливости, о котором жаждущее правды человечество мечтало веками?» Поэтому «социализм, сознающий свою роль в Румынии, вновь выходит на арену» [3]. Газета обратилась к испытанному оружию — трудам основоположников марксизма. Почти в каждом ее номере публиковались произведения (главным образом в отрывках) К. Маркса и Ф. Энгельса. Особо надо отметить, что в «Ромыниа мунчитоаре» появилась перепечатанная из ленинской «Искры» оценка «казуса Мильерана»: «международный социализм презирает и отказывается от всякой солидарности» [4] с этим предателем. Ее редакция, таким образом, полностью разошлась с приведенным выше мнением Константина Доброджану-Геря и встала на принципиальные, революционные позиции.

Здесь открывается интереснейшая, хотя и по сей день не прочитанная до конца страница русско-румынского революционного сотрудничества, связанная с доставкой «Искры» через Румынию в Россию. В. И. Ленин писал в те дни: «Вообще весь гвоздь нашего дела теперь — перевозка, перевозка и перевозка. Кто хочет нам помочь, пусть *всецело* наляжет на это» [5].

Нелегко было наладить дело. По словам Н. К. Крупской, «в Румынии полицейские порядки не лучше русских, литературу нельзя посылать не только тюками, но и почтовыми пакетами, все конфискуется, слежка и шпионство страшные» [6]. В. Д. Бонч-Бруевич отмечал существование «несомненного контакта между шпионами русскими и доморощенными» [7].

Но все же «Искра» «пошла» через Яссы, Галац и Тулчу [8] — и переправлялась в течение почти двух лет.

---

[3] Ibid., p. 91.

[4] См. *А. Деак, И. Илинчою.* Ленин и Румыния. Бухарест, 1971, стр. 43.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 115.

[6] «Переписка В. И. Ленина и руководимых им заграничных партийных органов с социал-демократическими организациями Украины (1901—1905 гг.)». Киев, 1964, стр. 293—294.

[7] *Ю. Я. Баскин, Е. И. Спиваковский.* Ленинская «Искра» в Румынии.— «Уч. зап. Ленинградской ВПШ», вып. 2, 1970, стр. 92.

[8] Румынские исследователи установили, что к переправке русской революционной литературы были «причастны» такие известные

В ноябре 1902 г. Н. К. Крупская с огорчением констатировала: «...в Румынии не через кого пересылать литературу»[9]. Связь оборвалась по причинам, до сих пор не выясненным.

Нам здесь важно отметить следующее. Румынские и советские исследователи[10] единодушны во мнении, что значение транспортировки далеко выходило за рамки «чистой техники», что она способствовала знакомству с материалами газеты. Помимо осуждения предательства Мильерана, сделанного буквально «по «Искре», сошлемся на данную в «Ромыниа мунчитоаре» оценку задач партийной печати, сходную с положениями, выдвинутыми в известной ленинской статье «С чего начать?». Видимо, «Искра» помогла румынским революционерам лучше узнать положение в соседней стране. И на страницах «Ромыниа мунчитоаре» появились пророческие слова: «Алый стяг революции вновь поднят в России; деспотизм не в состоянии держать далее в уезде новые силы, развивающиеся в обществе, он падет, и лучи свободы засверкают во мраке Российской империи»[11].

Но возвращение к кружковщине накладывало свой отпечаток на содержание «Ромыниа мунчитоаре». Оригинальных теоретических материалов почти не появлялось — можно отметить лишь статьи по крестьянскому вопросу, в которых говорилось о революционном потенциале деревни. Мало было подготовленных кадров, слабели связи с массовым движением.

Условия для перелома в румынском рабочем движении созрели лишь к 1905 г. Дату начала нового этапа можно назвать точно. Это — 24 января 1905 г., когда в бухарестском зале «Эфория» состоялся митинг протеста против учиненной царизмом бойни на площади перед Зимним дворцом в Петербурге и солидарности с первой русской революцией.

27 января вышла газета «Жос деспотизмул» («Долой деспотизм!»), посвященная событиям в России. Она

деятели, как К. З. Буздуган, И. К. Фриму, И. Нэдежде-Армашу (*А. Деак, И. Илинчою.* Указ. соч., стр. 38).

[9] *Ю. Я. Баскин, Е. И. Спиваковский.* Указ. соч., стр. 97.

[10] Помимо указанных работ назовем: *А. И. Александров.* Ленинская «Искра» в Румынии.— «Вестник МГУ», серия VII. Филология, журналистика, 1960, № 6; «Analele», 1956, N 2.

[11] Цит. по: *N. Copoiu.* Op. cit., p. 95.

открывалась манифестом социалистического кружка, в котором заявлялось о солидарности с русской революцией [12]. Страницы газеты украшала горьковская «Песня о буревестнике», ставшая подлинным гимном борцов 1905 г. Волна сочувствия российским борцам за свободу охватила Румынию. Вслед за столицей подобные собрания были проведены в Яссах, Крайове, Бакэу, Констанце. 5 марта возобновился выход «Румыниа мунчитоаре».

Революция в России с ее баррикадными боями, мощными стачками, восстаниями в армии и флоте, взволновавшими весь мир своим драматизмом, явилась для многих в Румынии откровением. Россия, которую публицисты разных оттенков, от умеренно-либеральных до социал-демократических, рисовали как безраздельную вотчину реакционного царизма, предстала в 1905 г. перед румынской общественностью совершенно в ином виде. Волна сочувствия и поддержки охватила Румынию. Имя Максима Горького символизировало тогда в глазах прогрессивной Румынии русскую революцию. Его письмо-обращение к армии и народу в связи с «Кровавым воскресеньем» 9 января (за которое писатель был посажен в Петропавловскую крепость) было переведено и напечатано в Румынии в виде отдельной листовки, а затем опубликовано в газете «XX век» [13]. Ясские социалисты выпустили после ареста Горького протест. Здесь же, в Яссах, во время представления «На дне» зрителям раздавали листовки с требованием освобождения писателя [14]. Румынские журналисты выступили с протестом против заточения великого пролетарского писателя. А через год одна из самых распространенных газет, «Адевэрул», первая из зарубежных органов печати, поместила горьковский «Призыв к рабочим всех стран» [15].

---

[12] «Jos despotizmul!», 27.I 1905. Статья «Начало конца», как установил советский историк А. Э. Новак, являлась переводом листовки Одесского комитета РСДРП «Пора кончать!». *А. Э. Новак.* Революционные связи трудящихся России и Румынии 1907 г.— В кн. «Вековая дружба». Кишинев, 1961, стр. 334.

[13] «Румыно-русские литературные связи второй половины XIX — начала XX в.» М., 1964, стр. 281.

[14] *А. Э. Новак.* Первая русская буржуазно-демократическая революция и революционное движение в Румынии. Кишинев, 1966, стр. 81.

[15] «Румыно-русские литературные связи...», стр. 284—285.

Исключительную по значению страницу отношений между революционерами двух стран составляет пребывание в Румынии команды восставшего броненосца «Потемкин». Многие десятилетия матросы не могли забыть теплоту оказанной им встречи, силу пролетарского интернационализма, смягчавшую и тяжесть разлуки с родиной, и горькие мысли после неудачи революции 1905—1907 гг., и трудные годы эмиграции.

Вот что писал в своих воспоминаниях один из потемкинцев, недавно скончавшийся, И. А. Лычев: «Берег встретил нас бурей рукоплесканий. Они гремели и перекатывались по всей набережной. Огромная толпа трудящихся Констанцы встречала команду русского революционного броненосца» [16].

И потемкинцы достойно ответили на этот прием, внеся свой вклад в рабочее движение приютившей их страны, щедро делясь своим опытом.

Забастовочная волна не спала в 1906 г. В отчете, подготовленном румынскими социалистами для Штутгартского конгресса II Интернационала, указывалось, что в одном лишь Бухаресте произошло 56 конфликтов, а в Галаце — 13 [17]. В этом крупнейшем порту стачка докеров едва не переросла в общую, причем делегаты профсоюзов столицы и Констанцы обещали ее поддержать. Вслед за этим произошел крупнейший конфликт кожевников в ряде городов во главе со столицей. «Бухарест,— писала тогда газета «Епока»,— может конкурировать с самыми значительными центрами (Европы.— *В. В.*) по числу стачек» [18].

В условиях подъема движения стала остро ощущаться его организационная разрозненность, отсутствие единого центра, на первых порах хотя бы профсоюзного. В августе на конференции в Бухаресте с участием 94 уполномоченных, представлявших 4,5 тыс. организованных рабочих, была создана Генеральная комиссия профсоюзов. Через год, на вторую конференцию рабочего движения, прибыли уже представители 6,7 тыс. организованных пролетариев [19].

---

[16] *И. Лычев.* Потемкинцы. М., 1954, стр. 88—89.

[17] «Первая русская революция и международное революционное движение», ч. I. М., 1955, стр. 497.

[18] «Ероса», 23.IV 1906.

[19] 23 союза, насчитывавшие 1800 членов, не смогли послать на кон-

Из тысяч румынских деревень доносились раскаты, предвещавшие бурю.

Корни сильного и всестороннего влияния первой русской революции на Балканах, включая Румынию, уходили в сходные или общие черты экономического и социального развития этих стран, определявшие в крупных масштабах однолинейность целей угнетенных классов: переплетение гнета капитала в городе с помещичьим в деревне; сохранение в сельском хозяйстве значительных феодальных пережитков; важность решения национального вопроса.

События в России способствовали поэтому усилению глубинных процессов, порожденных социальной действительностью самой Румынии. Поэтому они всколыхнули всю румынскую общественность, заставили рассмотреть, через призму «русского опыта» и в свете своих классовых интересов, ход, характер, направление социальных преобразований. В первую очередь это относится к рабочему классу, боевитость которого резко возросла, и социалистическому движению, в рядах которого усилилось размежевание и интенсифицировались поиски каким путем идти,— следовать ли старым рецептам легализма и догмам реформистских лидеров II Интернационала или, постигая идеи ленинизма, взять курс на революцию.

1905 год — время быстрого развертывания профсоюзного движения в Румынии. «Интересы рабочих нельзя примирить с интересами капиталистов»,— говорилось в резолюции, принятой на учредительном собрании союза плотников; и это растущее сознание непримиримости классовых интересов было характерной чертой новой эпохи.

Из тысяч сел доносились раскаты, предвещавшие бурю. XX век не принес помещикам желанного «спокойствия». С 1904 г. крестьянские выступления не прекращаются. Весной 1907 г. выплеснулся наружу громадный революционный потенциал румынской деревни. Вспышка недовольства в глухих селах северной Молдовы распространилась по всей стране. Не было уезда, где крестьяне не поднялись бы против помещиков и крупных арендаторов.

ференцию своих делегатов из-за препятствий, чинимых властями.— «История Румынии. 1848—1917». М., 1971, стр. 474.

Начавшись с традиционных жалоб на невыносимую жизнь, на то, что у крестьян «нож дошел до костей», и просьб о снижении арендной платы, движение быстро приобрело характер восстания. Крестьяне врывались в сельские управы (примарии), уничтожали хранившиеся там сельскохозяйственные контракты и устремлялись в города — искать там справедливости. У застав их встречали цепи карателей. Окраинные улицы обагрялись кровью повстанцев. Иногда крестьянам удавалось прорываться в городские кварталы. Так произошло в Ботошани, Васлуе, Рымникул-Сэрате, Крайове, Турну-Мэгуреле и некоторых других центрах. В Галаце гусарами, расстрелявшими повстанцев, командовал лейтенант Ион Антонеску. Так начал свою карьеру будущий фашистский диктатор. Но в уездах по нескольку дней хозяевами положения были восставшие. Сотни усадеб были разгромлены, помещичьи запасы поделены, инвентарь разобран, скот разведен по крестьянским дворам. В отдельных местах началась запашка боярских полей. Большего крестьяне совершить не успели — на них двинулась 140-тысячная армия карателей. Погибло 11 тыс. крестьян — в открытых столкновениях, в селах, сожженных пушечным огнем. Оргия расправ продолжалась и тогда, когда открытое сопротивление было сломлено. Каратели расстреливали и запарывали насмерть людей без суда и следствия — по доносу и наговору помещика, арендатора, священника, кулака, по подозрению или просто так, для «острастки».

Великое, но стихийное и разрозненное движение крестьян погибло под ударами современной военной машины. Иначе и быть не могло. Крестьяне поднимались в разных местах и в разное время. На севере, в Молдове, восстание уже шло на убыль, в то время как на юге, в Мунтении и Олтении, оно в марте только разгоралось. Не было единого центра; не выдвинулись его руководители не только в масштабе всей страны, но даже крупной области.

И все же восстание 1907 г. явилось вехой во всей истории Румынии. Лозунг «Требуем земли!», несмотря на различное конкретное содержание, которое вкладывали в него повстанцы в отдельных местах, был направлен на ликвидацию помещичьего землевладения, тяжелейшего из феодальных пережитков, обременявших стра-

ну. Во многих волостях Валахии борьба шла не на жизнь, а на смерть; повстанцы уничтожали бояр, чтобы завладеть землей.

Движение было направлено своим острием против помещичьего землевладения. Поэтому в нем участвовали все прослойки сельских жителей. В документах много раз упоминается о причастности к восстанию «крепких» крестьян, представителей зажиточной сельской верхушки. После его подавления правительство пачками смещало сельских примарей (старост). Гонениям подвергались сочувствовавшие крестьянам священники и учителя.

Но в восстании проявилась, хотя еще недостаточно четко, и другая струя. Материалы допросов паказывают, что ведущую роль в нем играла «голытьба». Отдельные свидетельства говорят о выступлении малоимущих слоев деревни против своих зажиточных односельчан. Так, в лоне общедемократического движения появлялись зародыши новых социальных конфликтов[20].

Великое социальное потрясение 1907 г. с отчетливостью, невозможной в обычные «спокойные» времена, вскрыло классовые отношения в стране. Повеяло таким средневековьем, столько было пролито крови,— что от лубочного образа цивилизованного, благоустроенного и конституционного государства ничего не осталось. В разгар восстания растерявшееся консервативное правительство передало власть либералам. Этот акт знаменовал единство буржуазно-помещичьей коалиции во имя «высшей» цели — подавления восставшего народа. Олигархия рукоплескала своим «спасителям», расправившимся с «врагом внутренним» по образцу недоброй памяти турецких янычар.

Нефтепромышленники прислали министру внутренних дел Ионелу Брэтиану-младшему телеграмму, выражая признательность за возвращение к «дням мира» «благодаря энергичным и мудрым мерам, принятым высоким правительством»[21].

---

[20] *В. Н. Виноградов.* Крестьянское восстание 1907 г. в Румынии. М., 1958, стр. 197—203.

[21] «Răscoala ţăranilor din 1907», v. I. Buc., 1948, p. 496.

Не нашли повстанцы сочувствия и среди мелкой и средней буржуазии городов и деревенских торговцев. Лавочник на селе нередко «совмещал» свои основные обязанности с ростовщичеством. Крестьяне его ненавидели, и в грозный час не щадили ни его жизни, ни имущества. В феврале — марте 1907 г. торговля в восставших уездах, особенно в мелких городках и местечках, не столь прочно огороженных штыками, как значительные центры, была парализована. Этого оказалось достаточным, чтобы десятки хозяйчиков, не имевших ни свободных капиталов, ни кредита, разорились.

Сложную позицию по отношению к восстанию занимала радикально настроенная интеллигенция. Бедствия деревни возмущали ее до глубины души; страдания крестьян вызывали к жизни прекраснейшие произведения румынской прозы и поэзии, будили мысль реформаторов. Расправы над повстанцами, расстрелы, массовые порки, артиллерийский обстрел сел, судебные процессы довели негодование прогрессивной общественности до предела. В печати, с университетских кафедр, даже с трибуны парламента раздавались голоса протеста. Из статей, книг, выступлений подобного рода можно составить целую библиотеку [22]. Особую активность проявляла горячая студенческая молодежь.

Но, отдавая должное искренности побуждений и стремлению оградить повстанцев от зверств карателей,— все же нужно сказать, что радикальная интеллигенция увидела в восстании взрыв отчаяния; его социальное значение осталось для нее непонятным; революционный путь решения аграрного вопроса оказался для нее недоступным [23]; она с удвоенной энергией принялась сочинять проекты земельной реформы.

Лишь в одном классе поднявшиеся на восстание крестьяне встретили готовность встать рядом с ними в борьбе. Это был пролетариат. В первых же сообщениях префектов с мест звучала глубокая тревога по поводу поведения «жителей пригородов», состоявших в немалой степени из рабочих и ремесленников. Один из

---

[22] Они подробно проанализированы в главе VI коллективного труда румынских историков «Marea răscoala a ţăranilor din 1907». Buc., 1967.

[23] Исключение составили некоторые студенты, включившиеся в борьбу крестьян.

самых значительных случаев проявления солидарности произошел на станции Пашкани (в Молдове). Железнодорожники напали на эшелон со схваченными повстанцами, части которых удалось скрыться [24]. В городе Бухуши прошли демонстрации окрестных крестьян и текстильщиков местной фабрики. В Галаце в числе жертв расстрела карателей значились и рабочие. Сведения об участии в крестьянских выступлениях пролетарских слоев городов поступили из Хуши, Рымникул-Сэрата, Бузэу, Крайовы, Калафата, Питешти, нефтеносной долины реки Прахова. В самом Бухаресте, по донесению русского военного атташе, «толпы народа вели себя крайне вызывающе, выкрикивая самые нелестные отзывы по адресу правительства и короля» [25]. Власти опасались стачки на железных дорогах, что лишило бы карательные силы мобильности. Поэтому персонал столичного узла был переведен на казарменное положение.

В 1907 г., отмечают румынские историки, появились признаки того союза пролетариата и крестьянства, без которого немыслимо сокрушение буржуазно-помещичьего строя в стране [26].

Российская революция, подъем рабочего движения в своей стране и могучее крестьянское восстание дали толчок развитию социалистической мысли в Румынии. Они показали, как безнадежно отстали от жизни румынские реформисты, которые десятилетиями пережевывали один и тот же тезис насчет мирной подготовительной деятельности под сенью буржуазной законности в ожидании наступления социализма на «передовом» Западе. Теперь Россия указывала путь вперед. Предстояло не механически восстановить партию; предстояло в ходе ее строительства исследовать под углом зрения марксизма и дать ответ на весь комплекс вопросов стратегии и тактики пролетариата: проанализировать экономическую структуру Румынии и расстановку классовых сил; выработать аграрную программу; определить союзников; расчленить этапы революционного процесса; запечатлеть все это в программных документах и отразить в практической деятельности.

[24] «История Румынии. 1848—1917», стр. 460.
[25] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 810, л. 33.
[26] «Marea răscoala a ţăranilor din 1907», p. 621.

Нельзя упрощать сложный процесс очищения от оппортунистической скверны и становления на позиции ленинизма. Он затянулся на десятилетия. Были и объективные факторы, тормозившие его. Несмотря на относительно быстрое промышленное развитие Румынии и сравнительно высокую концентрацию производства [27], ремесленный пролетариат и перед первой мировой войной составлял не менее половины его общего количества. Существовала поэтому социальная почва для оппортунистических шатаний и левацких перегибов в виде многотысячной массы подмастерьев и учеников. 370 тыс. безземельных семей в деревне являлись постоянным резервуаром рабочей силы. Пришельцы приносили с собой груз мелкобуржуазных заблуждений, неустойчивость, склонность бросаться из одной крайности в другую и восприимчивость к буржуазным идеологическим веяниям. Нельзя сбрасывать со счетов и влияние владельцев мелких, а иногда и крошечных предприятий, живших порой хуже и работавших дольше «фабричных», но причислявших себя к «собственникам» и считавших себя выше «неимущего» рабочего.

Многотысячной массе полупролетариев-полукрестьян предстоял еще долгий путь. Рабочий класс Румынии находился в процессе формирования, и это накладывало отпечаток и на его взгляды, и на его борьбу.

Нельзя упускать из виду и факторы иного рода, обусловливавшие цепкость, с которой реформизм держался за свои позиции. Влиятельные правые социалисты по-

---

[27] Приведем имеющиеся данные:

Рабочие (в тыс. человек)	1901—1902 гг.	1913—1914 гг.
В обрабатывающей промышленности	89,8	197,6
в том числе крупной	37,3	55,3
Добывающей	6,5	14,5
Прочих	10,4	10,9
Транспорте	—	40,6

Подсчитано по: «Ancheta industrială din 1901—1902», v. I, p. 6; «Din istoricul formării şi dezvoltării clasei muncitoare din România pîna la primul război mondial». Buc., 1959, p. 345; *N. N. Constantinescu, V. Axenciuc.* Capitalismul monopolist din România. Buc., 1962, p. 7.

своему интерпретировали зарубежный опыт. Выражая на словах сочувствие российской революции, соболезнуя жертвам расправ, реформисты цепко держались за пресловутый плехановский тезис «не нужно было браться за оружие». Поражение революции 1905 г. пытались использовать для доказательства гибельности курса на вооруженное восстание вообще. Неудачу русских «путчистов» сравнивали с «блистательными успехами» немецкой социал-демократии у избирательных урн.

По мере того как российская революция 1905—1907 гг. проявляла все новые и новые черты, в корне отличавшие ее от типичной буржуазно-демократической революции XIX в., выступая как народная революция при гегемонии пролетариата под руководством партии марксистов-ленинцев в союзе с крестьянством и изоляции либеральной буржуазии,—менялось отношение к ней. Восторги радикалов и реформистской социал-демократии уступили место сдержанности, сдержанность сменилась тревогой,— как бы и румынское рабочее движение пошло «не по тому пути».

Все это благоприятствовало распространению взглядов Константина Доброджану-Гери. Его заслуги, как одного из основателей социалистического движения в стране, разработка им ряда теоретических вопросов, ставили его в исключительное положение. Он считался патриархом социализма в Румынии. Учредительный съезд СДП в 1910 г. отложил даже принятие аграрной программы до тех пор, пока Геря не закончит своего исследования «Неокрепостничество».

Геря много работал в ответственное время возрождения партии и принятия ее основных документов. Тогда появились его труды «Неокрепостничество», «Относительно социализма в отсталых странах», «Постскриптум, или забытые слова», в которых разбирался весь комплекс социально-экономического и политического развития Румынии. В них содержалось немало верных наблюдений, частных обобщений и острых критических замечаний в связи с теми или иными сторонами политики румынской олигархии. Геря выражал убежденность в конечную победу социализма: «Каждый год приносит все новые факты, свидетельствующие о разложении нынешнего общества, рождает новые жизненные элементы для социалистического общества, все новые виды оружия

борьбы и победы, а поэтому вливает все новые силы и придает энтузиазм сознательным социалистам»[28].

Но на основной вопрос: революция или эволюция — К. Доброджану-Геря отвечал определенно и недвусмысленно в пользу последней. Вся система его доказательств преследовала одну главную цель — развенчать тактику «насилий» и «кровопролитий». К «русскому опыту» Геря обращался лишь для того, чтобы «развенчать» его. В поисках выводов и обобщений он смотрел на Запад.

В Румынии того времени, стране с громадным преобладанием деревни над городом, структура сельского хозяйства определяла в значительной мере и структуру ее экономики в целом, расстановка классовых сил зависела от позиции крестьянства, а успех революции был немыслим без союза пролетариата с ним.

В. И. Ленин в своих трудах подверг аграрный вопрос глубочайшему исследованию. С особой интенсивностью он занимался им в 1905—1907 гг. «Если исходная точки — интересы масс, то гвоздь русской революции — *аграрный* (земельный) вопрос»,— писал он[29]. «Борьба помещичьих и крестьянских интересов составляет важнейшую экономическую основу нашей революции»[30].

Значение этого вывода выходило далеко за пределы России — он применим ко всем аграрным государствам с остатками феодализма в сельском хозяйстве, в том числе и к Румынии. Экономическая сущность аграрных преобразований в обеих странах сводилась к уничтожению латифундий и «к созданию свободного (насколько возможно при данных условиях) зажиточного земледельческого крестьянства, способного не прозябать, не маяться на земле, а развивать производительные силы, двигать вперед сельскохозяйственную культуру»[31].

Лидеры II Интернационала уделяли мало внимания крестьянству, и это не было случайным упущением. Взяв у К. Маркса и Ф. Энгельса формулу о преимуществах крупного коллективного земледелия, они игно-

---

[28] Цит. по: *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice. Buc., 1944, p. 44.
[29] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 178.
[30] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 218.
[31] Там же, стр. 210.

рировали реальные пути перехода к нему, и в этом отражался их отход от революционных принципов, что исключало поиски союзников в революционном процессе.

Аграрный вопрос и крестьянское движение рассматривались в лучшем случае в плане поисков избирателя в деревне. Крестьянское требование помещичьей земли воспринималось ими как шаг назад в социальном развитии: существует крупное землевладение; надо конфисковать земли у помещиков и наладить на них общественное производство.

При этом грубейшим образом искажалось социальное значение крестьянского требования земли, его буржуазно-демократический характер.

Российское крестьянство в 1905—1907 гг., румынская деревня в ходе великого восстания боролись, с социальной точки зрения, за создание наиболее благоприятных условий для развития буржуазных отношений в сельском хозяйстве. Поэтому В. И. Ленин подчеркивал: «...Зачатки капитализма в помещичьем хозяйстве могут и должны быть принесены в жертву широкому и свободному развитию капитализма на почве обновленного мелкого хозяйства» [32]. И партия большевиков, на основе ленинского анализа, пришла к выводу, записанному в резолюции Таммерфорсской конференции: «...Развитие крестьянского движения вполне подтверждает основные принципиальные воззрения революционного марксизма, как на революционный характер, так и на истинную общественно-экономическую сущность этого движения, разрушающего остатки крепостного права и создающего свободные буржуазные отношения в деревне» [33].

Восстание 1907 г. кровью жертв своих вписало крестьянскую проблему в повестку дня социальной и политической жизни Румынии. К сожалению, однако, ленинские идеи по аграрному вопросу не стали еще в начале XX столетия достоянием румынской социал-демок-

---

[32] Там же, стр. 269—270.

[33] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1953, стр. 100. То обстоятельство, что в Румынии крестьянская община исчезла и крестьянство требовало перехода помещичьих земель в свою собственность, не влияло на прогрессивный буржуазно-демократический характер движения.

ратии, не исключая его левого крыла. Понадобились годы, чтобы оно связало «борьбу крестьянских масс против помещичьего и капиталистического гнета в единый узел с борьбой рабочего класса за политическое, экономическое и духовное освобождение всех трудящихся» [34]. Идеолог же румынского реформизма Константин Доброджану-Геря исходил не из русского революционного опыта, а из принятых II Интернационалом концепций, стремясь приспособить их к историческим условиям Румынии.

Суть рассуждений Гери такова.

Закон 1864 г. и акты, его сопровождавшие и дополнявшие, обернулись ограблением румынской деревни. Крестьяне получили так мало земли, что, за немногими исключениями, не имели возможности свести концы с концами. Что же касается помещиков, то они лишились барщинного труда. Вывод К. Доброджану-Гери: реформа 1864 г. породила некий «гибридный, абсурдный, чудовищный социально-экономический организм, не приносящий пользы правильно понимаемым интересам ни мелкого, ни крупного землевладения, а наносящий вред обоим» [35].

Обрушившиеся на деревню сразу же после реформы бедствия, неурожай и засуха,— усилили процесс закабаления крестьян. Страдавший от малоземелья крестьянин отправился в поместье,— арендовать участок либо наниматься на работу. В Румынии утвердилась отработочная система, важнейшим признаком которой,— при всем разнообразии форм,— являлась обработка земли не только руками крестьян, но и с помощью их скота и инвентаря,— т. е. так же, как было и раньше, до реформы.

Не меняло ее сущности и широкое вторжение в земледелие крупных арендаторов. При коротком сроке аренды (3—5 лет) они не шли на вложения значительного капитала и не проявляли склонности к серьезным улучшениям в производстве. Они действовали хищнически, стремясь в кратчайшее время выжать максимальный доход. Это — «не арендаторы-капиталисты, как на Запа-

[34] *С. П. Трапезников.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. I. М., 1967, стр. 12.

[35] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Neoiobagie. Studiu economic sociologic al problemei noastre agrare. Buc., 1910, p. 51.

де»,— подчеркивал Геря. Не меняя основ отработочного строя, арендаторская прослойка еще более ухудшала положение крестьян.

Вывод Гери — энергичный и недвусмысленный: «Это — не сельское хозяйство, а карикатура, гротеск» [36].

Из старой системы выпало лишь одно звено — феодальная зависимость. Раньше крестьянин по закону должен был работать на помещика. Теперь его заставляла это делать нужда. В дальнейшем, чтобы еще больше привязать «свободного» крестьянина к «своему» помещику, было ограничено его право наниматься либо арендовать землю «на стороне».

Добруджану-Геря назвал румынский вариант отработочной системы «неокрепостничеством», подразумевая его связь с прошлым. Действительно, как писал В. И. Ленин, отработочная система «это — прямое переживание барщинного хозяйства» [37].

Но при этом Геря не заметил, что воцарившиеся в румынском сельском хозяйстве порядки приравнивать к прошлому нельзя, что в густом лесу феодальных остатков пробивалась гораздо энергичнее, чем раньше, поросль капиталистических отношений и что с этой точки зрения отработочная система являлась переходной.

Отрицать наличие на селе «среднего класса», разбогатевших хозяйчиков, Геря не мог,— он сам писал о людях, владевших сотнями погонов земли. Но процесс формирования этой деревенской буржуазии рисовался Гере своеобразно. Он относил к ней «торговцев, корчмарей, бывших нотариусов, ростовщиков, сборщиков налогов и священников» [38], т. е. лиц, сколотивших капитал вне сельского хозяйства. Обратиться же к последнему их побудили высокие доходы, получаемые от земли в условиях отработочной системы. Иными словами, кулак, по Гере, не носитель капитализма, а человек, подбирающийся с другой стороны к неокрепостническому пирогу, дотоле находившемуся в безраздельном распоряжении помещиков. На этой почве возникает конфликт между боярскими потомками и деревенской верхушкой. Они мешают друг другу в грабеже крестьян,

[36] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Neoiobagie, p. 118.
[37] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 187.
[38] *C. Dobrogeanu-Gherea,* Neoiobagie, p. 201.

спорят и толкаются. Отсюда — вопли бояр о кровососах, лишающих деревню последних соков; отсюда — стремление сельской верхушки смести с лица земли помещиков и крупных арендаторов и занять их место, оставив нетронутым режим [39]. К ее услугам — армия обездоленных, озлобленных, голодных односельчан, готовая разнести в щепы ненавистный «конак» (усадьбу) и расправиться с его обитателями. «Что удивительного в том, что в дни восстаний крестьяне, под водительством сельских буржуа, идут резать боярский скот, а бояре и арендаторы, вступившие с войсками в село, даже не принимавшие участия в волнениях, стараются избавиться от врага и конкурента, сельской буржуазии, уничтожая ее?» [40].

Массы крестьян, по Гере,— это не участники буржуазно-демократического движения, а орудие одной из конкурирующих неокрепостнических клик, орудие слепое, не подозревающее, что богатеи, в случае успеха, предложат царану те же отработки, разве что условия станут пожестче. Деревня «идет таскать каштаны для других, ибо ей самой, в любом случае и при любом исходе, подобные восстания могут принести лишь напасти и несчастья» [41].

При таком взгляде крестьянские выступления можно рассматривать только как бесцельное и жестокое кровопролитие. Отсюда — термин «ужасный», примененный к суровому и грозному 1907 г. [42]

Итак,— сельское хозяйство Румынии, по Гере, заповедное поле, на котором «неокрепостники» разных видов и калибров охотятся за отработочным трудом крестьянина. В этом, в недооценке капитализма в деревне, заключалась кардинальная ошибка теоретика. А поскольку земледелие оставалось доминирующим фактором всей румынской экономики, это упущение распространялось на всю хозяйственную жизнь страны: «Мы еще не вышли из средневековой стадии развития и должны вступить с распущенными парусами в буржуазно-капиталистическую эпоху» [43],— писал Геря.

---

[39] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Neoiobagie, p. 225.
[40] Ibid., p. 205.
[41] Ibidem.
[42] Ibid., p. 57.
[43] Ibid., p. 420.

Надо сказать, однако, что румынский теоретик не давал однозначного ответа на вопрос о степени капиталистической эволюции страны. Долгие годы ему приходилось доказывать закономерность социализма в Румынии. Геря, случалось, утверждал и в полемике, и в теоретических трудах вещи, никак не вязавшиеся с приведенными выше высказываниями: «Производство в нашей стране носит капиталистический характер, производственные отношения, хотя и отягощены крепостничеством, все же являются в своей основе капиталистическими. Капитал доминирует в крупной индустрии, включая добывающую; производственные отношения здесь чисто капиталистические. То же самое происходит и в средней, и в домашней промышленности, среди полупролетариев, работающих на рынок. Ремесленники, мелкие хозяйчики, имеющие собственный инструмент, либо разоряются со дня на день, либо порабощаются торговым и ростовщическим капиталом, как в капиталистических странах. Капитал господствует и в сельскохозяйственном производстве, в крупной и средней земельной собственности, в крупной и средней аренде. Здесь капитал переплелся с элементами крепостничества, сохранившимися еще в наших производственных отношениях, сделав свой гнет еще более тяжелым, выжимая из труда все, что можно» [44].

Как видим, разночтения у Гери бьют в глаза. Если мы только что приведенные положения распространим на социальную область, вывод может быть лишь один: румынская буржуазия — ведущая сила в блоке с помещиками; а уродливый политический и государственный строй тогдашней Румынии — ее кровное детище; румынские Разуваевы и Колупаевы безвозвратно перешли в лагерь реакции; ждать от них демократических преобразований бесполезно; и гегемоном в процессе завершения буржуазно-демократической революции может быть только рабочий класс.

Но Геря подобных выводов не делал, да и не мог сделать, оставаясь на реформистских позициях. Отдельные правильные положения в его трудах, не получая развития, повисали в воздухе. Доминирующим в

---

[44] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Asupra socialismului în țările înapoiate.— «Scrieri social-politice», p. 262—263.

его экономическом анализе, основой, на которой зиждились его теоретические построения и вытекающая из них тактика, являлась недооценка степени зрелости буржуазных отношений в Румынии. «Наши господствующие классы,— писал он в 1911 г.,— основывают свое владычество и извлекают доходы прежде всего из неокрепостничества. Они питают мало непосредственного интереса к широкому развитию капиталистической индустрии, а во многих случаях ей прямо враждебны» [45]. Крупный капитал у Гери выступал не как ведущий партнер румынской олигархии, а существовал в ней вроде бы на положении приживальщика. На первом плане фигурировали неокрепостники. В качестве второго компонента в олигархию включалась бюрократия, которая «вне господствующего класса» приобрела большую силу, выросла в огромный паразитический организм и стала собирать дань не только с эксплуатируемых, но и с угнетателей, и тогда послышались крики о негодности и гнилости администрации, которая, по словам Гери, со дня на день превращалась в новый господствующий класс [46].

Геря остро критиковал уродливые явления социальной и политической жизни у себя на родине, правомерно связывая их с господством олигархии. «Проблема беззакония»,— так названа одна из глав в его «Неокрепостничестве». И действительно, тогда в стране законом стало... нарушение законов. Геря писал, что деятелям 1848 г. удалось добиться лишь верхушечных преобразований, оснастить Румынию атрибутами современного государства — конституцией, парламентом, судебной и административной системой, построенной на западноевропейский лад, и провозгласить все полагающиеся «свободы». Все это оказалось растоптанным олигархией. Но крупную буржуазию непосредственно в этих преступлениях он не обвинял. Напротив, Геря писал о заинтересованности «капиталистической буржуазии» в устранении феодальных пережитков и всех преград на пути индустриального развития страны. Недооценка ее роли, веса, а также влияния на ее позицию не только экономических, но и социальных факторов приводила к тому,

---

[45] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 275.
[46] *C. Dobrogeanu-Cherea.* Neoiobagie, p. 161.

что он не видел в полной степени ее перерождения, ее отказа от былых принципов, ее перехода в реакционный лагерь.

Более того, у него получалось, что буржуазии не от чего отказываться и нечего забывать. Роль буржуазии в истории Румынии он сводил к минимуму: «У нас буржуазия не предавала ни идеалов, ни гуманных и либеральных принципов, не предавала их по той простой причине, что ей нечего было предавать, что она никогда всерьез ими не обзаводилась. У нас буржуазия не боролась и не приносила великих жертв ради завоевания гражданских благ и либерально-буржуазных учреждений, которые стоили западной буржуазии стольких жертв и крови» [47].

Как же примирить с этим вполне определенные заявления Гери о том, что Румыния является страной «капиталистического типа развития, капиталистическим обществом, хотя еще отсталым и с остатками средневековья» [48].

Что же и кто же толкал ее вперед, если румынскому капиталу,— а это с очевидностью вытекает из сочинений Гери,— это было не по плечу?

К. Доброджану-Геря на протяжении всей своей деятельности развивал точку зрения о решающем значении внешнего фактора в судьбах Румынии. В специальном сочинении «Относительно социализма в отсталых странах» он возводит этот свой взгляд во всеобщий закон для названного типа государств. Он дважды формулирует его [49]: «...Наши социологи упускают из виду... что наша страна, будучи самостоятельным национально-социальным организмом, является частью социально более высокой организации, что ее жизнь и общественные условия тесно связаны с другими, более передовыми государствами, которые в значительной степени определяют условия нашей национальной жизни, забывают историческую эпоху, в которой мы живем и которая влияет на жизненные процессы, проходящие в стране, и изменяет их:..» [50] Уточняя свою точку зрения, Геря писал: «Страны, оставшиеся позади, входят в орбиту передо-

---

[47] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 280.
[48] Ibid., p. 262.
[49] В статьях «Постскриптум, или забытые слова» и «Относительно социализма в отсталых государствах».
[50] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 256—257.

вых капиталистических государств, вся их жизнь, развитие, социальное движение определены переживаемой исторической эпохой, политической буржуазной эпохой» [51].

Так внешний фактор, реально существующий и оказывающий свое воздействие, превращается у Гери в доминирующий. Отсталые государства занимаются тем, что копируют передовые, причем начинают с надстройки, воспринимая политические, юридические и государственные формы, а затем уже «подтягивают» к ним экономический базис. Геря формулировал это положение следующим образом: «В передовых капиталистических странах социальные формы следуют за социальным базисом; в остальных странах базис общества следует за надстройкой» [52]. «У нас,— утверждал он,— в противоположность тому, что говорит Маркс, базис следует за надстройкой» [53]. Так относительная самостоятельность надстройки и возможность ее влияния на базис непомерно преувеличивались и возводились в абсолют, хотя, казалось, румынский пример никак не свидетельствовал в пользу этой формулы. Реформаторы в этой стране действительно широко пользовались зарубежным опытом. Но «насадить» то, что не соответствовало ее экономическому строю, не удавалось. Сам Геря констатировал разрыв между легальным и фактическим положением вещей. И это признание бйло по его же теории о соотношении между базисом и надстройкой в отсталых странах, теории, сильно отдававшей идеализмом. Базис упрямо доказывал свой примат.

Из «теории социализма в отсталых странах» выводился весь комплекс стоявших перед румынским пролетариатом задач. О социалистической революции не было и речи: согласно Гере, «у нас нет необходимых условий для подобного движения и подобной социальной трансформации», как нет «ни развитого промышленного капитализма», «ни мощного промышленного капитализма», «ни сильного индустриального пролетариата» [54]. Надо набраться терпения, ждать, пока передовой Запад пройдет фазис социалистических преобразований и во-

[51] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 257.
[52] Ibid., p. 258.
[53] Ibid., p. 212.
[54] Ibid., p. 256.

влечет в них и находящуюся в его орбите Румынию: «Закон развития отсталых обществ, действующий при их трансформации в капиталистические, проявится и при их превращении в социалистические страны. Когда передовые капиталистические государства, доминирующие в нашу эпоху развития человеческого общества, определяющие эволюцию человечества и стремящиеся переделать отсталые по своему образу и подобию... превратятся в социалистические, то отсталые, полукапиталистические общества, не развившие у себя жизненно необходимых для социализма условий, также воспримут навязанную им социалистическую форму организации общества»[55].

Подобный взгляд самым отрицательным образом сказывался на определении задач румынского пролетариата. В самом деле, раз судьбы Румынии решались не в Бухаресте и долине Праховы, а в Берлине, Лондоне и Париже, зачем же было торопиться[56].

Не следовало спешить и Западной Европе. Круто расходясь с Марксом и Энгельсом, Геря полагал, что здесь нигде не сложилось предпосылок, даже объективных, для перехода к социализму. «Превращение буржуазно-капиталистического общества в социалистическое — процесс громадной сложности»,— писал Геря. Конечные этапы этого процесса столь далеки, что было бы бесполезным занятием заниматься гаданиями насчет того, следует ли осуществлять его «мирно или путем революционного насилия». Однако Геря тут же, противореча сам себе, писал о «процессе органического социального развития, постепенного органического перерастания капиталистического общества в социалистическое, его «врастания», как прекрасно выражаются немецкие социал-демократы»[57]. Одобрив «теоретические достижения» германских оппортунистов, Геря обрушивался на революционную тактику. Если социал-демократия, писал он, с помощью какого-либо чуда, насильственной революции, заговора и т. п. «захватит власть, она не про-

[55] Ibid., p. 259.

[56] Нельзя согласиться с точкой зрения румынского исследователя Д. Хурезяну насчет того, что теория «социализма в отсталых странах» носила абстрактный характер; «как всякая очень общая теория, она пыталась проникнуть лишь в сущность явлений, а не в их конкретные характерные проявления» (*D. Hurezeanu.* C. Dobrogeanu-Gherea, p. 214).

[57] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 226.

держится и 24 часов и либо переродится, либо падет», ибо «не развились еще необходимые объективные и субъективные условия». Всякая подобная попытка объявлялась безумием. Геря утверждал, что «социал-демократия единодушна в осуждении путчистско-революционной тактики, как дурной, смехотворной и абсурдной» [58], а немцы «изобрели специальный издевательский термин для такого рода тактики, назвав ее революционным путчем, где слово «путч» означает смесь блефа и смехотворной инсценировки» [59].

Эволюция, а не революция — в этом суть взглядов Доброджану-Гери. Мысль о том, что захват власти пролетариатом явится отправной точкой для построения социалистической экономики и раскроет невиданные ранее возможности для воспитания нового человека, не приходила Гере в голову. В иных обстоятельствах он очень красноречиво говорил о воздействии надстройки на базис; здесь он словно забывал об этом. И если путь к социализму наиболее развитых государств был еще столь долог, что сама постановка вопроса о конкретных формах социалистической революции объявлялась авантюрой, то что же говорить о Румынии? «Нам предстоит еще развить производительные силы, преобразовать экономические отношения, изменить наши полувосточные нравы, полуфеодальные нормы морали, культуры, обычного права, чтобы достичь объективных и субъективных условий жизни буржуазного капиталистического, а не социалистического общества. Какой смысл нам обращаться к насильственной революционной тактике в социал-демократических целях?» [60] И Геря вновь поднимал на щит «знаменитый и классический легальный путь, которым социалисты (далеко не все.— *В. В.*) идут вот уже более четверти века» [61].

Такова сущность концепций Константина Доброджану-Гери в 1908—1910 гг. Богатые всходы дали реформистские зерна, имевшиеся в его мировоззрении уже в молодые годы [62]. Но тогда перед социализмом в Румынии стояли сравнительно скромные задачи, а рабочее

---

[58] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 226.
[59] Ibid., p. 225.
[60] Ibid., p. 226—227.
[61] Ibid., p. 225.
[62] См. стр. 263 настоящей книги.

движение переживало относительно мирный этап роста вширь, и реформистские стороны взглядов К. Доброджану-Гери не сказывались на нем столь отрицательно.

С тех пор многое переменилось. В XX в. центр мирового революционного движения переместился в Россию; пролетариат вступил в огонь первой русской революции; ленинская воля и мысль вели его на штурм твердынь капитала; в повестку дня в качестве основной задачи встала пролетарская революция; во II Интернационале пролегла резкая грань между революционерами и оппортунистами. И Доброджану-Геря прочно занял место в ряду последних.

Он оказался не в состоянии понять историческое значение событий 1905—1907 гг. в России и тех уроков, которые следовало извлечь из них румынским социалистам. Бывший русский народоволец собирался критиковать большевиков и дать свою интерпретацию русской революции в особом сочинении. Тридцатилетний отрыв от старой родины Герю не смущал, и он собирался разработать что-то вроде российского варианта своей теории «социализма в отсталых странах».

Он не осуществил своего замысла, однако разбросанные во многих местах его сочинений замечания о событиях 1905—1907 гг. в России показывают, что с «вершин» пресловутой теории российскую революцию можно было представить только в виде трагического недоразумения. Россию он упорно помещал на задворки истории. «Содержание, характер, движущие силы» эпохи, писал Геря, определяет не она, «а передовые капиталистические страны», под влиянием которых происходят изменения в «русском социальном организме» [63].

Второе, что накладывало печать на его высказывания,— это непонимание мощи и зрелости пролетарского движения в России, с одной стороны, реакционности российского капитала и его тесных связей с самодержавием,— с другой. Геря рассуждал в духе своей схемы: перед Россией стоит проблема — «превратиться из бюрократически-феодального государства в буржуазно-конституционное». К этому стремятся и социал-демократы, и кадеты [64]. Конечно, оговаривался Геря, они опираются

---

[63] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 213—214.
[64] Ibid., p. 217.

на разные классы, по-разному трактуют содержание и размах требуемых реформ и свои ближайшие и конечные цели. Однако — и это главное в выводах Гери — социал-демократы и кадеты в России «могут еще долго вести борьбу параллельно и совместно» [65]. Русские же социалисты (понимай — большевики, ибо среди меньшевиков у Гери было немало друзей и единомышленников) не сумели разобраться в этой перспективе. Геря писал о «теоретических и практических ошибках, примеры которых нам дает, к сожалению, социалистическое движение в России» [66].

Итак, ленинскую идею о гегемонии пролетариата в демократической революции К. Доброджану-Геря отвергал. Ему рисовалось иное — российская разновидность «знаменитого и классического» легального пути, конституционное развитие России в орбите передовых стран, оказывающих на нее свое благодетельное влияние при сотрудничестве социалистов с кадетами. В действительности все происходило «не так, как надо». И Геря жаловался на «сильное ожесточение умов», писал об «ужасающей бойне» 1905—1907 гг.[67] Прошедшая горнило революции страна представлялась ему колоссом, находящимся на краю пропасти [68]. Разумеется, ее опыт отвергался им с порога. Он искал не сходства в экономике и социальных отношениях Румынии и России, а различий и усматривал их в том, что в Румынии надо базис «подтягивать» к надстройке, а в России же, напротив, надстройка должна быть приведена в соответствие с базисом [69]. Поэтому Румынии не грозило, по мнению Гери, «анархо-революционное состояние», в котором оказалась Россия и из которого «один господь ведает как выбираться» [70].

Преломленные через призму легальности и отсталости Румынии задачи румынского рабочего движения представлялись К. Доброджану-Гере более чем скром-

---

[65] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 218.
[66] Ibidem.
[67] *Е. И. Спиваковский.* В. И. Ленин и румынское революционное движение, стр. 12.
[68] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Neoiobagie, p. 42; *idem.* Scrieri social-politice, p. 214.
[69] Ibid., p. 228.
[70] Ibidem.

ными. Это — «организация и подготовка сознательных социалистических элементов, имея в виду достижение конечной цели, социалистического общества»; «борьба за устранение всех феодальных пережитков, как и вообще всех преград на пути широкого капиталистического развития страны, и в то же время борьба за охрану интересов трудящегося народа и всех притесненных и обиженных»[71].

Отметим прежде всего, что румынский теоретик разделял буржуазно-демократические и социалистические преобразования. Его формула насчет приведения базиса в соответствие с надстройкой на практике означала устранение олигархии и введение в стране буржуазно-демократических порядков, не сходя при этом с реформистских рельс. Ход событий рисовался Гере следующим образом. «Неокрепостники» гнусностями своего правления переполняют чашу народного терпения. Они ведут Румынию к пропасти: «Когда эта истина глубоко проникнет в общественное сознание, станет возможным новое направление всей социальной жизни, ее возрождение»[72]. Рычагом преобразований явится всеобщее избирательное право. С его помощью «необходимо... переместить политическую власть от нынешней политиканствующей олигархии, ибо таким образом открывается возможность радикального обновления всего нашего социального организма»[73]. Когда же на Западе воссияет заря социализма, процесс его усвоения Румынией не представит труда: большинство ее населения уже превратится в «пролетариев и полупролетариев», «абсолютно не заинтересованных в существовании нынешнего общества, основанного на частном присвоении орудий труда». И если на Западе на смену капиталистическим порядкам придет социалистический строй, большинство румын будут «полностью заинтересованы во введении подобной организации и у нас и в дальнейшем развитии социалистических учреждений»[74]. Так, тихо и спокойно, социализм придет с Запада.

---

[71] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 270.
[72] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Neoiobagie, p. 446.
[73] Ibid., p. 477.
[74] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 268.

Подобные взгляды, проповедь «легализма в принципе»[75] усыпляли румынский рабочий класс, отвлекали его внимание от жгучих проблем общественной жизни на родине, отучивали рассчитывать на собственные силы, тормозили образование союза с революционным крестьянством.

Разработанная Герей аграрная программа также демонстрировала всю степень умеренности бывшего народовольца.

И здесь он отстаивал некоторые правильные положения. В отличие от западных реформистов Геря не протестовал против раздела поместий и не считал подобную меру регрессом. Передача земли крестьянам не затормозит, а даст толчок производству, справедливо полагал он. Но на практике румынский теоретик делал лишь полшага вперед. Он категорически высказывался против конфискации латифундий, предпочитая выкуп, и выражал даже надежду на то, что не понадобится прибегать к принуждению. С помощью займа в 700—800 млн. лей, писал Геря, государство может получить в свои руки большие площади земли. Оно разобьет ее на участки, на которых можно создать небольшие рентабельные фермы, и сдаст их в аренду на 50—60 лет[76].

Таким образом, Геря не выступал за ликвидацию помещичьего землевладения. Он настаивал лишь на его ограничении, уверяя, что «в условиях нового строя помещичья собственность, понятно, более скромная, превратится,— во всяком случае, может превратиться,— в полезный фактор производства и дальнейшего развития страны»[77].

Некоторые исследователи творчества Гери указывают, что приведенный здесь вывод относился лишь к определенной эпохе[78]. Это справедливо. Но ведь аграрный вопрос нельзя рассматривать с узкоэкономической точки зрения. Он нес в себе социальный заряд громадной силы; от его решения зависела позиция крестьянства. И когда теоретик социал-демократии высказался лишь за частичный выкуп помещичьей земли и за сдачу

---

[75] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 227.
[76] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Neoiobagie, p. 489—490.
[77] Ibid., p. 400.
[78] *D. Hurezeanu.* Gîndirea lui Constantiu Dobrogeanu-Gherea în «Neoiobagie».— «Anale de istorie», 1970, N 2, p. 75.

ее в аренду, а не предоставление ее в собственность, как того требовала румынская деревня, то на основе такой программы нечего было и думать заложить основы союза рабочего класса и крестьянства. Впрочем, сам Геря об этом и не помышлял. Он хотел бы включить деревню в общий поток легальной борьбы за демократические права, в ходе которой, как он надеялся, крестьянские «восстания останутся воспоминанием печального прошлого» [79].

* * *

Не только рядовому румынскому пролетарию, но и социал-демократическому функционеру было нелегко разобраться в сложных реформистских построениях Константина Доброджану-Гери. Геря так умело разоблачал существовавшие в стране порядки, так много писал о задачах социалистов, так красноречиво призывал пролетариат не уступать своего первородства... в борьбе за интересы трудящихся [80] и так умело и к месту говорил об интернациональном характере этой борьбы! Авторитет Гери не был поколеблен в XX в., хотя сам он отошел от активной политической деятельности. Он не входил в руководство кружков, а затем и СДП, и не участвовал в ее съездах. Но ни разу никто и нигде не выступил открыто с критикой его взглядов.

Документы социалистического движения не позволяют обнаружить в них целенаправленной революционной линии. Блеск успехов немецких коллег ослеплял не одного Герю; в начале века широко было распространено убеждение (или, в свете позднейшего опыта,— заблуждение), что именно они являются первопроходцами в светлое будущее. Многие в рядах румынской социал-демократии были склонны к переоценке значения существовавших в стране конституционных форм и открываемых ими возможностей легальной деятельности. Знакомство с ленинскими работами произошло поздно.

Но подспудно в румынском рабочем движении шли процессы большого исторического значения. Левые отталкивались от практики борьбы; и эта практика направляла их на революционный путь. Ширился стачеч-

---

[79] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Neoiobagie, p. 402.
[80] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 275.

ный фронт; пролетариат приходил в столкновение с государственным аппаратом принуждения и подавления; это побуждало его искать союзников и более совершенные формы организации; ультралегальность и архиумеренная аграрная программа, рекомендуемые Герей, не могли удовлетворить застрельщиков левых; они в жизни, а иногда и в партийных документах выходили далеко за предначертанные догмами реформизма рамки.

К «русскому опыту» вожаки левых подходили не с «высот» книжной реформистской премудрости и не с тайной мыслью «доказать» его неприменимость на румынской почве,— а с жадным интересом и открытым стремлением его понять.

Взлет стачечного движения, создание разветвленной сети профессиональных союзов, их объединение, постановка вопроса о возрождении партии — во всех этих процессах была и доля «русского опыта», звавшего румынского пролетария на штурм твердынь олигархии и капитала.

В рабочем движении Румынии выросла плеяда замечательных деятелей. Штефан Георгиу (1879—1914 гг.) с юношеских лет участвовал в нем. Крупный организатор, профсоюзный деятель, лидер многих стачек, он был приговорен к тюремному заключению за организацию движения солидарности с крестьянским восстанием в 1907 г. В тюрьме заболел туберкулезом, сведшим его в могилу в 35 лет. Шт. Георгиу вошел в историю румынского пролетариата и как пламенный интернационалист, руководитель антивоенного движения, автор манифеста «Война войне» (1913 г.), о котором будет сказано ниже.

Ион Константин Фриму (1871—1919 гг.) стал активистом социалистической партии еще в молодые годы, в конце XIX в. Был в числе неколебимых в трудное время восстановления СДП. В 1905 г. возглавил профсоюз плотников. Принадлежал к тем левым руководителям движения, которые стремились усвоить и применить в Румынии опыт русских революций. Его заслуги в борьбе пролетариата, его высокий авторитет были общепризнаны, и в 1910 г. ему выпала честь открыть съезд, восстановивший СДП. В ее руководстве он представлял левые, революционные силы. Умер от жестоких побоев в тюрьме после рабочей демонстрации 13 декабря 1918 г.

Но руководители рабочих, преданные своему классу руководители — Штефан Георгиу, И. К. Фриму, Алеку Константинеску, М. Г. Бужор, занятые организационными делами, не были еще в состоянии дать бой реформистам по теоретическим вопросам, а порой в нетерпении своем впадали в левый крен. Все это позволяет представить, сколь сложным и противоречивым было развитие социализма в Румынии вплоть до Октябрьской революции.

Остановимся на некоторых теоретических документах румынской социал-демократии той эпохи.

1906 год. Официальная Румыния венчает лаврами короля: истекло 40 лет его пребывания на престоле. Социалисты отмечают юбилей по-своему. Они выступают с манифестом «Сорок лет нищеты, рабства и позора»: «Простаки и подневольные с душами покорных рабов могут бросаться на колени перед лицом новоявленного цезаря,— писали его авторы.— Но для рабочих, думающих о своей судьбе, как и для нас, юбилейные торжества дают повод для скорби и размышлений» [81]. Заработной платы едва хватает на хлеб насущный. Рабочий день от темна и до темна. Громадные налоги, заставившие даже лидера либералов Д. Стурдзу пожалеть «несчастного налогоплательщика, преследуемого солдатами и жандармами»,— ибо агенты фиска в одиночку со своими обязанностями справиться не в силах.

«Высот» Румыния достигла только в двух областях: по детской смертности она делит в Европе первенство с Россией; по потребляемому на душу населения алкоголю занимает третье место в мире [82].

Деревня разорена. Четыреста тысяч крестьянских семей лишились земли [83]. Бедняк расходует на свое питание гривенник в день — в двадцать раз меньше того, во что обходится содержание «благородного скакуна из боярской конюшни» [84].

Однако заключительный раздел манифеста — «Решения и призыв к борьбе» — выглядел довольно бледно и не отступал от канонов реформизма: «Социализм дол-

---

[81] «Patruzeci de ani de sărăcie, de robie şi ruşine». Buc., 1906, p. 4.
[82] Ibid., p. 28, 33.
[83] Ibid., p. 9.
[84] Ibid., p. 28.

жен стать убеждением и верой всех наших рабочих...» [85], и «если стачка является лучшим средством экономической борьбы, то всеобщее избирательное право — инструмент борьбы политической» [86].

1907 год. Съезд рабочего движения Румынии. Решается животрепещущий вопрос об отношениях между социалистическими кружками и профсоюзами. Ни один из участников прений не высказался за признание руководящей роли социалистических организаций. Поклонники тред-юнионизма в «чистом виде» предлагали провести «демаркационную линию» между профсоюзами и кружками — пусть одни занимаются каждодневными делами, а другие — политикой и теорией [87]. И наиболее умеренные делегаты, и некоторые левые не желали признавать руководящей роли кружков. Боевой вожак рабочих Алеку Константинеску еще раньше, будучи делегатом конгресса II Интернационала в Штутгарте, отстаивал автономность синдикатов. Интересна его аргументация. Он выражал опасение, что в противном случае профсоюзы попадут в зависимость от социалистического движения, в которое вступят ненадежные интеллигенты: «Разве у нас, где большинство интеллигенции продажно, где бывшие социалисты, участвовавшие когда-то в международных конгрессах, превратились сегодня в наших палачей, можно еще доверять интеллигентам, приходящим в движение!» — восклицал он [88].

А. Константинеску возводил в абсолют печальный опыт румынской социал-демократической партии, развалленной в 1899 г. ее либерально-буржуазным руководством. Делая подобное «обобщение», он допускал явную недооценку революционного социализма и не замечал, что «интеллигенты» самого что ни на есть оппортунистического толка, которых он столь опасался, отнюдь не возражали против автономии профсоюзов. Так, правый оппортунизм вызывал «левую крайность», своего рода

---

[85] «Patruzeci de ani de cărăcie, de robie şi ruşine», p. 57.

[86] Ibid., p. 64.

[87] В создавшихся условиях принятие резолюции с призывом к установлению тесных связей между профсоюзами и кружками явилось успехом съезда (DMM, p. 386).

[88] «România muncitoare», 26.VIII 1907.— Приведено *А. К. Мошану.* Рабочее и социал-демократическое движение в Румынии 1907—1914. Кишинев, 1974, стр. 100—101.

«левый экстремизм», проявлявшийся и в распространении идей анархосиндикализма.

На том же съезде 1907 г. ставился также вопрос и о тактике движения. Активно действовавший тогда в румынском социалистическом движении Христиан Раковский предложил ориентироваться на «те средства борьбы, которые доступны массам», и придерживаться легализма [89]. Это был типично реформистский курс. В условиях, когда пролетариат только-только «расшевелился», надо было вести его вперед, а не созерцать «заднюю пролетариата», по меткому выражению Плеханова,— а именно к этому сводился призыв Раковского. Его предложение было явной уступкой тред-юнионизму и стихийности. Подтверждение старой ориентации на легальность в условиях, когда мир вступил в эпоху пролетарских революций, делало этот курс вдвойне опасным.

Раковский в своей речи обронил такое признание: «отдельные товарищи не считаются» [90] с защищаемой им тактикой. Действительно, участие в восстании 1907 г. и боевые схватки пролетариев с полицией в дни всеобщей забастовки в том самом Галаце, где происходил съезд, свидетельствовали о проявлениях революционной тактики на фабриках, заводах и в селах. На съезде же «отдельные товарищи» промолчали, не посягая на авторитет «теоретиков». Резолюция прошла без прений.

Сильные и слабые стороны движения отразились в проекте программы Социалистического союза, созданного в 1907 г. как переходная ступень к восстановлению партии. Цель Союза — «освобождение всего народа от цепей экономического, политического и интеллектуального рабства». Средство — «завоевание политической власти, что сделает пролетария хозяином машины управления и преобразования, называемой государством»; задачи — пропаганда непримиримости интересов труда и капитала, руководство классовой борьбой рабочих, подготовка «к великой битве, к окончательному освобождению». В проекте подчеркивалась интернациональная позиция движения и излагалась программа конкретных реформ.

---

[89] «România muncitoare», 8, 15.VIII 1907.— Цит. по: *А. К. Мошану.* Указ. соч., стр. 92.

[90] DMM, 1872—1916, p. 386.

Конечно, в этом документе можно обнаружить немало изъянов и теоретических «сбоев» (не говорилось о диктатуре пролетариата, о его союзниках, о сломе государственной машины и т. д.). И все же он знаменовал шаг вперед и в организационном, и в идеологическом плане.

Но... программа так и не была принята. Съезд 1908 г. решил подождать, обсудить, подготовиться... Дело отложили, и как выяснилось, в очень долгий ящик. Инициаторами этого решения выступили ясские делегаты (тихие, провинциальные Яссы превратились в рассадник разного вида оппортунизма). А поддержали их... сторонники анархо-синдикализма, опасавшиеся роста влияния «гнилой интеллигенции».

Вот еще один пример смычки противоположностей. Левые не только продемонстрировали непонимание значения теории; они оказали прямую услугу оппортунистам. А в убытке осталось дело социализма.

Следующие два года не внесли ясности в важнейшие теоретические вопросы. Правые твердо стояли на позиции «врастания социализма в капитализм». И. Миху так излагал их точку зрения: «Социализм — естественный продукт капитализма. Хорош он или плох, он осуществляется помимо чьей-либо воли. Социалисты — это наблюдатели движения, которые, открывая законы общественной эволюции, предвидят, а не создают социалистическое общество».

И. Сион шел еще дальше — он предлагал помочь слабому румынскому капиталу: «Мы боремся против буржуазии в том случае, когда ее интересы враждебны интересам пролетариата, когда она выступает как угнетающий и реакционный класс, но мы ее поддерживаем, когда она предстает как класс революционный и прогрессивный». Сион полагал, что румынскому капиталу не удалось даже обзавестись собственной партией. Он укорял «старых социалистов» за то, что они считали буржуазию в Румынии господствующим классом. По Сиону, таковыми в стране являлись помещики и бюрократия, которую он, вслед за Герей, выделял в особый класс, представляемый на политической сцене либералами. Сион советовал рабочим «учесть непрочное положение буржуазии», которая вынуждена удовлетворяться тем, что ей дают, «поддержать ее развитие и бороться

против наших господствующих классов», т. е. помещиков и бюрократов [91].

Для левых были неприемлемы ни пассивное созерцание в ожидании, пока социализм вырастет в недрах капитализма, ни, тем более, активная поддержка «своего» неокрепшего еще будто бы капитала. При всех своих заблуждениях и ошибках они твердо стояли на боевых позициях. Выражая их мнение, И. К. Фриму писал в 1909 г., что социальную систему можно изменить лишь с помощью пролетарской борьбы. Тезис о якобы подчиненном положении румынского капитала в рамках олигархии боевые вожаки рабочих встречали в штыки: в схватках с предпринимателями весь аппарат государственного подавления неизменно оказывался на стороне последних, горький опыт научил их понимать, кто кому служит. Но отрицание порой уводило их в крайности. Алеку Константинеску писал в декабре 1908 г.: «Все политические партии, кроме социалистической, выражают, и иначе быть не может, только интересы буржуазии, собственников, крупных и мелких промышленников».

Это высказывание, одно из немногих общеполитических высказываний левых, отражает сущность его взглядов. Константинеску отрицает наличие у помещиков собственной партии. Тем самым он умаляет их роль в экономической и политической жизни, силу и цепкость феодальных пережитков. Это таило сразу две опасности: в потенции — недооценку значения буржуазно-демократического этапа революционного процесса; и, в связи с этим,— непонимание или, во всяком случае, недопонимание роли союза рабочего класса с крестьянством. И в последнем левые сходились с реформистами!

В октябре 1909 г. руководство Социалистического союза и Генеральной комиссии профсоюзов, открывая кампанию за проведение реформ, обратилось с воззванием «К рабочим и гражданам страны». Набрав силы, социал-демократия Румынии, никогда не страдавшая сектантством, возобновила добрую традицию участия в общедемократическом движении. Манифест требовал установить в Румынии «господство законов» и «народное правление», эти задачи связывались с конечной целью — социализмом. Его авторы призывали «готовить-

[91] Приведено: *А. К. Мошану.* Указ. соч., стр. 126.

ся к великой битве». Но как и в союзе с кем — в документе не говорилось. Некоторые разъяснения насчет тактики были даны после покушения на премьер-министра И. Брэтиану-младшего (1909 г.). «Ромыниа мунчитоаре», осудив тактику террора и протестуя против последовавших за покушением гонений властей, писала: «Если мы имеем право осуждать самым энергичным образом идеи, политические концепции, системы правления, то у нас нет права посягать на человеческую личность». Руководство Социалистического союза заявило, что придерживается «самой строгой легальности»; движение может пользоваться только «цивилизованным оружием», веря, что эволюция общества «совершается постепенно, путем медленных изменений» [92].

С таким теоретическим багажом прибыли социалисты на учредительный съезд (31 января 1910 г.), воссоздавший социал-демократическую партию [93].

Отражая требования пролетариата, съезд принял программу, основанную на принципах классовой борьбы и интернационализма. Он провозгласил целью партии обобществление средств производства, уничтожение эксплуатации человека человеком. Для этого, говорилось в программе, партия стремится к завоеванию государственной (текстуально-правительственной) власти [94]. В этот документ были включены такие важные пункты, как требование всеобщего избирательного права, свободы собраний и стачек, 8-часового рабочего дня.

Однако реформистское влияние и конкретно — концепций Константина Доброджану-Гери на съезде сказалось вполне отчетливо. Съезд исходил из того, что социализм наступит в отдаленном будущем и ему предшествует длительный период капиталистического развития. О диктатуре пролетариата, о союзе с крестьянством ни в прениях, ни в документах съезда ничего не говорилось. Всеобщее избирательное право по-прежнему выставлялось в качестве главного политического требования. Его поддерживали и руководители левых; ограничен-

---

[92] *А. К. Мошану.* Указ. соч., стр. 174.

[93] Присутствовало 94 делегата от 47 профсоюзных и социал-демократических организаций.— «История Румынии 1848—1917», стр. 480.

[94] «Documente din istoria mişcării muncitoreşti din România 1910—1915» (далее — DIMMR, 1910—1915). Buc., 1968, p. 11.

ное значение лозунга еще не стало для них очевидным. Легализм удерживал еще прочные позиции. В докладе М. Г. Бужора говорилось: «Здесь, где вся администрация, где все управление проникнуты полнейшим произволом, единственно социал-демократическая партия будет придерживаться закона, бороться за его соблюдение и за устранение самоуправства» [95].

Правда, и тут обнаруживались первые трещины. Незадолго до съезда, в 1909 г., правительство объявило вне закона профессиональные союзы на казенных предприятиях. Поэтому на съезде было внесено предложение, чтобы 60-тысячный отряд трудящихся государственных предприятий перешел к созданию тайных организаций [96]. Но большинство участников оказались решительно неподготовленными к подобной «нелегальщине»; посыпались протесты против самого слова «секретный».

Сравнительная легкость, с которой правительство расправилось с рабочими организациями на находившихся в его ведении предприятиях, подрезала крылья сторонникам анархо-синдикализма. Они не реагировали на критику, которой один из докладчиков, М. Ионеску, подверг их французских единомышленников за антипарламентаризм [97]. Но это не означало восприятия идеи о руководящей роли партии в движении; делегаты остановились, как и три года назад, на полпути: отношения партии и союзов — это отношения равных. Но в требовании «внепарламентских действий» явно ощущался голос масс: «Мы не можем убаюкивать себя иллюзией, будто завоюем парламентское большинство, которое добудет для нас реформы; мы должны опираться прежде всего на главные силы рабочей армии, которая борется вовне, и заставить буржуазию считаться с нашими представителями» [98].

Константина Доброджану-Гери среди делегатов съезда не было. Но его присутствие ощущалось явственно. В ожидании выхода его «Неокрепостничества» обсуждение важнейших вопросов социально-экономического развития Румынии и расстановки классовых сил было ском-

[95] DIMMR, 1910—1915, p. 67.
[96] «Dezbaterile Congresului de constituire a partidului social-democrat şi ale congresului sindical». Buc., 1910, p. 108.
[97] Ibid., p. 123; DIMMR, 1910—1915, p. 90, 91.
[98] DIMMR, 1910—1915, p. 125.

кано. Стоявший в целом на левых позициях М. Г. Бужор в общем докладе о программе партии выдвинул на первый план борьбу за исполнение существующих законов и устранение злоупотреблений, и это показывало силу влияния геристских идей.

Авторитет Гери придавил и начавшийся было процесс выработки аграрной программы. 1907 год обнажил два подхода к нему в движении. Рабочие на улицах демонстрировали свою солидарность с восставшими крестьянами и не раз вместе с ними грудью встречали пули карателей. Михай Георге Бужор с группой товарищей выпустил пламенный манифест к солдатам: «Вы знаете как честные труженики, как смелые товарищи и несгибаемые борцы, каков долг рабочего, одетого в шинель: никогда не стрелять в тех, кто страдает, в товарищей по труду, в братьев, сестер или родителей ...Показывайте всюду, кто является настоящим врагом, и если это будет необходимо и явится возможность, переходите на сторону восставших, чтобы бороться против этого врага» [99].

Но руководство кружка «Рабочая Румыния», явно под влиянием реформизма, осудило воззвание М. Г. Бужора, расценив его как... анархистское. В обращении, составленном вместе с Генеральной комиссией профсоюзов, говорилось: «Угнетение, немилосердная эксплуатация, нескончаемые издевательства заставили крестьян восстать... У сознательного и организованного рабочего класса, врага какой бы то ни было эксплуатации, борца против ига господ и освободителя народов, есть неотложный долг — показать свою солидарность с крестьянами, осветить светом своих руководящих идей великую аграрную проблему, указать ослепшим господам на меры, которые должны быть приняты...» [100]

Рабочему собранию в Бухаресте 11 марта 1907 г. кружок социалистов предложил лишь следующий половинчатый план: отобрать земли у помещиков, не имеющих актов на владение (здесь благоговение перед буквой закона сказалось в полной степени); ограничить арендную плату, запретить посредническую аренду и отработки, провести налоговую и административную рефор-

---

[99] DMM, 1872—1916, p. 364.
[100] «Răscoala ţăranilor din 1907», v. I. Buc., 1948, p. 792.

му. Средство для достижения этих реформ его авторы видели все в том же всеобщем избирательном праве для всех «подданных румынского государства, начиная с 21 года и выше, независимо от их национальности» [101].

На самом деле в тогдашней Румынии нельзя было даже надеяться на то, чтобы всеобщее избирательное право привело бы к предоставлению крестьянам земли. В условиях же крестьянского восстания 1907 г. этот лозунг был не мобилизующим, а демобилизующим. Некоторые оппортунисты не скрывали, что такова их цель. И. Теодореску писал, например, что предоставление этого права вело обычно к спаду революционной волны [102].

К реформистам примкнул и пользовавшийся немалым весом в румынской социал-демократии Христиан Раковский. «В ходе восстаний,— писал он,— крестьянство действовало только как разрушительная сила, неспособная к чему-либо положительному». И делал вывод: «В нынешних условиях любая попытка присоединиться к борьбе крестьян означала бы на деле тащиться у них в хвосте вместо того, чтобы вести их за собой» [103]. Он воздвигал водораздел между движением в городе и деревне: «Сегодня борьба крестьян протекает в другой сфере интересов, в другой экономической среде, чем движение промышленных рабочих. В то время как последние ведут борьбу против капитализма, крестьяне должны еще бороться против прошлого. Они страдают не столько от развития капитализма, сколько от его неразвитости...» [104]

В этом же духе Раковский, уже как делегат конгресса II Интернационала в Штутгарте, подготовил резолюцию протеста против репрессий румынского правительства. В немецком тексте проекта отмечалось, что «режим эксплуатации и притеснений» толкает массы «на пагубный путь восстания». Ознакомившись с ним, В. И. Ленин внес такую поправку: «на путь, к сожалению, потерпевшего неудачу» восстания. Тем самым резо-

---

[101] DMM, p. 365—366.
[102] *I. Theodorescu.* Votul universal. Buc., 1908, p. 28.
[103] «Viitorul social», 1907, N 2, p. 188—189.
[104] «Viitorul social», 1907, N 3, p. 258.

люция из документа реформистского превращалась в революционный [105].

По-видимому, учитывая это ленинское замечание, Х. Раковский изменил свою точку зрения и вскоре писал уже о революционном характере борьбы крестьян: «...Социалистический пролетариат и с политической, и с экономической точки зрения заинтересован в оказании полной поддержки нашему крестьянству» [106]. Практических выводов из смены позиции Раковский не сделал.

Дискуссия по аграрному вопросу показала, что левые не в силах преодолеть старые, изжившие себя догмы II Интернационала о том, что социалистам не следует выступать за раздел помещичьей земли. Они вновь показали свою слабость в теории. Но в заслугу им надо поставить настойчивые попытки найти ключ к практическому решению проблемы, предпринятые И. К. Фриму, Шт. Георгиу, М. Г. Бужором. Шаг вперед в этом направлении был сделан при разработке проекта программы Социалистического союза. Он предусматривал принудительную экспроприацию всей земельной собственности, превышающей 300 га, допуская, правда, возможность выкупа. Из полученных земель предлагалось образовать национальный фонд и сдавать участки крестьянским обществам или отдельным лицам в аренду на срок не менее 50 лет [107]. Основное требование румынского крестьянства — о получении земли в собственность — не получило в проекте отражения. Социалисты продолжали считать его отступлением от своих принципов.

Учредительный съезд СДП ограничился повтором положений, выработанных Социалистическим союзом, сделав при этом важную уступку реформизму: вместо установленного ранее предела земельной площади 300 га съезд высказался за «принудительный выкуп по мере необходимости как можно большей части крупной земельной собственности» [108]. На столь зыбкой почве невозможно было заложить фундамент союза рабочих и крестьян, хотя съезд с воодушевлением провозгласил партию

---

[105] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 489. В стенографических отчетах конгресса поправка В. И. Ленина не была учтена.
[106] «Viitorul social», 1907, N 5, p. 436.
[107] «Alianţa clasei muncitoare cu ţărănimea muncitoare în România», Buc., 1969, p. 88.
[108] DIMMR, 1910—1915, p. 40.

«надежным щитом, естественным покровителем» тружеников деревни, «отстраняющим от нее беззакония и произвол» [109].

Идеологическая незрелость масс, теоретическая слабость их руководителей создавали благоприятные условия для распространения в СДПР центризма, соединявшего революционную фразу с примиренчеством к реформистским догмам на деле. Виднейшим его представителем в румынской социал-демократии выступал тогда Христиан Раковский. В его статьях и выступлениях содержалось немало правильных, обоснованных положений. «Румынский сознательный пролетариат, — писал он,— как и пролетариат всех западных стран, требует уничтожения капиталистической эксплуатации и замены нынешнего общества другим, более правильно устроенным»[110]. Раковский справедливо указывал: социалистическая революция «не является автоматическим результатом объективного развития; она является актом субъективным, сознательным проявлением воли и силы пролетариата, а не итогом расчетов экономистов и метеорологов на поприще истории» [111]. Социалистическую теорию он сравнивал с компасом для мореплавателя, без которого корабль неминуемо сядет на мель или разобьется о скалы. Раковский осуждал открытый ревизионизм: «Ревизионисты стремились подменить классовую борьбу сотрудничеством классов и социалистический идеал преобразования общества демократическим идеалом частичных реформ».

Но... и тут начинается множество «но».

Осуждая ревизионизм, Раковский не вскрывал корней этого явления и считал его преходящим эпизодом. По словам Раковского, «подобные тенденции были побеждены и полностью парализованы» уже на конгрессе II Интернационала в Париже (1900); еще через четыре года Амстердамский конгресс «очистил дорогу, отбросив ревизионистов» [112]. И, самое главное, у себя дома Раковский ревизионизма не замечал, а те уступки, которые он сам делал ему на каждом шагу, объяснял историческими особенностями Румынии, местной спецификой,

---

[109] Ibid., p. 18.
[110] См. *А. К. Мошану.* Указ. соч., стр. 127.
[111] «Viitorul social», 1908, N 11-12, p. 340—341.
[112] «Viitorul social», 1907, N 2, p. 123.

которые абсолютизировались и отодвигали на второй план общие законы развития.

Раковский причислял себя к революционерам. Однако, писал он, «мы всегда избегали призывов к нелегальным действиям. И делали это не потому, что проникнуты уважением к так называемой «легальности», постоянно попираемой буржуазными партиями, а потому, что победа нашего движения зависит от степени сознательности и организованности народных масс» [113]. Но что менялось от того, что Раковский был «легалистом» не в принципе, а в силу, так сказать, обстоятельств?

Раковский в своих речах и трудах отдавал должное российской революции 1905—1907 гг.: «Успехи русского пролетариата... его героическая борьба потрясли пролетарские массы всех стран, и прежде всего находящихся в непосредственном соседстве с Россией. Не говоря о молодом нашем движении, которое возродилось под звуки расстрела в Петербурге в январе 1905 г. ...» [114] Но на практике Раковский не извлек уроков из опыта российской революции, не воспринял поставленную ею задачу создания союза рабочего класса и крестьянства.

Крестьянство он продолжал считать «силой только разрушительной, неспособной к позитивной деятельности». Понадобится время, чтобы оно стало поддержкой в деле общественного преобразования. Раковский резко осудил приведенное выше обращение М. Г. Бужора к армии в 1907 г. как несвоевременное и не соответствующее силам, возможностям и зрелости рабочего движения [115]. Позднее, отказавшись от этого мнения [116] (неустойчивость и противоречивость во взглядах, постоянная смена оценок вообще характерны для Раковского), он не предпринял ничего для выработки революционной аграрной программы.

Подчеркивая значение теории, Раковский сам остался верен всеспасительной идее всеобщего избирательного права и не признавал «иной тактики, кроме доступной массам» [117]. И здесь снова порок выдавался за добродетель; отказ перейти к революционным методам

---

[113] См. *А. К. Мошану.* Указ. соч., стр. 150—151.
[114] «Viitorul social», 1907, N 2, p. 124—125.
[115] «Viitorul social», 1907, N 2, p. 186, 189.
[116] См. стр. 338 настоящей книги.
[117] «Viitorul social», 1907, N 2, p. 186.

прикрывался опасениями, как бы не забежать вперед и не оторваться от народа. Образец такого разрыва между фразой и делом представляла резолюция о тактике, принятая II съездом СДП (1912 г.) в формулировке Раковского. Приведем из нее отрывок: «Освободительное движение пролетариата — движение массовое; мы отвергаем поэтому методы эпохи революционного романтизма, когда верили, что можно достичь освобождения с помощью заговора. Хороши только те средства, которые доступны пролетарской массе, такие, как стачка, бойкот, всеобщее избирательное право, и, если в один прекрасный день насильственная революция предстанет как средство борьбы,— то это должна быть стихийная революция всего народа, которому мешают легальными путями защищать свои интересы, а не революция горстки людей» [118].

Итак, на словах Раковский готов признать даже вооруженное восстание. Но он... против того, чтобы его готовить, чтобы воспитывать пролетариат в предвидении восстания, чтобы прокладывать дорогу к возможным союзникам; нет, рабочие должны дойти до него нутром, а пока Раковский — за исчерпание всех законных возможностей.

У румынских левых было множество слабостей. Они не смогли противостоять по-своему завершенной реформистской схеме Константина Доброджану-Гери. Им было трудно освободиться от груза старых доктринерских представлений в аграрном вопросе, согласно которым надо было одним прыжком переходить к коллективному производству, а раздел помещичьих земель и передача их в собственность крестьянам рассматривались как анахронизм [119]. Левые пасовали перед реформистскими «теоретиками» в дискуссии. Их слабость привела к тому, что на авансцену румынской социал-демократии вышел Христиан Раковский с путаными центристскими взглядами.

И все же это левое течение не исчезло и не потерпело краха, а, напротив, постепенно, хоть и медленно, набирало силы. Подобно тому как Антей обретал силу, прикасаясь к матери-земле, так и левые черпали стой-

---

[118] DIMMR, 1910—1915, p. 378.
[119] «Anale de istorie», 1971, N 5, p. 76.

кость и жизнеспособность в своих связях с массой, в деятельности в гуще движения. Практика борьбы выдвигала перед ними не только вопросы сегодняшнего дня, но и задачи большого теоретического значения. Образование партии, накал классовых битв на родине, грозные раскаты дипломатических и военных конфликтов, возвещавшие приближение мировой войны,— все это способствовало активизации революционной мысли.

В 1911 г. СДП, впервые в новом столетии, участвовала в парламентских выборах. Ее руководство издало в связи с этим (февраль) программный манифест, содержавший четкую, марксистскую постановку вопроса о государственной машине, классах и партиях. «Две силы, одинаково враждебные трудящимся, делят сегодня между собой управление Румынией: остатки боярства и буржуазия... Объединенные в Сельском кредите, в банках, в административных советах промышленных предприятий, они составляют плутократию, правление богатых, в руках которых ныне сосредоточена вся наша экономическая и политическая жизнь» [120]. Перечень их преступлений перед народом завершался таким выводом: «Политические партии — воплощение господствующих классов, а управляемое ими государство — жандарм в их руках» [121].

Правда, за этим анализом не следовала столь же революционная программа. Авторы манифеста поставили во главу угла всеобщее избирательное право, которое должно явиться могучей силой «в окончательном освобождении» [122].

Но в этом вопросе в предвоенные годы резче обозначились программные разногласия между оппортунистическим и революционным течением. Реформисты продолжали молиться на всеобщее избирательное право. Вступивший в СДП адвокат Т. Драгу утверждал, что от его достижения зависит раскрепощение труда, что оно «способно положить конец капиталистической эксплуатации» и «призвано превратить капиталистов и работников интеллектуального труда... в союзников и советников рабочих» [123]. Выступая с докладом на партийном

---

[120] DIMMR, 1910—1915, p. 206.
[121] Ibid., p. 219.
[122] Ibid., p. 226.
[123] *А. К. Мошану.* Указ. соч., стр. 227.

съезде 1912 г., Драгу назвал всеобщее избирательное право ключом к завоеванию пролетариатом власти: только оно «вдохнет жизнь в парламент, в конституцию, излечит нашу политическую, экономическую и социальную анемию.., классовая борьба оживится, победа рабочих будет облегчена, возможность создания новой социальной организации ускорена»[124]. В октябре — ноябре 1913 г. на страницах газеты «Ромыниа мунчитоаре» в ходе дискуссии о «Социалистических принципах» открыто столкнулись два направления. «Всеобщее избирательное право является социалистическим требованием»,— объявлял Илие Москович. Без него «не избежать крестьянского бунта, козлами отпущения которого будем мы, социалисты». В другой, анонимной статье «Как понимать классовую борьбу», говорилось: «Существование буржуазии было и остается необходимостью для общества. Она не может быть ни ликвидирована, ни удалена. Она осуществляла и осуществляет еще социальную роль, которую сейчас не смог бы выполнить никакой другой класс». Тем самым признавалась и руководящая роль капитала в политической жизни страны.

Но в дискуссии прозвучали и другие ноты, показавшие, что иллюзии относительно всецелительных свойств лозунга изживались. Вполне вероятно, что на многих подействовали отрезвляющие итоги выборов 1911 г., когда социалистам удалось собрать чуть больше 2% голосов. «Если рабочие позволят,— говорилось в одной из статей,— чтобы ими руководили и их обманывали буржуазные партии, то они будут пребывать в рабстве и нищете вечно, даже если Румыния превратится в демократическую республику». В другой статье указывалось: «...Подлинного политического равенства не может быть для пролетариата, пока он является эксплуатируемым и угнетенным классом. Только после раскрепощения труда ...будет осуществлено политическое равноправие». Автор статьи восставал против возведения всеобщего избирательного права в абсолют: «Допустимы все пути, которые в кратчайший срок и самым надежным образом ведут к цели»[125]. Молодой Александр Николау конкре-

---

[124] DIMMR, 1910—1915, p. 369.

[125] Материалы дискуссии приведены: *А. К. Мошану.* Указ. соч., стр. 310—312.

тизировал эту мысль в «Ромыниа мунчитоаре». Он писал «о времени, не столь уж отдаленном, когда сознательные вооруженные действия рабочих всей земли освободят человечество от оков рабства». Он призывал солдат «отказаться от роли палача своих родителей и братьев, не топить в крови выступления рабочих..., а присоединиться к ним».

Николау не был одинок. «Ромыниа мунчитоаре» писала: «Единственной и повелительной обязанностью пролетариата является вооруженное восстание». Штефан Георгиу на митинге в Плоешти в апреле 1910 г. предсказывал скорый и решительный бой между рабочими и капиталистами. Соглядатай сигуранцы, побывавший на собрании социалистов Бухареста в марте 1911 г., так суммировал смысл услышанных речей: «Мы до сих пор были мирными, лояльными, кроткими. Дальше так не пойдет, нам надо изменить тактику, стать революционерами в подлинном смысле слова». Он особо отмечал выступления Ал. Петруцеску, который призвал «влить в вены румынского пролетариата жаркую кровь французской и русской революций».

Что касается «улицы», то массовые действия всегда бросали вызов пресловутой легальности. Летом 1914 г. префект бухарестской полиции писал, что забастовщики не считаются с существующими законами и их действия «вырождаются в шумные уличные манифестации» [126].

Климат в партии менялся. Оппортунисты не чувствовали себя в ней уже столь вольготно, как прежде. Процесс полевения партии проявился во время предвыборной кампании 1914 г. Исполком СДП выпустил тогда 10 манифестов, разъясняя свои установки. В документе, озаглавленном «Кто такие социалисты и чего они хотят», делался не только общий вывод, что лишь свержение капитализма избавит рабочих от эксплуатации, но и говорилось о захвате политической власти в стране под руководством партии. А это никак не согласовывалось с осторожной реформистской формулировкой Гери насчет «перемещения власти». Еще более определенно высказался исполком в первомайском воззвании 1914 г., призывая пролетариат «всеми легальными или революционными средствами, которые ему доступны, вырвать

---

[126] «Балканский исторический сборник», I. Кишинев, 1968, стр. 158.

у олигархии возможно большие права для себя и для всего народа»[127]. Руководящий партийный орган покушался на «святая святых» реформизма — принцип легальности.

Тогда же исполком выпустил манифест «Требуем полной экспроприации!», знаменовавший немалый сдвиг в разработке аграрной программы[128].

В нем максимальный размер земельной площади был определен в 100 га. Все остальное подлежало изъятию. Партия высказывалась за ликвидацию латифундий, являвшихся экономической основой влияния помещиков и оплотом феодальных пережитков в деревне.

Как справедливо отмечает советский историк А. К. Мошану, «идейное и политическое влияние К. Доброджану-Гери на румынское рабочее движение постепенно падало и перед первой мировой войной оно не было преобладающим»[129]. Дебаты по вопросу о взаимоотношениях с буржуазными политическими течениями показали усиление левых.

Поводом послужило участие некоторых деятелей партии во главе с упомянутым уже нами Т. Драгу в газетах «бывшего социалиста» Константина Милле[130] «Адевэрул» («Правда») и «Диминяца» («Утро»), которые заняли во время балканских войн шовинистическую позицию. Это сотрудничество бросало тень на партию. Завязалась дискуссия, в ходе которой были подняты большие, принципиальные вопросы. Исполком в октябре 1913 г. принял специальную резолюцию «Сотрудничество в буржуазных газетах», в которой указывалось, что несоциалистическая пресса, «даже буржуазно-демократическая, стремится держать рабочих в ин-

---

[127] DMM, p. 598.

[128] Напомним, что в 1907 г. социалисты высказывались за ограничение земельной собственности 300 га; затем этот лимит был повышен до 500 га. Учредительный съезд 1910 г. воздержался от каких-либо уточнений в ожидании выхода труда К. Доброджану-Гери. Тот в своем «Неокрепостничестве» простер свое миролюбие до того, что «пощадил» помещиков, придя к выводу: «Вопрос о латифундиях не составляет ни сути, ни даже важнейшего элемента нашей аграрной проблемы» (*C. Dobrogeanu-Gherea.* Neoiobagie, p. 245).

[129] «Балканский исторический сборник», I, стр. 161.

[130] См. стр. 269, 281 настоящей книги.

теллектуальном и экономическом рабстве у господствующих классов». Газеты Константина Милле справедливо оценивались как буржуазные, антисоциалистические и националистические, тем более опасные, что этот их курс прикрывался демократической фразой.

М. Г. Бужор в статье «Мы и «Адевэрул» правомерно писал об «идейных тактических и особенно моральных причинах» разрыва с газетами Милле и о необходимости борьбы против ренегатов, которые «предали и социализм, и демократию». Х. Раковский признавал, что участие в так называемых «независимых» органах печати «было ошибкой, за которую... движение заплатило пятилетней путаницей в наших рядах» [131].

А. К. Мошану приходит в связи с этим к обоснованному выводу, что в данном случае решение исполкома СДП было выдержано в пролетарском духе и построено на тех же принципах, что и известная резолюция большевиков «Об участии в буржуазной прессе» (1907 г.) [132].

Уместно связать его с принятыми и до, и после 1913 г. программными документами, в которых намечался правильный подход к анализу расстановки классовых сил в стране и румынская буржуазия рассматривалась как реакционная сила и ведущий партнер в олигархии [133]. Разрыв с «независимыми» газетами явился шагом вперед в практическом осуществлении этих программных положений. Этот акт был необходим для утверждения принципа гегемонии пролетариата и руководства СДП в процессе не только социалистических, но и демократических преобразований в Румынии. Он круто расходился с оппортунистическими концепциями сотрудничества с «собственной» буржуазией, с призывами И. Сиона «помочь» отечественному капиталу, которому никак не удается завоевать себе место под солнцем. И выход Т. Драгу из партии явился показателем ее полевения.

В предвоенные годы произошла первая встреча румынских социалистов с В. И. Лениным. Произошло это в Штутгарте в 1907 г. В ноябре 1911 г. вождь большевиков обратился к И. К. Фриму с письмом, прося ока-

[131] «Балканский исторический сборник», I, стр. 147, 148.
[132] Там же, стр. 150.
[133] См., например, DIMMR, 1910—1915, p. 206, 219, 782.

зать помощь двум русским эмигрантам; 22 декабря того же года в «Ромыниа мунчитоаре» появилась (под другим заголовком) ленинская статья «О социал-демократической фракции II Думы. Изложение всего дела»[134] (15 марта здесь же был опубликован доклад Ленина Международному социалистическому бюро о Пражской конференции[135]). «Ромыниа мунчитоаре» сопроводила эту публикацию знаменательным примечанием: все связи с РСДРП отныне должны осуществляться через Владимира Ульянова, проживающего в Париже по улице Мари Роз[136]. Тем самым румынская партия показывала, что сотрудничает в России в полной мере с большевиками. Ее полевение, усиление в ней революционной тенденции сказалось и в такого рода внешней переориентации. Вместе с тем следует иметь в виду трудности в развитии румынской социал-демократии и относительную слабость ее левого течения, медленно и мучительно преодолевавшего влияние реформизма. Недостаточное использование великого опыта революционной теории в России усугубляло эти трудности и замедляло процесс очищения от оппортунистических взглядов. СДП оставалась небольшой организацией — ее численность в 1912 г. не превышала 500 человек и лишь к 1915 г. поднялась до 827.

Вполне понятное возмущение поведением ренегатов, развалivших в 1899 г. партию, порождало у определенной части рабочих недоверие к политической деятельности вообще, а нетерпеливое ожидание немедленного результата толкало их к анархо-синдикализму. Исполком партии с тревогой писал в своем отчете III съезду (апрель 1914 г.): «И сейчас еще мы расплачиваемся за ошибки первой социалистической партии Румынии. Предательство целой прослойки социалистов, которая со всеми пожитками перебралась в буржуазные партии», вызвало в рабочей среде недоверие к политической борьбе, «вылившееся в подлинное соперничество между синдикалистским движением и партией...» Исполком видел выход в «усилении подлинной социалистической пропаганды». Он с беспокойством писал о положении в клубах, слабо связанных с центром и действовавших фак-

[134] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 381—386.
[135] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 173—175.
[136] *А. Деак, И. Илинчою.* Ленин и Румыния, стр. 65—66.

тически каждый по своему усмотрению и разумению. В одних из них забывают о «высоком назначении социал-демократического клуба, заключающемся в организации и просвещении рабочего класса в предвидении социальной революции» [137]. Некоторые превратились в кружки интеллектуальной элиты, и рабочие покидают их, чувствуя, что к ним относятся свысока.

Исполком вынес на последний предвоенный съезд партии (апрель 1914 г.) вопрос о ее реорганизации, о ликвидации фактически автономного положения клубов, преобразовании их в секции и подчинении центральному руководству.

Прения на съезде носили ожесточенный характер. Ясские оппортунисты, почти порвавшие связи с Бухарестом и даже взимавшие членские взносы по своему усмотрению, встали стеной за организационную раздробленность. Не на высоте оказался и кое-кто из левых, грешивших анархо-синдикализмом. Их терзали сомнения, как бы не посягнуть на самостоятельность и инициативу «низов», как бы дело не обернулось «диктатурой исполкома». В результате на первый план выступил Раковский, качнувшийся под влиянием настроений масс влево. Он говорил о значении партии в процессе преобразования общества: «Страна наша переживала революционные моменты, но отсутствие социал-демократической партии помешало воспользоваться ими». Он заявил о необходимости пересмотра аграрной программы, «сформулировать требования, которые отдалили бы крестьян от коварных (обещаний) либералов и приблизили бы их к нам», и высказался за полную экспроприацию помещичьих земель. Раковский обронил даже такую фразу: «...Если чаяния народа нельзя запихнуть в слишком узкую одежду закона, народ имеет возможность порвать одежду ... и средством для этого является революция» [138].

Здоровые силы на съезде одержали верх: новый устав был принят [139]. Партия впервые в программных до-

[137] DIMMR, 1910—1915, p. 698.

[138] Ibid., p. 738—739.

[139] Ibid., p. 745. На происходившем в январе 1914 г. съезде профсоюзов лишь четыре делегата высказались за их «нейтральность». В принятой резолюции говорилось о «разделении труда» между профсоюзами и партией. Понимания руководящей роли партии не было проявлено.

ментах высказалась за установление республики. Был выдвинут лозунг полной экспроприации помещичьих земель со сдачей их в долгосрочную аренду [140]. Специальной резолюцией съезд одобрил решение исполкома о сотрудничестве в буржуазной печати.

После съезда ясская организация отказалась подчиниться новому уставу. Некоторые левые действовали в унисон с оппортунистами либо колебались. М. Г. Бужор объявил о несогласии с уставом и отказался от членства в исполкоме. И. К. Фриму не проявил твердости и попросился в отставку, сославшись на расстроенное здоровье. Вышел из исполкома и Раковский.

Казалось, партия вступила в полосу кризиса. Сгущавшаяся международная обстановка, явное приближение войны побудило всех троих отказаться от своих необдуманных решений.

Вопросы войны, мира и революции

Мировая война готовилась десятилетиями. Балканы и в XX в. сохранили свою мрачную репутацию порохового погреба Европы, грозные тучи не сходили здесь с политического горизонта. Объективная обстановка побуждала поэтому румынскую социал-демократию к анализу вопросов войны, мира и революции, к выработке соответствующей стратегии и тактики. Она могла опираться на опыт, накопленный социалистическим движением. На конгрессе II Интернационала в Штутгарте (1907 г.) румынская делегация поддержала марксистскую резолюцию против опасности войны с поправками В. И. Ленина и Розы Люксембург. Правда, Раковский в своем выступлении, явно недооценивая значение антивоенной деятельности, усматривал ее слабость как раз в том, в чем была ее сила,— в ее общенародном размахе, в выходе за рамки «чисто пролетарской» борьбы. Когда в 1908 г. разразился боснийский кризис, приведший балканские государства на грань вооруженного конфликта, социалисты этих стран, собравшись на Первую балканскую социал-демократическую конференцию

[140] DIMMR, 1910—1915, p. 761. Надо сказать, что докладчик, М. Г. Бужор, выступал с геристских позиций и резолюция не соответствовала его докладу.

(декабрь 1909 г., Белград), противопоставили узкокассовой, корыстной политике национальной буржуазии и опасным интригам великих держав свой план создания Балканской федеративной республики. В сложившихся тогда условиях подобное объединение «могло бы обеспечить мир на Балканах, предоставить свободу угнетенным национальностям и успешно противодействовать нажиму империалистов» [1],— писал Г. М. Димитров. Оно открывало путь решения триединой задачи — предотвращения войны, национального урегулирования, социальных преобразований. В. И. Ленин высоко оценивал инициативу социалистов Болгарии, Сербии, Греции и Румынии. «Сознательные рабочие балканских стран,— писал он в «Правде»,— первые выдвинули лозунг последовательного демократического решения национального вопроса на Балканах» [2], ибо «действительная *свобода* славянского крестьянина на Балканах, как и крестьянина турецкого, может быть обеспечена *только* полной свободой внутри *каждой* страны и федерацией вполне и до конца демократических государств» [3].

Нелегкие пути вели к Балканской федерации. Мешали не только относительная слабость рабочего движения, отсталость и забитость балканского села, но и субъективные, крывшиеся внутри социал-демократических партий, факторы. Христиан Раковский, изгнанный из Румынии после крестьянского восстания 1907 г., обосновался в Софии. Увлекаемый своими центристскими концепциями, он с помощью Троцкого, тоже оказавшегося в Болгарии, вздумал «помирить» болгарских революционеров-«тесняков» с открыто оппортунистической партией «широких». Его «миротворческие» усилия заслужили самую нелестную оценку со стороны руководителей «тесных» социалистов. «Ультраанархообщедельческое сумасбродство», «интриги и фальсификации», «злополучная миссия»,— так О. Благоев и Г. Кирков характеризовали эту деятельность, которая, как и следовало ожидать, закончилась провалом [4]. Но, поскольку «объединительные усилия» Раковского распространялись и на международ-

---

[1] Цит. по: *Е. И. Спиваковский.* В. И. Ленин и борьба за единство рабочего движения на Балканах. Воронеж, 1971, стр. 6.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 155.

[3] Там же, стр. 151—152.

[4] *Е. И. Спиваковский.* Указ. соч., стр. 18, 21.

ные дела, поскольку он требовал пригласить «всех и вся» на следующую Балканскую конференцию, а исполком СДП Румынии какое-то время шел за ним, вопрос о ее созыве оказался «замороженным», и притом надолго [5].

Балканские войны способствовали размежеванию сил в румынской социал-демократии. Руководство партии, осуждая агрессивную политику, проявило полную беспомощность в определении путей борьбы с ней, стараясь удержать антивоенное движение на уровне «легального» протеста.

Революционное крыло не собиралось ограничиться этими скромными рамками. Его позиция полнее и ярче всего отразилась в манифесте, выпущенном группой «Синдикалистское действие» из Плоешти во главе со Штефаном Георгиу. Манифест требовал провозгласить войну войне и объявить бойкот мобилизации. В нем говорилось: «Родина — это мы, рабочие, производители всех общественных богатств, и мы знаем лучше кого-либо, что надо делать... Пока мы будем покорными, нас будут использовать как пушечное мясо, пушки будут греметь. Если мы откажемся, пушки замолкнут» [6].

Это был открытый вызов легальной тактике. Хотя авторы заявления, выступая за отказ от военной службы, игнорировали возможность использования оружия против классового врага, оно было проникнуто боевым духом. Штефан Георгиу и его товарищи поплатились за это штрафом и тюремным заключением; руководство партии поспешило отмежеваться от их смелой акции.

В пору июльского кризиса 1914 г., предшествовавшего мировой войне, для румынского пролетариата начались серьезные и тяжелые испытания. Провоцирование европейского конфликта вызвало в его среде взрыв негодования.

Чрезвычайный съезд партии и профсоюзов (август 1914 г.) указал в своей резолюции: «Вместе с социалистическими партиями всех стран мы провозглашаем, что лишь с уничтожением капитализма и заменой его социалистическим обществом человечество избавится от катастрофы, которая покроет его позором, разорит и по-

[5] Вторая Балканская социал-демократическая конференция состоялась лишь в 1915 г.

[6] DMM, 1872—1916, p. 576.

грузит в печаль»[7]. Съезд выразил солидарность «с социалистами всех стран, которые выполнили и выполняют свой долг до конца»[8].

Этот документ отразил как горячую преданность делегатов делу социализма, так и царившую среди них неясность и прямое непонимание смысла происходивших в европейском социалистическом движении событий, о чем красноречиво свидетельствовало полное умолчание о расколе II Интернационала и о предательстве руководства германских, французских, бельгийских социалистов.

* * *

Борьба против войны стягивала в один узел все классовые противоречия, ставила в повестку дня вопрос о подготовке революции, ибо без низвержения власти капиталистов и помещиков были немыслимы ни справедливый мир, ни демократическое разрешение национального вопроса. «...Мы должны разъяснять массам обманчивость всяких надежд на демократический (без аннексий, насилий, грабежа) мир, *без* развития революционной классовой борьбы»[9],— писал В. И. Ленин.

После краха неоправданных надежд на II Интернационал в среде румынских социалистов наступила пора отрезвления. Пришло время конкретного анализа и определения позиций.

Одним из первых это сделал К. Доброджану-Геря. Он выступил с серией статей, впоследствии изданных отдельной книгой, в которой изложил свою точку зрения. Возможность революции в обозримом будущем, в полном соответствии со своими взглядами, он отвергал: «К несчастью, время социальной революции еще не пришло, история не подготовила для этого ни необходимых объективных, ни субъективных условий»[10]. Европейские социалисты оказались слишком слабыми для того, чтобы предотвратить катастрофу, писал Геря. И, возложив ответственность за войну на ее провокаторов, «они отправились туда, куда их призывал гражданский долг,

[7] DMM, 1912—1916, p. 611.
[8] Ibid., p. 612.
[9] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 33.
[10] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Război sau neutralitate. Buc., 1914, p. 28.

отправились защищать независимость, целостность, само существование своих стран» [11].

Это было оправданием социал-шовинизма.

Ослепленный ненавистью к царизму, Геря не увидел революционной России. Он утверждал, что «русская угроза» опаснее для Румынии, чем Габсбурги, и договорился до поразительного в устах социалиста утверждения, будто внешняя политика престарелого румынского монарха, отъявленного реакционера Кароля I соответствует «интересам страны» [12].

Переходя к конкретным задачам, стоявшим перед румынскими социал-демократами, Геря полагал нужным бороться за нейтралитет (не указывая конкретных путей) до дня мобилизации. «Но если война все же станет действительностью, если нам придется испить эту горькую чашу? В этом случае румынские социалисты, как и их братья на Западе, исполнят свой долг» [13] (т. е. отправятся на фронт). Румынская олигархия могла быть довольна Герей, заявившим, что он стоит за «защиту отечества».

Во всей своей неприглядности оппортунизм проявился в деятельности постепенно оформившейся немногочисленной группировки в Яссах во главе с доктором Гелертером. Она разделяла общее для оппортунистов неверие в революционные силы пролетариата. Она начетнически, в отрыве от обстановки, толковала некоторые высказывания Фридриха Энгельса, который в начале 90-х годов прошлого столетия, когда германская социал-демократия выступала во главе мирового революционного движения, писал, что, в случае нападения царской России и Франции на Германию, социал-демократы выступят против них [14].

С тех пор положение в корне изменилось. Центр мирового революционного движения переместился в Россию. В полной мере выявилось оппортунистическое перерождение немецких социал-демократических лидеров. Разразилась война, грабительская и хищническая с обеих сторон. «Вожди» II Интернационала не только не воспротивились ее развязыванию, но даже в меру сил

[11] «Lupta», 12.IX 1914.
[12] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Op. cit., p. 68.
[13] «Lupta», 12.IX 1914.
[14] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 258—259.

и способностей старались облегчить задачу «своих» правительств.

Ясские оппортунисты с усердием пытались обелить предательство: «Ни французский пролетариат, ни германский,— уверяли они,— не были в состоянии вызвать революцию в те несколько дней, что прошли от мобилизации до отправки на фронт» [15].

Над полями Европы, изуродованными окопами и траншеями, проволочными заграждениями и блиндажами, прозвучал ленинский призыв о превращении войны империалистической в гражданскую. Но ясские «теоретики» не желали даже замечать, как быстро накапливается в воюющих государствах революционный горючий материал. В качестве непреложной истины выходивший в Яссах журнал «Конворбирь сочиале» преподносил набившие оскомину заявления о «русской угрозе» [16]; вместо пролетарского, классово-революционного анализа обстановки, его страницы заполнялись рассуждениями о необходимости следовать теории «наименьшего зла» [17]. В качестве вывода следовала рекомендация «решительно присоединиться к державам центра» [18], если не удастся удержаться от вовлечения Румынии в войну.

С открытым оппортунизмом соседствовал центризм. Раковский рекомендовал социалистам «ограничиться пропагандой и просвещением», иными словами, стоял за пассивную тактику, отказ от революционной борьбы. «Если бы наша страна подверглась нападению, разве мы все не встали бы на ее защиту?» [19],— вопрошал он, давая тем самым понять, что так превосходно удавшийся в Германии и Франции маневр с «обороной отечества» имеет шансы на успех и в Румынии. Его позиция на съезде заслужила похвалу с совершенно неожиданной стороны: либеральный официоз — рупор правительства газета «Виторул» заявила, что выступление Раковского «делает честь оратору» [20].

Та же схема была развита Раковским в серии статей «Социал-демократическая тактика и война». Он

---

[15] «Convorbiri sociale», an. 1, N 3, p. 80.
[16] «Convorbiri sociale», an. 1, N 1, p. 6.
[17] «Convorbiri sociale», an. 1, N 7, p. 188.
[18] «Convorbiri sociale», an. 1, N 1, p. 7.
[19] «România muncitoare», 12.VIII 1914.
[20] «România muncitoare», 21.VIII 1914.

подробнейшим образом разбирал возможное поведение социалистов в различных обстоятельствах, нигде, однако, не предусматривая революционной борьбы против собственного правительства. Понятие справедливой и несправедливой войны у него подменялось искусственной и неверной схемой разделения войн на оборонительные и наступательные, исходя из которой он призывал социалистов сражаться против «агрессоров» [21].

Ленин предупреждал об опасности «допущения мысли о том, что, при отсутствии революционного движения, возможен мир без аннексий, без угнетения наций, без грабежа, без зародыша новых войн между теперешними правительствами и господствующими классами. Такой обман народа был бы лишь на руку тайной дипломатии воюющих правительств и их контрреволюционным планам. Кто хочет прочного и демократического мира,— указывал он,— тот должен быть за гражданскую войну против правительств и буржуазии» [22]. Раковский предлагал идти совсем в ином направлении и объявлял, что лишь после войны «придет час расплаты с господствующими классами» [23].

Дальнейшее развитие событий заставило Раковского задуматься. Шовинисты, чью тактику он пытался оправдать, покорно впряглись в идеологическую колесницу «собственной» буржуазии. В Румынию повадились социалистические комивояжеры, старавшиеся втянуть страну в военные действия.

Среди передовых румынских пролетариев зрело убеждение, что не пресмыкавшиеся перед империалистами «вожди» откроют дверь в светлое будущее. Крепла вера, что заря освобождения займется в России. В январе 1915 г. на митинге в Брэиле люди плакали, слушая рассказ о героической борьбе русских рабочих [24]. Выражая настроения масс, социалистическая газета «Луптэ зилнике» («Ежедневная борьба») писала, что за военным крахом царизма последует политический. Благоприятное влияние русской революции распространится в Европе и, разумеется, не минует Румынию. Газета выражала уверенность, что правителям на сей раз не

[21] «România mincitoare», 14.VIII 1914.
[22] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 327—328.
[23] România muncitoare», 14.VIII 1914.
[24] «Lupta zilnică», 30.I 1915.

удастся сманеврировать, как это случалось прежде, ибо влияние идет не от «просвещенного Запада», а от революционной России [25].

Настроения масс оказывали известное влияние на партийное руководство, в том числе на Раковского. Сам он говорил: «Признаюсь, в начале войны я не видел в вотировании военных кредитов в Германии и Франции полного разрыва с социалистической тактикой». Он полагал, что допущена ошибка, но не отступничество. Узнав, что лидеры немецких социал-демократов не протестовали против вторжения в Бельгию (дабы не нарушать «национального единства»), читая их шовинистические статьи, он убедился, что «4 августа — не инцидент, а триумф новой тактики» [26]. В полемике с французским шовинистом Шарлем Дюма Раковский пошел дальше и писал уже, что социалисты разбились на два лагеря — революционный и оппортунистический [27].

Но все это не значит, что сам Раковский примкнул к революционному лагерю. Осудив открытых оппортунистов, он остановился на полпути. Не веря в возможность революции в ближайшее время, он занялся построением беспомощных, нежизненных, а потому способствовавших оппортунизму центристских схем. «В нашей пропаганде,— писал он,— мы подготовили пролетариат к следующей тактике: выступать как против войны, так и против саботажа национальной обороны» [28]. Выходило, что Раковский, отвергая открытое ренегатство, с заднего хода принимал сослуживший неоценимую службу империализму «оборонительный вариант». В. И. Ленин, ознакомившись с этими взглядами, дал им заслуженно резкую оценку: «Раковский (см. его брошюру) *за* защиту отечества. По-моему, с такими людьми нам не по дороге» [29].

---

[25] «Lupta zilnică», 25.VIII 1915.
[26] «Lupta zilnică», 23.IX 1915. 4 августа 1914 г. социал-демократы — депутаты рейхстага проголосовали за военные кредиты.
[27] *Ch. Dhumas, C. Racovski.* Les socialistes et la guerre. Buc., 1915, p. 48.
[28] Ibid., p. 29.
[29] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 49, стр. 117.

* * *

В годы войны не закалившемуся еще в классовых битвах румынскому пролетариату пришлось действовать в тяжелейших условиях обострения нужды и лишений, имея против себя весь аппарат подавления, наталкиваясь на каждом шагу на репрессии, нередко выливавшиеся в кровавую расправу. Сама жизнь породила лозунг, под которым развертывалось движение в 1914—1916 гг.: «Долой войну! Долой бедность!». Протест охватил широкие массы, и социал-демократическая партия, объединив антивоенную кампанию с борьбой против лишений, нашла звено, соединившее политические и экономические действия пролетариата. К IV съезду (октябрь 1915 г.) в стране состоялось 47 больших антивоенных митингов и сотни собраний; было распространено 600 тыс. экземпляров листовок и брошюр [30]. За этими цифрами скрывалась большая организационная работа, неиссякаемый запас мужества и энергии. Чуть ли не каждое собрание выливалось в стычку с властями, полицией, войсками, нанятыми реакцией хулиганами. Ораторы занимались не разоблачениями «вообще», не ограничивались глобальным осуждением империализма, а изобличали агрессивные замыслы «своей» буржуазии [31]. Социалисты показывали империалистическую сущность планов реакции, которая под благовидным предлогом объединения румын собиралась прихватить при этом ряд нерумынских земель [32]. По меткости изобличений, по беспощадной разоблачительности критики эта кампания может служить примером конкретной пропаганды.

Как патриоты своей страны, указывали социалисты, они горячо стремятся к объединению всего румынского народа в демократическом государстве. Однако пла-

---

[30] «Lupta zilnică», 16.X 1915.

[31] «România muncitoare», 29.VII 1914.

[32] Подробнее см. *В. Н. Виноградов.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969. Кампанию социалистов осложняло то обстоятельство, что Румыния до августа 1916 г. в войну не вступала и подготовка к ней велась под флагом объединения с Трансильванией. При этом, разумеется, буржуазно-помещичьи правители умалчивали, что претендуют на украинские, венгерские, сербские земли.

ны олигархии не имеют с этим ничего общего. Они порождены стремлением к захвату новых земель. «Самые темные политиканы мечтают стать по крайней мере министрами великой Румынии; продажные журналисты — превратиться в директоров крупных европейских газет с миллионами читателей, навербованных за счет аннексии; полицейские агенты метят в руководители генеральной сигуранцы, а стражники мечтают стать по крайней мере префектами полиции. Все они живут в ожидании воплощения национального идеала, все грезят о наживе...» [33].

Особая роль в антивоенной пропаганде принадлежала левому крылу социал-демократии. Оно предупреждало, что при существовавших условиях объединение с Румынией не принесет трансильванцам ни облегчения гнета, ни прекращения беззаконий [34].

Подлинное объединение народам, в том числе румынскому, писала газета «Ромыниа мунчитоаре», принесет социализм: «Лишь встав под красное знамя... угнетенные национальности смогут завоевать себе автономию и подготовить объединение с матерью-родиной, когда пробьет последний час хищной империалистической буржуазии» [35].

Война не оборвала связей румынских социал-демократов с сербскими и греческими товарищами и болгарскими «тесняками» [36]. Не раз представители братских партий (в том числе и Георгий Димитров) выступали в Румынии, а румынские социалисты за пределами своей страны обращались к рабочим с призывом бороться с войной [37]. Вторая межбалканская конференция, состоявшаяся в июле 1915 г. в Софии, ознаменовалась крупным успехом революционного крыла.

Болгарские «тесняки» были представлены на ней такими известными деятелями, как Д. Благоев и Г. Димитров, которые быстро нашли общий язык с представителями левых в румынской социал-демократии — Е. Арборе-Ралли и Д. Маринеску. По их настоянию конференция

---

[33] «Lupta zilnică», 5.X 1915.
[34] «Lupta zilnică», 2.XII 1914; 23.X 1915.
[35] «România muncitoare», 15.VII 1914.
[36] DMM, 1872—1916, p. 606, 612.
[37] «România muncitoare», 20.VII, 31.VIII 1914; «Lupta zilnică», 23.XI 1914; 1.III, 23, 27.VI, 13, 21.VIII, 29.XII 1915.

осудила социал-шовинизм и классовый мир и, вопреки возражениям К. Доброджану-Гери и некоторых других участников, заявила, что «восстановление Интернационала возможно только на основе революционного социализма и пролетарского интернационализма» [38].

В принципиальной декларации она объявила, что «отвергает любой вид классового сотрудничества, осуждает социал-патриотизм и социал-империализм, как и другие проявления социалистического оппортунизма, и заверяет, что остается верной несгибаемой классовой борьбе». Она поклялась бороться «без устали и пощады против националистических, шовинистических и воинственных течений, порожденных господствующими классами балканских государств, и против империалистической политики великих держав» [39].

В тяжелую пору войны левое течение в партии окрепло и закалилось. Наряду с ветеранами А. Константинеску, И. К. Фриму, в нем активно деиствовали Е. Арборе-Ралли, Д. Маринеску, А. Доброджану-Геря, А. Николау, Г. Василеску-Вася и многие другие.

Однако в ходе мужественной, зачастую героической борьбы представители революционного крыла партии не сумели еще подняться до понимания ленинского лозунга о превращении войны империалистической в гражданскую и не научились соединять борьбу против войны с борьбой за низвержение капиталистического строя. «Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии...» [40],— указывал В. И. Ленин.

Теоретическая неопытность революционеров затрудняла движение. Беспощадная критика империализма не дополнялась и не сочеталась у них с конкретной программой действий. На первых порах они ограничивались выражением уверенности, что война будет способствовать нарастанию революционного кризиса. М. Г. Бужор говорил на одном из июльских (1914 г.) антивоенных

---

[38] *М. А. Бирман.* Борьба левых социал-демократов балканских стран против империалистической войны и образование Балканской рабочей социал-демократической федерации. М., 1966, стр. 17—18.

[39] DMM, 1872—1916, p. 637.

[40] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 166.

митингов в столице: война «приблизит час, когда народы не будут убивать друг друга, а объединятся во имя счастья человечества» [41]. Решительнее высказывался Алеку Константинеску. Под аплодисменты тысяч людей, собравшихся в бухарестском зале Дачия, он заявил: «Когда рассеется безумие, народ сохранит оружие, чтобы с его помощью обеспечить свое господство» [42]. Дальнейший шаг вперед сделал Бужор в своем выступлении в Плоешти 2 августа 1914 г.: если правительству удастся втянуть Румынию в европейский конфликт, долг социалистов — превратить «войну ради завоеваний и угнетения в средство уничтожения олигархии, господствующей над нами» [43].

Эти высказывания резко контрастировали с проповедью «гражданского мира», которую вели оппортунисты, выдававшие тезис: империализм может быть сокрушен лишь под знаменем мирной борьбы — за «элементарную истину» [44] социализма.

Однако пережитки пассивности, ожидание прихода революции извне, эти порождения геристской теории «социализма в отсталых странах», давали себя знать. Отсутствовало сознание того, что революцию нужно ковать в ходе самой войны, и это наложило отпечаток на антивоенную кампанию социалистов. Она была лишена той оси, которая должна была соединить воедино все действия социалистов. «*Всесторонней* и *немедленной революционной* работы *за* социалистическую революцию» [45], к которой призывал В. И. Ленин, румынская социал-демократия не вела.

Революционеры в этой стране остро ощущали недостаточную эффективность своей деятельности. «Нынешней горячей манифестации,— говорил Ион Фриму после бурного собрания 11 января 1915 г. в бухарестском зале Дачия,— одних аплодисментов, одного появления здесь мало. Этим вы не исполните своего долга и не

---

[41] «România muncitoare», 20.VII 1914.
[42] «România muncitoare», 22.VII 1914.
[43] *M. Gh. Bujor.* Războiul european şi social-democraţia. Buc., 1914, p. 12. Надо сказать, что позиция Бужора не всегда была последовательной. В 1917—1918 гг. он являлся одним из видных руководителей революционных социалистов.
[44] Из выступления Г. Алексе («Lupta zilnică», 23.XII 1914).
[45] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 49, стр. 381.

добьетесь ничего. Нужны решительные практические действия» [46]. В сентябре того же года группа социалистов обратилась к исполкому с письмом. Они указывали, что ошибаются те его члены, которые воображают, что достаточно словесной борьбы с войной. «Так действовала социал-демократия. Завтра или послезавтра она должна стать иной...» [47]

Пользуясь тем, что Румыния до августа 1916 г. не участвовала в войне, правое крыло социал-демократической партии (за исключением прогерманской ясской группировки) не выступало с поднятым забралом и предпочитало скрывать оппортунистическую сущность своих взглядов за декларациями о преданности социализму и даже критикой западноевропейских ренегатов. Левые же не сумели разобраться во всей сложности обстановки и вели себя примиренчески. Это сказалось и на IV съезде партии (октябрь 1915 г.). С докладом «Социал-демократия и война» выступил член исполкома партии Оттой Калин. Он не поскупился на критические замечания по адресу западноевропейских ренегатов [48], но тут же попытался если не оправдать их действия, то во всяком случае смягчить вину. Он отверг как «наивные и фальшивые» обвинения в том, что лидеры II Интернационала «попрали принципы». Пока пролетариат не в силах предотвратить войны, утверждал Калин, он находится в чудовищно трагическом положении [49]. Ни немцы, ни французы не сумели удержаться на правильной «средней» линии — сотрудничать со своей буржуазией в борьбе с внешним врагом, но не разоружаться перед врагом внутренним. Насколько видно из дальнейших объяснений Калина, последняя туманная формулировка означала критику буржуазии и отказ голосовать за военные кредиты,— но не больше!

Калин высоко отозвался о позиции русских социал-демократов. Но он не отделил меньшевиков от большевиков, и пустые декларации Чхеидзе о прекращении войны приравнял к мужественному поведению сосланных на каторгу за смелый вызов царизму большевистских депутатов Государственной думы. Подобным же об-

[46] «Lupta zilnică», 13.I.1915.
[47] «Lupta zilnică», 4.XI 1915.
[48] «Lupta zilnică», 30.X 1915.
[49] «Lupta zilnică», 31.X 1915.

разом оценивал Калин различные тенденции в западноевропейских социал-демократических партиях. Всё, кто на словах выступал против войны, включая Каутского, Бернштейна, Гаазе, Ледебура,— были отнесены им к хранителям подлинно социалистической тактики [50].

В заключение доклада Калин провозгласил: «Когда война станет реальностью, мы будем оборонять родину, чтобы не потерять наши свободы» [51]. Так, под прикрытием революционных фраз делегатам преподнесли старый тезис «защиты отечества».

Недооценив всей опасности оппортунизма и примиренчества с ним, левые, занимавшие довольно сильные позиции в исполкоме, одобрили доклад, а делегаты, по рекомендации этого органа, приняли его к сведению без обсуждения [52].

Вскоре исполкому все же пришлось давать объяснения. Один старый член партии, Клейн, направил в редакцию «Лупты» письмо, требуя четкого ответа, одобряет ли руководство взгляды Калина: «Время двусмысленных деклараций прошло, пролетариат настаивает на точных заявлениях». ЦК отделался невразумительной отпиской: он «не разделяет некоторых аргументов» доклада Калина, но одобряет его «общий дух» [53].

Хотя съезд решительно осудил попытки во имя «гражданского мира» и «священного единства» навязать рабочим сотрудничество с буржуазией и призвал использовать все средства для борьбы с войной, в резолюции об отношении к войне ни словом не упоминалось о единственно правильной и эффективной тактике — соединении антивоенной кампании с борьбой за революционное низвержение существующего строя. Вместо этого в ней говорилось о развертывании движения за реформы.

Посланный на конференцию в Циммервальде (1915 г.) Христиан Раковский остался верен себе. Он призывал возродить II Интернационал, и вместе с большинством конференции отверг выдвинутый Лениным от имени левых проект манифеста, содержавший конкретную программу действий для свержения капиталистических пра-

[50] «Lupta zilnică», 4, 5.XI 1915.
[51] «Lupta zilnică», 8.XI 1915.
[52] «Lupta zilnică», 28.X 1915.
[53] «Lupta zilnică», 6, 20.I 1916

вительств [54]. В принятом в Циммервальде документе была, по словам Ленина, «обидная недоговоренность, какая-то робость, боязнь сказать всю правду» [55]. Вопрос об отпоре оппортунизму в нем даже не ставился. Но сам факт совместного выступления социалистов разных стран против войны, разоблачение ее империалистического характера, признание несостоятельности руководства II Интернационала, подчеркивание связи между борьбой за мир и социализм означали многое.

Публикация материалов Циммервальда, а затем и Кинтальской (1916 г.) конференции, некоторых выступлений В. И. Ленина [56] способствовали идеологическому размежеванию в СДПР и упрочению ее левого крыла.

Медленно, но неуклонно изживалась вредная идея о подготовке революции после войны. Передовые рабочие приближались к ленинской идее: «Социалисты должны воспользоваться борьбой между разбойниками, чтобы свергнуть всех их» [57].

6 декабря 1915 г. на собрании в бухарестском цирке Сидоли посланец рабочих Турну-Северина Г. Лукрециу заявил: «Сегодня мы должны выступить за войну, но не войну с венгерским, болгарским или русским народом, а, напротив, побратавшись с ними, мы должны объявить священную войну международного пролетариата классу капиталистов всюду и везде» [58]. Еще более решительные высказывания раздавались на митинге в Турну-Северине в начале июня 1916 г. Один из ораторов сказал: «Змее надо отрубить голову, а голова — в Бухаресте», и призвал начать «настоящую гражданскую войну» [59].

В местных организациях социал-демократической партии прошли дискуссии, показавшие, насколько в них окрепло и закалилось левое, революционное крыло. Алеку Константинеску подверг критике резолюции Циммервальдской конференции за то, что они не указывали

---

[54] *Я. Г. Темкин.* Ленин и международная социал-демократия. 1914—1917. М., 1968, стр. 222, 223, 235, 240.

[55] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 39.

[56] В «Лупта зилникэ» (13.II 1916) была помещена речь В. И. Ленина на интернациональном митинге в Берне 8 февраля 1916 г.

[57] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 315.

[58] «Lupta zilnică», 8.XII 1915.

[59] «Lupta zilnică», 10.VI 1916.

«практических средств» борьбы против войны, правильно нащупав слабое место принятых в Циммервальде решений [60], и призывал к неподчинению законам и вооруженному восстанию. Выступая перед столичными социалистами, он зачитал написанное Лениным и Розой Люксембург дополнение к резолюции Штутгартского конгресса (1907 г.) II Интернационала о войне, в которой говорилось об использовании порожденного войной кризиса для того, чтобы низвергнуть капитализм. Обращаясь к своим оппонентам, Константинеску спрашивал: «Чем иным, как не восстанием, можно сокрушить капитализм?» [61]. Революционный пафос призывов Константинеску находил путь к сердцам социалистов. Его поддержала почти половина крупнейшей в стране бухарестской организации.

Но нельзя пройти мимо слабых мест в позиции левого крыла. Константинеску и его товарищи не видели еще ясно средств осуществления революции, путались и совершали ошибки анархо-синдикалистского толка. Константинеску поддерживал глубоко ошибочный и вредный тезис об отказе от военной службы, не замечая, что совершить революцию без оружия в создавшихся условиях было невозможно. Получался заколдованный круг, из которого левые не сумели выбраться. «В числе революционных действий,— указывал В. И. Ленин,— должны быть демонстрации и массовые стачки, но никоим образом не отказ от военной службы. Напротив, не отказ брать оружие, а только обращение оружия против *своей* буржуазии может отвечать задачам пролетариата...» [62]

С возросшей решимостью рабочих, с усилением в СДП позиций левых должны были считаться центристы. В речах и статьях Раковского зазвучали призывы свернуть голову «военной гидре» [63] и объявить «войну войне» [64]. Но, не подкрепленные верой в рево-

[60] См. статью В. И. Ленина «Первый шаг».— Полн. собр. соч., т. 27, стр. 37—42.

[61] *T. Georgescu, V. Liveanu.* Ideile Leninismului-făr călauzitor în lupta pentru crearea Partidului comunist din România.— «Studii şi articole de istorie», IV. Buc., 1962, p. 291.

[62] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 198.

[63] «Viitorul social», 1916, N 1, p. 18; N 2, p. 78; N 3, p. 128; «Lupta», 22.VII 1916.

[64] «Lupta», 22.VII 1916.

люционную зрелость пролетариата, они превращались в декларации, а признание законности идеи «защиты отечества» явилось, по словам В. И. Ленина, проявлением того зла, которое сводилось «к замене революционного марксизма эклектизмом в теории и к раболепству или бессилию перед оппортунизмом на практике» [65].

В одной из последних перед вступлением Румынии в войну речей, произнесенной в Турну-Северине 17 июля 1916 г., Раковский «с горечью» констатировал, что до революции еще далеко. Социалисты составляют «подлинно революционную партию»,— продолжал он. «Но мы — не партия восстаний, мятежей, несознательных движений, которые мгновенно приходят и исчезают, оставляя за собой разрушения. Мы не держим в своих руках молнии восстаний, не приносим бедствий и горя, не увеличиваем хаос».

Летом 1916 г. напряженность обстановки в стране достигла высшей точки. 13 июля войска расстреляли антивоенную демонстрацию в Галаце. 10 убитых и 50 раненых — таковы были итоги расправы властей. В ответ на это побоище поднялась вся трудовая Румыния. Движение охватило Бухарест, Плоешти, Турну-Северин, Бузэу, Роман, Фокшани, Ботошани и другие города [66] В одной лишь столице, несмотря на репрессивные меры властей, в стачке участвовало 20 тыс. пролетариев.

Газета бывшего социалиста Константина Милле «Адевэрул» поместила 17 июля статью под красноречивым заголовком «Или война, или революция!». Если мы не вступим в войну, писал ее автор, «наверняка произойдет революция, революция в селах и городах... Лучший подстрекатель — это голод, нехватки, недовольство... Единственная альтернатива, единственно возможный выход — война» [67].

14(27) августа 1916 г. румынское правительство вступило в войну на стороне Антанты. Социал-демократическая партия, не запрещенная официально, на деле была поставлена вне закона. Газета «Лупта» прекратила существование; архивы организаций были конфискованы; многие активисты получили призывные повестки;

---

[65] *В. И. Ленин.* Социализм и война.— Полн. собр. соч., т. 26, стр. 324.
[66] «Lupta», 16, 17.VI 1916.
[67] «Adevărul», 17.VII 1916.

за другими была установлена слежка; третьи без суда и следствия очутились в заключении.

Румынские социал-демократы оказались неподготовленными к новым условиям. Правда, часть революционеров во главе с Алеку Константинеску, считавшая «преступным и нелепым бездействовать», подняла вопрос о нелегальной деятельности. «Предложение об этом,— писала Е. Арборе,— было встречено в партии с негодованием. Социал-демократическая партия может действовать только открыто, упорно твердили товарищи...» [68]

Между тем на внешних фронтах румынских генералов преследовали неудачи. Не прошло и двух месяцев с 15(28) августа, когда прозвучал первый выстрел, а румынская армия, недостаточно вооруженная и обученная, очутилась в критическом положении. С севера ей угрожали немецко-австрийские войска под водительством Фалькенгайна. На юге, в Болгарии, готовились к удару смешанные германо-болгаро-турецкие силы под командованием фельдмаршала Макензена. Румынская главная квартира впала в растерянность, перебрасывая резервы с севера на юг и обратно и осаждая союзную русскую ставку просьбами о помощи [69].

Еще через месяц, в ноябре, кампания была проиграна, румынская армия, несмотря на стойкость, проявленную во многих случаях солдатами, разбита, Бухарест сдан неприятелю. Единый фронт перестал существовать, остатки румынских дивизий откатывались. С большим трудом пришедшим им на выручку русским войскам удалось в начале нового 1917 г. остановить натиск неприятеля. Три четверти территории Румынии были потеряны, румынских солдат в строю осталось всего 70 тыс., едва десятая часть мобилизованных за полгода до этого. Вся тяжесть боевых операций легла на русскую армию, численность которой к весне достигла миллиона. В тылу у нее спешно формировались новые румынские силы.

---

[68] *Е. Арбари-Ралли.* Социалистическое движение в Румынии.— «Коммунистический интернационал», № 7-8 (ноябрь — декабрь 1919), стр. 1027.

[69] См. подробнее *В. Н. Виноградов.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969.

Военное поражение еще в большей степени усугубило трудности, переживаемые румынскими социалистами. В занятых неприятелем областях захватчики жестоко карали за малейшее нарушение приказов оккупационных властей. А в «свободной» зоне, в Запрутской Молдове, свирепствовала охранка. Все это объясняет, почему следов сколько-нибудь организованной деятельности вплоть до февральских событий в России не сохранилось. «Социалистическое движение в Румынии замерло совершенно в первые три месяца войны» [70],— свидетельствовала Е. Арборе, член исполкома партии, оставшаяся в занятом немцами Бухаресте. Немногим лучше обстояло дело в Яссах. Здесь, вспоминал позднее Александр Добруджану-Геря, «тогда работала группа товарищей, а не было организации» [71]. «Всякая активность в массах прекратилась»,— свидетельствовал позднее региональный комитет СДП в Молдове.— «Маленький кружок ясских товарищей, которые могли продолжить деятельность,... пытался укрепить, насколько позволяли обстоятельства, связи между товарищами изо всех концов страны», которых война привела на неоккупированную зону [72]. Сохранившееся письмо М. Г. Бужора от 11 июля 1917 г., в котором говорится о необходимости восстановить ясскую секцию партии [73], свидетельствует о сложности обстановки.

На румынской земле, оставшейся незанятой врагом, оказалось 3,5 млн. людей, из которых 2,5 млн. составляли горожане, беженцы, русские и румынские войска. Зима была страшной. При острой нехватке продовольствия и топлива, голод и эпидемии собрали обильную жатву. Людским страданиям той поры не было счета. Достаточно сказать, что в 1917—1918 гг. на неоккупированной территории Румынии умерло (войска не в счет) 240 тыс. человек [74]. Общие потери Румынии во время

---

[70] *Е. Арбари-Ралли.* Указ. соч., стр. 1027.

[71] Выступление А. Добруджану-Гери на вечере воспоминаний румынского землячества 17.VI 1931 г.— Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 28361, оп. 2, д. 130, л. 2.

[72] «Documente din istoria mişcării muncitoreşti din România. 1916—1921». Buc., 1966 (далее — DIMMR, 1916—1921), p. 184.

[73] Письмо имеется в экспозиции Музея истории коммунистической партии, революционного и демократического движения (Бухарест), четвертый зал.

[74] «Probleme economice», 1959, N 7, p. 137.

войны составили 840 тыс. при населении страны, не достигавшем и 8 млн.

Быстрое поражение армии, массовая гибель не только солдат, но и мирного населения, возросшая до невероятной степени нужда — все это привело к тому, что «низы не хотели», а «верхи не могли» жить по-старому. Положение, которое сложилось в других государствах Европы к лету 1915 г. и которое Ленин характеризовал как революционную ситуацию, наблюдалось в начале 1917 г. и в Румынии, а именно «правительство не уверено в завтрашнем дне», «не свободно от опасности финансового краха, отнятия территории, изгнания из своей страны». И, с другой стороны,— «глухое возмущение масс, смутное пожелание забитыми и темными слоями добренького («демократического») мира, начинающийся ропот в «низах»» [75].

В этих трудных условиях весть о Февральской революции набатом прогремела по измученной стране: «Я как сейчас помню светлое зимнее утро, первый луч солнца и неожиданное известие на первой странице немецкой газеты «Форвертс» о начале Российской революции,— вспоминала Е. Арбари.— С какой жадностью мы читали в последующие дни короткие, захватывающие интересные сообщения о событиях в Петрограде, сколько споров возникало между товарищами — рабочими о будущих судьбах революции! Наш маленький кружок... ожил духом» [76].

Совсем иначе реагировали на события в России румынские правители. Шесть дней задерживали они публикацию вестей из Петрограда [77]. Особую тревогу вызывало у них пребывание в Румынии иноземной миллионной армии, находившейся в состоянии революционного брожения. В злобном бессилии наблюдала румынская реакция как на той земле, где еще вчера сигуранца пресекала малейшее проявление протеста, шел процесс революционизации русской армии, и как он влиял на город, деревню, румынские войска. «Принять меры», обычные в иные времена, т. е. прибегнуть к репрессиям,

---

[75] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 219—220.

[76] *Е. Арбари-Ралли.* Указ. соч., стр. 1028.

[77] Рукопись: *A. Mossoloff.* Ma mission en Roumanie.— Bibl. Ac. R.S.R.; secţia de manuscrise, f. arhiva palatului, mapa XX, N 7, p. 121—124.

она остерегалась. Собственные вооруженные силы еще только оправлялись после страшных потерь, понесенных в кампании 1916 г. Поэтому олигархия вынуждена была выжидать и лавировать.

Политический климат резко изменился. Революционная пропаганда велась по всей неоккупированной территории. В феврале — марте в досье охранки появились сведения об усиленной деятельности социалистов среди рабочих Ясс и других городов. На митинги русских солдат приходили местные жители. Воззвание Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира» было переведено на румынский язык [78]. 3 апреля 1917 г. произошло первое со времени вступления Румынии в войну открытое собрание социалистов, приуроченное к похоронам Оттоя Калина, умершего от сыпного тифа.

Вскоре румынскому кабинету пришлось вступить в совершенно необычные и немыслимые до этого переговоры с петроградским Временным правительством об освобождении находившегося под стражей без суда и следствия Х. Г. Раковского. Возглавлявший в Петрограде министерство иностранных дел П. Н. Милюков советовал своим ясским коллегам не раздражать русскую армию, у которой произвол, чинимый над социалистами, вызывал негодование. В Яссах Милюкову дали отрицательный ответ [79].

В день Первомая [80] 1917 г. русские солдаты и румынские рабочие вышли на улицы Ясс, Галаца, Бырлада, Текучи, Бакэу, Романа. Центром празднества, естественно, стала временная румынская столица. После митинга 15-тысячная демонстрация двинулась из пригорода Сокола к Площади Объединения. Над колонной реяли красные знамена и лозунги с призывами к миру без аннексий и контрибуций и освобождению народов. По пути русские солдаты,— по заранее достигнутой с румынскими социалистами договоренности,— освободили Раковского [81]. На новом собрании, состоявшемся

[78] «Apel către popoarele din întreaga lume».— Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), Коллекция микрофильмов (КМФ), ЗА — 32, пленка 154, ч. 1.

[79] Переписка опубликована в «Правде», 31 (18).I 1918 г.

[80] 18 апреля 1917 г. по старому стилю.

[81] «Доклад-обращение румынских социалистов к русской революции» от 4.XII 1917.— «Marea Revoluție Socialistă din Octombrie

на Площади Объединения, раздавались недвусмысленные призывы к свержению румынской олигархии и неприкрытые угрозы по адресу «священной особы» короля. Листовка румынских социалистов, выпущенная в связи с первомайской демонстрацией, призвала: «Сметем подлых и праздных подонков, которые господствуют в стране и высасывают из нее соки, и дадим нашему закрепощенному народу полную свободу» [82].

Характерно, что румынские власти не дерзнули во время этих «беспорядков» пустить в ход силу. Показательно и другое,— не кто иной, как русский посланник, усиленно советовал министрам избегать «малейшего инцидента, могущего кончиться кровопролитием». Впрочем, его встревоженные собеседники не нуждались в уговорах [83].

Окрыленные событиями в России и той опорой, которую они обрели в лице русских солдат, румынские революционеры были настроены весьма оптимистично. Об этом свидетельствует документ, озаглавленный «Доклад-обращение», направленный из Ясс в адрес Петроградского совета в конце июня 1917 г.[84] В нем прямо говорится о том, что в «столкновении между румынским народом и его правящим классом революционная армия новой России должна сыграть важную и решающую роль».

В документе высказывалось мнение, что сил у румынской олигархии «нет совсем»: она держится у власти «благодаря своему внешнему великолепию, своей обычной наглости, благодаря почтению, которое всегда внушает власть... И не слишком трудным делом, не слишком тяжелой работой будет ее свержение». Некогда французские революционные войска «принесли народам Европы идеи свободы, равенства и братства... Теперь наступила очередь русских революционных войск принести народам, с которыми они приходят в соприкосновение, в частности, румынскому несчастному наро-

---

şi mişcarea revoluţionară şi democratică din România». Buc., 1967, p. 10.

[82] ЦГАОР, КМФ — 14, 3А — 32, пл. 154, ч. 1.

[83] «Правда», 18 (31).I 1918; ЦГАОР, ф. 1001, оп. 1, д. 227, л. 4.

[84] Подробнее см. *В. Н. Виноградов.* Два обращения румынских социал-демократов к революционной России.— «Вопросы истории», 1967, № 12.

ду, те великие идеи, которые связаны с красными знаменами... Они могут принести с собой революцию, освобождение угнетенных народов и социализм... Русская революция должна спасти румынский народ не только от его внешнего врага, но и от врага внутреннего» [85]. Далее следовал конкретный план переворота [86], осуществляемого при опоре «не только на крестьян и рабочих», но и при поддержке «большинства других слоев населения», в том числе «оставшейся здоровой части буржуазии». «Во всех этих общественных категориях мы найдем элементы, способные сделаться предводителями Румынии будущего на новых основах» [87].

Приведенный здесь «Доклад-обращение» — знаменательный документ, свидетельствовавший о больших сдвигах в партии. До войны румынская социал-демократия прочно стояла на программных установках II Интернационала. Ключом, открывавшим ворота в социализм, объявлялось всеобщее избирательное право. Февральская революция опрокинула веру во всемогущество избирательного бюллетеня. И вот впервые в обращении от имени партии содержался призыв к революции, к вооруженному восстанию.

Доклад был пронизан чувством пролетарского интернационализма и классовой ненависти. По одну сторону баррикады — «своя» олигархия; по другую — «чужая», русская армия и румынский народ. Наконец, в отличие от некоторых материалов, выпущенных позднее, где несколько недооценивался буржуазно-демократический этап революционного процесса, в «Обращении» говорится именно о нем.

Что же касается недооценки сил и возможностей олигархии, то события ближайших даже не месяцев, а недель опровергли преувеличенные надежды. Румынские правители сумели извлечь выгоды даже из того бедственного положения страны, прямыми виновниками которого они являлись. Оккупация большей части ее неприятелем, угроза захвата оставшейся незанятой территории вызвали подъем патриотических чувств и страст-

[85] Там же, стр. 76—77.

[86] «Будет достаточно овладеть Яссами и Галацем, чтобы считать законченной первую часть нашей задачи свержения олигархии» (там же, стр. 77).

[87] Там же.

ное стремление освободить родину. В тяжелых боях под Мэрэшти, Мэрэшешти, Ойтузом в июле — августе 1917 г. реорганизованная румынская армия с помощью русских войск выдержала натиск противника, нанесла ему серьезный урон, показала способность вести успешно не только оборонительные, но и наступательные бои. Несомненно, после этих побед румынские правители почувствовали себя увереннее. Обещаниями реформ, аграрной и избирательной, им удалось смягчить недовольство в стране.

Во второй половине июля 1917 г. в Одессе возник «Румынский социал-демократический комитет действия» [88], в состав которого вошел и руководитель местных большевиков П. С. Заславский.

Комитет, и в этом его историческая заслуга, порвал с господствующей ранее тактикой реформизма и легализма и перешел на революционные позиции. «Социал-демократическая партия,— говорилось уже в его первом воззвании,— вступает в борьбу за свержение румынского «царизма». «Пришло время для румынского народа свершить собственную революцию и освободиться от олигархии и монархии». Это — первый шаг «на пути преобразования Румынии, защиты ее территории, ее восстановления, ее демократического прогресса» [89].

Отпечатанные в Одессе листовки в тысячах экземпляров распространялись по Румынии и попадали на фронт, обычно с помощью солдат русских маршевых рот.

5 сентября в Одессе стала выходить газета, которая называлась, как и старый орган партии, «Лупта». Пропаганда социалистов стала более интенсивной и систематической.

Но в работе комитета имелись свои недостатки. Он не имел еще четкой программы действия. Его призывы носили общий характер и не шли дальше свержения олигархии. О сокрушении власти капитала в документах комитета летом — осенью 1917 г. еще не говорилось.

[88] На юге России скопились в то время десятки тысяч румын — рабочие эвакуированных сюда промышленных предприятий, в том числе таких крупных, как галацкая судоверфь «Ферник», солдаты некоторых воинских частей, многочисленные госпитали и, наконец, тысячи и тысячи беглецов румынской армии. Комитет опирался на актив примерно в 900 человек.

[89] «Documente din istoria Partidului comunist din România», v. I. 1917—1922. Buc., 1956, p. 13.

Его члены полагали, что время для этого не пришло не только в Румынии, но даже в России [90].

Великая Октябрьская социалистическая революция знаменовала коренной перелом в жизни и борьбе пролетариата Румынии и вывела революционеров этой страны на широкую дорогу ленинизма. Русский пример, опыт борьбы на родине, славные традиции пролетарского интернационализма помогли им встать на правильный путь. В середине ноября одесский комитет был уже твердым сторонником Советской власти и большевистской программы. Расценив провозглашенную Лениным политику мира как «исторический факт всемирного значения», комитет призьал румынский народ заставить «свое» правительство заключить перемирие и приступить к переговорам о мире. «В случае отказа у нас остается одно — прогнать мироедов и предателей от власти, чтобы сам народ, через своих представителей, взял в свои руки управление страной и принес долгожданный мир» [91]. В январе 1918 г. в обращениях комитета появились призывы к подготовке в Румынии социалистической революции: «Народная революция достигла порога нашей страны... Скоро власть будет принадлежать рабочим классам.. Румыния превратится в республику рабочих и крестьян» [92].

С призывом Одесского комитета солидаризировались румынские революционеры, оставшиеся в захваченном врагом Бухаресте. Октябрьскую революцию они приветствовали манифестом «Граждане и рабочие! Кричите и пойте от радости!»

«Мир, желание всех народов,— писали они,— принесен не римским папой, не императорами и королями, не боярами и фабрикантами; мир завоеван на баррикадах русских городов кровью революционеров, рабочих и крестьян, озаряемых светом социализма... Русская революция, сметя в титаническом порыве все, что стояло у нее на пути, сделала первый шаг. Отныне судьбы человечества связаны с победой пролетариата».

Осуждение реформизма, призыв взять на вооружение революционную тактику и горячее чувство братского

[90] «Lupta» (Одесса), 22.X 1917.
[91] «Documente din istoria Partidului Comunist din România», v. I, N 4, p. 21.
[92] Приведено по: *V. Liveanu.* 1918. Buc., 1960, p. 178.

пролетарского интернационализма составляют суть документа: «То, что мы требуем, осуществлено в России. Выше сердца! Капиталистическое общество должно исчезнуть! Долой экономическое и политическое рабство! Долой фальшивую и двуличную демократию! Долой войну между народами, да здравствует война между классами!» [93]

В этом манифесте можно обнаружить некоторые «издержки». В нем нет глубокого анализа социально-экономической обстановки в Румынии; его авторы склонны были перескочить через этап буржуазно-демократических преобразований; не вполне ясно представляли они себе программные и тактические установки большевиков. Но при всем том он со всей очевидностью показал, что Октябрь знаменовал громадный скачок не только в практике румынского революционного движения, но и в его теории, исторический сдвиг в идеологии пролетариата, в развитии его общественно-политической мысли.

Буржуазная идеология в обороне

В XX в. функции общественно-политической мысли находившихся у власти в Румынии классов претерпели очередную метаморфозу. В период прогрессивного движения румынского капитала эта мысль выполняла в целом авангардную роль, помогая утверждению капиталистических производственных отношений и становлению соответствующих государственных и правовых норм. Прорвавшись к власти, а затем и оттеснив своего партнера по правящей коалиции на второй план, буржуазия потеряла вкус к идеологическим поискам. Ее политическая мысль как-то сразу одрябла и вступила в полосу застоя. Померкли старые имена, не появлялось новых.

В новом столетии положение изменилось. Нарастание революционной волны переполошило мир собственников и толстосумов. Буржуазия счищала ржавчину со своего идеологического оружия. Румыния не представляла исключения из общего правила. На грани двух веков румынский капитал опасался не столько рабочего

[93] «Marea Revoluţie socialistă din Octobrie şi mişcarea revoluţionară şi democratică din România». Buc., 1967, p. 15—18.

движения в собственной стране, каким оно тогда было, а его великих возможностей. Фридрих Энгельс писал, что в 1848 г. немецкий бюргер испугался не столько отечественного, сколько французского пролетария. В 1905 г. румынский собственник испытывал те же чувства по отношению к пролетариату русскому. Великое крестьянское восстание 1907 г. породило столь же великий страх в румынской олигархии. Приходится констатировать, что в известном смысле ее идеологи оказались прозорливее теоретиков и практиков рабочего движения, которым догмы II Интернационала затрудняли поиски путей к союзу рабочего класса и крестьянства. Либералы проявили большую проницательность: в дыму пожарищ 1907 г. они разглядели контуры, пусть слабые, этого великого союза.

Показателем умонастроений румынской олигархии в годы, предшествовавшие мировой войне, служит книжка известного деятеля либеральной партии Винтилы Брэтиану «Государственные кризисы 1901—1907—1913».

В ней речь идет о финансовом спаде 1901 г., повлекшем за собой серьезные раздоры в олигархии, восстании 1907 г. и социальных последствиях нападения румынских правителей на Болгарию в 1913 г.— все это в преломлении румынской буржуазной политической мысли.

Почему же 1913 г. назван кризисным, хотя, с точки зрения олигархии, был достигнут успех и у соседа была отторгнута Южная Добруджа? Да потому, что румынский крестьянин-солдат обнаружил в Болгарии порядки, отличные от отечественных. Там, как ни трудна была доля крестьянина, помещичьего и арендаторского гнета не существовало. Ион Михалаке, будущий основатель царанистской [1] партии, писал: «Наши крестьяне увидели собственными глазами..., что за Дунаем, в Болгарии, живет крестьянство, крепкое физически, экономически обеспеченное, отважное...» [2] И мобилизованный румынский пехотинец принес домой такой груз социального недовольства, что в «верхах» серьезно встревожились, нахлынули «старые воспоминания»; эту тревогу и отразила книга В. Брэтиану. Вот его оценка 1907 г.: дви-

[1] Буквально — крестьянской.
[2] *I. Mihalache.* Ce politica să facem. Buc., 1914, p. 87.

жение «по своему размаху от одного края страны до другого, по своему неистовству, по единообразию своих проявлений явилось почти что революцией... Лишь отсутствие подготовки, организации, связи между теми, кто руководил повстанцами в отдельных селах, помешало тому, что это всеобщее движение не устремилось решительно против существующего государственного строя, а приняло характер восстания против помещиков» [3].

Подобной оценки восстания крестьян не встретишь на страницах тогдашней румынской социалистической печати.

В. Брэтиану обращается и к другому полюсу румынской жизни того времени, к пролетариату: «Забвение уроков, которые следовало извлечь из восстания сел в 1907 г.,— пишет он,— становится еще более серьезным в свете того, что в будущем нам надо считаться с рабочей массой в городах, которая легче возбуждается и восстает» [4]. Классовый враг представляется ему в двух лицах, и он предупреждает своих коллег: «Неорганизованное восстание 1907 г. может найти организацию в городах и, следовательно, превратиться в будущем из восстания в революцию. Экономический кризис, падение заработков, безработица могут послужить той искрой, которая в нагнетенной атмосфере произведет взрыв» [5]. То, что в Румынии существовали объективные предпосылки для образования союза рабочих и крестьян, для Винтилы Брэтиану ясно. В полной мере учитывает он и «внешний фактор», столь грозно проявившийся в 1905-м и последующие годы: «Нельзя ждать, пока опасность извне, объединившись с внутренними волнениями, поставит государство в еще более тяжелое положение, нежели в 1907 г.» [6]

Реформа против революции — так можно определить основной курс румынского капитала в те годы. Еще когда румынские села в 1907 г. были наводнены карателями, министр внутренних дел Ион Брэтиану писал в циркуляре префектам: «Правительство не хочет и не может считать осадное положение нормальным» [7]. «Госпо-

---

[3] *V. I. Brătianu.* Crize de stat 1901—1907—1913. Buc., 1913, p. 13—14.
[4] *V. I. Brătianu.* Op. cit., p. 21.
[5] Ibid., p. 26.
[6] Ibid., p. 19.
[7] «Răscoala ţăranilor din 1907», v. I. Buc., 1948, p. 833.

да,— вновь растолковывал И. Брэтиану на собрании либералов в Брэиле 6 мая 1907 г.,— жизненно необходимо воспрепятствовать перерастанию политической борьбы в государстве в гражданскую войну между классами» [8].

В свете сказанного важно отметить, что социальный фактор явился главной и основной причиной, пробудившей либеральных законодателей от спячки. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и материальные классовые интересы капитала, те препятствия, которые чинили ему многочисленные пережитки феодализма. Но ведь буржуа «в чистом виде» в Румынии, можно сказать, не существовал: он прочно сросся со своим партнером по коалиции. Сам Ион Брэтиану с праведным негодованием отвергал обвинение в том, что либералы-де не представляют крупного землевладения: «Мы также являемся помещиками и отрицаем за какой-либо партией право говорить исключительно от имени крупной земельной собственности» [9].

До того либералы в течение десятилетий топтались на месте. Их программа, принятая в декабре 1906 г., накануне восстания, предусматривала несколько малоэффективных мер: 1) претворение в жизнь существовавших законов; 2) повышение роли школы и церкви. При этом особые надежды возлагались на церковь, целью которой являлось «учить крестьянина любви к ближнему»; 3) создание сельскохозяйственной кассы, которая предоставляла бы крестьянским обществам кредиты для покупки участков помещичьей земли. Интерес в этой программе представляет только последний пункт. Но условия кредита предусматривались такие, что воспользоваться ими могла лишь кулацкая верхушка деревни.

Либералов сдвинул с места лишь грозный натиск народного восстания. Румынская крупная буржуазия как класс утратила историческую инициативу и действовала постольку, поскольку ее принуждали к этому обстоятельства.

1907 год вызвал целый поток книг, статей и брошюр самого разного достоинства, от легковесных полемиче-

---

[8] «Discursurile lui Ion I. C. Brătianu», v. II. Buc., 1933, p. 439.
[9] Ibid., p. 465.

ских статей до солидных работ, основанных на кропотливом изучении статистического, документального и архивного материала. При всем своем разнообразии они делятся на две вполне определенные категории. Исследования либерального оттенка, расходясь в деталях, как правило, предусматривали некоторое ограничение крупного землевладения, выкуп «излишков» — свыше 1000 или 500 га,— смотря по степени решительности автора. Таким путем предполагалось притупить земельный голод в румынской деревне и смягчить ее недовольство — недаром Ион Брэтиану подчеркивал: «Нет более солидной консервативной базы в государстве, чем собственническое крестьянство» [10]; предоставить в распоряжение помещиков значительные средства для перевода их хозяйств на рельсы капиталистического предпринимательства; снабдить их дешевой рабочей силой в виде привязанного к своему клочку земли крестьянина [11] и, наконец, вырастить в деревне социальную опору олигархического режима в виде крепкой кулацкой прослойки.

Рассмотрим основные положения самого значительного исследователя-аграрника той поры, Раду Росетти. Прежде всего он снимает с помещиков как класса ответственность за разорение деревни (хотя его книга, основанная на глубоком изучении обширного фактического материала, изобилует примерами отчаянного положения крестьян). По мнению Росетти, это положение явилось результатом лишь некоторых отрицательных сторон сложившейся системы землевладения (например, субаренды), которые можно уничтожить, не затрагивая системы в целом.

Чтобы устранить зло, латифундисты «должны смириться с уступкой крестьянству, понятно, за справедливое возмещение, более или менее значительной части своих обрабатываемых земель» [12]. В выигрыше от этого останутся сами помещики: «Когда крупное землевладение будет сведено к разумному пределу, в распоряжении собственника окажутся значительные средства в

---

[10] *I. I. C. Brătianu.* Discursurile, v. II. Buc., 1933, p. 246.
[11] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 91.
[12] *R. Rosetti.* Pentru ce s-au răsculat țăranii. Buc., 1907, p. 646.

виде вознаграждения за земли, проданные крестьянам и коммуне. Он перейдет к интенсивному земледелию и часто будет получать с оставшегося участка больше доходов, чем раньше со всего поместья» [13]. Предоставлять выкупленные у бояр земли следует, по мнению Росетти, не первому встречному, а лишь «крепкому» мужику, могущему по-хозяйски распорядиться ими. «Не каждый крестьянин достоин стать собственником» [14], а лишь зажиточный, способный оплатить предоставленный ему участок и обработать его.

Раду Росетти отражал настроения тех крупных землевладельцев, которые стремились насадить в Румынии как можно больше юнкерских хозяйств. Вся его работа написана в охранительном ключе: «Мы не можем допустить новый взрыв, подобный тому, что пережили весной» [15]. Надо, пока не поздно, провести реформы сверху: «От интеллигентного мира должна исходить инициатива в проведении мероприятий, которые положили бы конец состоянию вещей, чреватому... долгим периодом аграрных волнений, насилий, раздоров, роста и так существующей классовой ненависти» [16].

Либерального направления в аграрных исследованиях придерживался известный статистик Г. Д. Крянгэ [17]. Он, в числе очень немногих, осознал, что бедствия румынской деревни проистекают не из каких-то превходящих обстоятельств, не по причине злой воли нехороших администраторов или жадных помещиков, а из-за существовавшего распределения земли: «...осью, вокруг которой вертелся непрестанно с 1864 г. крестьянский вопрос, являлся раздел земельной собственности» [18]. Он пришел к выводу об анормальности положения, когда на одном полюсе сельскохозяйственного производства на-

---

[13] Ibid., p. 648.
[14] Ibidem.
[15] Ibid., p. 625.
[16] Ibid., p. 634.
[17] См. *G. D. Creanga.* Proprietatea rurală în România. Buc., 1907; *idem.* Proprietatea rurală şi chestia ţărănească. Buc., 1905; *idem.* Grundbesitzverteilung und Bauernfrage in Rumänien, Bd. I—III. Leipzig, 1907—1909.
[18] Цит. по: *D. Hurezeanu.* Studierea problemei agrare în România la începutul secolului XX.— «Studii privind istoria economică a României», v. I. Buc., 1961, p. 84.

ходится распыленная масса крестьянских парцелл, а на другом — латифундии, «то есть поместья очень большой площади, обычно свыше 5 тыс. гектаров». Занятия статистикой привели Крянгу к выводу, что последние являлись отстойником гнилья, рутины и отсталости, раем для арендаторов-посредников и адом для крестьян, бравших клочки земли из вторых рук. Но и Крянга, подобно Раду Росетти, высказывался лишь за очень скромное и на условиях выкупа ограничение помещичьей земельной собственности — скажем, до размеров существующих в Венгрии,— и воспевал преимущества крупного производства в агрикультуре.

К той же плеяде аграрных исследователей принадлежал и Константин Гарофлид [19]. Богатый помещик, «образцовый хозяин», он примыкал к консервативной партии. Но, как справедливо считает Д. Хурезяну, по своим взглядам Гарофлид принадлежал не к консервативно-помещичьему, а к либерально-буржуазному направлению экономической мысли. Сущность его выводов сводилась к необходимости перестройки как крупного, так и мелкого хозяйства в румынской деревне, к переводу его на капиталистические рельсы. «Полагаю,— писал он,— что аграрный вопрос у нас заключается не столько в распределении земли..., сколько в нехозяйственной организации производства. Все, происходившее доныне, показывает, что проблему производства можно решить, лишь изменив теперешнюю систему эксплуатации, уничтожив как парцеллу, так и латифундии» [20]. Гарофлид понимал тесную связь между этими двумя на первый взгляд противоположными явлениями, видел, что на латифундиях базируется двухступенчатая система аренды и рутинное крестьянское земледелие. Он хотел, чтобы крупная земельная собственность стала и очагом крупного производства; для этого необходимо было сократить ее до разумных размеров (как рачительный хозяин, Гарофлид считал таким пределом 500 га). Этот латифундист предлагал отрезать в пользу крестьян полмиллиона гектаров помещичьих земель и еще полмиллиона предоставить им (разумеется, за выкуп) от казны. Он предостерегал против дальнейшего отчуж-

[19] Основные труды: *C. Garoflid.* Păreri în chestia agrară. Buc., 1907; *idem.* Problema agrară şi deslegarea ei. Buc., 1908.
[20] *C. Garoflid.* Problema agrară şi deslegarea ei, p. 90.

дения: «Не трогайте имения до 500 гектаров». И тогда, очистившись от отработок, помещичье хозяйство превратится в фактор прогресса: «Оно необходимо для развития сельского хозяйства. Только ему мы обязаны достигнутым техническим прогрессом и в земледелии и в животноводстве...» [21]

Взгляды Р. Росетти, Г. Д. Крянги и К. Гарофлида легко приводятся к общему знаменателю. Для всех троих главное — упрочение и рационализация помещичьего хозяйства. Частичное наделение крестьян небольшими участками, насаждение кулачества — побочный продукт этого процесса, средство, необходимое для поддержания обновленного юнкерства. Являясь идеологами буржуазии, они примыкали к ее либерально-помещичьему крылу.

В начале XX в. проявляет себя и другое течение, в центре внимания которого сельская буржуазия. Оно представлено именами Спиру Харета, Василе Когэлничану и Константина Стере. И, хотя его колыбель — либеральная партия, трое упомянутых теоретиков явились провозвестниками царанизма [22].

Обратимся теперь к воззрениям консервативной части помещиков. В грозную весну 1907 г. правительство Г. Гр. Контакузино уступило министерские посты,— а вместе с ними и палаческие функции подавления восстания,— либералам. Но «единение» было сцементировано на крови и начало расползаться, как только кровь перестала литься. Архискромные проекты реформ были приняты консерваторами в штыки.

Поднимавшей голову помещичьей реакции нужен был на политической арене человек, который выражал бы ее взгляды. Ее выбор пал на Петре Карпа. Старый лидер жунимистов был едва ли не единственным из депутатов, не потерявшим голову в дни восстания, когда само существование олигархии висело на волоске. Он заявил тогда: «Пока что нужно одно: подавление. А потом решим» [23]. Престиж его в помещичьих кругах рос. Дискредитировавший себя в их глазах Г. Гр. Контакузино уступил лидерство в консервативной партии Карпу. Но-

---

[21] *C. Garoflid.* Păreri în chrestia agrară, p. 35.
[22] См. стр. 409 настоящей книги.
[23] «România. Desbaterile adunării deputaţilor, 1906—1907», p. 726.

вый шеф партии объявил войну социалистическим (!) тенденциям администрации [24].

Появившиеся в то время в печати выступления консерваторов отличаются разве что сословным эгоизмом их создателей [25]. Они не останавливались перед фальсификацией в поисках доказательств, будто не монополия на земельную собственность повинна в бедственном положении деревни. Бывший министр И. Лаховари заявлял «со всею решимостью, что происходящая ныне попытка аграрной революции не вызывается нищетой и угнетением, от которых будто бы страдает крестьянство» [26], и приписывал все беды «естественным склонностям румынского народа», каковыми он считал лень, инертность и страсть к вину. И. Лаховари оперировал не цифрами статистики, а ссылался на многосемейность крестьян: если бы сельское население было переобременено работой и налогами, глубокомысленно замечал бывший министр, оно бы не размножалось со столь исключительной быстротой. Самое большее, на что он шел,— это признание продажности администрации и дурных законов [27]. Значит, зло можно пресечь, не посягая на боярскую собственность.

Консерваторам принадлежала инициатива поисков всевозможных зарубежных подстрекателей, которые смутили-де покой румынского крестьянина. И. К. Грэдиштяну заявил в парламенте: у восстания «две основные причины... умонастроения крестьян и подстрекательства. С болью свидетельствую, что настроение крестьянства стало анархическим» [28]. Правда, все потуги обнаружить в Румынии таинственных злодеев успехом не увенчались, но это не охладило пыла добровольных детективов.

В таких нелегких условиях, оглядываясь на ретроградов-помещиков, либералы принялись латать ветхий кафтан аграрных отношений в Румынии. В 1908—1910 гг. они провели через парламент несколько законов, в определенной, хотя и очень незначительной степени спо-

---

[24] АВПР, ф. Канцелярия, 1907, д. 20, л. 36.
[25] Исключение составлял упоминавшийся выше К. Гарофлид.
[26] «Studii privind istoria economică a României», v. I, p. 56.
[27] *I. Labovary.* Chestia agrară în România. Buc., 1907.
[28] «Studii privind istoria economică a României», v. I, p. 59.

собствовавших созданию более благоприятных условий для развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Были запрещены некоторые особо тяжелые для крестьян виды отработок; установлены по уездам максимальные ставки арендной платы и минимальные расценки за проведение различных сельскохозяйственных работ, принят закон о коммунальных пастбищах [29]. Самый главный и волнующий для крестьян вопрос о земле не был даже поставлен.

Развернувшаяся вокруг законов полемика носила привычный для политического климата Бухареста тех времен демагогический характер. Либералы превозносили свою программу до небес. Консерваторы обвиняли их не только во вмешательстве в «свободные» отношения между помещиками и крестьянами, но даже в попытке воплотить в жизнь «социалистические идеи». И. Брэтиану резонно возражал, что если подходить к социализму с подобной меркой, то в «социалиста» превратился бы даже Бисмарк [30].

Обнаружив, что у буржуазии нет прочной опоры в деревне, либералы взяли курс на укрепление кулачества как оплота «порядка» и «спокойствия». С этой целью была создана так называемая сельская касса — учреждение, которое могло скупать землю целыми поместьями и перепродавать ее мелкими участками. Был принят закон о сельских обществах. Крестьяне одного села, образовавшие такое общество, могли арендовать поместье целиком. И эта мера принесла пользу прежде всего зажиточной деревенской верхушке. Именно она, как наиболее платежеспособная и внушавшая наибольшее доверие помещику, вела с ним переговоры и заключала контракт. Если бедняк оказывался не в силах выплатить свою долю аренды, ее вносил за него «справный» сосед, к которому переходила арендованная земля.

В Румынии происходил процесс, аналогичный тому, что отмечался в России после революции 1905—1907 гг., а проводимые здесь рефомы имели много общего с аграрной политикой Столыпина: «Правительство увидало, что *мира* у него *с массой* разоренного им и доведенного до полного обнищания, разорения и голодания мужиц-

---

[29] «Monitorul oficial», 1907—1908, N 213, p. 7905, 7907.
[30] *I. I. C. Brătianu.* Discursurile, v. II, p. 532.

кого населения *быть не может*»[31]. И тогда оно решило создать слой «зажиточных крестьян-собственников», которые бы «*не за страх, а за совесть*» защищали от массы неприкосновенность огромных помещичьих имений[32].

Эта ленинская характеристика полностью применима к Румынии. Здесь реформы проводились с такой оглядкой на боярских потомков, с таким тщательным обереганием их интересов, что поставленная цель была достигнута лишь частично. Число участков земли в 10—50 га, на которых можно было развернуть хозяйство капиталистического типа, увеличилось в 1902—1913 гг. очень незначительно (с 36,3 до 48,7 тыс.)[33].

И все же факт усиления кулачества был налицо. Что же касается основной крестьянской массы, то ее наделы продолжали дробиться. Резкое возрастание числа беднейших хозяйств (до 2 га) служит наглядной тому иллюстрацией[34]. Если прибавить к этому 370 тыс. семей[35], лишенных земли, то пауперизация деревни станет очевидной.

Либералы быстро убедились в малой эффективности проведенного ими опыта. «Победоносная» кампания 1913 г. против Болгарии обернулась для румынской олигархии тяжелым социальным поражением. Солдат-

---

[31] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 263.

[32] Там же.

[33] «Anuarul statistic al României, 1909», p. 215; «Agricultorii şi repartizarea pământului cultivat în 1913». Buc., 1915, p. 24—25.

[34]

Хозяйства	1902 г.	1913 г.
	тыс.	
до 2 га	291,8	476,6
2—5 га	452,9	441,3
5—10 га	176,4	161,6
10—50 га	36,3	48,7

«История Румынии 1848—1917», стр. 470.

[35] «Agricultorii şi repartizarea pământului cultivat în 1913», p. 10.

крестьянин обнаружил, что у соседей помещиков нет. И реформаторы поневоле вновь принялись за дело.

В 1914 г. либеральная партия пришла к власти под знаменем двух реформ — аграрной и избирательной. Первая предусматривала принудительный выкуп у латифундистов, владельцев поместий в 1000 га и выше, около четверти принадлежавших им земель. Это был смягченный вариант мероприятий, предлагавшихся Р. Росетти, Г. Д. Крянгой и К. Гарофлидом. В области избирательной И. И. К. Брэтиану и его коллеги выступили со звонким лозунгом «единой коллегии»: прежние перегородки между имущими и неимущими ломались, двухстепенные выборы для рабочих и крестьян отменялись, и вообще, по словам либеральных златоустов, наступала эра полного равенства и счастья.

На самом деле схема либералов страдала существенным изъяном — они недаром отказались от всеобщего избирательного права. В «единую коллегию» включались только грамотные граждане, а таковые составляли лишь пятую часть населения. Число избирателей возрастало, правда, втрое, со 100 до 300 тыс. Но ведь в Румынии проживало тогда около 8 млн. человек! Социалисты справедливо указывали, что либеральными законодателями двигало стремление укрепить свои позиции среди мелкой буржуазии города и деревни, которую они держали в руках с помощью разветвленной банковской системы [36].

Хоть правительство и обещало действовать в духе «социальной гармонии», твердолобые консерваторы туго поддавались на уговоры и пугали аграриев страшными последствиями посягательства на принцип частной собственности. «Собственность — самый святой фактор прогресса. Экспроприация... затронет священное чувство труда, заменив его жаждой чужого имущества»,— разглагольствовал бывший министр Мишу Константинеску. Ему вторил лидер партии Александр Маргиломан: «Мы безумцы, мы собственными руками роем себе могилу...» А писатель Барбу Делавранча добавлял: «Экспроприация — горящий факел в руках сумасшедших...» [37]

---

[36] DIMMR, 1910—1915, p. 366—367.
[37] «Universul», 29.IV 1914.

Трудно сказать, во что бы вылились эти разногласия. Скорее всего они завершились бы традиционным компромиссом. Разразившаяся мировая война на время прервала внутриполитические маневры румынской олигархии.

Не оставляли либералы в новом веке своими заботами и промышленность, их стараниями прочно утвердился протекционизм во внешней торговле. Формула «своими силами» приобрела новый оттенок, чуть резче стал вопрос о противоборстве с иноземным капитализмом. Накинутая на шею Румынии петля экономической зависимости от Германии и Австро-Венгрии причиняла окрепшему местному капиталу серьезное беспокойство. Бухарестские воротилы с досадой наблюдали, как сливки от ограбления «родного» народа снимают «чужаки». Стоило хоть немного проявить независимость, как из Берлина и Вены следовал нажим. В 1913 г., когда румынская олигархия вздумала напасть на Болгарию без санкции своих союзников, бухарестские банки с австро-немецким капиталом перестали давать ссуды правительству. Тогда же румынские правители почувствовали, какое неудобство представляет для аграрной страны флот, способный перевезти лишь 5% экспорта зерновых [38]. Но больше всего их озабочивала жалкая роль «отечественного» капитала в нефтяной промышленности (8% в 1914 г.). Упоминавшийся нами Винтила Брэтиану предлагал поэтому использовать находившиеся в ведении казны нефтеносные земли исключительно как сферу приложения местного капитала. У него было немало сторонников.

* * *

Анализ различных оттенков традиционной либеральной и консервативной общественно-политической мысли позволяет, по нашему мнению, говорить о том, что она в начале XX в. переживала кризис. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие концепционности и утрата исторической инициативы. И либералов, и консерваторов вполне удовлетворял старый концепционный багаж: конституционная монархия, урезанная парламентская система, прикрывавшая всевластие олигархии

[38] *N. Xenopol.* La richesse de la Roumanie. Buc., 1916, p. 58.

в экономической и политической жизни, «прусский путь» развития капитализма в сельском хозяйстве при полюбовном сотрудничестве крупных буржуа и помещиков и дальнейшем сращивании этих классов. На эти устои не могли повлиять происходившие внутри олигархии процессы. У либералов буржуазия окончательно оттеснила латифундистов на второй план. Внешне это выразилось в том, что Д. А. Стурдзу сменил на посту шефа партии Ионел Брэтиану-младший, тесно связанный с финансовыми кругами. У консерваторов усилилась буржуазная группировка во главе с Таке Ионеску. Этот поклонник английского государственного строя долгое время слыл апологетом и теоретиком двухпартийной системы. Он подчеркивал отсутствие каких-либо принципиальных разногласий между консерваторами и либералами. Те и другие — за монархию и немецкую династию. В ту и другую партию входят и выходцы из старого боярства, и нынешней буржуазии, и даже (утверждал Ионеску) «крестьянство, обрабатывающее землю мотыгой». «У всех нас, господа, общее историческое прошлое. Мы не знаем тех страданий, которые испытывает Франция, где правых и левых разделяет воспоминание о гильотине. С точки зрения социальной мы лучше всех приспособлены для парламентской двухпартийной игры»[39]. Характерно, что типичнейший из буржуазных идеологов Румынии благословлял то обстоятельство, что история Румынии до той поры не знала победоносной буржуазной революции, ибо это облегчало компромисс с помещиками. Биограф Ионеску, К. Ксени, в таких выражениях определял основной жизненный принцип своего героя: «Порядок! Это понятие проникло во все его поры. Поэтому он питал отвращение к демагогии, презирал выдумки, уважал социальную и моральную иерархию, избегал быстрых и крайних мер, которые могут нарушить равновесие и скомпрометировать порядок»[40].

Таке Ионеску вербовал своих сторонников среди многочисленных в Румынии лиц свободных профессий, представителей раздутого государственного аппарата, небогатых помещиков. Помощь, которую он оказывал национальному движению трансильванских румын, созда-

[39] *I. Găvănescul.* Caracterizarea partidelor politice prin ele însele. Iaşi, 1905, p. 19.

[40] *C. Xeni.* Take Ionescu. Buc., 1933, p. 136.

вала ему популярность в довольно широких кругах интеллигенции и буржуазии (в том числе мелкой). Он пользовался поддержкой крупного капитала. С Ионеску в румынскую жизнь вошел термин «такизм», обозначавший из ряда вон выходящее, даже в тех условиях, использование государственной власти в личных интересах. На сторонников Ионеску, когда тот входил в правительство, низвергался такой поток жизненных благ в виде тепленьких местечек, выгодных заказов, пенсий, премий, поощрений, что его сравнивали с разливом Нила.

Разумеется, капитал не забывал подобных услуг, и накануне первой мировой войны Таке Ионеску состоял в правлении или числился адвокатом восьми крупнейших акционерных обществ [41].

Таков был этот консерватор «нового образца». И если в 1908 г. он покинул ряды старой партии и образовал свою, названную консервативно-демократической, то это объяснялось не враждой к латифундистам, как таковым, а недовольством их твердолобым упрямством, личным соперничеством с П. П. Карпом и нежеланием ему подчиняться.

Анализируя программу «такистской» партии, социалисты отметили, что в ней очень много консерватизма и очень мало демократии [42], да и то на словах. Консерваторы-демократы безоговорочно высказывались за сохранение основ существующего строя, осуждая лишь кое-какие его «издержки» (вроде чрезмерной эксплуатации рабочих и крестьян). Аграрные планы Таке Ионеску сводились к выкупу 500—600 тыс. га земли у помещиков. Он выступал против всеобщего избирательного права, которое якобы «приводит к анархии и цезаризму», и разработал многоступенчатую схему реформы избирательной системы с тем, чтобы «невежественные в политическом отношении элементы не поглотили бы все прочие» в парламенте [43]. Эта тактика вынужденных уступок, проводимых черепашьими темпами, именовалась на языке Т. Ионеску консервативным демократизмом: «Мы увенчиваем демократическую основу страны кон-

---

[41] «Lupta zilnică», 20, 26.XI 1915.
[42] «Viitorul social», februarie 1908 (N 7), p. 64.
[43] *C. Xeni.* Op. cit., p. 182, 212.

сервативными идеями, мы воздвигаем стену, о которую разобьются все волны анархии»[44].

Скатывание румынского капитала вправо сказывалось не только в тех идеологических явлениях, о которых говорилось выше. Румыния не осталась в стороне от присущей эпохи империализма «реакции по всей линии»[45]. В ней, пока частично в старых организационных рамках, в недрах прежних партий, складывались новые течения, пронизанные расизмом и шовинизмом, открытым презрением даже к урезанной буржуазной демократии, культом силы и захвата. Пока еще подспудно шла выработка концепций, призванных сменить устарелую и обветшавшую идеологию либерализма.

С другой стороны, в сфере общественно-политической мысли начала проявлять себя крепнущая сельская буржуазия. Устами Константина Стере она выдвинула теорию «попоранизма» — первый вариант царанистских концепций, занимавших видное место в межвоенной идеологической борьбе в Румынии. Тогда же выступили со своими трудами Спиру Харет, Василе Когэлничану и будущий руководитель царанистской партии Ион Михалаке.

* * *

С формированием румынской буржуазной нации, с завоеванием государственной независимости и наступлением эпохи империализма имманентно присущий буржуазной идеологии национализм претерпел в Румынии значительные изменения. В период перехода от феодализма к капитализму и выполнения насущных национальных задач он заключал в себе прогрессивный заряд большого исторического значения. Под флагом возрождения народа, борьбы против иноземного гнета, объединения Дунайских княжеств шел процесс смены феодаль-

---

[44] Программа консервативно-демократической партии в 1910 г. предусматривала продажу крестьянам земель, принадлежавших юридическим лицам, отмену запрета на продажу земли и некоторые другие меры. Она провозглашала также, явно в демагогических целях, удешевление жизни и расширение социального страхования для рабочих (*A. Iordache.* Viaţa politică în România 1910—1914. Buc., 1972, p. 38—39).

[45] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 408.

ной формации капиталистической. В сознании современников он облекался в национальную форму, выступал как движение за национальную свободу и суверенитет. Общедемократическое содержание, существующее «в *каждом* буржуазном национализме угнетенной нации...»[46], проявлялось в Дунайских княжествах в эпоху революции 1848 г. и их объединения своеобразно и ярко.

Но следует помнить и другое ленинское указание: «...Для буржуазии требование равноправия наций очень часто равносильно на деле проповеди национальной исключительности и шовинизма, очень часто совместимо с *проповедью* разделения и отчуждения наций»[47]. Уже на упомянутой ранней ступени национализм румынской буржуазии следует рассматривать в диалектическом единстве противоположных черт. В целом он еще носит прогрессивный характер; но наряду с этим в нем заложены элементы шовинизма, прикрывающие стремление румынской буржуазии распространить свое господство на нерумынские народы. Печальный пример своего рода «единства противоположностей» представляет мировоззрение Симиона Бэрнуциу, соединявшего передовые по тому времени взгляды по ряду социальных и политических вопросов, признание равноправия наций в теории — с борьбой за гегемонию румынской буржуазии в Трансильвании.

После объединения княжеств радикалы, продолжая прогрессивные традиции буржуазного национализма, поддерживали освободительную борьбу соседних народов — болгарского, сербского, венгерского, польского. А наряду с этим жонглирование конституционными свободами не мешало творцам Румынского королевства лишать проживавшие в нем национальные меньшинства элементарных прав. Болгары, сербы, украинцы, русские, армяне и думать не могли о том, чтобы обучать своих детей на родном языке. Негодуя по поводу мадьяризаторской политики венгерских властей в Трансильвании, олигархия жестко и неуклонно проводила «дома» курс на румынизацию. Нерумынское население вошедшей в состав Румынии в 1878 г. Северной Добруджи на десятилетия лишили избирательных прав. В 1913 г. был

---

[46] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 275.
[47] Там же, стр. 145.

осуществлен захват болгарской Южной Добруджи. В ней ввели неприкрытый полицейский режим — и все это под флагом «мирного слияния с новым отечеством»[48].

Эпоха реформ не коснулась многочисленного еврейского населения; евреи были лишены гражданских прав. Юридически они считались у себя на родине иностранцами, хотя бы десять поколений их предков жили здесь. От этих порядков не слишком страдали крупные предприниматели, торговцы и банкиры еврейского происхождения — деньги и связи помогали им отстаивать свои интересы. При желании и нужде они без большого труда, «за особые заслуги», добивались парламентского акта о натурализации. Но масса, очень значительная особенно в Молдове, еврейских ремесленников, мелких лавочников, владельцев крошечных мастерских тяжело страдала от национального гнета. Она несла все обязанности — платила налоги, отбывала воинскую повинность, но избирательных прав не имела. И, главное, румынская олигархия систематически стремилась направить социальное недовольство городской мелкой буржуазии, крестьян и отсталых рабочих в антисемитское русло.

Черносотенные нравы в стране, упорно выдаваемой за светоч цивилизации на Балканах, смущали даже многотерпеливый «концерт» великих держав. Берлинский конгресс в 1878 г. предложил румынскому правительству предоставить всем жителям равноправие. Бухарестский парламент с редким для него единодушием выступил против.

Если внутри страны национализм нес вполне определенную социальную нагрузку, то во внешней политике он служил идеологическим знаменем, прикрывавшим растущую экспансивность румынского капитала. Едва встав на ноги, румынская буржуазия стала думать о территориальном расширении. Визит И. Брэтиану в Берлин и последовавшее за ним вхождение в группировку Центральных держав явились первым опытом по этой части[49].

В отличие от славянских стран, в буржуазных кругах Румынии не существовало течения, ориентировавше-

---

[48] Проект организации государственной власти в Южной Добрудже.— АВПР, ф. Политархив, д. 699, лл. 77—80.

[49] См. стр. 217 настоящей книги.

гося на Россию. Буржуазно-помещичьи круги Румынии раздували шовинистические настроения и проповедовали идеи расового превосходства. Буржуазные ученые, как правило, упрощали процесс формирования своего народа, преуменьшая влияние при этом славянских элементов и проводя прямую линию от древних даков и римских завоевателей к современным румынам. Тревожное предупреждение М. Когэлничану — пуще огня остерегаться латинизаторской мании [50] было предано забвению.

Прошло всего полвека со времени революции 1848 г. Тогда радикальная ее часть возвысилась до призыва к сотрудничеству народов против средневековой тирании. В 1848 год она вступила как передовой класс, носитель социального прогресса, во всеоружии идей свободы, равенства и братства. Новое, двадцатое столетие румынский капитал встретил, занимая почетное место на объединенном троне буржуазно-помещичьей олигархии и стремясь распространить свое влияние за пределы страны. И националистическая идеология явилась верной служанкой этих устремлений.

Олигархия, не располагавшая достаточными ресурсами для осуществления экспансии собственными силами, подряжалась на роль стража западной цивилизации на «варварском» славянском востоке Европы. С этой целью в течение целого столетия, вплоть до 1944 г., в голову обывателя начиная со школьной скамьи вбивали мысль о превосходстве над окружающими и прежде всего славянскими народами. История отношений с Россией искажалась; значение громадной помощи, оказанной в процессе освобождения от турецкого ига и завоевания национальной независимости, предавалось забвению, а такие моменты, как участие царских войск в подавлении революции 1848 г. в Валахии, раздувались. При этом отождествлялись царизм и русский народ [51].

В общем русле русофобства плыла, за редкими исключениями, и буржуазная историческая наука. Приходится констатировать, что даже такие серьезные ученые, как А. Д. Ксенопол, Раду Росетти, выполняя вполне определенный социальный заказ, склонялись перед этим поветрием, доказывая «пагубность» сотрудничества с

---

[50] См. стр. 93 настоящей книги.

[51] АВПР, ф. Политархив, 1904—1914, д. 1053, лл. 62—63.

Россией в прошлом и принижая значение русско-турецких войн [52]. Правда, когда обстановка изменилась и румынская буржуазия думала вступить в войну на стороне Антанты, тот же Ксенопол писал: «Наша независимость выросла и созрела под русской защитой и с ее помощью расцвела на болгарских полях в 1878 г.» [53]

Нужно отметить с сожалением, что долгие десятилетия никто не давал отпора насаждавшему буржуазно-помещичьими кругами русофобству. Единственная подлинно прогрессивная партия, социал-демократическая, вплоть до февраля 1917 г. не разобралась в сущности и всемирно-исторической значимости происходивших в соседнем государстве революционных процессов. Сильное влияние разработанной К. Доброджану-Герей теории «социализма в отсталых странах» приводило к ожиданию прихода новой эры с Запада. С усердием, достойным лучшего применения, социал-демократическая пресса пережевывала заплесневелый тезис о «русской угрозе». То обстоятельство, что за Россией официальной, царской, стоит Россия молодая, революционная, учитывалось мало, исторические традиции давнего сотрудничества двух народов для упрочения новых, революционных связей не использовались. В 1914 г. Христиан Раковский признавал, что олигархии не удалось насадить в широких слоях народа чувство неприязни к России: «У нас существует и русофильство у крестьянства такое же, как у крестьянства Трансильвании и Болгарии. Крестьянские массы сохранили... чувство признательности к России», как к «своей освободительнице от турецкого ига» [54].

Буржуазно-националистические тенденции в Румынии усилились в годы, предшествовавшие вступлению в первую мировую войну, когда румынский капитал определял свою внешнеполитическую ориентацию.

Выбор пал на Антанту не только по причинам военно-стратегическим и экономическим; определенную роль в решении сыграл идеологический фактор, а именно, возможность воспользоваться нерешенностью нацио-

---

[52] *A. D. Xènopol.* Războiaiele dintre ruşi şi turci şi inriurea lor asupra ţărilor române, v. II. Iaşi, 1880, p. 372.
[53] «Adevărul», 20.XI 1914.
[54] «Lupta zilnică», 21.X 1914.

нального вопроса на Балканах. В. И. Ленин писал, что «громадные (по сравнению со всем числом представителей данной нации) количества румын и сербов живут вне пределов «своего» государства, что вообще «государственное строительство» на Балканах в направлении буржуазно-национальном не закончилось даже «вчерашними», можно сказать, войнами 1911—1912 гг.» [55]. Эту жгучую, волновавшую широкую общественность проблему, румынская олигархия стремилась обратить себе на пользу. В Трансильвании, Восточном Банате, Южной Буковине, областях, населенных по преимуществу румынами и входивших в состав Австро-Венгрии, как и в самой Румынии, проявлялась тяга к объединению. Буржуазия и помещики надеялись воспользоваться этим в своих интересах, выступив в маске патриотов, ратующих за осуществление национального идеала в ходе войны против Габсбургской монархии.

Но объединение румынских земель мыслилось по-империалистски. Правящий Бухарест мечтал в то время о том, чтобы занять господствующее положение на Балканах, стать своего рода арбитром между небольшими государствами беспокойного полуострова. После захвата болгарской Южной Добруджи алчные взоры боярских потомков и владык капитала устремились на земли, населенные не только румынами, но и украинцами, сербами и венграми. Правительство и оппозиция, либералы и консерваторы всевозможных оттенков состязались в стремлении заполучить как можно больше. Зал парламента оглашался откровенно экспансионистскими речами. Сенатор Г. Добреску провозглашал «право» румынских правителей на преобладающую роль на Балканах [56]. А его коллега Тома Ионеску, ректор Бухарестского университета, объявил, что Трансильванию следовало бы занять ради ее стратегического и экономического положения даже в том случае, если бы румынское население там не преобладало [57].

Так национальный вопрос в старой Румынии использовался в шовинистических целях. Как писал В. И. Ле-

---

[55] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 355.
[56] «Desbaterile senatului», 1915—1916, p. 22.
[57] Ibid., p. 38.

нин, «в Румынии и Болгарии буржуазия одержима известной страстью к завоеваниям и аннексиям...»[58]

* * *

Конечно, и в XX в. мировоззрение некоторых идеологов националистического направления не поддается однозначной оценке. Нельзя изобразить в одном цвете научное и общественно-историческое наследие Николае Йорги (1870—1940 гг.).

Йорга — вершина румынской буржуазной исторической науки. Его эрудиция казалась необъятной, а его творческие способности — неиссякаемыми. За семьдесят лет своей жизни он написал сотни книг. Его внимание привлекали и Запад, и Восток. Он — автор монографий и курсов по истории Византии, Османской империи, Франции, Англии, Австрии, Италии, международных отношений (в особенности на Балканах), исследований по истории дунайского вопроса и крестовых походов. Пули фашистов-железногвардейцев оборвали жизнь Йорги, когда он работал над «Историологией человечества». Но прежде всего и больше всего он трудился на поприще отечественной истории. Экономика, политика, общественные движения, литература и искусство — всем этим столь различным явлениям он посвятил многочисленные исследования. Йорга — автор нескольких общих курсов истории своей родины, из которых последний, десятитомную «Историю румын», он завершил незадолго до кончины.

В отличие от Ксенопола Йорга не проявлял особой склонности к теоретическим изысканиям и историко-философским исследованиям: «Я никогда не был и не стремился стать философом»,— свидетельствовал он сам. Но многолетние занятия над источниками, создание широких обобщающих трудов толкали его к поискам закономерностей в истории. Йорга отмежевывался от тех своих собратьев по перу, которые усматривали свою задачу в «фиксации фактов, в попытке установить только ближайшие, наиболее различимые связи» [59].

---

[58] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 337.

[59] *N. Iorga.* Generalităţi cu privire la studiile istorice. Buc., 1944, p. 181, 188.

«Политическая история,— писал Йорга,— уже не представляется нам цепью биографий, собранием династических портретов, житий святых, жизнеописаний литераторов и артистов, перечислением торжеств либо летописью войн, хронологическим каталогом, справочником известных событий или дипломатическими записками. Точно так же история культуры не сводится к старой истории нравов, которая должна исчезнуть со страниц серьезных исследований» [60].

Йорге было присуще стремление подняться над этим прагматическим подходом, он ищет в истории ее константы: «Факты не существуют сами по себе и для себя; их появление объясняется могучим, постоянным, глубоким воздействием великих сил, проявлением которых эти факты являются» [61].

Каковы же эти могучие и великие силы, определяющие, с точки зрения Йорги, судьбы человечества?

Йорга не был чужд признанию определенного воздействия материальных условий на исторический процесс; но он ограничивал эти условия торговлей, потреблением, денежным обращением и налогами; решающего влияния способа производства на эволюцию человечества в целом он не признавал и считал движущей силой истории развитие духа, точнее — духовной среды, присущей данному обществу: «Вопреки мнению людей близоруких либо заинтересованных,— писал он,— не видящих или не желающих видеть ничего помимо материального фактора в социальных акциях, духовное начало доминирует надо всем. Именно это духовное начало не раз побуждало народы действовать вопреки собственным интересам и даже устремляться к собственной гибели» [62].

На склоне дней своих, выступая в Цюрихе на международном конгрессе историков (сентябрь 1938 г.), Йорга сводил постоянные факторы к трем: земле, расе и идее [63]. Нельзя сказать, чтобы материальная сторона здесь отсутствовала. Но Йорга обращался не к способу производства, не к развивающимся в диалектическом

---

[60] *N. Iorga.* Op. cit., p. 91.
[61] Ibid., p. 88—89.
[62] Ibid., p. 252.
[63] Ibid., p. 254.

противоречии производственным отношениям, а вырывал из общей связи самое стабильное из средств производства, землю, «привязывал» к ней крестьянина и обнаруживал на протяжении тысячелетий почти неизменную рутину в земледелии. И двигателем истории у него оказывалось духовное начало: «В отличие от всех прочих элементов,— пишет о мировоззрении Н. Йорги румынский философ Л. Марку,— «историческое постоянство идей», проявляющееся в виде «состояния духа», является первой «движущей силой любой исторической эволюции...»» [64] Духовное же начало включает такие компоненты, как особые свойства расы и чувство национальной общности.

Национальная идея, по Йорге, пронизывает всю историю.

Нацию Йорга считал, полностью отказываясь от исторического подхода, вечной и незыблемой категорией. Здесь его националистическая доктрина вступила в противоборство со множеством накопленных фактов, наблюдений и частных обобщений, мешая объединить их в единую стройную систему,— написав тысячи работ, Йорга так и не создал цельной исторической концепции, оставшись эклектиком.

«Для Н. Йорги,— пишет современный румынский исследователь В. Нетя,—...Румыния всегда была одной и той же и единственной, творением «людей земли», отмеченным «печатью Рима». Опираясь на свой язык, на традиции предков, на разностороннюю созидательную силу своих сынов, она являлась неодолимым и неприкосновенным очагом румынского народа» [65].

В идеалистическую схему этой никогда не существовавшей единой, неповторимой и неизменной Румынии вгонялись все многообразие и противоречивость отечественной истории. Классовой борьбе в ней не оставалось места. Дунайские княжества появлялись не как феодальные образования, а как «создание всего народа, не знавшего классовых различий» [66].

---

[64] *L. P. Marcu.* Nicolae Iorga şi filozofia istoriei.— «Revista de filozofie», 1966, N 12, p. 1517.

[65] *V. Netea.* Nicolae Iorga, istoric al unităţii naţionale.— «Studii», 1965, N 6, p. 1413—1414.

[66] *N. Iorga.* Doctrina naţionalistă.— «Doctrinele partidelor politice». Buc., 1924, p. 32.

«Прекрасна была страна, основанная крестьянами,— восторгался Йорга,— в которой и сам князь был... крестьянином» [67]. «Великое преимущество Румынии» Йорга усматривал в том, что она не пережила революции, подобной французской. События 1848 г. были, с точки зрения историка, лишь мимолетным эпизодом — у молодежи бурлила кровь, вот она и вздумала подражать чужеродным образцам [68].

Смысл исторического процесса сводился прежде всего к становлению и укреплению нации. Но нация выступала у Йорги не как живой и развивающийся в диалектическом противоречии социальный организм, а в первую очередь как этническая общность. Процесс ее формирования и консолидации упрощался и обеднялся. Единство румынского народа в глазах Йорги воплощала старозаветная деревня. «Великим представителем объединения румын являлся тот чабан, который, распевая песни, пас овец на румынской земле...» [69],— восторженно восклицал он.

Не умаляя вклада крестьянства в формирование буржуазной нации — оно выступает хранителем этнических признаков: языка, традиций, верований и участвует в их развитии,— следует подчеркнуть, что процесс образования наций состоит из множества компонентов. Это— и создание экономической общности, в чем буржуазия играет основную роль; и складывание национальной культуры. И ход истории определял не овцепас, этот символ неторопливой деревенской жизни, а социальные и классовые явления, от которых Йорга отмахивался. «...Не надо стремиться научить народ тому, чего он не знает; приблизимся же, как смиренные ученики, к тому, что народ знает лучше нас» [70],— призывал Йорга. И речь шла здесь не о веками накопленной в народе мудрости, не о его трудовых навыках, не о его песнях и легендах. Нет, Йорга призывал учиться у народа... национализму. Он возводил на народ напраслину, утверждая, будто истоки националистических взглядов уходят в гущу народных масс. Пожарами восстаний они засви-

---

[67] *N. Iorga.* Doctrina naţionalistă, p. 33.
[68] *N. Iorga.* Istoria românilor, v. IX. Buc., 1939, p. 164, 131.
[69] «Studii», 1965, N 6, p. 1415.
[70] «Doctrinele partidelor politice», p. 31.

детельствовали в истории свою позицию в социальном вопросе, которая не имела ничего общего со взглядами Йорги, ставившего «солидарность нации» превыше всего: «...Если интерес какого-либо класса выходит за рамки национальной солидарности, то этот элемент необходимо подавить безо всякой пощады, ибо никакая нация не может жить иначе, как в условиях солидарности всех классов...» [71]

В мировоззрении Йорги пролегает глубокая борозда: как человек и публицист — он возмущался, видя окружавшие его произвол и жестокость, сочувствовал угнетенным; как политик и мыслитель он оказывался не в состоянии сформулировать сколько-нибудь целостную социальную программу; националистическая доктрина душила в зародыше его добрые намерения. «По нашей концепции,— провозглашал Н. Йорга,— все классы, все элементы нашей нации составляют единое тело с единой жизнью, из которой проистекает жизнь всех органов» [72].

Сочувствие Йорги крестьянам, желание облегчить их трудную долю проявилось в тяжелом 1907 г. Он публикует в своей газете «Нямул ромынеск» («Румынский народ») обличительную статью «Господи, помилуй»: «Помилуй, господи, тех, кто трудится как раб, кто жил несчастной, животной жизнью, страдал от обмана, терпел издевательства, помилуй их за всю их страдальческую жизнь, помилуй их за тот миг отчаяния, когда они поднялись, проливая на улицах не человеческую кровь, а ракию, которой их отравливали.

Помилуй, господи, солдат, которые, подчиняясь приказу, расстреляли своих братьев, взяв на себя самый большой грех, который может обременить человеческое сердце.

Не милуй, господи, бессердечного иноземца, который сотни лет высасывал соки, а ныне жаждет крови, не милуй разрушителей земли и хозяйства, подлецов, обманывающих женщин; не милуй, господи, наглых и глупых угнетателей, которые не знали и не знают, что значит понимать, любить, защищать или просто щадить людей

---

[71] Ibid., p. 40.
[72] Ibid., p. 41.

одного с ними племени и закона, безвольных и обожравшихся политических шутов; не милуй, господи, тупых, продажных и погрязших в бюджетных оргиях правителей...» [73]

Консерваторы сочли эту статью преступлением; сам Йорга всерьез опасался за свою жизнь, и какое-то время его охраняли студенты.

Избранный тем же летом в парламент, Йорга, единственный из депутатов, поднял голос протеста против зверств карателей. «Наше восстание явилось прежде всего криком голода и возмущения, а не акцией неких злоумышленников, ...стремившихся уничтожить Румынию». «Бесспорно, что при подавлении были совершены преступления, что существуют лица, ответственные за них, которых можно отдать под суд и наказать» [74].

Но и в эту пору высшего взлета публицистической деятельности Йорги легко обнаруживаются лимиты его мировоззрения. Он негодует, возмущается, объявляет предложенные правительством реформы «не имеющими никакой ценности». Но что же он предлагает?

Йорга требует «радикальной переделки всей администрации страны... Администрации в подлинном смысле этого строя у нас нет; отсутствие такой администрации явилось причиной недавних восстаний» [75]. Иными словами, Йорга выступает не против системы, а против форм управления. Он вовсе не на стороне повстанцев в 1907 г.; он — за их подавление, но «добрым словом», без или почти без кровопролития [76].

В аграрном вопросе основанная Йоргой национал-демократическая партия не выходила за рамки реформы 1864 г. и, как пишет современный румынский исследователь А. Иордаке, «твердо стояла на защите неприкосновенности крупной земельной собственности, боролась с крестьянским движением, отличаясь от партий господствующих классов лишь формой выражения своей политической доктрины» [77].

Позитивная программа Йорги, помимо оздоровления администрации, включала один пункт: всеобщее избира-

---

[73] «Neamul românesc», 8.III 1907.
[74] «Desbaterile adunării deputaţilor», 25.XI 1907, p. 21.
[75] Ibid., p. 20.
[76] Ibid., p. 21.
[77] *A. Iordache.* Viaţa politică în România, p. 40.

тельное право. Трактовалось оно, однако, весьма ограничительно. Выдвигавшийся партией тезис «Румыния для румын» лишал политических прав евреев и других «иноземцев» в собственной стране.

Правда, Йорга не ратовал за ассимиляцию и румынизацию. Он выступал против деления народов на цивилизованных и варваров и признавал право каждого на свою книгу и свою школу, но и не мешал проведению румынизаторского курса в стране.

Консервативные стороны мировоззрения Николае Йорги, его национализм и крайняя умеренность в социальных вопросах сделали возможным его сотрудничество с самыми махровыми силами реакции, увенчавшееся формированием им кабинета министров в 1931 г. Но, когда Йорга увидел отвратительные проявления расизма в гитлеровской Германии, когда над Европой и его родиной нависла угроза нашествия, он поднял голос протеста. В ноябре 1940 г. семидесятилетний ученый был увезен из собственного дома фашистскими бандитами из «железной гвардии» и зверски убит.

* * *

Ярчайшим показателем кризиса общественно-политической мысли господствующих классов Румынии в XX в. явилось то, что концепции теперь составлялись их представителями преимущественно на базе национализма при более или менее решительном отметании тех экономических, социальных и политических идей, которые составляли строительный материал прежних теоретических построений. Эти концепции роднит взгляд на нацию как на высшую и внеисторическую категорию, в рамках которой общественные различия стираются либо отступают на второй план.

Показательны в новом столетии судьбы жунимизма. Основатели этого течения «в лучшие свои годы», в пору формирования жунимистской идеологии, при всей консервативности общественно-политических взглядов националистами не были. К XX в. их теоретический потенциал иссяк. В 1907 г. они уже не теоретизировали, а горой стояли за помещичью собственность. Второе же поколение жунимистов проявило себя прежде всего на поприще национализма.

Глашатаем этих «новых веяний» выступил Константин Рэдулеску-Мотру, руководитель кафедры психологии Бухарестского университета, философ-идеалист, последователь «энергетизма» Вильгельма Оствальда, этого, по определению В. И. Ленина, «крупного химика и мелкого философа»[78], пытавшегося избегнуть «неминуемой философской альтернативы (материализм или идеализм) посредством неопределенного употребления слова «энергия»»[79].

К. Рэдулеску-Мотру задался целью показать жизненность консервативных принципов в XX в. и приверженность к ним собственнического крестьянства. Начинает он с философских обобщений. Мотру по-новому поставил прежний жунимистский тезис о разрыве между формой и содержанием, которые рисовались ему в виде двух понятий — цивилизации и культуры. Культуру развивает сам народ на основе своей этнической общности и «духовного единства». Она представляет «гармонию духовных ценностей, известных и ценимых всеми членами общества»[80]. Цивилизация, с точки зрения Мотру, охватывает совокупность внешних факторов, как материальных, так и идеологических, и может оказать на народ лишь поверхностное воздействие: «Характерное отличие между культурой и цивилизацией состоит в том, что первая... проникает в глубину народа, в то время как цивилизация остается на поверхности... Цивилизация — лишь одежда на теле; культура же представляет покоящиеся в душе народа ценности»[81].

Не всякий народ может достичь совершенства, утверждает Мотру. И тут его расизм выступает неприкрыто: «Некоторые народы... обречены по причине своей расы никогда не подняться до подлинной культуры. Так, представители желтой расы, скажем, китайцы, несмотря на свою древность, далеки от постижения культурных ценностей...»[82].

---

[78] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 284.

[79] Там же, стр. 286.

[80] *C. Rădulescu-Motru.* Cultura română şi politicianismul. Buc., 1910, p. 79—80.

[81] Ibid., p. 92—93.

[82] Ibid., p. 88.

Культуру философ ставил решительно выше цивилизации, которая заимствовалась народами, очевидно, не понимавшими всей ее никчемности, с быстротой, пугавшей Мотру: она «возбудила аппетит до того, как появились средства для его обуздания, она приучила вкушать от незаслуженных плодов». Очагами цивилизации Мотру объявлял исключительно «могущественные страны Европы», а самой распространенной формой приобщения к ней считал... колониальную зависимость. Англия, например, поглощена распространением цивилизации «в сфере своего влияния». От нее не отставали другие державы: «Европеец взял на себя заботу о том, чтобы негр в Африке и монгол в Азии, с их согласия или без него, были вовлечены в цивилизацию».

А по мере того как «приумножаются народы, расстающиеся с варварством и обряжающиеся в одежды цивилизации,— открываются новые рынки для народов, занимающихся экспортом»[83]. Цивилизация рисуется философу этаким всепожирающим индустриальным Молохом: «Заводы цивилизации постоянно находятся в поисках рынков для своей продукции. Без нее не процветает промышленность и не идет торговля».

И здесь становится ясным общественный смысл антинаучного и искусственного деления материальных и духовных ценностей на внешние и внутренние, сетований философа по поводу «несчастных маленьких народов», оказавшихся жертвами цивилизации. Он сводится к стремлению спасти Румынию от вторжения всего иноземного: техники и мысли, учреждений и нравов, социальной структуры и революционных идей. Румыны, объявляет Рэдулеску, должны идти своим путем, ибо несхожи этнически и духовно со всеми прочими народами. При этом первую роль в духовном формировании румын он отводит религии: «Румынский народ, который свободно воспринял и боролся за религиозные концепции православной церкви, показал тем самым, что в своих инстинктах он глубоко отличен от народов Западной Европы»[84]. Поэтому он не должен заимствовать европейскую цивилизацию и копировать капиталистическую систему.

---

[83] Ibid., p. 106, 107, 108.
[84] Ibid., p. 109.

Рэдулеску-Мотру нигде не употребляет слово застой. Но на деле он всеми своими философскими и социологическими трудами утверждает и прославляет незыблемость боярской усадьбы: «Неодолимой силой, сцеплявшей наш социальный строй во все времена, является крупная земельная собственность»,— твердит он [85]; помещикам и в будущем отводится великая роль: Рэдулеску-Мотру пишет о «потенциальных возможностях крупной сельской индустрии, единственного источника, который может обогатить нашу страну». С другой стороны, она является «рычагом социального отбора, крепостью, которая защитит нас от утопий аграрного социализма, таящего столько соблазнов для воображения нашего народа, частично познавшего общинные институты славянского мира» [86].

Программа ясна: Рэдулеску-Мотру сохраняет верность старым жунимистским идеалам, заключавшимся в обновлении феодального землевладения, в превращении его в товарное юнкерское хозяйство, в сохранении власти в руках боярских потомков. Подобно своим предшественникам, он не отметает с порога прогресс, а ставит его на службу консервативным идеалам. Он выступает против представления о своих единомышленниках как о ретроградах: неверно, мол, что они стоят за деревянный плуг и телегу. «Консерваторы,— пишет Мотру,— не против прогресса, а против его фальсификации при помощи мистических концепций» [87].

Каков же должен быть, по Мотру, истинный путь развития общества?

Консерваторы, по его словам, не изобретают парадизов. Они твердо стоят на почве реальности и не смешивают ее с утопиями. Опыт прошлого они кладут в основу своей политики, избегают экспериментов и считают обязательным признание определенных принципов. Таковыми являются «семья, собственность и авторитет государства, основывающиеся на христианской морали». Если общество придерживается этих принципов, оно

---

[85] *C. Rădulescu-Motru.* Op. cit., p. 158.
[86] Ibid., p. 245, 246.
[87] *C. Rădulescu-Motru.* Concepţia conservatoare şi progresul.— «Doctrinele partidelor politice». Buc., 1924, p. 57.

«управляется в согласии с логикой, внутренне присущей природе и общей для нее» [88].

В отличие от первого поколения жунимистов Мотру не третирует с грубой откровенностью «плебс» — не те времена. «Ныне консерваторы борются не против народа,— разглагольствует философ,— а действуют во благо ему. Они находят прочную опору в сознании толпы» [89]. Ссылается при этом Мотру на изложенные им принципы (семья, собственность, религия и государство), которые-де никак не носят классового характера.

Румынский капитализм давал сколько угодно возможностей для критики, в том числе и справа. Мотру пишет о столетии беспробудной народной нищеты; о введении на бумаге всех мыслимых свобод, и о попрании всех их в жизни, обращается даже к светлой памяти Николае Бэлческу, мечты которого были «растоптаны тяжелым копытом банковского капитала» [90]. Остались либеральная фраза и узда для народа.

На основе этого опыта Мотру перечеркивает саму идею прогрессивности капиталистического строя на определенном этапе исторического развития. Он отвергает руссоистскую идею общественного договора и народного суверенитета вообще. Государство нельзя построить по воле большинства, утверждает Мотру. Суверенитет имеет более глубокие корни, нежели стремление массы; он «уходит в прошлое и предвосхищает будущее». Подписав контракт, можно создать торговую компанию, но государство — никогда. «Фундаментальные институты государства органически вырастают из глубины социального инстинкта, из традиций и чувств, находящихся часто в противоречии с интересами момента». Поэтому попытки «учредить государство на основе воли большинства граждан» всегда приводили к «пролитию крови и анархии» [91]. Реакционная суть этих построений очевидна. «Анархии» (каковой, в его понятиях, являлась революция) философ страшился. Демократия, даже буржуазная, внушала ему глубокое недоверие, ибо выражала будто бы «лишь намерения, а не действительность».

---

[88] Ibidem.
[89] Ibid., p. 52.
[90] «Doctrinele partidelor politice», p. 61.
[91] Ibid., p. 54, 55.

Мотру собирался защищаться от нее с помощью средневековой абсолютной монархии: «Там, где есть наследственный монарх, существует справедливое равновесие между борющимися силами; там противники не давят друг друга»[92]. Необходимо лишь дать королю свободу рук. От «излишеств» парламентарного строя Мотру предлагал избавиться учреждением верхней палаты, способной «сопротивляться колебаниям общественного мнения». В социальном плане Мотру искал опору в сельской верхушке, делая ставку на собственнические и охранительные настроения кулачества[93].

Таким предстает перед нами политический и социальный строй на основе «духовного единства» народа, «румынизма» и верности догматам православной церкви. Так выглядит на практике торжество «истинно румынской» культуры над вредоносной, чуждой и поверхностной иноземной цивилизацией.

Одновременно с К. Рэдулеску-Мотру в Бухарестском университете подвизался воинствующий мракобес А. К. Куза, автор «доктрины», наименованной им национал-христианской. Единственным критерием нации он считал этническое родство: «Нация есть общность индивидуумов одной крови». Не материальные и не классовые интересы определяют ход истории, а только национальность: «Подобно тому как душа человека является решающим фактором всей его деятельности, так и душа нации, национальность, определяет специфические в каждом случае ее проявления»[94]. Куза сформулировал далее «закон», согласно которому «всякая территория должна служить развитию лишь одной национальности»[95]. Из этой шовинистической предпосылки следовал вывод: «Чем больше чужих на ее территории, тем слабее нация и телесно, с точки зрения численности, и духовно, как умственная сила и единство мнений. Под чужими подразумеваются чуждые по крови, тем более

---

[92] «Doctrinele partidelor politice», p. 63.

[93] Много позднее, в 30-е годы, совпавшие с закатом консервативной партии, Мотру перешел к национал-царанистам и утвердился на их крайне правом крыле (*Z. Ornea.* Ţărănismul. Studiu sociologic. Buc., 1969, p. 332—334).

[94] *A. C. Cuza.* Naţionalitatea în arta. Buc., f. a., p. VII.

[95] Ibid., p. 57.

опасные, если они живут компактной массой... и захватывают опредленные отрасли производства...» [96] «Чужаки»-христиане подлежали насильственной румынизации, евреи подлежали «изгнанию» из экономики и культуры.

Расцвет того или иного государства Куза объяснял исключительно этнической чистотой его жителей. Так, Древняя Греция именно по этой причине озарила детство человечества.

Сей черносотенец подвизался на поприще истории культуры, внеся в нее густой дух мракобесия. Здесь его основной тезис гласил, что культура каждой нации может развиваться только ее представителями (в кузистском понимании). Посему Генрих Гейне и Жак Оффенбах изгонялись соответственно из немецкой и французской культуры; посему Куза разражался градом нападок на К. Доброджану-Герю и других известных деятелей науки и общественной мысли у себя на родине, «повинных» в том, что не родились румынами «по крови» [97].

«Теории» А. К. Кузы были направлены не только против «инородцев», но и против насущных социальных и классовых интересов румынских трудящихся. Нация, по Кузе, являла собой гармоничное единство трех классов: сельского, поставляющего продовольствие и сырье; «среднего», занимающегося переработкой этого сырья и торговлей; «управляющего» и представляющего стремления тех, кто трудится». «Они суть органы, без коих нация жить не может» [98].

Итак, националистические построения А. К. Кузы имели не только шовинистическую направленность, но и освящали классовый гнет. Отсюда — его клеветнические измышления насчет «химер» социализма и пролетарского интернационализма, восхваление религии и монархии и неукоснительное требование: «...для румынского государства, как и для любого из его представителей, не может быть иных интересов, помимо чисто румынских интересов нашей расы» [99]. А чтобы социальный антогонизм между «единоплеменниками» не прорывался наружу, в повестку дня ставились захватнические

---

[96] *A. C. Cuza.* Op. cit., p. 70.
[97] Ibid., p. 79.
[98] Ibid., p. 70.
[99] Ibid., p. 120—121.

войны. По Кузе каждый народ «естественным образом» стремится к захватам, или, как он выражался, к «овладению новыми территориями, вступая в борьбу с народами-соперниками» [100].

А. К. Куза вполне закономерно стал позднее одним из идеологов фашизма у себя на родине.

В Румынии довоенной поры можно проследить зарождение и такой черты фашистской идеологии, как прославление «сильной личности», культ «вождя».

Еще в 1900 г. в Бухаресте появилась книжка Серджиу Кужбы «Мораль политика», воспевавшая насилие и бессловесное подчинение власти.

Автор беззастенчиво спекулировал дорогим для народа лозунгом национального объединения для того, чтобы этот самый народ низвести до уровня бессловесного, покорного стада, слепо повинующегося воле «вождя». Набор высказываний, заимствованных у идеологов силы, служил оправданием принципа, что для достижения цели любые средства хороши: «Когда придет долгожданный государственный деятель», «он найдет в народе тот статический материал, который он,— динамическая сила,— будет знать, как бросить в борьбу за воплощение нашего идеала». «Все средства будут пригодны для этой личности... и самым могучим средством станет власть. Мораль подчинится великой цели, все будет допустимо, в соответствии с принципами блистательного Макиавелли, для реализации мечты, в результате чего мы станем подлинным элементом порядка и прогресса на Востоке.

Мы заменим одряхлевшую габсбургскую формацию, взяв на себя роль государства-барьера между двумя будущими европейскими державами, славянской и германской...» [101]

Роль вождя Серджиу Кужба излагал в духе ницшеанства: «Вождь» «для народа — то же, что скульптор для грубого куска мрамора или, еще точнее, линза для солнечных лучей»; «в нем живет народ, через него разрозненные веяния превращаются в единый и мощный порыв» [102]. «История проявляется лишь в деяниях великих

---

[100] Цит. по: «Istoria gîndirii sociale şi filozofice în România». Buc., 1964, p. 375.

[101] *S. Cujba.* Morala omului politic. Buc., 1900, p. XIII—XIV.

[102] Ibid., p. 30.

людей»[103], поэтому «подчинение вождю является органическим законом жизни общества»[104], в котором должна быть введена армейская дисциплина[105].

Народ может не беспокоиться, и вообще лучше бы он перестал думать: «Политический персонаж выражает пожелания и чувства всего народа. Достаточно, чтобы он появился, и малое незначительное государство поднимается, превосходит и даже побеждает державы со старой культурой»[106]. Что же касается внутренних дел, то «вождь» должен действовать, как хирург «социального тела», удаляя «больные его части»[107].

После новых панегириков Макиавелли, во взглядах которого он воспринял только отрицательные черты, только неразборчивость в средствах, Кужба провозглашал: для достижения цели «было бы большим и непростительным преступлением не пойти, в случае необходимости, даже на преступление»[108].

Итак, можно сказать, что в душной идеологической атмосфере Румынии эпохи империализма существовали уже отдельные элементы фашистской идеологии — расизм, антисемитизм и, в более слабой дозе,— культ «сильной личности», хотя, конечно, условия для ее «расцвета» еще не созрели.

Провозвестники царанизма

На предвоенные годы приходится расцвет попоранизма — сложного общественно-политического, литературного и историко-культурного течения. Попоранистам удалось собрать вокруг своего знамени крупные писательские силы. На страницах их журнала «Вьяца ромыняскэ» («Румынская жизнь», выходил с 1906 г.), руководимого известным литературоведом Гарабетом Ибрэиляну, наряду с признанными мастерами И. Л. Караджале, Дж. Кошбуком, Ал. Влахуцэ, Б. Делавранчей печатались молодые Михаил Садовяну и Тудор Аргези, кото-

---

[103] Ibid., p. 17.
[104] Ibid., p. 24.
[105] Ibid., p. 21.
[106] Ibid., p. 30.
[107] Ibid., p. 44.
[108] Ibid., p. 73.

рым суждено было стать славой румынской литературы. Критический реализм был в руках этих разных по своим взглядам писателей грозным оружием. Глубокое знание села, правдивое, порой натуралистическое описание убогого существования крестьянина, его темноты, его невежества, жестокости господствовавших нравов сочеталось в их произведениях с верой в его здоровые силы и душевное благородство. «Вьяца ромыняскэ» пропагандировал культуру, черпающую вдохновение в жизни. Г. Ибрэиляну резко осуждал «искусство ради искусства» и изобличал своих эстетствующих собратьев по перу.

Общественно-политический раздел журнала сильно уступал литературно-критическому. Он представлял собой пеструю и бессистемную смесь антинаучных концепций. Сам Ибрэиляну считал «попоранистом того, кто сочувствует и жалеет крестьянина» [1].

Следует сказать, что попоранисты избежали реакционной идеализации старины, не воспевали патриархально-феодальных нравов эпохи Штефана Великого и Михаила Храброго, не усматривали корень живучести крестьянства в том, что оно мало изменилось с далеких времен средневековья, оставшись чуждым всем благам и соблазнам европейской цивилизации, подобно тому как это делали участники литературного объединения «Сэмэнэторул» («Сеятель») [2]. Попоранисты рассматривали крестьянство как социальное явление, «нуждавшееся в реформах, в преобразованиях». Но, относясь с воинственной непримиримостью к научному социализму, они пришли к глубоко ошибочному противопоставлению деревни и города, который рисовался им кровопийцей, высасывающим жизненные соки села.

Слово «попоранизм» в переводе на русский язык означает «народничество». И это не случайно. «Вне всякого сомнения,— пишут современные румынские исследователи А. Леон и Д. Хынку,— принципиальные установки теоретиков «Вьяца ромыняскэ» воспроизводят...

---

[1] Сторонники «Сеятеля» выступали за обновление жизни на базе «чисто румынских» духовных ценностей; поддержка ими национальных черт крестьянского быта приводила к восхвалению патриархальных будто бы отношений между крестьянами и боярами; это проявлялось в романтизме реакционного толка.

[2] «Viaţa românească», 1956, N 3, p. 225.

основные идеи народничества» [3],— правда, не революционного народничества 70—80-х годов, а его либерально-буржуазных эпигонов следующего десятилетия.

Основателем и идеологом попоранизма как общественно-политического течения был бывший народник Константин Стере (1865—1936), а его первыми ростками считают появившиеся в 1893 г. в различных газетах статьи, одни — за подписью самого Стере, другие — К. Скорцяну. Остановимся на его воззрениях.

Стере подвергал критике олигархический характер управления в Румынии, царивший здесь политический паразитизм и карьеризм. Это — «страна внешнего лоска и пеллагры»,— писал он.

Выход автор видел в активном вмешательстве в жизнь интеллектуалов, возлагая надежды на их цивилизаторскую миссию. Таким образом, не массы, а культурный слой выступал в роли освободителей общества. Стере ссылался при этом на пример Англии и особенно России: «...существует же страна, в которой интеллигенция смогла дать пример бесподобного героизма и жертвенности» [4].

Не следует думать, однако, что Стере стремился возродить на румынской почве традиции «Народной воли». Если народовольцы были сторонниками теории «героя и толпы», то Стере возлагал надежды на «героя без толпы». Он основал в Яссах общество «Долг», обратившись к интеллигенции с призывом уплатить свой долг народу. Идея борьбы самих масс полностью устранялась; на смену ей пришло просветительство «культурных слоев».

Социальная программа попоранизма еще не была разработана: «Если вам нужно слово, этикетка, чтобы резюмировать наши тенденции, мы начертаем на своем знамени слово, чудесно характеризующее взятое нами направление: попоранизм» [5]. Это — любовь к народу, защита его интересов, исполненная энтузиазма работа по его подъему.

---

[3] *A. Leon, D. Hîncu.* Aspecta ideologice din activitatea vechii «Vieţii româneşti».— «Viaţa românească», 1956, N 3, p. 223.

[4] *Z. Ornea.* Poporanism. Buc., 1972, p. 38; *D. Micu.* Poporanismul şi «Viaţa românească». Buc., 1961, p. 17.

[5] *D. Micu.* Op. cit., p. 21.

Народ мыслится Стере как объект защиты со стороны интеллигентов, но не как активный субъект исторического процесса. Румынский исследователь Д. Мику справедливо отмечает: «Обращаясь к «культурным слоям» с призывом уплатить «долг» по отношению к народу, вместо того чтобы призвать сам народ к борьбе, попоранизм Стере являлся не развитием, а регрессом по отношению как к русскому, так и румынскому революционному демократизму...» [6]

Закономерно и отрицание Стере социализма как боевого течения, собирающего вокруг себя массы трудящихся для подготовки их к революционной битве. Румынский рабочий класс Стере игнорировал, а социалистическое движение приписывал «преходящему волнению в крови в пору первой молодости». И, пожалуй, не случайно статьи появились в тот самый год, когда социал-демократические кружки и клубы сплотились в партию, когда в рабочем движении был сделан большой шаг вперед. Затупить его классовое острие, влить в общее русло буржуазной демократии — на это был устремлен попоранизм. И нельзя сказать, чтобы его усилия пропали даром. У руля СДПРР с самого начала встали склонявшиеся к либерализму элементы. Сильная интеллигентская прослойка служила питательной средой для распространения попоранистских идей. Видная деятельница партии Софья Нэдежде через газету СДПРР «Лумя ноуэ» обратилась к молодежи с призывом объединиться «вне зависимости от политических воззрений» «под стягом, на котором написано: любовь к народу» [7]. Гарабет Ибрэиляну, глава литературно-критического течения попоранизма, смолоду примыкал к социализму.

И опять-таки не случайно в напряженнейший момент классовой борьбы в Румынии, непосредственно после крестьянского восстания 1907 г., Константин Стере выступил с развернутым изложением своих общественно-политических идей. Сделано это было в форме серии статей под заглавием «Социал-демократизм или попоранизм?», помещенных в журнале «Вьяца ромыняскэ». «Знаю,— писал он,— что румынский социал-демократизм

---

[6] *D. Micu.* Op. cit., p. 29.
[7] Ibid., p. 33.

является лишь бледным отблеском гигантского движения на Западе, что его сторонники в большинстве своем — юные энтузиасты, очарованные достигнутыми там результатами и открывающимися перспективами, которые пытаются создать у нас, с помощью наивных и обреченных на бесплодие усилий, копию социал-демократических организаций Европы». Стере заранее оплакивает их: «...С болью в сердце думаю я о новых напрасных жертвах молодых жизней, о новых разочарованиях и духовном кризисе в результате этого распыления энтузиазма в ложном направлении — и это в стране, столь бедной молодой энергией, энтузиазмом, идеализмом» [8].

Критическая часть статей Стере в немалой степени построена на использовании ошибок и слабостей социалистического движения того времени.

Так, во взглядах тогдашней социал-демократии на крестьянский вопрос существовало немало путаницы и расхождений, и Стере не преминул этим воспользоваться.

В 1875 г. немецкие социалисты на партайтаге в Готе, принимая программу, включили в нее глубоко неверный лассальянский тезис о том, будто все классы (в том числе и крестьянство) составляют по отношению к пролетариату «лишь одну реакционную массу». Карл Маркс подверг эту и многие другие установки сокрушительному разгрому в своей «Критике Готской программы». Но Стере, не смущаясь, выдал ошибку германских социалистов за принципиальную позицию марксизма.

Иное отношение у него к важнейшим теоретическим выводам Фридриха Энгельса по аграрной проблеме.

Анализируя в 90-е годы XIX в. программные установки французских и немецких социалистов (последние отказались уже и формально от тезиса насчет реакционности всех прочих классов), Энгельс указывал: «Необходима суровая правда,— правда о рабском положении мелкого сельского хозяйчика; и об иллюзорности его «независимости»; о неминуемом его исчезновении с лица земли; о громадных преимуществах и выгоде для него перехода к коллективному хозяйству. И в то же время — максимальное внимание к крестьянству, терпеливая

---

[8] *C. Stere.* Social-democratism sau poporanism? — «Viaţa românească», 1907, N 8, p. 170.

разъяснительная деятельность, отказ от всякого принуждения, ибо «*против воли* мелкого крестьянина никакой прочный переворот во Франции невозможен»[9] (как и во многих других странах). Отсюда вывод: во-первых, «мы предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но ни в коем случае не призваны ускорять ее своим вмешательством», во-вторых, «мы и не подумаем о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это мы вынуждены сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели»[10]. Если крестьянин еще недоверчив и колеблется,— что ж, надо «дать ему отсрочку для размышления на своей парцелле». Экономическое развитие само по себе «прочистит крестьянам мозги для понимания наших слов».

Худшая услуга для самих крестьян — подавать им малейшую надежду на увековечение парцеллы: «Капиталистическое крупное производство так же раздавит их бессильное устарелое мелкое производство, как железнодорожный поезд — ручную тачку». Поэтому социал-демократия «решительно на стороне мелкого крестьянина»[11] и видит в нем союзника по грядущим боям.

Разумеется, Стере подобные выводы не могли прийтись по душе. Щедро цитируя Бернштейна и опираясь на его данные, он объявлял: «Совершенно неожиданно оказалось, что мелкая крестьянская собственность не подчиняется неумолимым законам экономического развития и ... не желает исчезать!»[12]. Даже Англия, где крестьянства давно уже не существует, где само это слово исчезло из обращения, в глазах Стере — страна процветающего мелкого земледелия.

Своеобразно пользуясь выбором примеров, Стере подбирал лишь то, чем можно было бы подпереть его собственную концепцию, и объявлял это воззрениями «со-

---

[9] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 517.
[10] Там же, стр. 518.
[11] Там же, стр. 520, 521.
[12] «Viaţa românească», 1907, N 8, p. 187.

циалистического понтификата»[13]. После этого делался безапелляционный вывод: «в «тупик» зашло не сельское хозяйство, а доктрина социал-демократии»[14], будто бы опровергнутая самими ее представителями (т. е. ренегатами).

«Расправившись» таким путем с аграрной программой марксизма, Константин Стере переходил к вопросам индустриализации. Он отрицал закономерность появления в Румынии крупной промышленности. Существовавшие в стране заводы и фабрики были, по его мнению, обязаны своим рождением искусственно созданным государством условиям — высоким пошлинам и закону о покровительстве индустрии: «Болеющая бледной немочью «крупная промышленность» может, за малыми исключениями, как по мановению волшебной палочки, исчезнуть от простого росчерка пера, лишающего ее «преимуществ»[15]. Данных для промышленного развития, утверждал Стере, у Румынии нет никаких. Индустриализацию он представлял себе только на базе внешних рынков; все они давно заняты могущественными державами, с которыми не его родине тягаться[16]. Возможности роста внутреннего потребления он игнорировал. Как Румыния потребляла тогда 700 вагонов хлопковой пряжи в год[17], так и будет во веки веков. Мир раз и навсегда расколот на страны промышленно развитые и отсталые, и Румыния всегда будет в числе последних. А посему, рассуждал Стере, социал-демократии здесь делать нечего и ее программа — «историческая невозможность»[18].

После столь сокрушительного приговора социалистам Стере переходит к основной части своего исследования, посвященной деревне. «Что крестьянство может докатиться до самой черной нищеты, до самого бедственного положения, не нам, румынам, отрицать»[19],— пишет он. Однако причины несчастий Стере ищет вне де-

---

[13] Ibid., p. 189.
[14] Ibid., p. 192.
[15] «Viaţa românească», 1907, N 9, p. 324.
[16] «Viaţa românească», 1907, N 10, p. 31.
[17] Ibid., p. 17.
[18] «Viaţa românească», 1907, N 9, p. 323.
[19] Ibid., p. 324.

ревни. Крестьянин эксплуатируется зверски, беспощадно, безжалостно, но, мол, не в процессе производства, не со стороны своего зажиточного односельчанина. «Потери, которые несет здесь крестьянин, аналогичны по существу своему... дани, которую вынужден выплачивать побежденный народ...» [20] Внутри же самого крестьянства эксплуатации нет. «Крестьянин в действительности не является ни пролетарием, ни буржуа, а особой социальной категорией, за счет которой поднялись все прочие социальные классы, не исключая в значительной степени и индустриального пролетариата» [21].

Крестьянин владеет средствами производства и не использует наемного труда. «...В крестьянском хозяйстве до сих пор не появилось дифференциации элементов производства, а посему оно является особой социальной формацией. Здесь — ключ ко всей проблеме». Крестьянство — «недифференцированная база общества» [22].

В действительности эта «единая масса» давно начала рассыпаться. Распределение земельной собственности говорит об этом. Из 200-тысячной батрацкой армии немалая часть гнула спину на кулацких полях, и отношения ее к «хозяевам» отнюдь не скрашивались чертами умилительной патриархальности, воспевавшейся румынскими литераторами из числа любителей старины.

Стере не мог не знать об этом. Как префект важнейшего уезда Ясс̆ы он словом и делом участвовал в подавлении крестьянского восстания 1907 г.— самого могучего, упорного и кровопролитного, которое знала история Румынии. И, хотя все крестьянство выступало против помещиков, в рядах повстанцев чувствовалось расслоение. Суды отметили случаи выступления малоимущих слоев деревни против богатых односельчан, в том числе и в подведомственном Стере уезде. Деревенская голытьба знала, что иго кулака не слаще помещичьего [23].

Конечно, в главном, основном вопросе, волновавшем деревню, вопросе о земле, она выступала пока как единое целое. Но зерна классового антагонизма в селах

---

[20] «Viaţa românească», 1907, N 9, p. 334.

[21] Ibid., p. 333.

[22] «Viaţa românească», 1907, N 7, p. 334.

[23] Надо сказать, что Стере, противореча сам себе, признает: «...В недрах нашего крестьянства можно заметить выделение нового социального элемента зажиточных». Этот зародыш спосо-

должны были принести всходы. Об этом Стере не задумывался. Он утверждал светлое будущее и обреченного на гибель мелкого деревенского собственника, и столь же недолговечного — в историческом смысле — городского ремесленника и лавочника. Он предавался мечтам о создании «сельской демократии», сохраняющей «навсегда» «специфически крестьянский характер». Национальная экономика должна базироваться, по Стере, «на крестьянской основе; крепкое крестьянство, владеющее обрабатываемой землей, которое, создав полноценную систему кооперативных обществ, соединит преимущества мелкой собственности с техническими возможностями, достигнутыми ныне лишь собственностью крупной» [24].

Так, в противовес юнкерскому хозяйству, апологетами которого выступали в Румынии младоконсерваторы, Стере отстаивал укрепление сельской буржуазии на кулацкой основе и под крестьянской вывеской. Ибо ни к чему иному производственная кооперация в буржуазном обществе не приводила. У Стере есть и пример для подражания: «сельская демократия» в Дании, Норвегии и некоторых кантонах Швейцарии [25]. Датское крестьянство — вот образец того, к чему надо стремиться [26], пишет он. На деле же, по словам В. И. Ленина, «датские богатые крестьяне» являлись «чистейшими буржуа, вопреки россказням русских народников» [27].

Румынские социал-демократы, как и следовало ожидать, выступили с критикой Стере. Добруджану-Геря и Христиан Раковский убедительно и обоснованно опровергли тезис о том, будто бы Румыния является заповедным полем мелкого крестьянского землевладения и капитализм обошел ее стороной. Раковский подчеркнул при этом, что Стере смешал две вещи: максимально благоприятные и минимально необходимые условия для развития капиталистического производства и неправомерно ограничил сферу его деятельности крупной инду-

---

бен дать всходы «антагонизма интересов» в селах («Viaţa românească», 1908, N 1, p. 65).

[24] «Viaţa românească», 1908, N 4, p. 59.

[25] «Viaţa românească», 1908, N 1, p. 64.

[26] Ibid., p. 70.

[27] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 194.

стрией [28]. Социалисты указали, что при существующих условиях кооперативы проложат дорогу не к «крестьянской демократии», а к капиталистическому предпринимательству. Наличие в Румынии крупной промышленности — свершившийся факт, и базируется она на 90% на внутренний рынок. Однако в стремлении опровергнуть ошибочный тезис Стере о примате внешнего рынка над внутренним Раковский допустил серьезную недооценку империализма, который будто бы «является в большей степени результатом жадности господствующих классов, чем эпизодом в индустриальном развитии» [29].

Справедливо усматривая истоки взглядов Стере в русском народничестве, Раковский писал: «Русское народничество капитулировало перед социал-демократией; то же самое произойдет и с нашим попоранизмом» [30].

Народники возлагали все надежды на интеллигенцию: «В результате исторического развития...,— писал Раковский,— в культурном русском обществе развился общественный идеализм, от которого — увы! — наша интеллигенция далека, как от земли небо», поэтому она «подкрепляет» лозунг «Идти в село» прозаическими соображениями, вроде следующего: «Там дела, там доход». Стере не чужд имитации, замечает Раковский. Еще Салтыков-Щедрин писал о разного рода подражаниях: «Одни заимствуют у Франции передовые идеи, а другие — канкан» [31].

В концепции Стере от русского революционного народничества не осталось ничего, кроме вывески. Его идейная родня — либеральные эпигоны народничества. Он «вскормлен на русской народнической литературе периода самой большой путаницы (1885—1895)» [32].

Конечно, во взглядах Стере есть и положительные черты,— например, его призывы к демократизации общественного строя и государственной жизни. Здесь, указывали социалисты, они могут идти с ним вместе. Геристская теория «неокрепостничества» наложила отпечаток

---

[28] *C. Racovski.* Poporanism, socialism şi realitatea.— «Viitorul social», 1908, iunie — iulie (N 11-12), p. 331.
[29] «Viitorul social», 1908, iunie-iulie, p. 354.
[30] Ibid., p. 365.
[31] Ibid., p. 364.
[32] Ibid., p. 334.

на развернувшуюся между Стере и социал-демократами дискуссию. Обе стороны старательно обходили главный вопрос — о роли крестьянства в революционном процессе.

* * *

Стере отнюдь не был кабинетным ученым-теоретиком. Он всю жизнь активнейшим образом подвизался на политической арене. Деятельность по подавлению восстания 1907 г. на посту префекта — вот ответ самого Стере на вопрос об его отношении к крестьянскому движению.

Стере десятки лет состоял в либеральной партии, был близок к ее лидеру Ионелу Брэтиану-младшему. Эта партия банкиров, промышленников и латифундистов поручила в начале 1914 г. выступить в парламенте с проектом реформы по аграрному вопросу не кому иному, как румынскому трубадуру «крестьянской демократии». Либералы собирались продать крестьянам 750 тыс. га земли из фондов государства и культурных организаций и частично — из земель крупнейших помещиков. По планам (неосуществленным в связи с войной) землей «наделялись» 150 тыс. семей. Если учесть, что от земельного голода страдало не менее миллиона крестьян, станут очевидными более чем скромные масштабы задуманного мероприятия, не затрагивавшего могущества земельных магнатов.

Нужно ли иное доказательство, что до поры до времени попоранизм, как общественно-политическое течение, вполне укладывался в рамки буржуазного либерализма?

Стере не был одинок, составляя планы решения аграрной проблемы путем укрепления обуржуазившейся верхушки села. В 1906 г. Василе М. Когэлничану, сын известного политического деятеля, выпустил книгу «Крестьянский вопрос», в которой выдвинул проект, предусматривавший продажу крестьянам земель государства, культурных и благотворительных обществ и части владений латифундистов. Он с гордостью писал, что «стоит за наделение в самом широком смысле слова». Таким путем В. Когэлничану рассчитывал избежать на 60—80 лет чрезмерного дробления крестьянских участков. А чтобы безденежная деревня обрела средства, он счи-

тал нужным облегчить условия найма на работу, снизить арендную плату и т. д. Однако В. Когэлничану тут же утверждал, что далек от посягательств на помещичью собственность, «ибо полагает, что никто, помимо революционеров-коммунистов, не выступает против этой собственности» [33].

Имения площадью до 500 га, если они не сдавались в аренду, Когэлничану считал неприкосновенными. Гигантскую экономическую и политическую силу олигархии он надеялся сломить, представив крестьянам избирательные права: «Крестьяне должны стать, наряду с крупными землевладельцами, реальным политическим и социальным фактором» [34]. Это «наряду» показывает, что В. Когэлничану, в духе воззрений тогдашнего либерализма, мечтал решить аграрный вопрос по принципу «и волки сыты, и овцы целы».

Большой известностью пользовался в Румынии в начале XX в. Спиру Харет, знаменитый математик, видный деятель народного просвещения, энергичный проповедник системы сельскохозяйственного кредита. Трудная и в общем безуспешная борьба Харета за распространение образования «в низах», обличение им отработочной системы снискали ему широкую популярность. Харет проявлял глубокий интерес к структуре общества и причинам ее изменений, о чем свидетельствовала его работа «Социальная механика». В ней он выступал как поборник своего рода механического идеализма. Согласно взглядам Харета, общество состоит из индивидуумов подобно тому, как материя состоит из атомов; внешние социальные причины заставляют индивидуумов двигаться в «социальном пространстве»; в ходе этого движения (развития) меняется их «социальное положение». Социальные причины сводятся к экономическим, умственным и моральным, причем ведущая роль отводится двум последним. Социальное равновесие не является постоянным фактором; оно непрерывно меняется; однако это

[33] *V. Kogalniceanu.* Chestiunea ţărănească. Buc., 1906, p. 63.

[34] Ibid., p. 87. Американский исследователь Ф. Г. Эйдельберг, детально проанализировавший взгляды В. М. Когэлничану, указывает на их противоречивость: в 1905 г. он высказывался за частичное отчуждение имений в 100—500 га, но затем отказался от этого предложения (*Ph. G. Eidelberg.* The Great Rumanian Peasant Revolt of 1907. Origins of a Modern Jacquerie. Leiden (USA), 1974, p. 181).

изменение мыслится Харетом механически, в виде плавной эволюции при сохранении преемственности, а не взрыва, порожденного столкновением противоречий. Всякое резкое изменение Харет считал растратой социальной энергии. Поэтому революции он осуждал безоговорочно и приравнивал их роль в жизни общества к землетрясениям, наводнениям, голоду, эпидемиям и войнам.

Харет отражал воззрения присмиревшего румынского буржуа, который и хотел бы снять феодальные вериги, но ни в коем случае не желал обращаться к мечу и молоту. Как Харет сам же свидетельствовал, он стремился к установлению «доброго согласия между помещиками и крестьянами» [35]. На подобной основе нельзя было осуществить сколько-нибудь значительных реформ. В книге «Крестьянский вопрос» Харет предлагал множество частичных мер, не посягая на главное — помещичью собственность. Капитуляция перед латифундистами прикрывалась софизмами вроде того, что изъять у них часть земель значило всего-навсего «заморозить» вопрос на 15—20 лет, загнать болезнь внутрь. Единственным средством он считал усовершенствование системы аренды и кредита, над чем и потрудился немало — практически на пользу румынского кулака.

Спиру Харет, подобно Константину Стере и Василе Когэлничану, выступал за определенные преобразования государственного строя. Все трое были противниками неограниченного господства олигархии, по крайней мере в теории, ибо на практике дело обстояло сложнее: в 1907 г. Харет в качестве министра просвещения и вероисповеданий в правительстве Д. Стурдзы — И. Брэтиану, Стере на посту префекта выручали олигархию из беды; а В. Когэлничану оказался в тюрьме по обвинению в подрывных замыслах: он вместе с сельским учителем А. Валеску создал незадолго до восстания «Крестьянский союз» [36].

Незадолго до мировой войны впервые на политической арене появился сельский учитель Ион Михалаке, будущий основатель царанистской партии. В 1914 г. вышла его книга «Какую политику нам проводить?» Нема-

[35] «Studii privind istoria economică a României», v. I. Buc., 1961, p. 83.

[36] См. *В. Н. Виноградов.* Крестьянское восстание 1907 г. в Румынии. М., 1958, стр. 208—212.

ло страниц в ней было посвящено горькой жизни деревни. И. Михалаке писал о чудовищности латифундиарной системы и о несовместимости ее с расцветом земледелия; о несправедливости избирательного закона; о том, что ежегодно 70 млн. лей выкачиваются из крестьянства на «поощрение» промышленности[37]. Он приходил к выводу, что «нельзя ожидать крупной крестьянской реформы ни от партийных бояр, ни от боярских партий», и требовал «поднять к жизни миллионное крестьянство» [38]. Михалаке слишком хорошо знал село, чтобы поддакивать выдумкам К. Стере насчет «недифференцированной» деревенской массы [39]. Но это не мешало ему состоять в поклонниках основателя попоранизма. Подобно Стере, он — враг индустриализации Румынии и грезит созданием «крестьянского государства». Признавая расслоение деревни, он в то же время заявляет, что по отношению к помещикам у крестьянства «полная солидарность, более того, идентичность интересов» [40]. В сельскохозяйственных странах социализм нигде не смог пустить корней: крестьянин—индивидуалист по природе и не откажется от своего клочка земли во имя коммунистических принципов [41]. Аграрная реформа вольет свежую кровь в жилы мужика-собственника. Землю он должен получить у тех, у кого она имеется в изобилии, т. е. у бояр [42], ибо господь бог не вручил ее нескольким семьям навечно [43].

Михалаке переживал тогда разоблачительную пору своей деятельности. Созидательный период начался позднее, и Михалаке оказался весьма податлив к «боярским» увещеваниям. Его заявления о «классовом противнике, которым для нас является крупное землевладение», уже тогда не имели реального содержания, ибо, вступая в область конкретного, И. Михалаке высказывался в пользу очень скромных преобразований, предлагая ограничить помещичьи владения 2 тыс. га. Выспренные фразы о крестьянстве, как руководящем классе, сопровождались

---

[37] *I. Mihalache.* Ce politica să facem. Buc., 1914, p. 20—21, 50.
[38] Ibid., p. 53, 54.
[39] Ibid., p. 36—38.
[40] Ibid., p. 39.
[41] Ibid., p. 59.
[42] Ibid., p. 54.
[43] Ibid., p. 89.

незначительной поправкой к избирательным проектам либералов: Михалаке предлагал, чтобы десять неграмотных граждан (т. е. крестьян) могли выставлять одного выборщика в парламент [44]. Это, по Михалаке, именовалось «классовой борьбой», но не в том смысле, которое придают ей социалисты, а проявляющейся в стремлении «к установлению нормального равновесия между классами, как естественными органами» общества [45].

Михалаке признавал «единственным легальным средством борьбы парламентский путь» и требовал лишь учета интересов поднимавшейся сельской верхушки. И тогда, по мнению Михалаке, установится общественная гармония [46].

* * *

В воззрениях провозвестников царанизма обращают на себя внимание точки соприкосновения со взглядами буржуазно-помещичьих идеологов: некоторое ограничение латифундий (причем помещик Гарофлид настроен решительнее цараниста Михалаке), укрепление кулачества, частичное удовлетворение земельного голода середняка и малоимущего слоя для «умиротворения» деревни и развитие капитализма в сельском хозяйстве в его помещичьем и кулацком варианте. Отправляясь с различных исходных позиций, представители сельской буржуазии и обуржуазившихся помещиков находят — пока в идеологическом плане — определенный модус вивенди. На практике он осуществляется после Октябрьской революции, в ходе аграрной реформы 1918—1921 гг.

---

[44] Ibid., p. 94.
[45] Ibid., p. 64.
[46] Ibid., p. 69.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема настоящих «Очерков» — область идеологии, наиболее тесно и непосредственно связанная с социальной действительностью. Партийность, классовая сущность идеологии проявляются в общественно-политической мысли гораздо более отчетливо, чем в таких сравнительно удаленных от базиса ее формах, как философия, религия, эстетические представления. В Румынии второй половины XIX — начала XX в. эта черта политической идеологии выступает вполне определенно. Либерализм, консерватизм, радикализм существуют и как идеологические течения, и как политические группировки. Разумеется, это не мешает буржуазно-помещичьим мыслителям всех направлений выдавать свои классовые построения за общенародные и широко оперировать термином «национальный».

Конечно, не следует упрощать сложные диалектические связи общественно-политической мысли с производственными отношениями. Развитие идеологии имеет свои законы. Новые построения создаются каждым данным поколением, исходя из накопленного предыдущими опыта, как национального, так и зарубежного, критически воспринятого и переработанного. Позднее вступление Дунайских княжеств в капиталистическую эпоху привело к широкому и плодотворному усвоению духовных ценностей, созданных в процессе перехода к новой формации. Идеология 1848 г. в Молдавском княжестве и Валахии немыслима в отрыве от влияния Великой Французской буржуазной революции XVIII в. Отход румынской крупной буржуазии от революционных позиций сопровождается увлечением британской конституционной системой. На развитии консервативных оттен-

ков общественно-политической мысли Румынии сказалось влияние немецкой идеологии начиная с философии Гегеля, с ее оправданием охранительного начала в политике и обоснованием социальной роли юнкерства.

В то же время общественная мысль в Дунайских княжествах твердо стояла на национальной почве. Строительным материалом для нее служил исторический опыт своей страны. Почти все мыслители проявляют к родной истории глубокий интерес, воспринимая ее идеологическое наследие в соответствии со своим мировоззрением. Для революционного демократа Н. Бэлческу самое важное в предшествующем развитии Дунайских княжеств — это революция. М. Когэлничану ищет в истории своей страны подтверждение идеи прогрессивного развития человечества. Младоконсерваторы обращаются к истории для того, чтобы интерпретировать ее в духе своего тезиса о разрыве между формой и содержанием, чтобы «обнаружить» неподготовленность Румынии к восприятию капиталистической цивилизации. Марксисты доказывают, что Румыния не осталась в стороне от столбовой дороги развития человечества, вступив на путь капитализма, и что, следовательно, появление в стране социализма — не случайность, не «экзотический цветок», а историческая закономерность.

Вторая половина XIX в.— время быстрых перемен в Румынии.

Сложный комплекс причин привел к тому, что румынский капитал пошел на сотрудничество с полуфеодалами-помещиками, предоставив последним значительные позиции в экономической и политической жизни страны, и сам не только примирился, но и приспособился к сохранявшимся феодальным пережиткам. Социальная удовлетворенность румынской буржуазии привела к ослаблению роли такого важного компонента идеологии, как общественный идеал. Былые мечтания о царстве свободы, равенства и братства трактуются теперь как беспочвенная утопия. Дети и внуки участников революции 1848 г. с гордостью именуют себя реалистами. Конечно, оставалась задача доказательства разумности существующего строя и поисков средств его упрочения. Можно сказать, что проза буржуазной действительности иссушила общественно-политическую мысль этого класса. Лишь короткий отрезок времени, от революции

1848 г. до завоевания независимости в 1877 г., она живет полнокровной жизнью. А потом нужда в ней ослабела. Она теряет свои функции разведчика будущего и превращается в служанку утвердившейся у власти олигархии. Рождение «чудовищной коалиции» подрезало крылья общественно-политической мысли буржуазии.

Начавшийся кризис буржуазной идеологии, конечно, не означал ее стагнации. Она развивается, но несколько односторонне, устремляя основные свои силы на решение проблем экономической эволюции — курс на капиталистическую индустриализацию, хотя и понимаемый ограниченно, объективно соответствовал нуждам развития страны. Даже крупные теоретики, такие, как А. Д. Ксенопол, направляют свои историко-философские изыскания на то, чтобы обосновать незыблемость буржуазных порядков, оперируя при этом такими терминами, как цивилизация, эволюция и прогресс.

Сложная структура буржуазии в Румынии, наличие в ее составе многочисленной прослойки мелких предпринимателей и торговцев проявлялись самым непосредственным образом в идеологической сфере. Среди идейно-политических течений к ней ближе всего стоял радикализм, отражавший двойственность мелкой буржуазии — ее патриотизм, демократизм, гуманизм, с одной стороны,— крайнюю неустойчивость взглядов, тяготение к крупному капиталу, склонность к национализму, — с другой. Учитывая это, крупная буржуазия не спешила расстаться с некоторыми атрибутами идеологического багажа своей молодости, с зафиксированными в правовых нормах «свободами». Конечно, сказывалась при этом и относительная устойчивость конституционно-правовых форм идеологии. Отсюда — такое характерное для Румынии явление, как разрыв между буквой закона и реальным положением вещей, многолетняя борьба прогрессивных сил за соблюдение законов.

Можно сказать, что в конце XIX в. румынская крупная буржуазия утратила интерес к «социальным экспериментам». Теоретическое осмысление стоявших перед страной задач демократического развития становится поэтому первоочередной задачей румынского рабочего движения. Пролетариат борется не только за достижение социализма, но и за социальные преобразования, за завершение буржуазно-демократической революции.

В документах социалистического движения фиксируется широкая программа реформ. Специфика исторического развития страны оказывала на социалистов двойственное воздействие. Она уберегла их от опасностей сектантства. Высокомерное отношение к буржуазной демократии, к требованиям повседневной борьбы, «революционная кичливость», характерные для некоторых социалистических группировок передовых стран — Франции, Англии и США,— не поразили румынских социалистов.

Но, с другой стороны, множество нерешенных проблем буржуазно-демократического преобразования мешали румынским социал-демократам установить правильное соотношение между социалистическими и демократическими задачами, разграничить этапы революционного процесса, наконец, просто не упускать из виду конечную цель. Формирование индустриального пролетариата еще далеко не завершилось. Большинство рабочих трудилось на мелких предприятиях; их ряды непрерывно пополнялись за счет разорившихся крестьян и ремесленников, являвшихся питательной средой для распространения незрелых идеологических течений и всякого рода оппортунистических шатаний.

Социалистическое движение Румынии на разных этапах отдало дань народничеству, прудонизму и лассальянству. В 1884—1885 гг. произошел его переход на позиции марксизма и начался процесс соединения с массовым рабочим движением. В 1893 г. на принципах классовой борьбы и пролетарского интернационализма создается социал-демократическая партия (СДПРР). Но указанные выше причины приводят к широкому распространению в ней реформизма, что находит выражение в тактике «легального пути», в ожидании «прихода» революции из передовых стран, в недооценке союза рабочего класса и крестьянства.

Наступление эпохи империализма ознаменовалось в Румынии значительными сдвигами в развитии общественно-политической мысли. Буржуазная идеология утратила историческую инициативу и перешла к обороне. Это в значительной степени связано с перемещением в Россию центра мирового революционного движения, появлением ленинизма, первой русской революцией 1905—1907 гг. Положение в самой Румынии, крестьянские вос-

стания и рост рабочего движения побуждают буржуазную мысль искать выхода. В общественно-политической области это выразилось в поисках частичных реформ, развитии идей царанизма, отражавших воззрения окрепшего сельского капитала, в усилении откровенно националистических и шовинистических течений.

В социалистическом движении Румынии в начале XX в. усиливается противоборство революционного и реформистского течений. Первое пытается усвоить «русский опыт», устанавливает связи с крестьянством, особенно во время и после восстания 1907 г., нащупывает пути решения аграрного вопроса. Связанное с массами, боевое и решительное, порывающее по ряду вопросов с тактикой легализма, это течение еще слабо теоретически. Идеи ленинизма лишь в незначительной степени стали достоянием левого крыла румынской социал-демократии. Но с его активностью связано и восстановление СДП, и интернационалистская, хотя и не всегда до конца последовательная позиция, занятая партией в годы балканских и первой мировой войн.

Однако в партии еще сильны позиции реформизма. Влияние мелкобуржуазных воззрений, воздействие догм лидеров II Интернационала, культ германской социал-демократии и ее «блистательных успехов» на выборах — все это способствует их сохранению. Идеолог реформизма в румынской социал-демократии К. Доброджану-Геря, завершивший в это время разработку своих теорий «неокрепостничества» и «развития социализма в отсталых странах», отстаивает «знаменитый и классический легальный путь» [1].

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние и на социалистическое движение, и на идеологию рабочего класса Румынии. Воплотив в практику ленинские идеи, она указала путь развития революционных процессов, способствовала дальнейшему размежеванию революционных и реформистских сил, поставила в повестку дня вопрос о пролетарской революции во всемирном масштабе. Под ее не-

[1] *C. Dobrogeanu-Gherea.* Scrieri social-politice, p. 225.

посредственным воздействием зародилось румынское коммунистическое движение, отвергшее программу, составленную по образцу немецкой социал-демократии. Все это происходило в борьбе с оппортунистическим течением, обострившейся пока еще в рамках единой социалистической партии с окончанием первой мировой войны.

В страну вернулись многие революционеры из России. Ряды социалистической партии пополнялись в связи с объединением Румынии с Трансильванией. Идеологическая пропасть между революционерами и реформистами обозначилась в ней с полной очевидностью.

В России произошла социалистическая революция; восстали моряки в Киле, подав сигнал к взрыву в Германии; рассыпалась монархия Габсбургов и в возникших на ее обломках национальных государствах завязалась ожесточенная классовая борьба. А румынские реформисты продолжали твердить, что «западным демократиям... ныне принадлежит решающее слово в новом устройстве наций» [2].

С противоположных позиций выступали молодые коммунистические группы: «русская революция — это и наша революция...

Вся буржуазная Европа дрожит в ужасе: социализм, большевизм неудержимо хлынули на земной шар; вчера на Болгарию, сегодня на Польшу и Австрию, завтра на остальной мир!».

«Троны шатаются!

Повсюду буржуазия, обезумев от собственных преступлений, запутавшись в ужасных последствиях развязанной ею войны, потеряла голову. Она корчится в бессилии на краю пропасти.

Рабочие, товарищи!

Нашему освобождению поможет лишь революция! Только с оружием в руках, как русские рабочие и крестьяне, мы сможем стать хозяевами своей судьбы» [3].

Накануне Нового, 1919 г., появилась «Декларация принципов», явившаяся по сути дела проектом новой программы. Этот документ был издан от имени всей со-

[2] «Social-democrația», 4.XI 1918. Опубликовано в «Documente din istoria mișcării muncitorești din România. 1916—1921». Buc., 1966 (далее — DIMMR, 1916—1921), p. 107—108.

[3] DIMMR, 1916—1921, p. 110—111.

циалистической партии и свидетельствовал о серьезных успехах революционной идеологии.

В Декларации подчеркивалось всемирно-историческое значение опыта Октября и резко осуждалась довоенная социал-демократия: «Реформистская, оппортунистическая тактика социалистических партий, постоянная борьба за социальные паллиативы-реформы, вера в то, что преобразование общества будет достигнуто последовательными этапами, без потрясений и революции, сотрудничество с буржуазно-демократическими партиями, националистическая идеология мешали и тормозили развитие классового сознания пролетариата, необходимого для достижения конечной цели, а именно революции масс»[4]. Декларация знаменовала большой успех левых сил, свидетельствовала о значительных достижениях их теоретической мысли. Молодым румынским коммунистам удалось отстоять в общепартийном документе свои взгляды по многим вопросам, добиться открытого осуждения оппортунизма, и это было их большим завоеванием.

Но, взяв на вооружение ленинское учение о революции, румынские коммунисты еще не научились применять его к конкретным условиям своей страны. В «Декларации» отсутствовал анализ особенностей исторического развития Румынии; ничего не говорилось о переплетении империалистических черт с остатками феодализма в стране, о глубоком проникновении в ее экономику иностранного капитала, о специфике аграрных отношений.

Восприняв идеи Октябрьской революции, участники только что родившегося румынского коммунистического движения игнорировали то обстоятельство, что ей предшествовал целый этап революционного процесса, буржуазно-демократический по своему содержанию. А подобное упущение влекло за собой нигилистическое отношение к реформам. В проникнутой революционным пафосом брошюре «Год со времени русской революции» есть строки, свидетельствующие о том, что порыв отвлек ее авторов от трезвой оценки как собственных, так и сил противника: «Все наши вчерашние требования мы забыли. Сегодня реакционные партии восприняли наши вче-

[4] DIMMR, 1916—1921, p. 126.

рашние требования. Но сейчас мы имеем другие. До последнего дня мы требовали лишь крохи с обильного стола имущих, сегодня нам нужны не остатки, а все». «Мы не хотим больше реформ, а хотим осуществить целиком нашу программу-максимум. Мы не просим ни у кого милости, а заберем все сами» [5].

Отвергнув реформы, «левые» не заметили, что завоевание на свою сторону крестьянства, да и значительной части рабочих возможно только в упорной борьбе за их повседневные требования, в ходе которой блекнет вера в классовое сотрудничество и благоволение «сильных мира сего» и крепнут ростки революционной сознательности. Необходимость организационного размежевания с оппортунистами также не стала еще для левых непреложной истиной.

Понадобилось еще больше двух лет (1919—1921 гг.), чтобы коммунистическое движение Румынии пришло к созданию партии. Ее образование в мае 1921 г. ознаменовало историческую веху в развитии всего революционного движения Румынии, которое обрело авангард сознательных, сплоченных борцов, подлинного вождя, так недоставшего в трудные предшествовавшие годы. Упорная борьба левых социалистов, в которой они опирались на всепобеждающую силу идей марксизма-ленинизма, на исторический опыт Октября, на помощь Коминтерна, увенчалась победой.

Реформисты не пошли дальше социал-демократических идей. Их патриарх, К. Доброджану-Геря, сошел в могилу в 1920 г., так и не поняв значения Октябрьской революции, «осудив ее» и сочтя актом незакономерным и не укладывавшимся в рамки его теории «развития социализма в отсталых странах». Эпигоны румынского реформизма, жонглируя отдельными, вырванными из контекста марксистскими терминами и положениями, превратились в апологетов капиталистического развития страны и лютых хулителей большевизма. Один из них, Щербан Войня, провозглашал: «Не от отсталого Востока, а от передового Запада ожидаем мы осуществления социализма» [6]. Его приход «обусловлен мно-

---

[5] «Documente din istoria partidului comunist», v. I, p. 86, 87.

[6] *S. Voinea.* Socialismul marxist şi evoluţia socială.— «Doctrinele partidelor politice», p. 138.

гими факторами — ростом крупной индустрии, пролетариата, одним словом... развитием капиталистического способа производства со всеми его последствиями»[7]. Многие, продолжал он, «дрожат от ужаса при мысли о приходе завтра коммунизма». Войня успокаивал перепуганных буржуа: «...Как справедливо говорит Каутский, социализм означает не что иное, как трансплантацию демократии из области политики в экономику»[8]. Румынскому капиталу оставалось лишь рукоплескать подобным теоретическим изысканиям.

* * *

Общий кризис капитализма, начало которому положила Октябрьская революция, затронул Румынию в полной мере. И проявилось это не только в выходе на авансцену пролетариата, но и в изменении методов и форм политического господства, на которые вынуждена была пойти буржуазия, и в соответствующей перестройке ее идеологического аппарата.

Двухпартийная система, существовавшая более полувека, со дня основания Румынского государства, пала. Еще в апреле 1917 г. группа либералов-диссидентов образовала «трудовую партию», развернувшую активную политическую борьбу. Это было серьезным признаком начавшегося в стране «кризиса верхов».

В своей программной декларации «трудовики» заявляли: румынская «паразитическая олигархия не понимает ни духа демократии, который ныне одушевляет народы и преображает их жизнь, ни нужд страны, ни прав тех, кто ныне борется за ее существование и возвышение»[9]. Сама сущность парламентского режима извращена; депутаты фактически не избираются, а назначаются; во главе управления стоят несколько семей; политическая жизнь находится в состоянии застоя.

В программе партии говорилось о предоставлении всем «труженикам земли» участков по 5 га за выкуп; о введении всеобщего избирательного права; национализации недр и лесов; отмене ограничений гражданских

[7] *S. Voinea.* Op. cit., p. 137.
[8] Ibid., p. 139, 140.
[9] «Desbaterile adunării deputaţilor, Sesiunea extraordinară prelungită 1916—1918». Iaşi, 1917, p. 77—78.

свобод. Не был забыт и пролетариат. «Трудовики» предлагали расширить рабочее законодательство, признать право на стачку, на заключение коллективных договоров, предусматривали улучшение охраны труда [10].

Программа имела, как видим, довольно отчетливо выраженный демократический характер. Но далеко не случайно люди, бывшие десятки лет лояльными членами либеральной партии, «прозрели» и обратили свои взоры к бедствиям народным именно в 1917 г. Они выступили в момент величайшего революционного подъема под знаменем реформ и только реформ, а значит — против революции. Они вели полемику на два фронта. С одной стороны против «исторических партий», для которых, как писала их газета «Трибуна», «характерны полное пренебрежение ко всему, что есть прекрасного, возвышенного, высокоморального на свете, и презрительная усмешка по отношению к тому, что кажется бескорыстным» [11]. И в то же время «трудовики» выступили за объединение сил «всех категорий трудящихся деревни и города» [12], причем на вполне определенной основе антикоммунизма. «Трибуна» пугала своих читателей «красным террором» [13].

В условиях революционного подъема «партия труда» призывала соблюдать демократию при всех условиях и не раз осуждала стачки на том основании, что-де не были исчерпаны все средства примирения [14]. «Все, что зиждится на насилии и ненависти, неминуемо падет. Поймите эту истину вы, рабочие Ясс»,— писала «Трибуна» в дни острого трудового конфликта [15].

«Трудовики» не выходили за пределы парламентской буржуазно-демократической оппозиции. Но их выступления рождали у городской мелкой буржуазии, крестьян, даже у политически отсталых рабочих веру в то, что вот наконец появился подлинный защитник их интересов, и тем самым мешали их вовлечению в революционное движение.

---

[10] См. «Manifestul partidului muncei» (f. l. şi a.).
[11] «Tribuna», 7.III 1918.
[12] «Tribuna», 1.III 1918.
[13] См. «Tribuna», 21.III, 12.X, 27.IX, 16.X 1918.
[14] «Tribuna», 6.V 1918.
[15] «Tribuna», 12.XI 1918.

Появление отколовшейся от либералов «трудовой партии» было лишь первой ласточкой, возвестившей распад прежней политической системы. На пороге перемен стояли и консерваторы.

В 1917 г. король Фердинанд дважды в своих речах перед солдатами-крестьянами обещал наделить их землей. В беседе с русским посланником С. Поклевским он сказал: надо провести «реформы сверху, по инициативе самого правительства, дабы не давать народу исторгнуть их силой при посредстве революции» [16]. Эта истина, особенно после Октябрьской революции, стала очевидной даже для самых отъявленных ретроградов из числа парламентариев. Палаты единодушно высказались в принципе за аграрную реформу и всеобщее избирательное право. Лидер трудовиков доктор Лупу заметил при этом: «Без великих событий в России никому бы и в голову не пришла бы сейчас мысль о реформе» [17]. В одном из писем к известному историку проф. Йорге об этом говорилось как о «необходимости, принесенной ныне ветром из-за рубежа» [18].

Реформы [19] проводились ради спасения основ прежней социальной и политической системы. Без потерь этого сделать было нельзя, и румынские правители вынуждены были с этим мириться.

Уменьшение помещичьего землевладения приводило к сокращению влияния латифундистов и соответствующему росту роли капиталистов в рамках их политического блока. Более того, выкуп с крестьян за отчуждаемые у бояр земли давал в руки последним большие средства, которые могли быть использованы для перевода хозяйства на капиталистический путь. Поэтому перераспределение сил в буржуазно-помещичьем союзе должно было произойти не только путем уменьшения веса крупного

---

[16] Телеграмма С. Поклевского Временному правительству от 5 (18).V 1917 г.— «Правда», 18 (31).I 1918.

[17] «Desbaterile adunării deputaţilor. Sesiunea extraordinară prelungită 1916—1917», p. 363.

[18] I. Angelescu către N. Iorga (fără data şi loc).— Biblioteca Academiei R. S. R., secţia de manuscrise, corespondenţa N. Iorga, vol. 270, N 79.

[19] Принятая в 1918 г. для «старых областей» Румынии аграрная реформа предусматривала отчуждение за выкуп около 2 млн. га помещичьей земли.

землевладения, но и буржуазного перерождения какой-то его части.

Все это неизбежно должно было отразиться на консервативной партии. Сохранить свои позиции оплота цеплявшихся за полуфеодальную отработочную систему хозяйства помещиков она не могла. Началось ее расслоение.

3 апреля 1918 г. родилась «народная лига». Возглавил ее душитель крестьянского восстания 1907 г. генерал А. Авереску. В ее штаб вошли М. Аржетояну, П. П. Негулеску, М. Кантакузино и др. деятели, решившие, что пришло время покинуть знамя «чистого» консерватизма. Вступили в лигу и некоторые бывшие либералы. Вскоре стала выходить газета «Ындрептаря» («Оздоровление»), а затем и специальный листок для рабочих «Мунчиторул».

«Лигисты» принялись изобличать существовавшие в стране порядки. «В груди каждого,— говорил Авереску,— клокочет законный гнев против режима, который под маской прогресса... скрывает унизительное и удушливое загнивание» [20]. Но конкретные меры, предусмотренные лигой, никак не соответствовали степени разоблачительного пафоса ее лидеров. Программные пункты, внесенные в акт об образовании лиги, выглядели более чем скромно: укрепление конституционной жизни; осуществление статьи основных законов, гласившей, что «вся власть в стране исходит от нации»; ответственность за злоупотребления; переход «экспроприированной» у помещиков земли к крестьянам «с помощью сельских обществ»; всеобщее избирательное право; административная децентрализация [21].

В противоположность расплывчатому плану конкретных мероприятий антисоциалистические тезисы формулировались лигой вполне определенно, а антисоветские взгляды проводились последовательно. «Реформы — да, большевизм — нет» [22],— заявляли ее руководители. «Лигисты» призывали не поддаваться на уловки «фантазеров и анархистов». Главное же — «работать серьезно,

---

[20] «Indreptarea», 10.X 1918.

[21] «Actul constitutiv al Ligei popoprului şi apelul dlui gen. Averescu». Iaşi, 1918, p. 5.

[22] «Indreptarea», 15.VI 1918.

по-румынски, чтобы поднять значение производительных классов» и не попадаться на удочку социалистов и прочих любителей ловить рыбку в мутной воде. Генерал Авереску развернул ныне знамя демократии. Рабочие и крестьяне должны сплотиться вокруг него, чтобы «мирно, на основе законов, принять участие в возрождении страны» [23].

Как видим, лига, подобно «трудовикам», рассматривала реформы как своего рода оборонительное оружие против революции. Но отождествлять позиции двух политических группировок не следует. «Партия труда» приняла буржуазно-демократическую программу. Лига этого не сделала. Она выдвинула на первый план «вождя», за которым должен следовать в слепой вере народ. «У вас не было капитана, который вами бы руководил,— обращался к рабочим К. Чехан-Раковица.— Ко всеобщему счастью, он ныне появился: это — генерал Авереску. Следуйте за ним! Он поведет вас к победе» [24].

«Лигисты» на упускали случая призвать трудящихся к «единству», провозгласив даже лозунг: «В единении — сила». Призыв был обращен к ремесленникам, рабочим заводов и мастерских, *рабочим-предпринимателям* (курсив мой.— *В. В.*) и получающим заработную плату» [25].

Выходило, что сторонники генерала собирались «объединить» капиталиста с пролетарием, подмастерья с хозяином мастерской, продавца с лавочником, разумеется, под политическим руководством народной лиги, лидеры которой — «рабочие умственного труда — знают, чем заняться, им хорошо знакомы страдания трудящихся классов, составляющих народ» [26]. Вся эта затея поразительно напоминала корпорации, которые через несколько лет были созданы в фашистской Италии!

На первые послевоенные годы приходится и выработка теорий, имевших целью,— с учетом новой обстановки, рожденной Октябрем,— оправдать и обосновать буржуазное развитие Румынии. Некоторые либеральные

---

[23] «Muncitorul», 28.VI 1918.
[24] «Muncitorul», 6.VII 1918.
[25] «Muncitorul», 10.IX 1918.
[26] «Muncitorul», 19.VIII 1918.

круги, ощущая кризис прежней доктрины, выступили с призывом к «обновлению и возрождению» [27].

Так в послевоенной общественно-политической мысли появился неолиберализм, крестным отцом которого выступил экономист Штефан Зелетин.

Зелетин не пытался реабилитировать «чудовищную коалицию». Он «честно» признавал: да, приход нового строя обрушил страшные бедствия на народ. В Британии капитализм вырос из торговли шерстью, в Румынии — хлебом: «За нашей борьбой за независимость и национальное объединение и вообще за зданием новой Румынии скрывается прозаический, но могущественный «мешок с зерном» [28]. Ион Брэтиану-старший писал когда-то, что расцвет торговли «превратит мир в рай земной, а человека — в ангела» [29]. Однако вместо обещанного парадиза Румыния превратилась в царство олигархии и бюрократии.

Все эти беды Зелетин объяснял слабостью буржуазии: старые либералы, писал он, навязали Румынии «единственный режим, возможный при отсутствии господствующего общественного класса»: «С точки зрения экономической, централизаторский абсолютизм соответствует начальной стадии развития буржуазии, когда процесс обмена доминирует над процессом производства. Тогда возникает необходимость разрушить все внутренние барьеры, все местные центры и выровнять, унифицировать весь социальный организм» [30]. Отсюда — потребность в «железном кулаке, в централизованной силе, обладающей подавляющей властью» [31].

Как же удалось либералам, не имея должной социальной опоры, сокрушить все старое, стоявшее у них на пути?

В своем ответе Штефан Зелетин отнюдь не оригинален. Он приписывал этот успех влиянию Запада: тот «нуждался в сильном румынском государстве, которое могло бы обеспечить ему надежный рынок и, в случае

---

[27] *M. Manoilescu.* Neoliberalismul.— «Doctrinele partidelor politice», p. 143—144.
[28] *Şt. Zeletin.* Revoluţia burgeză în România.— «Arhiva pentru ştiinţa şi reforma socială», 1921—1922, N 4, p. 409.
[29] Ibid., N 2-3, p. 245.
[30] Ibid., p. 260, 261.
[31] Ibid., p. 421.

необходимости, оказать помощь в конфликте с российской реакцией». «Рождение румынской буржуазии,— писал Зелетин,— совпадает с национальным возрождением, созданием единого и независимого румынского государства; и этот процесс целиком объясняется экспансией англо-французского капитала» [32].

Упрощая сложный процесс истории отношений буржуазии и помещиков, истории вражды и компромисса, соперничества и сотрудничества, Зелетин признавал между ними только противоборство, причем, по его мнению, местный капитал, торговый, ростовщический и банковский, вплоть до мировой войны выполнял лишь подготовительные задачи. Он смел с лица земли феодальные остатки, но к созидательной деятельности по сути дела еще не приступал: «Режим 1866 г. не знаменовал вступления в буржуазную эру, а только ее подготовку; и лишь после 1918 г. румынское общество предпринимает героические усилия, чтобы вступить в нее» [33]. «Неокрепостничество», хронический голод в деревне и их отзвук в виде крестьянских восстаний являются, по Зелетину, неизбежным спутником начального этапа развития буржуазии. Но эти явления преходящи; они исчезнут со вступлением в эпоху индустриализации [34] (о таких печальных последствиях промышленного переворота, как «голодные сороковые годы» XIX в. в Англии, Зелетин умалчивает).

Закончив неприятное дело расчистки старого, капитал, по мнению Зелетина, развернет, наконец, скрытые в нем возможности обновления социальной жизни. Он усматривал у румынской буржуазии «видимые признаки потребности в демократизации» [35], хотя положение после войны сложилось нелегкое: «Капитал в городах, свободные рабочие руки в селах стоят в бессилии друг против друга, ибо не появилось еще волшебной палочки, которая объединила бы их в высшей форме производства... в промышленном капитализме» [36]. Аграрная ре-

[32] *Şt. Zeletin.* Op. cit., p. 252.
[33] «Arhiva pentru ştiinţa şi reforma socială», 1921—1922, N 2-3, p. 263.
[34] Ibid., N 4, p. 433; см. также *Şt. Zeletin.* Neoliberalismul. Buc., 1927, p. 21.
[35] «Arhiva pentru ştiinţa şi reforma socială», 1921—1922, N 2-3, p. 241.
[36] Ibid., 1922—1923, N 1, p. 60.

форма 1918—1921 гг. лишь отсрочила новое крестьянское восстание. «Залечить же рану... может только укрепление индустриального капитализма». «Демократия тяжела на подъем, она оправдывает себя лишь в периоды полной зрелости буржуазии, когда речь идет о регулировании уже сформировавшейся социальной жизни» [37].

Румынский капитал, продолжал он, еще не закончил своей «революционной карьеры». Современники не сумели его оценить по достоинству, но будущие поколения воздадут ему должное [38]. Свой гнев создатель неолиберализма обращал прежде всего на рабочий класс, который не осознал «революционности» своих злейших угнетателей и вместо того, чтобы помогать «собственной» буржуазии, выступал против нее. Шт. Зелетин пустил в ход и ветхий тезис, будто в Румынии отсутствует почва для социалистического движения и здесь «пролетариат, преследующий собственные революционные цели, является нонсенсом» [39].

Ничего нового, кроме обещаний, неолиберализм не нес. Шт. Зелетин «притормозил» развитие капитализма у себя на родине, чтобы представить современный ему румынский капитализм не реакционным, отживающим социальным явлением, а сильным и могучим организмом.

* * *

Аграрная реформа влила новую жизнь в попоранистские теории и превратила их в широкое общественно-политическое и идеологическое течение царанизма.

Как показала жизнь, реформа не разрешила проблем румынской деревни. В тяжелой борьбе на внутреннем и внешнем рынке крестьянин потерпел поражение. Единоборство с крупным производством оказалось ему не по плечу, а мировой экономический кризис 1929—1933 гг. его разорил. По переписи 1930 г. 700 тыс. крестьянских хозяйств вообще лишились земли, более

---

[37] Ibid., 1921—1922, N 4, p. 421.

[38] Ibid., 1923—1924, N 2, p. 194, 185—186.

[39] Ibid., p. 194. Прошло несколько лет; никакого «обновления» не наступило, и Шт. Зелетин несколько изменил свои взгляды, восприняв старый реформистский тезис о вызревании социализма в недрах капитализма (*Şt. Zeletin.* Neoliberalismul, p. 267).

половины от общего числа землевладельцев имели участки от 0,1 до 3 га, на которых не могли свести концы с концами. Многие лишь номинально числились собственниками — долги значительно превышали рыночную цену их «владений» [40].

Но все это крестьянин в 1920 г. не ведал. Ему казалось, что после многих десятилетий безысходности ему улыбнулась судьба. Свой клочок земли, предмет вожделений отцов и дедов, лежал у его ног.

На дрожжах крестьянских иллюзий поднялись царанистские теории, утверждавшие прочность и преимущества мелкого производства в сельском хозяйстве и замазывавшие противоречия, раздиравшие послевоенную деревню. Не случайно их расцвет относится к первой половине 20-х годов, когда еще была жива вера в благодетельность реформы.

Основные тезисы царанизма изложил в своих многочисленных работах Вирджил Маджару. История румынской деревни начиная по крайней мере с объединения Дунайских княжеств для него — летопись непрекращающейся борьбы крестьянства против натиска городского капитала, который давил село непосильными налогами, открыл двери вторжению иноземных товаров, погубив тем самым домашние промыслы. С падением цен на зерно «страна, не имеющая обширного внутреннего рынка, обречена стать объектом зарубежной эксплуатации» [41]. В наступлении на село с капиталом смыкались помещики, нагнетавшие арендную плату. «Порочный круг технического регресса сельского хозяйства и вырождения класса крестьян замыкался».

Чем же ответила деревня на этот натиск? Крестьянин, писал Маджару, проявил в этих условиях немало изворотливости и сметки. Он стал работать старательнее и изобретательнее, принялся культивировать фуражные культуры, всерьез занялся скотоводством [42]. И тут царанистский теоретик допускал грубую натяжку: «приспосабливалось» и не только выживало, но и процветало не крестьянство как таковое, а лишь его зажиточная

---

[40] «История Румынии. 1918—1970». М., 1971, стр. 132.
[41] *V. N. Madgearu.* Revoluţia agrară şi evoluţia clasei tărăneşti.— «Arhiva pentru ştiinţa şi reforma socială», 1922—1923, N 3, p. 281.
[42] Ibid., p. 282.

верхушка, кулачество; и опиралось оно не на трудолюбие своей семьи, а на наем рабочей силы, на капиталистическую эксплуатацию. Крестьянство же размывалось и в массе своей разорялось. Этот процесс Маджару игнорировал, утверждая, будто оно «не стало добычей нищеты и не пролетаризировалось» [43]. «Подобным же образом Маджару интерпретировал и современные ему события. Аграрная реформа перелила значительные капиталы в индустрию; развитие городов должно способствовать расширению рынка и, по словам Маджару, процветанию деревни. «Ныне можно, опираясь на науку, утверждать, что эволюция агрикультуры неотвратимо ведет к торжеству мелкого производства как высшей формы сельскохозяйственного производства в противоположность развитию промышленности и других ответвлений экономической активности, где крупное производство утвердилось в качестве высшей формы...» [44].

Используя несбыточные надежды крестьянства, утверждая, будто во всем мире идет развитие от «крупной собственности, базирующейся на эксплуатации сельскохозяйственных рабочих», к «мелкой, основывающейся на собственном труде», пуская в ход дорогие для деревни призывы: «Землю — тем, кто ее обрабатывает!» и «Весь продукт труда — труженику!» [45],— твердя о построении особого крестьянского государства, лидерам царанистов удалось сколотить массовую партию.

История не раз предоставляла царанистским лидерам возможность перейти от слов к делу; неоднократно в Румынии межвоенного периода они формировали кабинеты; но всякий раз оказывалось, что их идеология, опиравшаяся на четыре пилона,— собственность, религию, монархизм и национализм,— вполне подходила для господства монополистического капитала, а сами они представляли взгляды приспособившейся к этому господству деревенской буржуазии.

* * *

Из изложенного выше видно, каким разнообразным, многосторонним, всеохватывающим явилось воздействие

---

[43] *V. N. Madgearu.* Doctrina ţărănistă. Buc., 1923, p. 16.
[44] Ibid., p. 15.
[45] *I. Mihalache.* Discursul rostit în camera deputaţilor în ziua de 28 iulie. 1920. Buc., 1920, p. 41.

Октябрьской революции на общественно-политическую мысль в Румынии. С ноября 1917 г. начался новый этап ее развития. Пролетариат этой страны смог преодолеть сковывавшие социалистическую идеологию реформистские догмы и подняться к вершинам ленинизма. И это — главное достижение Октября в плане его влияния на идеологическую борьбу в Румынии.

Но ни один класс, ни одна социальная прослойка в Румынии не могли игнорировать этого влияния. Румынские правители должны были пойти на значительные уступки в социально-экономическом плане, на введение всеобщего избирательного права и аграрную реформу. Были подорваны позиции помещиков, еще более укрепилась крупная буржуазия, выросло деревенское кулачество. В сфере общественной мысли это изменение расстановки сил проявилось в появлении неолиберализма и широком распространении царанистских теорий. Идеологи умирающего класса занимались поисками альтернативы, способной приостановить победоносное шествие идей марксизма-ленинизма.

Коммунистическая партия Румынии, созданная классом, которому принадлежало будущее, пролетариатом, вооруженная передовыми идеями, возглавила борьбу трудящихся своей страны против сил реакции и фашизма. А после вооруженного восстания 23 августа 1944 г., происшедшего в условиях решающих побед Советской Армии на фронтах второй мировой войны, наступила новая эра в жизни румынского народа, возникли условия для широкого и разностороннего развития идей марксизма-ленинизма во всех сферах идеологии, науки и искусства.

СОДЕРЖАНИЕ

Идеологическое наследие 1848 г. . . . . .

Часть I. Идеологическая борьба в эпоху объединения Дунайских княжеств и завоевания государственной независимости. 41

Николае Бэлческу в изгнании 46
Михаил Когэлничану 79
Константин Росетти и радикалы 94
Симион Бэрнуциу 109
Идеологическая подготовка объединения Дунайских княжеств 121
Борьба по вопросу о буржуазных реформах 156
Идеология революционного движения 70-х годов. Влияние русских народников 185
Зарождение рабочей печати и организаций 198

Часть II. Конец XIX столетия 201

Кризис либеральной идеологии 201
Консервативные оттенки общественно-политической мысли 222
Переход социалистических кружков на позиции марксизма . . 244
Константин Доброджану-Геря. Молодые годы 255
Румынская социал-демократия в конце XIX в. 265

Часть III. Начало XX в. 299

Социалистическое движение. Каким путем идти? 299
Вопросы войны, мира и революции 349
Буржуазная идеология в обороне 374
Провозвестники царанизма 409

Заключение 424

Владлен Николаевич Виноградов

Очерки
общественно-политической мысли
в Румынии

Вторая половина XIX — начало XX в.

*

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Р. З. Мазо*
Художник *А. А. Иванов*
Художественный редактор *Ю. П. Трапаков*
Технический редактор *Ф. М. Хенох*
Корректоры *Л. И. Карасева, А. Д. Полосова*

*

Сдано в набор 2/VII—1975 г. Подписано к печати 5/XI—1975 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 25. Уч.-изд. л. 24,4.
Тираж 1400. Тип. зак. 2644. Т-18340. Бумага типографская № 2.
Цена 1 р. 69 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
8	16 св.	Г. П. Францев	Г. П. Францов
19	1—2 св.	Румынии	Валахии
205	18 св.	эпоса	этноса

В. Н. Виноградов

Гр62к

В.Н.Виноградов